

RUDOLF STEINER

Neugestaltung des sozialen Organismus

Vierzehn öffentliche Vorträge, gehalten in Stuttgart
zwischen dem 22. April und dem 30. Juli 1919

GA 330

1983
RUDOLF STEINER VERLAG
DORNACH / SCHWEIZ

РУДОЛЬФ ШТАЙНЕР

Преобразование социального организма

Четырнадцать публичных лекций,
прочитанные в Штуттгарте
между 22 апреля и 30 июля 1919 года

Библиография № 330

bdn-steiner.ru

Перевод: Гончаров Виктор
Вена, 2025-2026

1983
ИЗДАТЕЛЬСТВО РУДОЛЬФА ШТАЙНЕРА
ДОРНАХ, ШВЕЙЦАРИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие издателя

I. Публичная лекция для собрания подписчиков призыва «Немецкому народу и культурному миру». *Штуттгарт, 22 апреля 1919 года*

Необходимость полного преобразования мировых условий как следствий военной катастрофы. Недостаток любого предвидения в правящих слоях. Ошибочные радикальные требования Высшего Прокуратора Победоносцева. Вопрос работы - это не вопрос хлеба; стремление к социальным взглядам на мир и жизнь. Учение Маркса о добавочной стоимости. Неправильная оценка духовной жизни как идеологии в результате попадания пролетариата под иго нового экономического порядка, который приветствуется декадентской буржуазией как продвинутый «моральный мировой порядок». Закон как «привилегии». Элементарное правовое сознание пролетариата. Разрушение здоровой экономической жизни посредством покупки труда, подобно другим товарам. Противоречащая смыслу зависимость духовной жизни от государственной жизни, необходимость освобождения от экономического принуждения. Рабочая сила должна выйти из обращения экономической жизни! Основной характер экономической жизни: создавать товары, использовать товары. Определение трудовых отношений, исходя из чисто демократических государственных и правовых отношений. Основной импульс государственной и правовой жизни: равенство всех людей; духовной жизни: индивидуальная свобода; экономической жизни: братство в общем созидании.

II. Пролетарские требования и их будущее практическое осуществление

Лекция для рабочих и служащих сигаретной фабрики Вальдорф-Астория. Штуттгарт, 23 апреля 1919 года

Из критики того, что создали правящие классы, должны выйти новые идеи. Необходимо изменить отношение к некоторым социалистическим взглядам. Неправильное понимание отношений между экономической и духовной жизнью. Предубеждение против освобождения духовной жизни из-за её неправильного развития в зависимости от государственной и экономической жизни. Бесчеловечные условия возникли в результате бездумности правящего буржуазного класса. Обожествление государства для рабочих так же неверно, как и для буржуазии. Делом демократического государства является чистая правовая жизнь, то есть, регулирование всех рабочих и имущественных отношений, независимо от экономики. Смещение экономических вопросов с политикой провоцирует ложные реакции, такие как, например, забастовки. Надежда на человеческое сознание пролетариата.

III. Что и как должно стать социализированным?

Лекция для рабочих завода Даймлера. Штуттгарт-Унтертюркхайм, 25 апреля 1919 года

Постановка целей социализации должна быть переосмыслена. Ошибочный подход в экономической жизни. Нежелательные события происходят из-за духовной жизни, которая привела к классовым противоположностям. Школьная система должна быть поставлена на собственные ноги и быть независимой от государства. Дело государства - это трудовое право и право собственности. Социализация капитала. Пример одного издательства.

IV. Основные пункты социального вопроса в необходимостях жизни современности и будущего. *Публичная лекция, Штуттгарт, 28 апреля 1919 года.*

Современное рабочее движение как движение мысли. Отсюда истекает необходимость полного изменения культурной жизни через независимость от государства и экономики. Отсутствие связей между научным производством и практической жизнью. Следствие: ожидаются социальные изменения через изменения в экономической жизни. Необходимость переосмысления, прежде чем менять учреждения.

V. Пути от социальной нужды и к практической цели.

Публичная лекция, Штуттгарт, 3 мая 1919 года

Единое государство - это не универсальное лекарство. Слияние трех сфер жизни - культуры, права и экономики - нездорово. Вертикальная миграция народа как результат пролетарского развития в 19-ом и 20-ом столетиях. Срочная необходимость правильной оценки экономической жизни. Условием здорового развития является доверие. Здоровая экономическая жизнь возможна только через отделение от государства. Её зависимость от природных условий. Жизненная необходимость: самостоятельная духовная жизнь, самостоятельная экономическая жизнь, самостоятельная политическая или государственная жизнь.

VI. Будущее капитала и человеческой рабочей силы.

Публичная лекция, Штуттгарт, 13 мая 1919 года.

Характеристика капиталистического мирового экономического порядка: инвестиционная способность капитала. Причина войн. Проект нового мирового экономического порядка. Основа действительного социализма: понимание одного человека другим. Капитал как пятое колесо в экономической повозке. Правильная оценка рабочей силы. Кругооборот капитала в социализированном общественном организме. Лишение его имущественного характера. Человеческий труд - это не экономическая ценность. Установленная человеческая потребность как мера товарной стоимости. Преобразование рынков в товарищества. Пример Сидни Уэбба. Ассоциативный характер экономической жизни в изложении «Основных пунктов социального вопроса». Общественный порядок должен служить человеческому достоинству.

VII. Детали о преобразовании социального организма.

Публичная лекция, Штуттгарт, 16 мая 1919 года.

Советская система как опровержение старых идей социализма. Подтверждение мнения о том, что новые проекты должны исходить из действительности настоящего. Идея «социального капитализма» Германа Бека означает фискализацию. Ждать, пока люди «повзрослеют», бессмысленно; зрелые мысли формируются в процессе реализации. Система всеобщих рабочих советов носит политический характер, тогда как производственные советы носят экономический характер, что свидетельствует об отделении экономики от государственной жизни. Принципы системы товариществ. Необходимое условие: эмансипация духовной жизни. Создание здоровых условий для социального организма. В заключение: научитесь думать по-другому.

VIII. Импульс к трёхчленному организму — это не «простой идеализм», а непосредственное практическое требование момента. *Лекция для собрания Союза для трёхчленности социального организма. Штуттгарт, 31 мая 1919 года.*

План трёхчленного социального организма выдвинут на фоне утопических представлений, основанным на чисто западных экономических интересах, достигших своей кульминации в программе четырнадцати пунктов Вильсона. Современная духовная жизнь неспособна

постичь социальное существо. Никакое развитие не происходит само по себе. Понятийная путаница в буржуазном обществе порождает патриархальные правовые отношения и экономическую конкуренцию. Напротив, призыв к самосознанию и достойному человека бытию. Политическое развитие, начиная с Бисмарка.

IX. Социальное в правовых и экономических институтах и свобода человеческого духа.
Публичная лекция, Штуттгарт, 16 июня 1919 года.

Высказывание Вихарда фон Мёллендорфа о том, что экономической жизни не хватает руководящих идей. Но всё же и правовая и духовная жизнь переживает свою критическую эпоху. Стихийное беспокойство во всем человечестве указывает на всеохватывающую духовную борьбу между Западом и Востоком. Действительность на Востоке: духовно-душевное в человеке, а также основа социальной общности; на Западе: физически-чувственный мир, работа друг для друга. Позиция Востока привела к фатализму, Запада - к чисто производительной жизни. Встреча в идеологии саморазвития через экономические изменения. Возникшие антисоциальные склонности; подавление свободы воли; ущемление чувства права; помрачение мыслей в отношении институтов правовой и экономической жизни. Следствие: поиск сущности свободного человека. Человек должен воспитываться в духе свободы со школы. Это возможно только в рамках самостоятельной духовной жизни. Призыв министра социализации рейха Висселя к экономической и духовной революции. Но отторжение новых идей.

X. Свобода для духа, равенство для права, братство для экономической жизни.
Публичная лекция, Штуттгарт, 18 июня 1919 года.

Ленин как мировой правитель означал бы экономическое папство. Необходима социализация властных отношений. Развитие свободного человечества посредством соответствующего познания человека. Учёт фаз развития ребенка в образовании. Параллели в экономической жизни. Реализация в свободной свободной жизни как третье требование между призывом к демократии и к социализму. Практический идеализм - специфическая задача немцев, ориентированная на мыслителей эпохи Гёте.

XI. Задача школ и трёхчленного социального организма.
Лекция для союза молодых учителей. Штуттгарт, 19 июня 1919 года.

Возражения против школ, а не против учителей! Учителя оказались зажатыми между домом и государством. Наибольшее влияние школа оказывает на детей пролетариата. Учителя должны участвовать в решении важнейших социальных проблем своего времени. Бесплезность социалистических школьных программ с их внутренним противоречием: дифференциация учебного плана, но единство организации. Образование в духе демократии и социализма посредством школьной методики, основанной на более глубоком рассмотрении человека. Неспособность естествознания понять человека. Оскар Хертвиг. Три эпохи юности. Формирование мышления, чувствования и воления. Вред одностороннего понятийного образования. Авенариус и Мах. Необходимость нового педагогического образования. Независимость духовной жизни как основное требование новой народной и культурной педагогики. (Обсуждение: ответы на возражения.)

XII. Путь к сверхчувственному опыту и знаниям как основа действительного понимания человека.
Публичная лекция, Штуттгарт, 9 июля 1919 года.

Негативное отношение современного человека к духовному миру. Духовно-научное движение должно заверить, что духовное в человеке и вне его не является идеологией.

Необходимость в самопознании. Обратит внимание на другой способ познания. Внутренние битвы духовного исследователя. Новая форма познания природы. Связь между познанием и любовью. Укрепление мышления. Опасность мистики. Воспитание воли. «Как достичь познания высших миров?». Желание разрешить социальные проблемы при помощи естественнонаучного мышления. Заблуждения марксистской национальной экономики. Освобождение поработанной части человечества не только от цепей материального мира; освобождение путём наполнения души познанием истинного духовного человека.

XIII. Сверхчувственное существо человека и развитие человечества.

Публичная лекция, Штуттгарт, 11 июля 1919 года.

Причинно-следственная связь между элементарными движениями беспокойства и настойчивостью в отношении «простой веры». Необходимость в активированном мышлении; Убывание жизненных процессов в головной организации. Ошибочная теория о двух видах нервов. Тренировка воли. Познание тела образующих сил в имажинации, инспирации и интуиции; соответствующее воздействие в природе и истории, развитие культурных эпох. В первой трети предшествующего нам времени событие Христа вначале понималось из древнего духовного видения. Сегодня это возможно, благодаря духовной науке. Подготовка посредством времени Гёте. Противоположное течение - посредством материалистической философии, например Авенариуса и Маха, государственных философов большевиков. Возможности и задачи Центральной Европы.

XIV. История социального движения.

Вечер изучения «основных пунктов социального вопроса», Штуттгарт, 30 июля 1919 года.

Так называемые, социальные утописты Прудон, Фурье, Луи Блан: решение несправедливых социальных условий посредством понимания и доброй воли. Знание Карла Маркса о возникновении центрально-европейского пролетариата, исходя из экономических условий. Прогресс возможен только через его интересы. Напротив, например, Б. Вильгельм Вайтлинг апеллировал к чувствам, Лассаль считался с идеями. Социализм возмущения до восьмидесятых годов 19-го столетия. Адлер, Пернерсторфер, Вильгельм Либкнехт, Ауэр, Бебель, Зингер: Социальные условия возникают из исторической необходимости. Разногласия между партийными конференциями в Готте и Эйзенахе по «Эрфуртской программе». Трансформация человеческих потребностей в экономические потребности. Раскол на политическую партию и профсоюз. Ревизионист Бернштейн. Катастрофа мировой войны требует новых взглядов, но старые программы остаются. Единственный выход - трёхчленные отношения, - был отвергнут как утопия. Абсурдная аргументация Хека против «трех парламентов». Возникновение правовых отношений из отношений собственности, из экономических отношений. Абстрактные экономические понятия. Пример: торговля индульгенциями Тетцеля. Отношения капитала и труда.

Призыв «К немецкому народу и культурному миру!»

Листовка марта 1919 года.

Предисловие издателя

В этом томе собраны лекции, прочитанные Рудольфом Штайнером в рамках «Союза для трёхчленности социального организма». Он читал их во время с апреля до конца июля в Штуттгарте и других городах Вюртемберга, отчасти на индустриальных заводах, а чаще публично перед более, чем тысячей слушателей. Указывается примерно на сорок лекций, из которых всё же сохранились лишь представленные здесь, - в основном напечатанные в публикациях «Союза для трёхчленности социального организма» в Штуттгарте, в 1919-ом году. В эти месяцы он провёл почти столько же встреч с комитетами, производственными советами и кругом ораторов, которые намеревались выступать перед слушателями на подобные темы в других областях Германии.

В 1917-ом году, то есть ещё во время мировой войны, этому предшествовали предложения по полной реорганизации средне-европейских условий, чтобы избежать катастрофы, приближение которой видели многие. Предложения Рудольфа Штайнера были даны в форме двух меморандумов к личностям в кругах немецкого и австрийского правительства. - Они сохранились в общем издании в томе «Статьи о трёхчленности социального организма и ситуации 1915-1921 годов», Библ. № 24. - Но отсутствовала, хотя эти предложения и были приняты с пониманием, мужество предпринять необходимые шаги, так что возник крах, и основой для мирного договора послужил вильсонский роковой «Четырнадцати-пунктов-проект».

В этой ситуации была предпринята попытка обратиться непосредственно к широким кругам людей, которые, либо исходя из рабочих групп, либо из культурной жизни, пытались по-новому урегулировать обстоятельства, чтобы пробудить понимание истинных закономерностей социального организма, как их развил Рудольф Штайнер на основе антропософского человековедения на. «Призыв», добавленный в этот том, был подписан и широко распространён рядом известных личностей общественной жизни. В апреле 1919-го года вышла книга «Основные пункты социального вопроса в жизненных необходимостях настоящего и будущего (Библ. № 23). Отдельные вопросы более подробно Рудольф Штайнер описывал в журнальных и газетных статьях. Они также содержатся в вышеназванном собрании.

Всё же явным образом в Германии формировались силы, которые хотели удерживать существующее. Однако, вопреки всем препятствиям осенью 1919-го года с помощью Эмиля Мольта, директора сигаретной фабрики Вальдорф-Астория, была основана первая Вальдорфская Школа в Штуттгарте, руководство которой было поручено Рудольфу Штайнеру, после того, как он в многочисленных лекциях и курсах ознакомил будущих учителей и интересующихся людей с человековедческими и методическо-дидактическими основами, с одной стороны, и с аспектами нового социального облика Вальдорфской школы, с другой стороны.

Разработкой новых понятий для социальной трёхчленности Рудольф Штайнер занимался в многочисленных дальнейших лекциях и семинарских циклах лекций, перечень которых дан в конце.

Р. М.

I. Публичная лекция для собрания подписчиков
(тех, кто подписался под этим призывом) призыва
«К немецкому народу и культурному миру».
Штуттгарт, 22 апреля 1919 года

Согласно программе сегодняшнего собрания, моей особой задачей сегодня вечером будет обговорить некоторые вещи по поводу призыва «К немецкому народу и культурному миру», которое находится у вас на руках. Позвольте мне сегодня говорить более афористично, поскольку мне предстоит обратиться к собранию, которое, по сути, знакомо с содержанием этого призыва. В этой связи в следующий понедельник я должен буду говорить о социальных взглядах, лежащих в основе этого воззвания и моей книги по социальному вопросу, которая будет опубликована через несколько дней.

То, что сегодня, исходя из чувствующих вместе с человечеством импульсов, может вести к такому призыву, который находится перед вами, - это воистину не какие-то программные идеи, к которым склоняются из тех или иных интересов, нет, это громко и ясно говорящие факты, которые развились из ужасной мировой катастрофы, которую мы пережили в последние годы. Если с пробуждённой душой направить внимательный взгляд на эти факты, то, прежде всего, можно прийти к совершенно определённым впечатлениям. Я хотел бы охарактеризовать это впечатление следующим образом.

Мы часто слышали: В эти ужасные годы, которые мы пережили в эту мировую катастрофу, разразившуюся над человечеством, произошло нечто такое, что не имеет прецедента в историческом ходе развития человечества, который обычно рассматривается как таковой. В самых широких кругах чувствовалось, что чего-то подобного в том очень большом отрезке времени, который обозначается как история, ещё не было. Не надо ли добавить к этому также другое чувство, которое, правда, как мне кажется, до сих пор ещё не было вызвано полностью, - чувство, что теперь для нового формирования мировых условий необходимы вещи, также некоторым образом извлечённые из импульсов человечества, которые являются радикально новыми, которые радикальным образом ломают не только старые институты, но и, прежде всего, ломают старые мыслительные привычки. Не должны ли мы под гнётом этих громко говорящих фактов, прежде всего, сказать себе: На большие части цивилизованного мира ложатся тени, которые, собственно, были хаотично оставлены современному человечеству его предками. Можем ли мы, с другой стороны, сказать, что из этой неразберихи, из этого хаоса уже возникли такие идеи, такие мысли, которые доросли до этих фактов? Не происходит ли с нами, когда мы трезвым взглядом охватываем эти факты, того, что мы должны сказать себе: Здесь присутствуют мнения старых партий, старые взгляды на общество, определённые мысли о том, что должно происходить между людьми, но всего этого недостаточно, чтобы каким-то образом привести к преобразованию того, что в нашей современности осталось от непосредственного прошлого.

Это ставит перед этой современностью огромные, всеохватывающие задачи. Возможно, нам будет легче всего подойти к ним, если мы сделаем это открыто и честно - поскольку открытость и честность, это единственное, что может вести нас в будущее, - спросим себя: Благодаря чему, мы, собственно, оказались в этих обстоятельствах? Если мне надо будет выделить самые значительные явления современности и спросить себя, скажем: Из чего, собственно, возникли современные состояния? - то я не смогу сослаться на то, что они возникли просто из заблуждения того или иного класса людей. Я бы сказал: То, что сегодня разыгрывается, будто вырывается из пропасти. Что это за пропасть? Это пропасть, образовавшаяся в последние три-четыре столетия между до того правящими классами человечества и теми, кто сегодня стремится выйти из подчинения и выдвигает свои требования. По сути, эти заблуждения возникли не из одной или другой стороны, а они возникли из того, что лежит между ними. Это не педантичное замечание, это нечто такое, что, я считаю, имеет глубокие основания и в то же время проливает свет на то, что,

собственно, должно произойти. С одной стороны, мы имеем правящие круги человечества, которые, по сути, - давайте признаем это открыто и честно, - в течение последних столетий, и особенно последнего столетия, развились таким образом, что они проявляли мало склонности как-то заглядывать в будущее, иметь какое-то представление о том, что, собственно, может лежать в недрах того общественного строя, в котором они живут.

Когда смотришь на то, что произошло под влиянием мыслей, чувств, направления воли и действий этих прежде правящих кругов человечества, то вспоминаешь ту степень проницательности, ту степень мыслительной силы, которая существовала, скажем, весной 1914-го года. На такие вещи действительно необходимо указать сегодня. Весной 1914 года мы могли слышать, что на собрании, которое должно было быть просвещенным, по крайней мере, в политических вопросах, на собрании тех людей, которым тогда было доверено управление народом, тогдашний министр иностранных дел сказал, что он может сообщить господам в германском Рейхстаге, что общая разрядка в Европе делает большие успехи. Отношения Германской империи с Россией были, будто бы, самыми удовлетворительными, поскольку петербургское правительство вовсе не было склонно прислушиваться к интригам прессы; дружеские добрососедские отношения между Германской империей и Россией обещают самое лучшее. Он также сообщил, что были начаты переговоры с Англией, которые, хотя ещё и не были завершены, но обещали установление наилучших отношений с Англией.

Да, именно, если хочешь открыто и честно рассмотреть то, что представляли собой мыслительные силы правящих кругов и избранных из этих правящих кругов в то решающее время, то надо указать на такие вещи. Как вышесказанное можно было сказать в те недели, которые непосредственно предшествовали тому ужасному периоду, когда в Европе было убито по меньшей мере от десяти до двенадцати миллионов человек и в три раза больше искалечено! Нужно взглянуть на эти вещи, поскольку сегодня речь идёт о том, чтобы, наконец, уйти от того, что в последнее время обычно называлось жизненной практикой, и проникнуться доверием к тому, что может дать действительное представление о фактах. Пока мы не решимся смело и прямо взглянуть на то, к чему нас привело - давайте уже признаемся в этом - отсутствие мыслей относительно того, что настоящее несёт в своих недрах для будущего, мы не сможем добиться прогресса. Это то, что необходимо учитывать сегодня. Я действительно не хочу говорить вам сегодняшним вечером ничего личного, но, возможно, в качестве вступления позвольте мне всё же указать на одну вещь.

В то же время, когда руководящие люди высказывали такие вещи, о которых я сейчас говорил, об «общем ослаблении напряжения» и тому подобном, я должен был в небольшом кругу в Вене обобщить то, что я десятилетиями формировал себе в качестве представления о возможностях будущего европейской и вообще цивилизованной жизни. В кругу небольшого общества я должен был тогда сказать, - более многочисленное общество меня бы, вероятно, высмеяло, поскольку все те, кто в то время правил человечеством, были склонны рассматривать такие вещи только как фантазёрство. То, что я тогда должен был сказать, я облачил в слова, которые были лишь повторением того, что я уже в другой форме высказывал в ходе последних десятилетий:

В наше время господствующие тенденции жизни будут постоянно усиливаться, пока они, наконец, не уничтожат самих себя. Тут тот, кто имеет духовное представление о социальной жизни, видит, как повсюду прорастают ужасные зачатки образования социальных гнойников. Это большое беспокойство в отношении культуры, которое возникает у тех, кто понимает бытие. Это ужасная вещь, которая выглядит удручающе, и которая, даже тогда, когда человек мог бы подавить весь прочий энтузиазм для познания жизненных процессов средствами познающей дух науки, должна была бы привести его к тому, чтобы говорить о лекарстве, это лекарство мира, как бы, кричало о том, что уже началось и что будет становиться всё сильнее и сильнее. То, что в какой-то области, в какой-то сфере должно быть таким, каким его создаёт природа посредством избытка в свободной конкуренции - в распространении духовных истин, - это становится раковым образованием, когда вышеописанным образом входит в социальную культуру.

Мне кажется, что то, что произошло после весны 1914 года, когда были сказаны эти слова, эти рассуждения отражают точнее, чем все слова, сказанные теми, кто считал себя в то время практичными людьми, кто верил тогда, что они черпают из действительности, тогда как они черпали лишь из своих политических, из своих жизненных иллюзий.

Если бы мне надо было вкратце описать то, что привело к таким вещам, то это, как раз, отсутствие какой-либо дальновидности, отсутствие воли предвидеть то, что заложено в недрах настоящего как зародыши развития будущего. Это не обвинение - просто характеристика!

Если обозреть то, что постепенно поднялось за последние столетия в тех правящих слоях, которые в конце концов вылились в, так называемый, буржуазный общественный класс, то надо сказать: ведь, было достигнуто много необычайно похвального, много того, что можно охарактеризовать не иначе, как: в общечеловеческой культуре вплоть до настоящего времени достигнут огромный прогресс. Но что именно сделало эти достижения необходимыми? Их сделало необходимым то, что человек ввязался в ужасное жизненное противоречие. Когда в новейшее время появились, с одной стороны, современная техника с его необходимыми аксессуарами современного капитализма, а с другой стороны, современное мировоззрение, идущее параллельно капиталистическому и техническому развитию, стало необходимым определённое распространение образования. Мне придётся сказать нечто очень парадоксальное, - только истины, которые сегодня для нас необходимы, ещё звучат, вероятно, для мыслительных привычек времени несколько парадоксально. Среди тех, кто выразился выдающимся образом, я знаю, собственно, только одного человека, который правильно сказал, как нужно обращаться с миром, если он будет продолжать развиваться так, как он уже столетия развивался под руководством этих правящих кругов; я знаю человека, который высказал, что эти правящие круги, если бы они были последовательными, собственно, должны были делать. И этот человек, - как раз, это является парадоксальным, - является главой святого синода, как он называется в России, это главный прокуратор Победоносцев. Есть одна работа этого человека, которая чрезвычайно настоящим и духовным образом радикально осуждает весь парламентаризм новейшего времени, радикально осуждает демократию, но, прежде всего, прессу западного мира. Победоносцев обладал достаточным предвидением, чтобы знать, что-либо надо убрать из этого мира эти вещи: парламентаризм, прессу, демократию, либо мы придём к уничтожению того, относительно чего ведущие, правящие классы считают, что это правильное для новейшего времени. Разумеется, только один такой представитель святого синода имел мужество говорить таким радикальным образом. То, что жило в душах людей, которые мыслили наиболее прогрессивно, в ведущих правящих кругах, - это было внутренним противоречием. По сути, это было противоречие уже в отношении изобретения книгопечатания. Было невозможно посредством всех новых институтов призывать широкие круги к самостоятельному суждению к понимающему мышлению, и в то же время вести ту же экономическую жизнь, какую они вели. Это с необходимостью должно было привести к тому, к чему и привело: к саморазрушению этой культуры. Это с одной стороны. Если бы эти широкие круги были так же последовательны, как главный прокуратор Победоносцев, то они сказали бы себе, уже давно сказали бы: Необходимо нечто другое, нечто более радикальное, нежели то, что происходило в последние столетия. Это должно быть сказано с одной стороны. Я говорю это, не обвиняя, только для характеристики. В этом размышлении главного прокуратора можно было видеть, - хотя оно, разумеется, было бессмыслицей и в новейшее время, - что необходимы радикальные изменения. Тогда, собственно, можно было держаться, только думая, как он. Это то парадоксальное, что должно быть сказано с одной стороны. Это стоит на одной стороне пропасти. Затем - пропасть, и на другой стороне стоят поднимающиеся пролетарии, - те, кто в ходе последних столетий был из других жизненных кругов призван к машине, на фабрики, таким образом, что их жизнь оказалась вставленной в опустошающий души современный капитализм. Из их душ поднялись те требования, которые сегодня воистину являются не вопросами хлеба; и они тоже, - но важнейшими

являются сегодня не вопросы хлеба, поскольку они, по сути, в Центральной Европе правомерны для всех, - но главное, как мы сейчас увидим, это всеохватывающие вопросы экономики, права и духа. Но теперь давайте взглянем с той точки зрения, которую я хочу занять здесь, относительно характеристик, как раз, этой другой стороны пропасти. Давайте взглянем, что поднимается в пролетарском мире. Воистину, это было нечто важное, что надо было пережить, что там развивалось. В то время как, с одной стороны, буржуазные круги образовали верхний слой и формировали определённую культуру, которая могла развиваться только на базе пролетариата, в то время как высший слой буржуазии разработал свою собственную культуру, - в это время можно было видеть, как уже в течении десятилетий, то ничтожное время, которое пролетарий был свободен от работы, было наполнено для него стремлением к социальному жизненному мировоззрению. Оно выросло из совершенно других оснований, нежели буржуазная культура. Что это значит, - это становится понятным только тогда, когда не только думают о пролетариате по причине жизненной судьбы, а когда мыслят вместе с пролетариатом. Это то, что важно сегодня для того, чтобы вынести суждение об этой стороне. А что мы видим на другой стороне? Уже сегодня есть области прежде цивилизованного мира, где пролетариат призван наводить порядок в хаосе. Мы видели как это развивалось, благодаря всей изобретательности, которая, как я думаю, соответствует неиспользуемому интеллекту пролетариата, - мы видели идею, идею социального мировоззрения пролетариата. Мы видели, как она развивалась до начала мировой катастрофы. Мы знаем, как в пролетариате возникли всеобъемлющие воззрения о том, что должно произойти. Теперь стоят многочисленные толпы из тех, кто по-своему сформировал себе эти идеи, кто считает, что они проникли в пролетарское мировоззрение, теперь они стоят так, что способны исполнить это мировоззрение, им по всей Европе переданы определённые институты. Мы видим, что они это могут? Мы видим, что и с этой стороны мысли слишком коротки для этих фактов.

Мы видим, как, с одной стороны, живёт будто к гибели ведущее мировоззрение, как, с другой стороны, определённый мировой человеческий поток не может прийти к тому, чтобы в решающий момент найти импульсы, те социальные импульсы, которые смогут привести к преобразованию. Между обоими лежит пропасть, и из этой пропасти поднимается огонь того, что происходит уже сегодня, и что воистину будет всё больше и больше противодействовать человечеству, буржуазному и пролетарскому, если это человечество не найдет в себе склонность к пониманию того, что, исходя из жизненных потребностей человеческого развития, нужно настоящему и будущему. На эти жизненные потребности можно взглянуть, как раз, наблюдая за пролетарским движением, когда видно, как оно постепенно формируется.

Можно сказать, что то, что живёт в пролетарской душе, развивается в трёх жизненных областях, но развивается также и то, что заявляет о себе как требование настоящего и ближайшего будущего, которое неизбежно должно быть удовлетворено. В трёх областях жизни. Те, кто немного знаком с пролетарским мировоззрением и взглядом на жизнь последних десятилетий, который понимающие люди этого движения постоянно суммировали в словах: «Так продолжаться не может», - они прежде всего обнаружили, как глубоко засела в пролетарских умах (*Gemüter*) нового времени идея, исходившая от того пролетарского вождя, чье имя живет в европейском и американском пролетариате уже семьдесят лет и которая, несмотря на всех его преемников, до сих пор остаётся неизменной, - идея, исходившая от Карла Маркса. Надо только знать, как на современные души, которые, измученные работой, хотели на своих вечерних собраниях просветиться относительно того, что должно произойти, действовало всё то, что связано со словами «прибавочная стоимость». Это касалось глубочайших восприятий пролетариата. Но это касалось не только глубочайших восприятий пролетариата, нет, это одновременно касалось самых интенсивных требований человеческого развития Нового времени. Теперь, если вы действительно хотите понимать такие вещи, надо глубже взглянуть на то, что говорят себе люди своим разумом, своим головным сознанием. В глубинах человеческой души часто покоится нечто совершенно другое, нежели то, что люди

могут знать в ясном сознании. Нечто бесконечно значительное взбудораживается в пролетарской душе, когда говорится о прибавочной стоимости. Взбудораживается бесконечно многое из того, о чём пролетарий не делает никаких ясных сознательных представлений, но что в нём живёт и что теперь вырывается стихийной силой, и что должно быть понято, если он хочет найти какой-то выход из этого хаоса. - Может ли учение о «прибавочной стоимости» устоять перед суждением народно-хозяйственной науки, - это не имеет значения для вышесказанного. Даже если эта идея основана на заблуждении, её социальное, социально-агитационное воздействие на рабочий класс надо рассматривать как историческое явление.

Что же, собственно, жило в глубинах пролетарской души, когда говорилось о прибавочной стоимости? Ну, ведущие, правящие круги говорили о развитии человечества, они чувствовали себя частью этого развития человечества. Да, когда они хотели выразить то, что, собственно, лежит в основе этого развития человечества, они говорили, в зависимости от своих потребностей, о божественном мировом правительстве, моральном мировом порядке, исторических идеях или тому подобном. Пролетарию, который с наступлением нового времени унаследовал это буржуазное мировоззрение, были предложены определённые понятия, которые развивались с течением времени. Но когда он смотрел на эти правящие круги, он не видел ничего, что могло бы быть проявлением того, о чём эти правящие круги говорили как о божественном мировом руководстве, моральном мировом порядке и исторических идеях. Почему он не мог ничего видеть? Ну, он был впряжён, - это, ведь, только в последнее время и, никак не благодаря заслугам правящих кругов, стало немного лучше, - он был впряжён не в какой моральный мировой порядок или божественный порядок, а в хомут новейшего экономического порядка. И он смотрел на то, что в правящих классах развивалось как духовная жизнь. Что он воспринимал тогда? Он воспринимал единственную связь с этим видением культуры, с этим культурным наследием ведущих, правящих кругов. Какую связь? Он производил в том, чего стоило это культурное добро, он производил для других прибавочную стоимость, которую он только единственно и понимал.

И то, что ему хотели дать из этого культурного наследия во всех видах народных развлечений, народных представлений, народных курсах и прочего, было всё же лишь чем-то таким, с чем он не мог обрести внутреннюю связь. Поскольку обрести это можно только будучи живо социально вовлечённым в соответствующую духовную жизнь. Но открылась пропасть между обоими классами и, по сути, было неправдой, когда пролетарий что-то принимал из того, что ему тогда бросали в виде культурного огрызка. И так на поверхность всплыло нечто - сегодня я опишу это лишь вкратце; немного больше я скажу об этом в понедельник, - обнаружилось нечто, что глубоко резануло по сердцам тех, кто обладал пониманием культуры, когда они, как и тот человек, которому сегодня позволено выступать перед вами, принимали участие в пролетарской жизни и пролетарских стремлениях. Обнаружилось, что в среде пролетариата укоренилось опустошающее душу представление о том, что вся духовная жизнь, искусство, религия, мораль, право и все науки, по сути, являются не чем иным, как отражением экономической жизни. Среди рассудительных пролетариев для обозначения всей духовной жизни можно было снова и снова слышать одно слово: слово «идеология». То, что пролетарий воспринимал, глядя на искусство, на науку новейшего времени, на религию, мораль и право, - всё это было для него не чем иным, как чем-то, подобным дыму, который поднимался из единственно действительного: из материальной экономической жизни, - было идеологией. И возникло воззрение, то воззрение, которое глубоко режет сердце, то воззрение, которое всю духовную жизнь, всё содержание человеческого духа трактует как идеологию. Теоретически, - и это делают современные пролетарские вожди, - можно иметь следующее воззрение: Вся духовная жизнь, по сути, является лишь исходящей из недействительных человеческих мыслей, которые поднимаются из условий экономической жизни, - это воззрение можно также строго научно доказать. О, чего только нельзя строго научно доказать! В новейшее время мы узнали об этом многое. Разумеется, это воззрение можно так строго, как это только возможно, доказать также научно,

но одного с этим воззрением делать нельзя: с ним нельзя жить. И в этом заключается великая трагическая судьба новейшего времени, что пролетариат оказал последнее великое доверие буржуазному общественному классу, перенеяв то, что стало с духовной жизнью в рамках буржуазного общественного строя современности. То, что с ней стало, было взято на вооружение пролетариатом и воспринималось как пустая паутина идей, как дым, можно сказать, поднимающийся из экономических условий. Но жить духовной жизнью можно только в том случае, если человек переживает её таким образом, что она оказывает ему сильную поддержку в самых глубинах его души. Иначе душа усыхает, иначе душа становится пустой.

И никто не понимает ужасного ущерба от новейшей культуры, - не понимает тот, кто не может указать на это подсознательное, кто не понимает этого бессознательного, кто не знает, что, как раз, при этом, казалось бы, столь легко доказуемом понимании жизни, духовной жизни, основанной на идеологии, душа должна была прийти в запустение, и что из-за этого запустения она пришла в сомнение от всего в этой жизни, кроме разве что улучшения внешних материальных условий. Это лежит в основе того, что надо обозначить как истинные духовные требования современного пролетариата. Это то, что нельзя обозначить никак иначе, как словами: буржуазный общественный порядок новейшего времени передал пролетариату душевное содержание, духовное содержание, которое не может облагородить душу и дух человека, и теперь этот буржуазный общественный порядок сталкивается с тем, что получилось из этих опустошённых душ. Эти души с необходимым распространением демократии надо было призвать к участию в образовании. Их нельзя было и не было возможности исключать, и, разумеется, никто этого не хотел. Но их призвали к восприятию той современной духовной жизни, последствий которой они (буржуа) сами не осмыслили, потому что им не нужно было их осмысливать самим. Если человек принадлежал к буржуазному общественному классу, он жил ещё импульсами, исходившими из старых религиозных представлений, из старых моральных или эстетических взглядов древних времён. Пролетарий был приставлен к машине, был втиснут в фабрику, в капитализм. Из этого не выросло ничего, что могло бы ответить на главный для него вопрос: Какова, собственно, моя ценность как человека в этом мире? Он мог обращаться только к тому, что давало научную ориентацию в новейшее время. Духовная жизнь для него стала идеологией, чем-то опустошающим душу. Отсюда возникли его, - правда до сих пор ещё неопределённые, - требования. Только понимание этого факта может открыть оздоровляющий путь в будущее. Всё гораздо серьёзнее и происходит совсем в другой области, чем принято считать сегодня.

Пролетарий теперь, с одной стороны, увидел, как в новейшее время, - сегодня не хватило бы времени для того, чтобы довести эти мысли до конца, - из экономического порядка и буржуазных кругов вышло то, что было духовной жизнью. Как люди были поставлены, каково было их существование и экономические обстоятельства, такова была также и их духовная жизнь. Позвольте мне, как раз, когда я рассказываю эти вещи, указать на одно личное переживание, поскольку я считаю это личное переживание чрезвычайно характерным. Я многие годы был учителем различных ветвей человеческих знаний в основанной Вильгельмом Либкнехтом школе образования рабочих. Я был там также учителем речевых упражнений. Имея дело со студентами, которые сегодня стоят внутри партийной жизни, которые также здесь или там играют свою роль, я мог видеть многое из того, что выросло на рубеже девятнадцатого и двадцатого столетий. Читая им историю, я заботился о том, чтобы донести до своих учеников, которые это также поняли, то, что превращает духовную жизнь в идеологию, и это, как раз, экономическая жизнь последних четырёх столетий. И, поскольку пролетарий и пролетарские теоретики в основном ограничивались наблюдением жизни в последние четыре столетия, они пришли к тому, чтобы смотреть на всю духовную жизнь как на идеологию. Но идеологией она стала, собственно, только в последние четыре столетия. Пролетарское мировоззрение живёт в этом заблуждении, - что оно принимает факт последних четырёх столетий за факт всего развития человечества. Я постоянно говорил: Для последних четырёх столетий это верно, но сейчас

мы стоим перед требованием времени, когда мы снова должны поставить на место идеологии действительную, несущую человеческую душу духовную жизнь. Не в констатации того, что духовная жизнь является идеологией, лежит выздоровление, а в воле снова создать духовную жизнь, которая не является идеологией. Поскольку эта идеология является наследием, как раз, буржуазного общественного строя. Меня тогда выдворили из школы партийные вожди, но сами ученики были со мной и меня поняли. Нельзя было так легко достичь понимания тех идей, которые всё же, прежде всего, должны были быть несущими идеями социального преобразования, если вначале взглянуть на социальный вопрос как на духовный вопрос.

Второе, что мы видим как область жизни, из которой развилось то, что выступает сегодня в пролетарских требованиях, лежит в области права, та область, которая, как стоит в воззвании, должна быть собственно областью государства. Что такое, собственно, право? Да, я действительно десятилетиями прилагал все усилия, для того, чтобы понять различные воззрения людей, как раз, относительно идеи права. Я должен признать, что если в соответствии с действительностью, то есть, не теоретически, человек подступает к тому, что понимают под правом, то в конце концов он себе говорит: Право - это нечто такое, что как изначальное, как элементарное исходит из каждой здоровой человеческой груди. Как из здорового глаза исходит способность видеть как цвет синее или красное, и как никогда никого, у кого есть больные или слепые глаза, не научить представлять себе синий или красный цвет, так никому нельзя объяснить, что в какой-то конкретной области является правом, если в нём не живёт правовое сознание, которое является таким же элементарным, таким же изначальным, как видение цвета или слышание тона. Это правовое сознание исходит, я бы сказал, из совершенно другого угла душевной жизни, нежели всё прочее, что создаётся в духовной жизни в ходе развития человечества. То, что создаётся в духовной жизни, основано на таланте. Правовое сознание не имеет с талантом, по сути, ничего общего. Это то, что элементарно развивается из человеческой природы, но только в обращении с людьми, как и язык можно учить только в обращении с людьми. Это правовое сознание, говорит ли оно громко и отчётливо, или вырывается из темноты человеческой души, является чем-то таким, что человеческая душа хочет в себе образовать. Когда пролетарий, благодаря современным образовательным условиям, благодаря демократии, принял участие в общей духовной и правовой жизни, государственной жизни, у него также возник вопрос о праве. Но он нашёл, спрашивая о праве, - да, что он нашёл? Взгляните в его душу, тогда вы увидите ответ на этот вопрос. Он нашёл, когда выносил суждение о праве со своей точки зрения, не права, а привилегии, обусловленные различием классов человечества. Он нашёл, что то, что установлено как позитивные права, вышло, собственно, из привилегий привилегированных классов, как ущемление прав классов, лишённых имущества. На правовой почве он нашёл классовую борьбу, вместо проживания права. Это наполняло его сознанием, что он мог бы продвинуться вперёд, только являясь осознающим свой класс пролетарием, только ищущим своё право, исходя из этого класса. Это приводит его ко второму члену его мировоззрения: преодолеть классовые различия, чтобы на почве, на которой возникли эти классовые различия в ходе исторического развития, могла возникнуть структура правового государства.

Третья область, из которой исходят те требования, которые являются пролетарскими требованиями и одновременно необходимыми требованиями современности, - это область экономики. Эта экономическая область, как она отчётливо сформировалась посредством капиталистического мирового порядка и современной техники, - как она касается пролетария? Как касается этот хозяйственный порядок, этот экономический кругооборот, пролетария? Ну, он касается его так, что он видит себя полностью впряжённым в этот экономический кругооборот. Другие имели духовную жизнь, которую он, правда, рассматривал как идеологию, участвовать в которой было для него, собственно, ложью, поскольку он не стоял в том социальном контексте, из которого она происходила. Буржуазные круги имели свои особые привилегии и культурное наследство, и они имели хозяйственную жизнь, которая протекала между прочим. Для них жизнь была разделена на три, пусть и объединённая в единое государство. Пролетарий, однако, чувствовал себя

впряжённым в хозяйственную жизнь всей своей личностью. Почему? На это, в свою очередь, получаешь ответ, когда обращаешь внимание на ощущения, - повсюду, если хочешь понимать эти вещи, нужно смотреть на реальную жизнь, - которые современная пролетарская душа в ходе последних шести-семи десятилетий развивала всё более и более жёстко. Так же, как пролетарию стало ясно, что у него нет ничего от духовной жизни, что он не имеет к ней никакого отношения, кроме того, что ему позволено производить для неё прибавочную стоимость, так же, разумеется, он получил от новой экономической жизни ощущение, что в этой экономической жизни есть нечто такое, чего не должно там быть, если он как пролетарий хочет получить ответ, как раз, на этот вопрос: Какова ценность человеческой жизни в человеческой связи с миром?

В основном в экономическом кругообороте, собственно, движется только то, что можно назвать товарами или человеческой производительностью. Производство товаров, циркуляция товаров, использование товаров, - вот, по сути, что такое экономическая жизнь. Для ведущих, правящих кругов это так и было, но для пролетария было иначе. В этот экономический кругооборот была впряжена его рабочая сила. Как на товарном рынке покупают товары, так же покупают человеческую рабочую силу у пролетария. Как товары имеют свою цену, так и человеческая рабочая сила в виде заработной платы имеет свою цену на рабочем рынке. Это, в свою очередь, нечто такое, что касалось бессознательных ощущений пролетарской души, опять же нечто такое, что совсем не обязательно должно было прийти к полностью сознательной ясности, но что, как раз, элементарным образом переживалось в больших, важных, громко говорящих фактах настоящего. Поэтому это говорилось к глубинам пролетарской души, когда Карл Маркс позволил прозвучать словам о «товаре рабочей силы». По сути, пролетарий стоял, смотря назад, в историческом развитии человечества, когда он по-своему понял эти слова о товаре рабочей силы. В древности хозяйственная культура нуждалась в рабах. Человек целиком продавался, как товар или животное. После этого, в другом экономическом порядке, пришло крепостничество (телесное право). От человека уже продавалось меньше, но всё же много. Теперь пришло Новое время, которому, чтобы ему можно было придать вид капитализма, пришлось призвать широкую массу пролетариата к определённому школьному образованию, которое должно было некоторым образом культивировать демократию. И не в нужное время была понята необходимость увидеть то, что как зародыш для будущего покоится в чреве современности. Не в нужное время было рассмотрено, насколько необходимо вырвать покупку и продажу человеческой рабочей силы из кругооборота экономики. Тот факт, что он должен продавать свою рабочую силу на рынке согласно спросу и предложению, как покупают и продают товары, пролетариат воспринял как продолжение рабства. Так он ощущал себя впряжённым в экономический процесс, не чувствовал себя выделяющимся из него, как другие слои населения. Он чувствовал себя полностью вставленным в него. Поскольку, если кому-то надо продать свою рабочую силу, то он продаёт всего себя, поскольку, ведь, надо принести всего человека туда, где продаётся рабочая сила. Пришло время, когда надо было увидеть, что человеческая рабочая сила должна быть так включена в социальный организм, чтобы она не была товаром, что старые отношения с заработной платой больше не должны продолжаться. Это просмотрели. В этом трагизм буржуазного взгляда на жизнь, что повсюду нужный момент упускается то, что необходимо в ходе современного капиталистического и демократического развития. Это то, что в конце концов вызывает современный хаос, по сути, не из пролетариата снизу, а из непонимания времени, из среды буржуазии. «Моя вина, моя огромная вина», должны были бы постоянно повторять правящие круги, тогда из этого ощущения истекало бы ясное чувство того, что, собственно, происходит. Этим обозначается то, что подняла эта современность, что сейчас пылает, поднимаясь из пропасти, как тройное требование духа, права, экономики. И дальше непозволительно строить на том заблуждении, что всё хорошее приходит из экономики. Поскольку это, как раз, самое ужасное, самое вредное, что современный пролетарий полностью поработён экономическим порядком, он должен выйти из этого экономического порядка!

Я мог дать только набросок того, что развивалось исторически. Кто понимающим взглядом проследит за этими вещами, как они проявляются в ходе нового времени, кто имеет добрую волю и внутреннюю искренность, и честность за всеми национально-экономическими, историческими и прочими суждениями видеть действительное, тот, как раз, на основе того, что таким образом развивается во времени, единственно и только посредством наблюдения условий последних трёх-четырёх десятилетий придёт к необходимости этой трёхчленности, о котором говорится в призыве.

Пролетарий в отношении духовной жизни видел только то, что она зависит от экономической жизни. Из этого он составил себе представление, что вся духовная жизнь должна зависеть от экономической жизни. Он не мог не видеть, что эта духовная жизнь, благодаря своей внутренней слабости, благодаря тому факту, что у неё больше нет пробивной силы старых мировоззрений, сама себя осудила на то, чтобы быть придатком экономической жизни. Так он пришёл к своему воззрению на идеологию. Пролетарий мало обращал внимания и на то, что, правда, исходя из приведённых выше причин, осталось незамеченным и со стороны буржуазии: как эта духовная жизнь вошла также в зависимость от государственной жизни. Я хочу рассматривать историческую правомерность этой зависимости в новое время даже как нечто необходимое. Но необходимо также вести в рассмотрение и правильный момент, когда эта духовная жизнь должна эмансипироваться, не только от экономической жизни, но и от государственной жизни. В ходе последних четырёх столетий духовная жизнь цивилизованного мира становилась всё более и более зависимой от государственной жизни. В этом даже усматривали достижение нового времени. Определённо, это было необходимо, чтобы освободить духовную жизнь из оков церкви; но теперь это больше не является необходимостью. Рассматривалось как прогресс, полностью поставить духовную жизнь под крыло государственной жизни. Как можно было насмеяться над средневековьем, которое мы действительно не хотим возвращать обратно, как можно было смеяться над тем, как тогда философия, то есть, для средневековья наука вообще, была на буксире у теологии. Теперь, ведь, мы пришли к тому, что, хотя и не везде, современная наука является наследницей теологии. Но наука пришла к чему-то иному, духовная жизнь пришла к чему-то иному: к зависимости этой духовной жизни от потребностей государственной жизни, которая была постепенно организована полностью согласно потребностям экономической жизни, которые не были общечеловеческими потребностями. К осознанию этого в Германии нас привела, как раз, катастрофа войны на примере отдельных явлений, - я бы сказал, симптоматически. Конечно, я мог бы этот симптом умножить в сотни, в тысячи раз, но вы поймёте меня, если я укажу на то, что вышло из определённой учёности, как раз, во время войны, которая, ведь, всё довело до экстремума. Но эта вещь присутствовала уже всегда. Один очень значительный естествоиспытатель недавнего прошлого, которого я как естествоиспытатель очень уважаю, высказал слова, которые особенно характерны для зависимости науки от современного государства; он высказался как генеральный секретарь Берлинской Академии Наук, называя эту Академию Наук «Научная команда защитников Хоэнцоллеров»¹. Но нет необходимости повсюду заходить так далеко. В отношении математики и химии соответствующий факт сильно замаскирован, но он есть и там. Но поднимитесь в те области, которые касаются больших жизненных вопросов мировоззрения, в область истории, - тут в новое время духовная жизнь действительно стала не чем иным, как научной силой защиты для современного государства. Духовную жизнь в её внутреннем существе, однако, нельзя культивировать посредством издания законов о свободе учения, о свободной науке и свободном учении. Законы не имеют никакого влияния на духовную жизнь, поскольку духовная жизнь покоится на элементарных человеческих дарованиях. И тот, кто знает официальную духовную жизнь более нового времени, знает, если даже это и звучит парадоксально, - я говорю это без всякого удовольствия, поскольку мне пришлось продирается к этому убеждению с определённым волевым сопротивлением, - что эта

¹ «Die wissenschaftliche Schutztruppe der Hohenzollern». - Дом Хоэнцоллеров был одной из самых важных династий в истории Германии (прим. пер.).

современная официальная духовная жизнь постепенно развила ненависть к этим дарованиям и определённое предпочтение продукции усреднённого в человеческой природе. Но вся духовная жизнь должна основываться на изначальных человеческих способностях.

Кто видит связь человеческих и индивидуальных дарований с социальным человеческим общественным порядком, тот знает, что в действительности духовную жизнь можно доказать только, если приходится доказывать эту действительность, исходя из её собственного существования, если она поставлена на себя саму, начиная с начальной школы и кончая высшими школами, того, что сегодня ощущается как придаток государства, включая свободную организацию искусства и так далее. Социальная демократия до сих пор нашла только возможность - возможно, ошибочную, что здесь не место оценивать, - выдвигать требование: религия должна быть личным делом. Подобно этому вся духовная жизнь должна стать личным делом по отношению к государственному и экономическому порядку, если она хочет постоянно доказывать свою собственную действительность. Эта действительность может быть доказана, только если эта духовная жизнь предоставлена самой себе. Эта духовная жизнь, если она предоставлена самой себе, больше не будет совершать то зло, которое оно совершает, будучи встроенной, например, в правовой порядок государства. Можно увидеть ужаснейшие вещи, состоящие в том, что в государственный парламент, подобный тому, чем был Немецкий Рейхстаг, пролезла основанная чисто на духовных вещах - об их содержании можно думать, что угодно, - партия, проникла туда, где должны формулироваться только человеческие права и тому подобное. В тот момент, когда в государственную жизнь приходит такая партия, эта государственная жизнь будет обязательно с одной стороны замутнена, - с духовной стороны. Поскольку государственная жизнь может процветать только там, где все люди равны, как до определённой степени равны в языке. В рамках государственной жизни может процветать только то, что основывается не на особых человеческих способностях, а на том, что от человека к человеку создаётся, исходя из изначального правового сознания. Как из понимания духовной жизни, так и из состояний, возникших в новое время из-за слияния духовной жизни с государством, возникает требование полностью отделить духовную жизнь как собственную организацию и предоставить самой себе. Не надо бояться, а этот страх приходит особенно с социалистической стороны, что, например, единая школа, которая обеспечивается с этой стороны, могла бы пострадать от того, что уже начальная школа ставится на собственное основание духовной жизни, с самостоятельным духовным управлением. Условия социальной жизни будут в будущем такими, что специальные школы для определённых слоёв и классов возникать не смогут. Как раз, если учитель самой начальной школы не будет являться государственным служащим, а будет зависим только от духовного управления, то не сможет возникнуть ничего, кроме единой школы. Поскольку посредством чего возникли слои? Как раз, посредством того, что духовная жизнь была слита с государственной жизнью.

С другой стороны, её нужно освободить от государственной жизни и экономической жизни. Только выдвигая такое требование по-настоящему оказываешься глубоко внутри практической жизни. Поскольку, по сути, можно сказать, что экономическая жизнь, как она развилась в новейшее время, имеет в себе нечто такое самоуправно принуждающее, что выходит за пределы устаревших государственных и прочих представлений. Об этом, правда, люди сегодня составляют себе ещё немного понятий, поскольку, как раз, не смотрят в направлении необходимых требований новейшего времени. Позвольте привести вам один из конкретных примеров, которых, однако, можно было бы привести сотнями, и который показывает, как экономическая жизнь эмансипировалась от других областей, от духовной жизни и правовой жизни, в современном человеческом развитии. Я хочу обратить ваше внимание на необходимое производство чугуна в начале шестидесятых годов девятнадцатого столетия. Тогда для немецкой металлургии требовалось 799 000 тонн чугуна, в производстве которого было занято 20 000 рабочих. Через сравнительно короткое время до конца восьмидесятых годов требовалось уже 4 500 000 тонн чугуна. Эти 4 500 000 тонн чугуна требовало приблизительно - разница совсем небольшая - то же число рабочих: 20 000. Что

это значит? Это значит, что без ущерба для всего того, что иначе произошло в человеческом развитии, без ущерба для того, что разыгрывалось в человеческом развитии, двадцатью тысячами рабочих, исключительно посредством технических улучшений, посредством технической организации конца восьмидесятых годов, было произведено примерно в пять раз больше железа, чем в шестидесятых годах. Это значит, что то, что принадлежит к технически-хозяйственному сделалось самостоятельным, вышло из прочего развития человечества. Но люди не обратили внимания, они совсем не видели, - можно привести сотни таких примеров, - как эмансипировалась экономическая жизнь. Нигде не было прослежено то, что сделали люди в самой экономической области, прогресс, который произошёл в экономической жизни, благодаря технике. Я хотел бы, чтобы приведённое выше мнение было понято правильно. Оно заключается в том, что, хотя техника и продвинулась вперёд, но не появилось никакой идеи относительно того, чтобы этот технический прогресс сопровождать соответствующим социальным прогрессом. - Тот, кто понимает, как наблюдать за фактами, знает, что эта современная экономическая жизнь эмансипировалась, и что, если кто-то требует этой эмансипации от государственной жизни, то он не требует ничего, кроме того, чтобы люди это признали и предпринимали то, что формируется само по себе. Так из некоторых примеров, которые не выдумали ни я, ни другие, а которые живут в самих фактах, следует необходимость эмансипации экономической жизни. Это то, чего требуют факты. Но что из этого следует?

Ну, основное, фундаментальное требование современной жизни может быть выполнено только посредством отчленения экономической жизни от государственной жизни. Здесь развитие должно проходить в противоположном смысле, нежели думают многие социалистические мыслители новейшего времени. В то время как многие социалистические мыслители думают, что экономическая жизнь должна развиваться как в каком-то большом товариществе, что она должна охватывать также духовную жизнь и государственную жизнь, как раз, экономическая жизнь должна отделиться и протекать в обращении производства товаров, циркуляции товаров, потреблении товаров. Только это может вести к удовлетворению необходимых требований жизни современности.

Смотрите, экономическая жизнь граничит с одной стороны с природными условиями. Управлять этими природными условиями мы можем лишь до определённой степени. Плодотворная ли местность, содержит ли почва сырьё для индустрии, урожайные или неурожайные годы, - это природные условия; они лежат в основе экономической жизни. Они образуют основу - с одной стороны. С другой стороны - в будущем надо основываться на чём-то другом, что так же мало может регулироваться в рамках экономической жизни, как природные силы почвы. Ведь, относительно природных сил нельзя написать какие-то правила. С другой стороны, экономическая жизнь должна граничить с правовой жизнью государства. То есть, как экономическая жизнь с одной стороны граничит с природными условиями, так с другой стороны она должна граничить с правовой жизнью государства. К ней относятся условия обладания, трудовые отношения, трудовое право. Сегодня дело обстоит так, что рабочий, не смотря на рабочее соглашение, всё ещё впряжён своей рабочей силой в кругооборот экономической жизни. Эта рабочая сила должна выйти из кругооборота экономической жизни, не смотря на опасения Вальтера Ратенау². А именно, выйти таким образом, чтобы оказаться на правовой почве государства, которое полностью независимо от экономической жизни. Количество, время, вид работы определяется, исходя из чисто демократических правовых отношений. Рабочий тогда, перед тем, как он вступит в экономическую жизнь, должен сам участвовать в определении количества, времени и вида своей работы. То, как определяется это количество, вид, характер рабочей силы, это будет лежать в основе экономической жизни с одной стороны, так же, как природные условия лежат в её основе - с другой стороны. Ничего в экономической жизни не будет в состоянии распространить основной характер этой экономической жизни на человеческую рабочую силу. Основным характером экономической жизни является изготовление товаров, чтобы

² Walther Rathenau: «Nach der Flut» («После наводнения»), 1919, антология небольших публикаций.

использовать товары. Это единственно здоровое экономической жизни. И единственным внутренним существом экономической жизни является то, что то, что включено в её кругооборот, должно быть до последнего использовано. Если человеческая рабочая сила включена в экономический процесс, то она будет использована. Но человеческая рабочая сила не должна быть без остатка использована, и потому она не должна быть товаром. Она должна определяться на почве независимой от экономической жизни правовой жизни государства, как для этой экономической жизни создана основа внизу, в почве, посредством независимых от экономического кругооборота природных сил. Перед тем, как рабочий начнёт работать, он должен определить вид, количество и время своего труда, исходя из правовой жизни.

Я знаю все возражения, которые могут быть выдвинуты против сказанного. Прежде всего, следующее. Ведь, как необходимое следствие этого воззрения всё же получается так, - могут сказать, - что то, что называется национальным благополучием, входит в зависимость от того, чем является трудовое право. Да, это тоже произойдёт, но это будет здоровой зависимостью. Это будет такая зависимость, которая не спрашивает о производстве, производстве и производстве, а которая спрашивает: Как человеку, занятому в экономическом процессе, сохранить телесное и душевное здоровье, не смотря на этот экономический процесс? Как наряду с использованием рабочей силы обеспечить ему наличие трудового покоя, чтобы он смог участвовать в общей духовной жизни, которая должна быть общечеловеческой духовной жизнью, а не классовой духовной жизнью? Для этого ему нужен трудовой покой. И только тогда, если возникнет так много социального сознания, что этот трудовой покой удовлетворит чисто человеческие потребности, когда признают, что этот трудовой покой принадлежит к работе и социальной жизни так же, как рабочая сила, - только тогда мы выйдем из путаницы и хаоса современности. Необходимо, чтобы те, для кого сказанное является кусанием кислого яблока, всё же его кусали. Иначе их другим образом заставят узнать, что означают современные требования, которые исходят не только из человеческих душ или из человеческих голов, а из самого исторического становления человечества. Тогда, если эти требования относительно трудового права будут выполнены, тогда любое ценообразование будет здоровым образом зависеть от трудового права, а не наоборот, как это сегодня происходит, не смотря на некоторые законы по защите труда; заработная плата, то есть, цена человеческой рабочей силы, будет зависеть от прочих условий экономического кругооборота. Человек будет определяющим для того, что может присутствовать в экономической жизни. Правда, в определённом направлении, а также по отношению к природе, к которой человек через технические объекты имеет доступ только в ограниченной степени, нужно быть разумным в определении трудового права и условий владения. Но в целом, экономическая жизнь должна быть зажата между правовой жизнью и природными условиями. Сама эта экономическая жизнь должна быть построена на чисто экономических силах, на ассоциациях, которые отчасти будут образованы из профессиональных слоёв, но в основном, исходя из гармонии потребления и производства.

Из-за отсутствия времени я не могу сегодня вдаваться в причины больших экономических кризисов, а именно, в то, как они недавно привели к великой катастрофе, Багдадская железная дорога и тому подобное, но необходимо всё же рассмотреть - и это можно показать конкретно, - как, собственно, надо думать об этих вещах.

Видите ли, здоровая экономическая жизнь может возникнуть только тогда, когда решающими будут рассматриваться не условия производства, а условия потребления. Теперь, позвольте мне вставить несколько слов о том, что было однажды предпринято в качестве попытки и что не удалось только потому, что во всём старом экономическом порядке такая отдельная попытка была обречена на неудачу. Она может удалиться, когда этот экономический порядок радикальным образом эмансипируется от прочей жизни. В обществе, которое, ведь, большинство из вас не слишком любит, потому что оно многое оклеветало, мы попытались, до того, как пришла военная катастрофа, в небольшой области, которая, конечно, является очень расширенной, в области производства хлеба, осуществить нечто из того, что должно

стать будущим экономического порядка. Мы были неким обществом, мы могли предоставить потребителей хлеба. Потребители были в наличии, и речь шла о том, чтобы наладить производство в согласии с потребностями потребителей. По разным причинам это дело провалилось, а особенно во время катастрофы войны, когда такие вещи были невозможны. Но возьмите другой пример, который, возможно, покажется вам странным, поскольку перед лицом «идеализма» сегодняшнего времени духовная жизнь для многих - ведь, идеалисты материализма являются особыми людьми, - несправедливым образом слита с экономической жизнью. В том самом обществе, которое, как было сказано, многие из вас не слишком любят, я всегда попытался поставить на здоровое основание экономический элемент духовной продукции. Подумайте только, на каком нездоровом основании стоит сегодня во многом духовная продукция. В этом отношении она является воистину образцом того, что не должно господствовать также и в самых широких областях нашей экономической жизни. Тот или другой - кто сегодня не считает себя писателем - пишет книгу или книги. Такая книга печатается изданием в тысячу экземпляров. Далее, сегодня действительно очень много книг, которые напечатаны в таких изданиях, из которых продаётся около пятидесяти, а остальные идут в макулатуру. Что же тут, собственно, происходит, когда 950 книг идут в макулатуру? Тогда столько-то наборщиков, столько-то переплётчиков работали непродуктивно, выполнялась работа, в которой не было никакой потребности. Это происходит в духовной области в отношении экономической жизни, в отношении материального. Я полагал, что здоровым было бы следующее: что, разумеется вначале должны быть созданы потребности. И в рамках этого общества, которое многие из вас по праву или без права не слишком любят, возникает потребность основать такой книжный магазин, где книга появляется только тогда, когда есть уверенность, что она найдёт покупателя, где производится только такое количество экземпляров, в каком есть потребность, так чтобы работа наборщиков и переплётчиков не вылетала в трубу, чтобы то, что произведено, соответствовало человеческим потребностям, которые можно считать и неверными. И это то, что должно происходить, что производство должно соответствовать потребностям. Но это может происходить только тогда, когда экономическая жизнь указанным образом построена на основании ассоциаций.

Начиная с 18-го столетия, в современной социальной жизни звучит тройной девиз: свобода, равенство, братство. Для кого эти три слова не звучат в человеческом сердце так, что он знает, что ими сказано великое? Но в ходе 19-го столетия нашлись умные люди, которые доказали, что эти три человеческих импульса противоречат друг другу. Они действительно противоречат друг другу. Три дорогих сердцу человеческих девиза противоречат друг другу. Почему же? Потому что они возникли в то время, когда, - насколько эти девизы входили в рассмотрение, - человек принял правильные человеческие импульсы, но когда он был ещё загнипнотизирован единым государством. Тогда ещё нельзя было понять, что благо будущего могло лежать только в трёхчленности, состоящей из духовного организма, хозяйственного организма и государственного организма. И поэтому верили в то, что свободу, равенство и братство можно осуществить в едином государстве. Там они противоречат друг другу. Расчленив здоровый социальный организм на его три естественных члена, тогда у вас будет решение для того, что человеческая душа вынашивает уже больше чем столетие: свобода - это основной импульс духовной жизни, где надо созидать на основе свободных индивидуальных человеческих способностей. Равенство - это основной импульс государственной и правовой жизни, где всё должно исходить из сознания равенства человеческих прав. Братство - это то, что в большом стиле должно господствовать в области экономической жизни; это братство развивается из ассоциаций. Эти три слова неожиданно получают смысл, если позволить пасть предубеждению о едином государстве и проникнуться убеждением о необходимости трёхчленности.

Я могу только коснуться этих вещей, и я могу понять, если сегодня ещё многие скажут, что эти вещи им непонятны. Я всегда старался найти причину собственно непонимания в этом призыве. И среди тех, кто тогда сказал, что нашёл его непонятным, было много таких, в

отношении которых я, например, не могу по-настоящему понять, как они затем хотят оправдать то, что они всё поняли, когда им приказывали понять в последние четыре с половиной года. Тогда эти люди поняли многое из того, что я действительно не понял. Но с этим призывом в человеческую душу проникает то, что она должна понять, исходя из своего самого свободного, самого внутреннего решения. Для этого, правда, необходима внутренняя сила души. Но эта внутренняя сила души будет необходима, если мы хотим выйти из хаоса и сумятицы этого времени. Этот призыв был сначала предпринят в самое ужасное время, в котором мы стояли, поскольку сначала он предполагался - сейчас мы, ведь, уже вступили в другую стадию - как основа такой внешней политики, о которой я мог предположить, что при определённом оживлении идей этого призыва, несмотря на то, что они казались только внутривполитическими идеями, было бы возможным, что они будут услышаны в громе пушек последних лет. Тогда из Центральной Европы влилось бы нечто, относительно чего можно было бы поверить, что оно доросло до, так называемых, четырнадцати пунктов Вудро Вильсона. Эти четырнадцать пунктов, которые были сформулированы воистину в совершенно других, нежели центрально-европейских интересах, были противоположны этим центрально-европейским интересам. Тогда была бы возможность говорить о взаимном понимании, в то время как все другие речи о взаимопонимании были пусты. Тогда то, что попытались сделать могло бы иметь результат. Но всё было впустую. Тем людям, которые ещё имели в то время влияние, которые были последователями тех, кто говорил о «прогессе ослабления общего напряжения» перед убийством от десяти до двенадцати миллионов людей, было сказано: У вас есть выбор, либо взяться за ум, либо ожидать чего-то ужасного. То, что стоит в этом призыве, - так я говорил в решающий момент в 1917-ом году, - это не мнение какого-то человека, это возникло, исходя из полного отдачи наблюдения возможностей развития Центральной и Восточной Европы. Вы имеете выбор, либо поставить перед человечеством то, что хочет осуществиться, чтобы это человечество Центральной Европы снова имело цель и могло говорить о ней как западные люди, либо вы встаёте перед ужасными катаклизмами и революциями. Тогда эти вещи слушали и также понимали; но не было воли, или, лучше сказать, не был найден мост от понимания до разворачивания воли. Сегодня факты громко говорят о том, что этот мост от понимания к воле должен быть найден. Это то, что должно быть сказано человечеству этим призывом. Этот призыв должен быть понят свободным внутренним решением. Он должен быть понят, исходя из мыслящей воли.

То, что я мог внести в это в изданной в эти дни книге «Основные пункты социального вопроса в жизненных нуждах современности и будущего», я внёс. Но человечество должно будет поверить в то, что нового строительства потребуются совершенно новые мыслительные привычки, что необходимо нечто такое, что таким образом не мыслится вправо или влево. К таким вещам нельзя относиться легко. Человечество должно привыкнуть к этому. Оно, ведь, принуждённое внешними фактами, привыкло считать, что прошло время, когда его учили: Счастливым, довольным, социально жизнеспособным вы можете быть только, если в порядке находится трон и алтарь. Из Востока Европы доносится сегодня другая песня: «Трон и алтарь» должны быть заменены на «Контору и фабрику». В утробе того, что возникает в конторе и фабрике, лежит нечто очень похожее, что и в том, что возникло под влиянием трона и алтаря. Единственно и только, если мы привыкнем не смотреть направо и налево, а смотреть только на большие исторические нужды развития, мы найдём путь, следуя которым, мы достигнем того, в чём нуждаемся, а именно, не с внешне-человеческим, ни с троном и алтарём, ни с конторой и фабрикой, а с освобождённым человеком. Поскольку, благодаря тому, что вы расчленили социальный организм на три члена, вы позволите участвовать человеку во всех трёх этих членах. Он стоит в экономической жизни, он стоит в демократическом государстве, он стоит в духовной жизни или имеет определённое отношение к ней. Он не будет расщеплён, а он будет соединяющим членом этих трёх областей. Речь идёт не о возврате к старым различиям слоёв, а, как раз, о преодолении этих старых различий слоёв, о полном изживании свободного человека,

благодаря тому, что социальный организм сам здоровым образом подразделяет внешнюю жизнь человека. Это то, о чём идёт речь в будущем. Мы можем освободить человека, мы можем предоставить его самому себе, только поместив его в мир так, чтобы он, не будучи расщеплённым в своей человечности, стоял во всех трёх областях.

Правда, можно видеть, как эти вещи сегодня ещё становятся очень трудно понимаемыми. Недавно я читал в одном городе в Швейцарии лекцию на эту тему. Тогда встал один из участников дискуссии и сказал, что он не совсем понимает трёхчленность, поскольку справедливость развивается на почве государства только в том случае, если она пронизывает также духовную жизнь, экономическую жизнь, то есть, справедливость должна развиваться во всех трёх областях. Чтобы пояснить это, я ответил, используя одно сравнение. Я сказал: Представьте себе крестьянскую семейную общину, состоящую из господина, его жены, детей, батрачек и батраков, и из трёх коров. Вся семья нуждается для жизни в молоке, но, ведь, нет необходимости в том, чтобы вся семья производила молоко. Если его производят три коровы, то молоко будет иметь вся семья. - Так тогда и в трёх областях социального организма будет справедливость, если на правовой почве, на почве эмансипированного государства будет производиться справедливость. Речь идёт о том, чтобы от умных мыслей и идей вернуться к простым мыслям и идеям, соответствующим действительности. Я убеждён в том, что этот призыв не понимается по той причине, что люди принимают его недостаточно просто. Те, кто принимают его просто, увидят, что из него и его идей хочет говорить такое стремление, чтобы мы, из путаницы современности, из хаоса современности, из экзаменов современности, постепенно пришли к жизни, в которой именно посредством трёхчленности социального организма мог развиваться целостно здоровый человек, душевно, телесно и духовно здоровый человек.

Заключительные слова после дискуссии.

Кто-то задает доктору Штайнеру вопрос о том, где в настоящий момент в нашей немецкой жизни, в форме того, как существует сегодняшнее правительство, видна лучшая возможность перенести высказанные идеи в действительность. Есть ли надежда, что при каком-то перевороте можно будет ожидать большего для этих мыслей, которые были представлены здесь сегодня вечером, или можно будет ожидать большего для расширения этих идей, если останется сегодняшнее, в большинстве своём социалистическое правительство?

ДОКТОР ШТАЙНЕР: Кто попытается глубже проникнуть в то, что, собственно, имеет в виду этот призыв, тому, я полагаю, будет не трудно найти направление, в котором поставлены полные значения, содержательно тяжёлые вопросы уважаемого предыдущего оратора. Я хотел бы отреагировать на историческое явление, которого коснулся уважаемый предыдущий оратор, несколькими словами. - Видите ли, я сделал это в лекции только в двух местах, но я думаю, что для тех, кто действительно пытается проникнуть в публичную жизнь и кто осмеливается, доверяет себе осмеливаться, участвовать в её обсуждении, эта публичная жизнь должна уже некоторым образом вбросить свои отражения в личное переживание. - Я привёл это личное только в двух местах, но, возможно, как раз, в связи с этим вопросом позвольте мне сказать: Я, собственно, сам вышел из пролетарских кругов, и сегодня я ещё могу вспомнить, как я, будучи ребёнком, видел из окна, как мимо проходили первые австрийские социал-демократы на первое австрийское собрание в свободном соседнем лесу. Это были в основном горняки. С той поры я мог, собственно, пережить всё, что разыгрывалось в рамках социалистического движения как я это охарактеризовал в лекции, и как это получается, когда судьбой было определено думать не просто о пролетариате, а думать с пролетариатом, и при этом быть в состоянии иметь свободный взгляд на жизнь и на отдельные её области. Наверное, именно в этом я сдал экзамен в 1892-ом году, когда написал свою «Философию свободы», которая воистину выступила, как раз, за ту структуру человеческой общественной жизни, в которой я вижу сегодня необходимость, как раз, для развития человеческих способностей. Теперь, видите ли, в восьмидесятих годах прошлого столетия можно было принимать участие во многих дискуссиях и тому подобном в рамках

социального движения, где отражалось то, что поднималось тогда в виде социалистических идей. Во всём этом был, я бы сказал, определённый основной тон.

Это заведёт нас слишком далеко, если мы будем об этом говорить, поскольку история современного социализма очень велика; это заведёт нас слишком далеко, если я захочу раскрыть эту главу подробнее, поэтому то, что я говорю, уже будет подчиняться той судьбе, что нужно характеризовать, как бы, сверху. Во всём том, что так активно жило в пролетарско-социалистическом мировоззрении, было нечто такое, что я бы обозначил как критику общества. Было нечто такое, что с чудовищной остротой, с остротой человеческого самопереживания могло указать на весь процесс современной жизни в продолжении последних четырёх столетий. Переживалась социальная невозможность современности. Даже когда об этих вещах говорили в узком кругу, самые знающие, самые деятельные люди - я привожу здесь в качестве примера недавно умершего Виктора Адлера и Е. Пернерсторфера (Pernerstorfer) - в определённый момент прекращали дискуссию, когда должны были развиваться представления о том, что должно произойти, если те внутренние следствия, на которые указывалось, внутренние следствия современного экономического порядка придут к своему разрешению, к тому, что называли «экспроприация экспроприаторов». Что должно тогда произойти? Если принять во внимание полный нуль того, что тогда было дано как ответ на этот вопрос о том, что должно произойти, то можно было уже получить определённую культурную озабоченность, поскольку уже тогда можно было заглянуть в то будущее, которое сегодня, собственно, уже наступило. В то будущее, в котором те, кто думали так, как люди тогда думали, будут призваны к позитивному созиданию. Те, кто вышел теперь из этих воззрений, которые приносили такую озабоченность, - ведь, нет необходимости быть каким-то фанатичным буржуа, чтобы получить такую озабоченность в дискуссии с социал-демократами, она могла исходить из честного человеческого мышления и воления, - потомки этих людей являются современными социалистами человечества, а эта культурная озабоченность обуславливается фактами. Это с одной стороны. С другой стороны, все те люди, которые так говорили, сказали: Дайте нам только встать у руля, тогда всё прочее приложится. - Кто не мог поверить в то, что «всё прочее приложится», стал всё же в большей или меньшей степени пророком того, перед чем мы стоим сегодня: перед беспомощностью последователей этих людей перед фактами. В то время вы были бы фанатичным парнем, если бы указывали на то, что произошло сегодня.

Я действительно восхищаюсь Карлом Марксом из-за его остроумия, из-за его всеохватывающего исторического взгляда, из-за его великолепного всеохватывающего чувства для пролетарских импульсов новейшего времени, из-за его обширного критического видения саморазрушительного процесса современного капитализма и из-за его многих гениальных качеств. Но тот, кто с ним знаком, знает, что Карл Маркс был, по сути, великим социальным критиком, который всё же всегда подводит там, где нужно указать на то, что, собственно, должно произойти. Уже здесь лежит источник того, что мы сегодня видим как факты, а лучше сказать, как неспособность прийти к позитивному строительству. Теперь мы видим не только последствия фактов, но и последствия мнений. Смотрите, когда я недавно в другом месте, тоже в Базеле, но перед другой публикой, нежели я имел до этого, читал лекцию, один из ораторов дискуссии сказал, что если мы ходим прийти к оздоровлению, прежде всего необходимо, чтобы Ленин стал мировым властителем. Другие социальные дела могут быть национальными, интернациональными, но Ленин должен стать мировым властителем. Ну, в отношении такого замечания позвольте мне сказать следующее: Как мы понимаем в том числе и понятие социализации, кто-то более или менее, исходя из своих взглядов, кто-то - из предпочтения или под принуждением фактов, - будем всё же немного последовательны и в этих вещах. Если мы хотим социализировать, то, я полагаю, первым из того, что мы социализируем, должны быть условия господства. Тот, кто требует мирового господства, может социализировать в некоторых областях, но в области условий господства он определённо не социализирует. Социализация господства - это то, что действительно является основным требованием. Итак, смотрите, можно быть радикальным сегодня и быть в

основе своей консервативным, даже ужасно реакционным. Таковы часто те, кто прошёл то, что я охарактеризовал.

О многих вещах надо сегодня думать парадоксально, поскольку то, что является истиной, так сильно противоречит мыслительным привычкам, что люди сегодня предпочитают выставлять противоречия, нежели простые истины. Но нам нужны и последствия мнений. Рассмотрим мнение такого последовательного мыслителя - можно относиться к нему как угодно - как Ленин. Поскольку, ведь, он последователен, в том числе и в отношении определённых действий. Если рассмотреть его взгляды, то, прежде всего, надо сказать, что он, по его мнению, больше, чем все другие, и прежде всего больше, чем большинство социалистов, привержен марксизму. И интересно, что в одной своей книге, как раз, исходя из марксизма, он делает в высшей степени интересное замечание. Оно тем более интересно, по крайней мере в формальном отношении, что оно сделано не кем-то, пишущим о социалистических партиях в четырёх стенах, или кем-то, кто является, скажем, министром или занимающим общественный пост, а могущественным человеком. Он обсуждает то марксистское воззрение, где указывается на то, как старое буржуазное государство должно перейти в пролетарское государство, и что это пролетарское государство, однако, имеет единственную задачу, постепенно убить самого себя. То есть, основание государства, которое создаёт такие законы, которые его в конце концов убивают. В этом государстве будет такой общественный порядок, благодаря которому, все люди будут равны, и не только в отношении закона, но и в отношении экономических и духовных условий. О, духовные рабочие не получают не пфеннига больше, чем физические рабочие. Но в то же время Ленин полностью придерживается того взгляда, что это лишь переходной период. Затем, и это он выводит из марксизма, после того, как пролетарское государство будет умерщвлено, то есть, всё то, к чему он стремится сегодня исчезнет, придёт другое, что, собственно, является большим идеалом, который будет изживаться в том, что будет такой общественный порядок, в котором каждый, - теперь не равный всем остальным, - будет получать согласно своим дарованиям и потребностям. Но - теперь обдумайте это большое НО, - но, говорит Ленин, это состояние нельзя достичь с современными людьми, должен прийти новый человек. Видите ли, это тоже в определённом смысле правильное мышление, только правильное в своеобразном смысле. Тут у вас есть на одной стороне негативное и на другой стороне негативное из того, что привело к сегодняшним фактическим последствиям, где люди стоят перед задачами, которые они, исходя из старых теорий и старых догм, разрешить не могут. Вы имеете последствие мнения: Надо что-то сделать, но для людей, которых ещё нет.

Но, уважаемые присутствующие, в сравнении со всем этим, наш призыв пытается сделать что-то для людей, которые уже есть. И именно этим наш призыв отличается от всех других, что он радикально иной, чем всё другое, что выступает сейчас в этой области. А что же выступает? Программы! Ну, программы сегодня так же дешёвы, как ежевика. Основываются товарищества, партии, создаются программы, - это очень легко. Но речь идёт не об этом. Этот призыв стоит не на теоретической, догматической почве, а на почве действительности, на действительно практической почве. Поэтому он ориентирован не на программы, а на человека.

Уже часто говорилось о том, что если человека с рождения поместить на необитаемый остров, то он никогда не научится говорить, - говорить он научится только в обществе людей. Так и социальные импульсы никогда не могут развиваться в отдельном человеке, а только в совместной жизни с другими людьми. В отдельном человеке они развиваются очень своеобразно. Есть доказательство этому. Вы знаете сегодня таких большевиков как Ленин, Троцкий и так далее. Я хочу назвать вам другого большевика, о котором вы, вероятно, ещё не думали, и будете очень удивлены, если я назову его большевиком. Этот большевик - Иоанн Готлиб Фихте! Ни один человек не может испытывать большего уважения к Иоанну Готлибу Фихте, чем я, но прочитайте его «Замкнутое торговое государство» («Geschloßnen Handelsstaat»), прочитайте об общественном порядке, который он там выдвигает. Воистину он осуществлён в России. Что лежит тут, собственно, в основе? Фихте был великим

философом, великим мыслителем, можно сказать, что все духовные пути, которыми он шёл, проходят по праву, когда приходит к развёртыванию то, что заложено внутри человека, что вытекает из человеческих дарований. Но новейшее время ставит человека на вершину индивидуальной личности. С одной стороны, мы должны сегодня образовывать эту личность, но из неё социальный порядок возникает так же мало, как из отдельного человека выходит речь, если он развивается один. Социальные идеи, социальные импульсы, социальные институты могут развиваться только в самой социальности. Поэтому надо не создавать социальные программы, а просто установить: как люди должны стать социально организованными, как они должны жить вместе, чтобы им найти в этой совместной жизни правильные социальные импульсы? Это то, что ищется в этом призыве. Это то, что является важным: Как люди должны быть включены в социальный организм, чтобы в тех условиях, которые возникнут тогда, исходя из верной его организации, они нашли социальные импульсы. Этот призыв не полагается на идеи, которые очень часто возникают при социальном мышлении, позволяющие быть умнее, чем другие люди. Тот, кто написал этот призыв, так не считает; но он верит в то, что этим призывом он будет приведён к горячему пункту действительности. Людям, с которыми я часто разговаривал в узком кругу, я постоянно говорил: Я могу себе представить, что от того, что лежит в основании этого призыва, не останется камня на камне, что всё будет иначе, нежели было придумано первоначально, но важно не это. Важно то, чтобы с действительностью обходились так, как здесь имеется в виду, тогда люди, которые обходятся так с действительностью, уже найдут то, что будет соответствовать этой действительности. Мне важна не программа, не детали, а то, чтобы люди взаимодействовали так, чтобы посредством этого взаимодействия находились социальные импульсы. Это то, что должно сегодня лежать в основе соответствующего действительности мышления: привести людей к правильным взаимоотношениям. Если человек хочет выдумать какую-то программу из самого себя, как Ленин, как Троцкий, как также сделал Фихте, то из неё ничего не выйдет, поскольку социалистическое воление может развиваться только в социальном контексте.

Поэтому надо разыскать правильную структуру, правильную форму здорового социального организма. То, что сегодня живёт как социалистическая теория, напоминает старое суеверие, о котором говорил Гёте в своём «Фаусте», напоминает то, как в средневековье, исходя из чистой понятийной идеи, хотели соединить определённые субстанции, чтобы создать гомункула. На это сегодня по праву смотрят как на средневековое суеверие. Но в человеческом развитии кажется происходит так, что это суеверие из одной области сбегает в другую. Этого гомункула не ищут больше в реторте, а пытаются из всяких мыслительных ингредиентов составить идеальную картину социального порядка. Это социальный гомункул, социальная алхимия. От этого суеверия сегодня страдает мир. Это суеверие должно исчезнуть. Должно стать ясным, что надо иметь дело с реальностью, что надо указать на то, как люди должны стоять в социальном организме. Поэтому я говорил: В конце концов не важно, как зовут тех, кто будет там или здесь принимать участие в новом строительстве. Не важно, какие бывшие классы и общественные круги будут теми, кто будет участвовать в этом новом строительстве. Не важно, как они называют то, что необходимо, диктатурой в переходное время, или уже устоявшейся демократией, - всё это, в конце концов, всё же вторичные вопросы. То, о чём идёт речь, это чтобы правильно мыслили, чтобы правильно чувствовали, чтобы правильно волили. Я постоянно подчёркиваю, что можно иметь всяческие прекрасные мысли о социальных институтах, что надо в каждом месте, где только возможно, преобразовывать социальные институты, это совершенно верно. Но тот, кто полагает, что вглядывается в условия глубже, должен также предположить, что, исходя из этих условий, ему откроется следующее.

Какие бы хорошие институты вы сегодня ни создали, если вы оставите мыслительные привычки людей такими, каковы они есть, то через десять лет от этих институтов ничего не останется. Сегодня мы нуждаемся не просто в каком-то изменении институтов. Как бы парадоксально это ни прозвучало, то, в чём мы сегодня нуждаемся, это другие головы на

наших плечах! Головы, в которых находятся новые идеи! Поскольку старые идеи привели нас к хаосу. Это надо учесть. Поэтому сегодня речь идёт о том, чтобы в самых широких кругах распространять разъяснение о жизненных условиях здорового социального организма. Сегодня важно начать со свободной духовной жизни, начать с того, чтобы повсюду расширять возможности принесения людям понимания здоровых условий социального организма. Прежде всего, мы нуждаемся в людях, которые занимаются не социальной алхимией, социальным гомункулом, а действуют, исходя из социальной действительности. Поэтому я не думаю, даже если за прошлым свержением последует ещё другое и ещё другое, что без основательного переобучения в отношении мыслей, какое-то свержение принесёт что-то здоровое. Только когда стремление к здоровой организации духовной жизни, распространение здоровых идей, возбуждение здоровых ощущений станут идеалом, тогда появятся и люди - независимо от того, в чём они себя проявляют, в правлении советов или в чём-то другом, - которые будут в состоянии вызвать оздоровление социального организма. Я считаю это самым важным. Самое важное - это революционизирование мира человеческих мыслей, чувств и воли. Только на этой основе сможет появиться то, чего жаждет предыдущий оратор. Я не думаю, что без такого основания, посредством чего-то другого, может прийти оздоровление. Поскольку я рассматриваю это дело так серьёзно, я вошёл в ту область, которая нашла своё выражение в этом призыве. Только когда появится всё больше и больше людей, у которых есть честная воля и смелость для того, чтобы сначала радикально понять эту трёхчленность, а затем её осуществить, - осуществить с того пункта, в котором мы стоим сегодня в практической жизни, - когда достаточное количество людей с новыми мыслями заменят людей со старыми, неплодотворными мыслями, тогда каким-то образом появится то, что должно произойти для блага людей и для освобождения людей.

Один коммунистический оратор сомневается в том, что социализацию в той форме, о которой идёт речь в этой лекции, можно осуществить с сегодняшними людьми.

ДОКТОР ШТАЙНЕР: По сути, мало чего можно сказать в отношении того, что сказал этот уважаемый оратор, а именно, по той причине, что в конце концов он высказался за трёхчленность и, собственно, пытается только справиться с неким пессимизмом, а именно, с тем пессимизмом, что люди сегодня являются незрелыми для этой трёхчленности и должны сначала пройти через коммунизм в смысле Ленина и Троцкого. Это было сказано так, будто это обсуждалось здесь, что они не доросли до своих прав. Я сказал только: «можно думать об этом, как угодно», это единственное, что я сказал о содержании. Я охарактеризовал только форму. Мне кажется, что уважаемый господин оратор не верит, что человечество действительно может быть духовно приведено к тому, чтобы поставить на плечи другие головы. Ну, видите ли, все мы, ведь, участвовали в том, что люди ещё пять месяцев назад хотели мировую войну и так далее. Но, уважаемые присутствующие, я полагаю, что наряду со всем тем, что может быть сегодня сказано людьми, есть, как раз, один превосходный мастер-учитель: это сам мир фактов. Это сама эта ужасная мировая катастрофа. Правда, я не думаю, что для всех людей было достаточно времени, с тех пор, как эта мировая катастрофа войны вступила в свою новую фазу, чтобы переобучиться. Но пессимизм предыдущего оратора, в той форме, в какой он у него есть, я поначалу по совершенно определённым причинам разделить не могу. А именно, по следующим причинам. Видите ли, если бы дело обстояло просто так, что нельзя было бы прийти к трёхчленности никаким другим путём, кроме как через коммунизм, - поверьте мне, я действительно не страдаю от какой-либо мелочности или малодушия в отношении того, что необходимо, - то с этим можно было согласиться. Если бы только было возможно, как это сформулировал предыдущий оратор, прийти к трёхчленности через коммунизм, я бы тут же согласился с тем, что надо идти этим путём. Но я не случайно, а, исходя из жизненного опыта десятилетий, говорил о троне и алтаре, с одной стороны, и конторе, и фабрике, с другой стороны. Видите ли, я, ведь, вероятно, в два с половиной раза старше этого предыдущего оратора. Теперь, ведь, определённно сегодня и в этом возрасте, - я хочу коснуться этого лишь несколькими словами, -

имеется мнение, что многое из того, что должно быть сделано, может быть сделано только молодёжью. Я думаю, что к концу своих шестидесятих можно иметь такую же молодую душу, как и у этого господина оратора. Это может показаться эгоистическим. Но я очень хорошо обдумал то, что я сказал о троне и алтаре и о конторе и фабрике.

Видите ли, просто дело обстоит так: когда создают какую-то социальную структуру, создают, ведь, не что-то вечное в стабильном состоянии или только на долгое время, а создают нечто становящееся, нечто растущее. И для того, кто получил необходимый жизненный опыт, дело обстоит так, что он хорошо знает, что когда ребёнок растёт, тогда с возрастом он приобретает другой вид. Так же, когда он углубляется в условия жизни социального организма, у него есть определённое представление о том, как этот социальный организм растёт и что из него получится. Тут я вижу, с одной стороны, нечто такое, что устарело, вышло из более старых обществ: частное экономическое управление новейшего времени, капитализм сегодняшнего времени с его ужасным вредом. Это мы пережили как разложение при троне и алтаре. Теперь мы начинаем заново с коммунизмом, только уже формируя несколько иначе, - не под девизом «трон и алтарь», а под девизом «контора и фабрика».

Хорошо, начнём с начала. Через какое-то время мы окажемся не при трёхчленности, а при какой-то другой форме, при ужасно забюрократизированной форме под девизом «контора и фабрика», под тем, что сегодня подготавливается в коммунизме. Там не будет того, что неимущий испытывает из-за имущего. Там будет - вы можете в это верить или нет, - охота за местами, чтобы, благодаря этой охоте за определёнными местами, достичь того, что сегодня достигается, благодаря капиталистической выгоде. Там будет вместо сегодняшнего вреда ужасное шпионство. Обо всё этом не думают те, кто сегодня из-за своей недалёковидности хочет установить прошлый общественный порядок, чтобы начать снова, и полагать, что если начать с тем, что уже опробовано, к старчеству чего мы пришли, то можно прийти к другим состояниям. Конечно, перед лицом того, что мы пережили, что много людей верили в то, что им приказывали, в то время как они лишь с большим трудом доходили до чего-то подобного этому призыву, можно стать и пессимистом. Пессимизм как явление времени я полностью понимаю. И в определённом отношении, месяцами говоря об этих вещах, я также ощутил нечто такое, что кажется неким трагизмом времени, что можно так мало войти в дискуссию с буржуазными личностями. Я рассматриваю это как очень важное явление. Это нечто такое, что очень, очень склоняет к пессимизму. Тогда переживается нечто подобное. Например, недавно в одном южном городе я пережил, что в одном газетном обсуждении с частной стороны было сказано, что, да, я сделал хорошее замечание в первой части своей лекции о духовной жизни, но всё же хотелось бы, чтобы появился оратор, который рассматривал бы частно-экономический капитализм как своё дело и защищал бы его, поскольку его можно было бы и защищать. Он был опечален тем, что не выступил такой оратор. Тут хотелось бы всё же верить, что капиталистический порядок подошёл к своему концу. - Клубок противоречий. Во-первых, надо признать, что частно-капиталистическое правление, частно-капиталистический экономический порядок нужно было бы защищать, то есть, он всё же должен был бы представлять собой нечто долговечное. Во-вторых, однако, пишущий сам в нём сомневается, поскольку не нашлось ни одного оратора в его защиту. В-третьих, если отсылающий сам там был, да, почему же, собственно, он сам молчал?

Это так, будто люди сами себя стирают и тем самым доказывают, насколько они приблизились к нулю. Я могу всё это понять, но всё же, для того, кто мыслит не пессимистически, существует лишь следующее: Как нам прийти к тому, чтобы найти как можно больше людей, которые понимают эту трёхчленность, - тогда мы действительно можем её в очень короткое время осуществить. Я нигде не говорил, что её можно осуществить только через десять лет. Нет, уже сегодня эту трёхчленность можно осуществить, начиная с любого пункта. И, поскольку это входит в головы, мы хотим её воспринимать достаточно глубоко и работать для неё. Но для того, чтобы вообще хотеть работать во благо людей, надо быть не пессимистичным, а верить в свою работу. Надо иметь

мужество, действительно думать о том, что можно осуществить то, что считаешь правильным. Я считаю это самоуничтожением, когда кто-то говорит: У нас есть идеи, которые можно осуществить, но я в это не верю. Этот вопрос я не считаю вопросом действительности, а считаю таковым только этот: Что нам делать, чтобы соответствующая действительности идея как можно быстрее осуществилась? Мы думает не о том, каковы сегодня головы, а о том, какими они должны стать.

Наберёмся мужества, и нам не нужно будет ожидать появления новых людей, а мы найдём людей, которые, хотя и были угнетены насилием последних лет, поставят новые головы на свои плечи другим способом, нежели некоторые думают. То есть, не будем пессимистами, а будем работать и действовать, - тогда мы увидим, пробьют себе путь эти идеи, или у нас есть повод для пессимизма. Если бы такой повод был, то я полагаю, что эти десять лет перехода вели бы не к трёхчленности, а к чему-то другому. Мы многое превратили в руины, и многое ещё превратили бы в руины, и ещё до истечения этих десяти лет настало бы время, когда мы оказались бы перед невозможностью дальнейшего превращения в руины, поскольку всё уже было бы руинами. Поэтому лучше работать, чем впадать в малодушие.

II. Пролетарские требования и их будущее практическое осуществление

*Лекция для рабочих и служащих сигаретной фабрики Вальдорф-Астория.
Штуттгарт, 23 апреля 1919 года*

Мы стоим сегодня в высшей степени значительном времени, которое уже дало о себе знать в большей части Европы громко говорящими фактами, фактами, которые будут только множиться, и в это значительное время, как раз, в этих кругах необходимо серьёзно, очень серьёзно подумать над задачами, которые может иметь человек, как работающий человек; о правах, которые он должен иметь; о том, как вообще должна протекать жизнь. О необходимости серьёзно поразмыслить, и, прежде всего, поразмыслить совершенно определённым образом, - об этом необходимо сказать несколько вводных слов.

Смотрите, большинство из вас в ходе этих лет выработало некоторые взгляды на то, что должно произойти для, так называемого, решения социального вопроса, для социального движения. Многое из того, что сформировалось в виде таких взглядов, должно измениться также и в рамках рабочего класса. Об этом сейчас, когда мы стоим перед совершенно другими вещами, нежели стояли ещё короткое время назад, - об этом в самое ближайшее время и уже сегодня надо думать иначе. О том, как нужно стараться думать, - об этом мы, как раз, хотим поговорить. Но сначала мы должны признать, что сегодня прежде всего важно то, чтобы мы доверяли друг другу и, исходя из этого доверия, могли действительно что-то сделать. Этого доверия становилось всё меньше и меньше в сейчас уже истёкшее время, которое, ведь, проявилось в том, что оно привело к ужасной катастрофе, в результате которой в Европе было убито по меньшей мере 10-12 миллионов людей и втрое больше покалечено. Это было последним следствием социально ошибочных мыслей и желаний до того правящих классов человечества. Сегодня совершенно правомерные требования времени исходят от совершенно других классов человечества, они исходят от пролетариата. Но, благодаря этому, сегодня и пролетариат поставлен перед совершенно другими задачами, нежели он стоял ещё короткое время назад.

Для того, чтобы указать на эти задачи, я хочу сказать только одно, что даже сами ведущие социал-демократы за короткое время перед октябрьской катастрофой³, ноябрьской

³ Революция началась в Германии с восстания моряков в Киле с 28 по 31 октября 1918 года. 9 ноября республика была провозглашена в Берлине после того, как Вильгельм II был заменён на принца Макса фон Баден. Однако никакого нового начала не было. «Немецкое национальное собрание в Веймаре 11 февраля 1919 года» предоставило для консерватора, в первую очередь силам, обращающим больше внимания на

катастрофой в Германии, говорили: Да, когда война закончится, германское правительство должно будет относиться к пролетариату совершенно иначе, нежели до этого. Оно должно будет учитывать пролетариат при всех правительственных решениях, при создании всех законов. Оно не сможет больше обходиться с пролетариатом так, как раньше. - Видите ли, это было сказано ведущими социал-демократами относительно короткое время назад. Но что это значит? Это значит, что эти ведущие социал-демократы за короткое время перед ноябрьской революцией ещё рассчитывали на то, что после войны останется старое германское правительство. Теперь мы стоим перед фактом, что в Европе, Центральной Европе эти правительства сметены. Поэтому получается само собой, что они могут учитывать эти социальные требования. То есть, об этих вещах нужно говорить, исходя чисто из фактов, совершенно иначе, нежели ещё короткое время назад говорили даже самые проницательные, разумные социал-демократы. Поскольку сегодня пролетариат сам стоит перед необходимостью создать из хаоса, из неразберихи современности нечто разумное. Поэтому сегодня необходимо видеть нечто другое, нежели короткое время назад.

Видите ли, когда недавно кто-то говорил так, как сейчас говорю я перед вами, то обращалось внимание на то, что он говорил в отношении содержания. Проверялось, соответствуют ли вообще сказанные вещи старым социальным идеям или идеалам пролетариата, и оратор отвергался, если он как-то отклонялся от этого, по крайней мере, в главном. Сегодня эти вещи должны измениться, иначе мы не выйдем из хаоса, а наоборот ещё глубже погрузимся в этот хаос, в неразбериху. Сегодня мы должны, я бы сказал, для пробуждения взаимного доверия, использовать нечто совершенно другое. Мы должны тщательно проверять намерения, должны проверять, лежат ли в основе сказанного честные и искренние намерения. Сегодня, собственно, каждый, кто честно и искренне выдвигает требования пролетарского мира, должен иметь возможность получить слово, независимо от того, как он себе представляет то, что произошло. То, как мы сейчас эти требования удовлетворяем, это сегодня уже второй вопрос. Первый вопрос заключается в том, что тот, кто сегодня хочет говорить о преобразовании, о новом строительстве, должен быть честным в отношении требований пролетариата; он должен быть честным в том направлении, что он должен быть убеждён в том, что эти требования как таковые, то, что хочет пролетариат, являются оправданными. Поскольку только тогда, когда эти требования признаны правомерными, можно говорить о некоем основании, тогда можно говорить о том, как эти требования могут быть исполнены и удовлетворены.

Теперь, смотрите, ведь, во многих отношениях вы обнаружите, что призыв, который, вероятно, вам известен, отклоняется от прежних социалистических требований. Тем не менее, я думаю, что, как раз, когда будет пробуждено понимание для того, к чему стремятся через этот призыв и через в эти дни появившуюся книгу «Основные пункты социального вопроса, будет более интенсивным и правильным образом достигнуто то, что, собственно, хочет новейшее пролетарское движение последнюю половину столетия. Это желание было, как бы, требуемым самим временем. Не могло продолжаться так, как это делалось правящими классами до сих пор. Но из критики поведения эти правящих классов сегодня должны выйти идеи о том, как надо действовать, - что, собственно, надо делать. Ну, по сути, как раз, пролетариат наилучшим образом предварительно поработал над такой организацией, какую требует этот призыв. Поэтому я думаю, что, когда будут устранены некоторые недоразумения, тогда, как раз, среди пролетариата возникнет наибольшее понимание этого честно относящегося к сегодняшним условиям человечества призыва.

Не правда ли, то что переживается, когда человек, как я, мыслит не о пролетариате, а всегда с пролетариатом, так это то, что этот пролетариат, благодаря условиям новейшего времени полностью впряжён в кругооборот экономической жизни. Поэтому не удивительно, что пролетариат сегодня обращается к тем, кто присвоил плоды этого экономического

внешний порядок, пространство, в котором плодотворные предложения Рудольфа Штайнера не могли найти себе почву.

процесса в, так называемой, «высокой культуре», кто является правящими классами: Мы хотим из этого экономического процесса создать совершенно новый социальный порядок. - Правящие классы в продолжении столетий, особенно в девятнадцатом столетии, так впрягали рабочего в экономическую жизнь, так сильно заставляли его заниматься экономической жизнью, забирали так много времени для занятия экономической жизнью, что рабочий, по сути, не мог видеть ничего, кроме этой экономической жизни. Он видел, как вся его рабочая сила забирается этой экономической жизнью, как он, благодаря этому, создавал прибыль, посредством которой, так называемые «высшие классы» удовлетворяли свою, так называемую «высшую культуру». Он видел, что из-за такой экономики он жил плохо, а другие - хорошо, и, в конце концов, сказал себе: Ну, да, всё является экономической жизнью, поэтому из неё должен прийти новый порядок, который каким-то образом принесёт благо для будущего. - Было само собой разумеющимся, что должно было возникнуть это воззрение. Но речь идёт не о том, чтобы судить об этом социальном порядке из того, во что мы, как раз, верили, а о том, что мы должны себя спросить: Что необходимо для того, чтобы социальный организм стал действительно жизнеспособным? И, видите ли, подумать таким образом над этим жизнеспособным организмом, который каждому даёт возможность достойным человека образом ответить на вопрос: Кто я, собственно, как человек? - это была задача, которая была поставлена прежде всего, до того, как, исходя из жизненного опыта, который почти так же стар, как это новое социальное движение, - в это трудное время человечества, был составлен этот призыв к человечеству. Он не вышел из каких-либо мимолётных мыслей, подобных тем, на основе которых создаются разнообразные социальные программы, а он возник из такого длительного сопереживания социального движения, которое мог, например, сопережить я. Тут можно было уже видеть, что основной причиной, почему мы сегодня так отстали в отношении решения самых насущных социальных вопросов, является то, что, как раз, правящие классы, исходя из своих мыслей, были не в состоянии найти то, что может здоровым образом поставить социальный организм на ноги. Этого, конечно, нельзя найти, исходя из каких-либо буржуазных мыслей, а можно найти только тогда, когда мыслишь не буржуазным, и не пролетарским, а только человеческим образом.

Вы можете спросить, уважаемые присутствующие, почему те, кто представляет этот призыв, не присоединяются к какой-либо социалистической партии? Я хотел бы ответить на это очень простым указанием: более надёжным, чем такое присоединение к какой-либо партии, программы которых, ведь, должны быть изменены, для вас сегодня может послужить то, что тот, кто первоначально написал этот призыв никогда не принадлежал и не мог принадлежать также и ни к какой буржуазной партии, ни к какому буржуазному союзу. Этот призыв начинается с обсуждения духовной жизни. Эта духовная жизнь требует полного своего преобразования, даже радикального обновления. Я не думаю, что сегодня кто-то без дальнейших усилий, здоровым образом и непредвзято может судить об этом преобразовании, если он уже десятки лет не занимался духовной жизнью так, как ею надо будет заниматься здоровым образом в будущем. Конечно, когда высказываются такие вещи, тогда надо говорить несколько радикально и кто-то тогда скажет: Ну, дела не так уж плохи. - Я сам никогда не жил в какой-либо зависимости от государства или другой корпорации для ведения духовной жизни. Всю свою жизнь я пытался заботиться о духовной жизни только, исходя из самого себя. Как раз, к этому, как к чему-то общечеловеческому, надо стремиться посредством этого призыва. Поскольку тот, кто так заботится о духовной жизни, кто никогда в своих духовных устремлениях не хотел быть зависимым от какого-либо государства или от чего-то ещё из ушедших буржуазных институтов, тот, как раз, в отношении духовной жизни, переживает некоторые вещи, которые дают ему понимание современной пролетарской жизни. Известно, как было трудно освободиться от оков той духовной жизни, которая принесла столько бед, - гораздо больше, чем вы можете сегодня думать со своим социалистическим настроением, - как раз, в распространении нужды и бедствий для телесной и душевной жизни пролетариата.

Поскольку в материальных областях, в областях внешней экономической жизни люди делятся сегодня на два класса: на класс буржуазии, который сплавлен с аристократией, и на класс пролетариата. Пролетарий сегодня знает, поскольку он стал классово сознательным, что он должен требовать. Он пролетарий. У него нет выбора. Экономическим процессом он вброшен в пролетариат. Духовный рабочий при старом экономическом порядке и старом государственном порядке не имел даже выбора, стать духовным предпринимателем или пролетарием. - Пролетарием он мог стать там едва ли, не заключив мир с правящими властями. В духовной области можно было только продираться через трудности, которые были при старом порядке, или, заключив мир с властями, если сотрудничать, как пролетарий должен сотрудничать в материальной области, тогда становятся не пролетарием в духовной области, а кули⁴. Надо было как духовному работнику либо брать на себя всё, что он мог вывести из старого порядка, либо становится кули, то есть, хуже, чем пролетарием, если он отдавался тому, что образовала социальная структура в старом порядке. Поскольку дело обстоит так, - я не хочу делать личные замечания, а хочу оставаться на объективной почве, - поскольку духовный кулизм стал таким ручным у экономических и государственных властей, - поэтому мы пришли к такому бедствию, с одной стороны. Рабочий сам не может охватить это взглядом, поскольку с появлением новой техники и приходом опустошающего душу капитализма он оказался впряжённым в чисто экономический порядок. Тот, кто впряжён, как раз, не таким, а духовным образом, знает, что для блага человеческого развития необходима эмансипация духовной жизни. Он знает, что это невозможно, что те, кто должен заботиться о способностях, дарованиях человечества, о том, что человек приносит в мир посредством своего рождения, являются лишь слугами того, что в новейшее время сформировалось в виде государственного, или экономического, порядка. Освобождение духовной жизни - это первая задача.

Против освобождения этой духовной жизни сегодня выдвигается множество предрассудков также и с пролетарской стороны. Ведь, дело обстоит так, что эта духовная жизнь в новейшее время поднялась с развитием современной техники, с развитием опустошающего душу капитализма. Тогда поднялась и новейшая духовная жизнь, но такая духовная жизнь, которая является лишь классовой духовной жизнью. В этом отношении люди понимали и понимают ещё очень тяжело. Я хочу привести вам один пример. Однажды, теперь уже двадцать лет назад, в берлинском Доме Профессионального Союза в одной из лекций для берлинских рабочих, на которой присутствовали также и буржуа, я представил утверждение, которое было для меня неким познанием: Результатом капиталистического экономического порядка является не только то, что существует в мире помимо этого, но и, прежде всего, наша наука. Тогда мне не поверили и многие ведущие пролетарии. Они говорили: Наука является всё же чем-то таким, что существует само по себе. То, что установила наука, это установлено, и тут не рассматривается то, мыслилось ли это пролетарским образом или буржуазным. - Это были ошибки, которые как привидения парили в головах людей, независимо от того, были они пролетариями или буржуа; поскольку буржуазное мировоззрение было перенято пролетариатом. И сегодня мы стоим перед необходимостью не развивать это перенятое от буржуазии знание, а вынести решение в пользу свободного знания, которое может развиваться только тогда, когда будут преодолены предрассудки.

Можно, например, сказать: Мы счастливы уже, благодаря тому, что добились создания единой школы; если теперь духовная жизнь будет свободной и в школу будут отдавать детей не по принуждению государства, а каждый сможет посылать своих детей в школу по своей

⁴ Рабочие-кули, или просто кули (от хинди कूली букв. «работник» из тюрк. құл подневольный, раб, служитель) работник по контракту, в историографии термин широко использовался для описания наёмных работников, батраков, которых европейцы XVIII - начала XX веков перевозили в качестве дешёвой рабочей силы из Индии и Китая в американские и африканские колонии, остро нуждавшиеся в рабочей силе после отмены рабства, массовой гибели индейцев от болезней, занесённых европейцами, ранее также из-за массового бегства негров-рабов в горы (Википедия, прим. пер.).

свободной воле, то вышестоящие снова создадут свои собственные школы. Снова появятся старые сословные школы. Это возражение было ещё оправдано при старом порядке, но через очень короткое время оно больше не будет оправдано. Старых сословий больше не будет. И то, что в этом призыве требуется для духовной жизни, эмансипация духовной жизни от начальной школы до университета, - это требуется не для отдельных учреждений, а в связи с полным преобразованием, которое должно сделать возможным, что до того времени, когда человек вырастет из школьного возраста, существовало нечто другое, нежели единая школа. Возражения, которые делаются против таких вещей, являются лишь консервативными предрассудками. Их надо перерастить. Мы должны учиться видеть, что духовная жизнь должна быть эмансипирована, что она должна быть поставлена на саму себя, чтобы не быть больше слугой государственного и экономического порядка, а быть слугой того, что может произвести при такой духовной жизни общечеловеческое сознание; таким образом, эта духовная жизнь существует не для одного класса, а для всех людей.

Многоуважаемые присутствующие, вы работаете с утра до вечера на фабрике, вы выходите из фабрики и, по крайней мере, проходите мимо образовательных учреждений, созданных для определённых людей. В этих образовательных учреждениях стряпают тех, кто раньше принадлежал к господствующим классам, кто состоял в правительстве и так далее. Я спрашиваю вас: Положив руку на сердце, имеете ли вы какое-то понятие о том, что там происходит? Знаете ли вы, что там происходит? Вы ничего не знаете! Тут непосредственно наглядно проявляется разделение классов. Это пропасть. То, что требует призыв, - это то, чтобы всё, что делается на духовной почве, касалось всех, чтобы духовный работник нёс ответственность за всё человечество. Этого вы не сможете достигнуть, если не освободите духовную жизнь и не предоставите её себе самой. Вот почему слова Карла Маркса о прибавочной стоимости так запали в сердца пролетариев. Пролетарий не знал это головой, но в сердце он чувствовал это верно, и это сердечное требование находит сегодня выражение в мировых исторических требованиях.

Почему появились эти требования? Почему? Почему так боязлив Вальтер Ратенау⁵ в отношении этой добавочной стоимости. По той причине, что до сих пор рабочий знает об этой прибавочной стоимости только то, что она есть. Она используется в пределах кругов, которые строго замкнуты от других. Знает ли рабочий сегодня, что он работает для вещей, в которых мир не нуждается, которые производятся потому, что буржуазная жизнь также и в духовной области принесла бесчисленную роскошь? Большинство людей по причине своего безмыслия ещё не понимают сегодня необходимость обретения правильной идеи об отношении экономической ценности труда к духовной жизни, которая всё же должна быть ведущей в человечестве. Я хочу привести вам пример, который может показаться немного странным. Представьте себе какого-нибудь студента, который должен закончить университет. Вы знаете, что ему поставлена задача написать докторскую диссертацию о вставках у Гомера. То есть, у Гомера нет никаких вставок, но он должен их себе додумать. Для этого ему надо полтора года. Тогда, согласно требованиям сегодняшнего образования и науки, он пишет отличную работу о вставках у Гомера. - А теперь зададимся вопросом о месте этой докторской диссертации в экономических отношениях. Эта докторская диссертация, будучи законченной, печатается, помещается в библиотеку. Ещё одна докторская диссертация: ни один человек в неё не заглядывает, - иногда и сам её написавший. Но, рассматривая практически, этот молодой студент должен питаться, одеваться, иметь деньги. Но иметь деньги сегодня означает: обладать трудом стольких-то и стольких-то людей. Пролетарий должен работать на эту докторскую диссертацию. Он трудится для чего-то такого, с сего он ничего не может иметь. Это гротескный, странный пример для бесчисленного; таких примеров можно привести сотнями, тысячами. Таким образом, вы должны сначала спросить: Как выглядят те, кто должен вести нас духовно? Они приходят из образовательных учреждений, в работе которых нам самим участвовать не позволено. Это будет иначе, когда духовная жизнь будет эмансипирована, когда тот, кто заботится о духовном, больше не будет

⁵ Walther Rathenau: «Nach der Flut» («После потопа»), 1919.

получать поддержку какой-либо экономической корпорации или какого-либо капиталистического порядка, не будет иметь поддержку государства, а когда он каждый день должен будет знать, что то, что он делает, имеет ценность для всех людей, поскольку люди доверяют этому. Духовная жизнь должна быть основана на доверии между человечеством и духовными вождями. Никто не сможет возразить: Ведь, и сегодня признают не всех одарённых, есть непризнанные таланты, даже непризнанные гении, - как же тогда будет в будущем, когда признание будет базироваться на доверии? - поскольку то, чем кто-то занимается приватно, это его дело, мы говорим о том, какое место духовная жизнь занимает в социальном организме. Тут всё должно быть так, как я это описал. Духовная жизнь должна быть свободной в социальном организме. Только из-за того, что духовная жизнь в последние столетия постепенно была поставлена в зависимость от государственной и экономической жизни стало возможным то, что мы имеем. Только из-за этого стало возможным то, что в конце концов из этой духовной жизни выросли те люди, которые говорили так, как я показывал вчера, люди, которым было доверено правление другими.

Взглянем на тех людей, которые стояли у руля, когда разразилась мировая война. Министр внешних дел говорил просвещённым господам германского Рейхстага, которые всё же что-то хотели понять относительно положения в мире: Общая политическая разрядка достигла в последнее время удовлетворительного прогресса. Мы находимся в наилучших отношениях с Россией, петербургский кабинет не слушает прессу. Наши дружественно-соседские отношения с Россией на пути к лучшему. С Англией были проведены многообещающие переговоры, которые, вероятно, в ближайшее время завершатся в пользу мира, и вообще оба правительства стоят по отношению друг к другу так, что связи становятся всё более и более интимными.

Таким образом, это было сказано в мае 1914-го! К такой сообразительности, к такому градусу рассмотрения условий должна была привести духовная жизнь, проходящая так в последние столетия. Есть, ведь, прекрасные учёные, поскольку они хорошо научно вышколены. Но речь всё же идёт о том, чтобы путём духовного образования пробуждались также сердце и чувства для жизни; чтобы учились познавать жизнь, чтобы в мае не говорили «мир обеспечен», а в августе затем могло случиться так, что от десяти до двенадцати миллионов человек оказываются убитыми и ещё втрое больше - калеками. Это должно войти в духовное образование, и это может войти туда, если духовная жизнь будет свободной, и люди будут не только знающими и способными давать всему определения, а будут умными. Если они станут умными, то, как раз, исходя из этой свободной духовной жизни, они станут теми, кто сможет помочь в руководстве производством, в руководстве народным хозяйством. Тогда рабочий, стоящий под таким управлением, не сможет больше сказать: Я должен бороться с этим управленцем, - а: Хорошо, что у нас есть такие люди, у которых есть что-то в голове, теперь моя работа будет приносить лучшие плоды. Если у меня будет глупый руководитель, мне придётся дольше работать, если умный - моё рабочее время может укоротиться без опасения, что станет невозможным экономическое благополучие. - Важно не то, что мы работаем меньше, а то, что, если мы меньше работаем, это не оказывает влияния на стоимость продуктов питания и жилья. Нужно начинать с целого, чтобы прийти к новому строительству, - не с отдельных пунктов. Поэтому я так сильно подчёркиваю, что прежде всего должна измениться духовная жизнь, чтобы она была поставлена на здоровый самостоятельный базис.

Теперь, уже давно спрашивали, что же должно делать государство. Ну, видите ли, это государство в ходе последних трёх-четырёх столетий для господствующих, правящих классов - и многие другие их поддерживали - стало, как раз, своего рода, богом. Во многом то, что было сказано о государстве во время этой ужасной войны, напоминало разговор Фауста с шестнадцатилетней Гретхен. Тогда Фауст говорил о боге: «Всеобъемлющий, всё держащий, разве не охватывает и не содержит он тебя, меня, самого себя?». Да, многие предприниматели могли бы сегодня или короткое время назад говорить своим сотрудникам о

государстве: Разве не содержит он тебя, меня, самого себя? - К этому он добавлял бы ещё мысленно: но особенно меня!

Да, видите ли, это то, чему мы относительно этого, я бы сказал, обожествления государства, должны учиться. Поскольку, ведь, у буржуазного населения под принуждением обстоятельств это обожествление очень быстро улечучивается. И когда государство больше не будет великим защитником предприятий, тогда воодушевление государством в этих кругах исчезнет. Но и пролетариату надо себе уяснить, что с государством не следует обходиться как с богом. Конечно о нём не говорят как о боге, но во многом так считают. Старые рамки государства использовали для введения экономической жизни. Но здоровым является, если экономическая жизнь не переводится в государство, а в него переносится только политическая жизнь, чисто правовая жизнь. Тогда оно стоит на своей почве. Тогда оно существует по праву. А экономическая жизнь должна быть поставлена на собственное основание, поскольку она должна управляться совершенно другим образом, нежели правовая жизнь государства. Мы сможем прийти к здоровым основам для социального организма только тогда, когда предпримем трёхчленность. С одной стороны, духовная жизнь, которая должна сама создать себе своё право, и которая не имело бы право на существование, если каждый, кто производит нечто духовное, не должен был бы ежедневно отчитываться перед человечеством. В середине - государственная жизнь, которая должна быть демократичной, настолько демократичной, насколько это возможно. Там не должно решаться ничего, кроме того, что одинаково касается всех людей. Там должно обсуждаться то, что любой человек как равноправный ставит перед любым другим человеком. Поэтому государство надо отделить. Как мы должны обсуждать то, что какой-то человек может то или иное делать лучше? Это должно быть отделено от государства.

В государстве речь идти может только о том, в чём все люди равны. В чём же все люди равны? Сегодня возьмём только два примера, один - для собственности, другой - для труда. Начнём с труда. Тут в сердца пролетариев глубоко проникли слова Карла Маркса о «труде как товаре». Почему? Потому что пролетарий, хоть и не может точно формулировать это в верхнем отделе своей головы, всё же чувствует, что под этим подразумевается. А подразумевается: Твоя рабочая сила - товар. Как согласно спросу и предложению на рынке продают товары, так на рынке труда покупают твой труд и дают за него столько, сколько позволяет экономическая конъюнктура⁶. В последнее время люди полагались на то, что всяческие улучшения принесут страховки. Но буржуазные круги этого не сделали. Как раз, в новейшее время они жили в ужасном отсутствии мыслей. Но мы не хотим быть несправедливыми, кое-что они всё-таки сделали: они создали статистику. Такая статистика, такая энquete (Enquete)⁷, появилась, например, с помощью английского правительства в сороковые годы, то есть, на заре социального движения. О чём сообщает эта статистика? Сначала она относилась в основном к английским шахтам. Оказалось, что там, внизу, в шахтах - сейчас стало немного лучше, но совсем не благодаря этим кругам, - работают девяти-, одиннадцати-, тринадцатилетние дети, мальчики и девочки. Выяснилось, что эти дети, кроме воскресенья, никогда не видели солнечного света, поскольку их рабочий день был таким длинным, что начинался перед восходом солнца и заканчивался после его захода. Далее было установлено, что в шахтах работают полуголые, часто беременные, женщины вместе с голыми мужчинами. Но наверху, в хорошо отапливаемых углём комнатах люди рассуждали о любви к ближнему, братстве и о том, как люди хотят любить друг друга. Смотрите, это было включено в статистику, но никаких выводов из этого не последовало. Это не заставило задуматься. Отдельные люди при этом не виноваты, но то, что в чём,

⁶ Конъюнктура (лат. conjunctura, от лат. conjungo «связываю, соединяю») - создавшееся положение, обстановка в какой-либо области или ситуации общественной жизни (прим. пер.).

⁷ Под Enquete в Швейцарии понимается «расследование», «экспертиза», от лат. inquirere, предварительная проверка всех условий, которая проводится в установленном законе порядке. В общем смысле этого слова - это также другие (часто, но не обязательно официальные) опросы, опросы и исследования. В Австрии термин «Enquete» также используется синонимом рабочей конференции (прим. пер.).

собственно, состоял, если так можно сказать, долг буржуазного общественного класса, необходимость в нужный момент и правильным образом вмешаться, - это повсюду выполнено не было!

В душе пролетария возникла мысль: В древности были рабы, тогда продавали всего человека. Он был собственностью, как какая-нибудь корова. Потом пришло крепостничество. Тогда от человека продавали меньше, но всё ещё достаточно. В новейшее время продаётся рабочая сила. Но если рабочий должен продавать свою рабочую силу, он, ведь, должен идти со своей рабочей силой туда, где она продаётся. Он должен идти на фабрику. То есть, там он продаёт себя со своей рабочей силой. Он не может послать на фабрику свою рабочую силу. Поэтому за рабочим соглашением стоит немного. Блага можно ожидать только тогда, когда распоряжение рабочей силой буде полностью изъято из экономического, когда решение о количестве, о том, как, собственно, необходимо работать, будет приниматься государством на демократической основе. До того, как рабочий вообще переступает порог фабрики или мастерской, уже с его голосом на демократической основе из государства решается всё относительно его работы. Что этим достигается? Видите ли, экономическая жизнь, с одной стороны, зависит от природных сил. На них можно влиять только до определённой степени. Они вмешиваются в человеческие отношения. Например, сколько в какой-то стране производится пшеницы, сколько сырья лежит под землёй, - это даётся с самого начала, на это надо ориентироваться. Нельзя сказать, что цена того или иного будет такая, если это будет противоречить количеству сырья. Это одна граница. Другой границей должно стать использование человеческого труда. Как природные силы для зерна лежат под землёй и человек в экономической жизни ничего не может сделать в отношении этого, также извне должна поставляться экономической жизни и рабочая сила. Если она доставляется изнутри экономической жизни, то заработная плата всегда будет зависеть от экономической конъюнктуры. Только когда за пределами экономической жизни, совершенно независимо, на чисто демократическом, государственном основании будет определено, какова работа, как долго она должна длиться, - только тогда рабочий приступает к работе со своим рабочим правом. Тогда рабочее право становится подобным природной силе. Тогда экономическое зажато между природой и правовым государством. Тогда рабочий не будет находить в государстве то, что он находил в последние три-четыре столетия. Он будет находить не классовую борьбу, классовые привилегии, а человеческие права. Только таким образом, что мы отделим государство как особое социальное образование от обеих других областей, мы придём к социальному процветанию, к тому благу, которое вообще можно найти для всех людей на Земле. Мы должны оставить этот предрассудок, что государство должно регулироваться экономической жизнью, а не экономическая жизнь независимым от неё государством, иначе мы всегда будем думать ошибочно относительно будущего.

Так же, как с трудовым правом, обстоит дело и с правом собственности. Смотрите, в конце концов основы всей сегодняшней собственности восходят, собственно, к старым военным предприятиям; но это приобрело другую форму. Народно-хозяйственно понятие собственности вообще не имеет никакого смысла. Это чистая иллюзия. Она существует только для успокоения определённого буржуазного характера. Что же означает понятие собственности в народно-хозяйственном смысле? Оно означает только право, а именно, право распоряжения (*Verfügungsrecht*) вещью, землёй, средствами производства. Право распоряжения также должно входить в компетенцию государства, как и трудовое право. Это будет возможно только, если вы исключите из государства все экономический и духовные власти. Это вы сможете сделать только, если вы будете совершенно самостоятельно вести экономическую жизнь с одной стороны, а с другой стороны, точно так же самостоятельно - духовную жизнь, и тогда государству останется только демократия.

Вначале будет трудно смириться с этой мыслью, но я убеждён, что пролетарий почувствует, что эта мысль содержит будущее. В рамках экономической жизни нельзя циркулировать как товару. Сегодня в них движется и собственность, то есть, собственно право. Сегодня можно просто купить права. С рабочей силой вы, ведь, имеете также право

распоряжения личностью. С собственностью средств производства, земли вы покупаете право ими распоряжаться. Права продаются. В будущем права больше нельзя будет купить; они должны управляться государством, которое не имеет никакого дела с покупкой и продажей, так что в этом управлении равным образом участвует каждый человек. В кругообороте экономической жизни не будет циркулировать ничего, кроме того, что можно представить в производстве товаров, циркуляции товаров, потреблении товаров. Это всегда происходит через расходование, и потому в будущем всё экономическое тело будет выстраиваться на ассоциативной основе, на коалициях, которые образуются из профессиональных групп, но в основном на основе проявления (Hervorbrechen) необходимых потребительских потребностей. Сегодня, как раз, из-за бездумного производства, то есть, исходя из создания богатства, мы постоянно приходим к кризисам, вызванными социальным бедствием масс. Если же мы будем исходить из потребления, то экономическая жизнь будет поставлена на здоровое основание. Вчера я приводил пример того, как, пусть и недостаточно, можно попытаться в отношении духовного производства действовать так, чтобы не делать работу не плодотворной. Я хотел бы привести его и сегодня. Видите ли, наше общество для многих сейчас, вероятно, ещё ужас. Но это общество в области духовного производства всё же сделала одну попытку с тем, что надо распространить на другие ветви (филиалы). Примерно двадцать лет назад я начал писать книги. Но при этом я не приступал к делу так, как это делают многие мои современники. Вы, ведь, знаете, как много книг пишется и как мало читается. Откуда бы мы взяли время для того, чтобы читать всё, что сегодня пишется. Но именно в этой области - это экономическое безобразие. Представьте себе - это относится к тысячам примеров, - пишется какая-то книга. Пишущий её должен есть. Заняты столько-то наборщиков. Должна быть изготовлена бумага, столько-то переплётчиков должны эту книгу переплести. Тогда эта книга выходит, скажем, тысячью экземпляров. Возможно, где-то пятьдесят экземпляров будет продано, остальные девятьсот пятьдесят уйдут в макулатуру. Что тут происходит в действительности? Ведь, надо всегда видеть действительность. Тут столько-то людей, которые должны были работать вручную, работали напрасно для того, кто написал эту книгу. Видите ли, от этой непродуктивной, бесполезной, выброшенной на ветер работы исходят многие сегодняшние страдания. Что же сделали мы в нашем Обществе? С обычной книжной торговлей, которая полностью стоит внутри сегодняшнего экономического порядка, ничего сделать нельзя. Поэтому мы сами основали собственное издательство. Но никто не печатал книгу, пока не появлялись люди, которые могли купить все экземпляры, то есть, пока в этой книге не возникала потребность. Это, разумеется, достигается только трудом. Надо было обратить внимание людей, - конечно, не с помощью объявления, такого, например, как «отличные суповые кубики от Магги». Ведь, реклама может быть для того, чтобы обратить внимание людей: Есть товар. Но надо исходить из потребностей. Но это возможно только, если основаны товарищества потребителей, если эти потребительские товарищества по-настоящему укоренены в экономической почве. Нет необходимости ставить это на политическую почву, если есть демократия. Но сегодня пролетариат этого не видит, он пока ориентируется плохо. И, поскольку я хочу говорить честно, позвольте мне коснуться также последнего вопроса, чтобы показать, как пролетарий переживает на собственной судьбе то, какие ужасные вещи происходят из-за слияния экономической жизни с государственной жизнью. Что же бесчисленное количество пролетариев рассматривает как единственное спасение в экономической нужде, поскольку государство всё ещё не стоит на действительно здоровом основании, в демократии, которая независима от потребностей экономической жизни? Можно, например, сказать, что должен присутствовать трудовой покой, чтобы пролетарий мог принимать участие в общечеловеческой свободной духовной жизни. Государство должно стоять посередине между экономической жизнью и духовной жизнью, оно должно быть поставлено на свою собственную демократическую почву. Сегодня эти вещи переплетены из-за буржуазных интересов последних столетий и особенно - первых двух десятилетий 20-го столетия. Что есть у многочисленных пролетариев в качестве последней цели, - мы видим это сегодня там, где факты говорят так громко, - что есть у вас,

если вы боретесь за справедливые требования? Мне будет достаточно произнести только одно слово, чтобы коснуться того, о чём думают многочисленные пролетарии, но одновременно того, в отношении чего они ещё не могут правильно чувствовать, поскольку не могут охватить взглядом все экономические последствия, - мне достаточно сказать только слово «забастовка». Я знаю, многоуважаемые присутствующие, что если бы пролетарий был поставлен перед возможностью помочь себе без забастовки, то он бы от неё отказался. По крайней мере, я не знаю ни одного разумного пролетария, который желал бы забастовки ради забастовки. Почему же сегодня он так склонен к забастовке? По той причине, что наша экономическая жизнь слита с государственной жизнью. Забастовка - это чисто экономическая вещь и имеет только экономические следствия. Но она должна также вызывать часто и государственные следствия, политические следствия. Это может происходить только в нездоровом социальном организме, в котором ещё не произошло разделения между государством и экономической жизнью. Тот, кто заглядывает в экономическую жизнь, знает, что она может быть здоровой только тогда, когда производство не прекращается. Каждой забастовкой вы прекращаете производство. Кто верит в необходимость забастовок, действует из той необходимости, которая образовалась из-за слияния государственной и экономической жизни. Это большое несчастье, что мы сегодня принуждены к разрушению жизни из-за этого пагубного слияния того, что должно быть трёхчленным. Нет другого пути окончательного, правильного избежания забастовок, кроме постановки государственной демократии на собственное основание и делания невозможным того, чтобы права завоёвывались на экономической почве. Если бы это поняли, я знаю, люди сказали бы: Ну, если люди, наконец, поумнели бы, если бы они сказали нам, что готовы заняться тем, что должно исполнить эти социальные требования, то мы бы не бастовали, поскольку мы, ведь, знаем, что всего нельзя добиться за один день; мы подождём, но мы хотим иметь гарантии. - Во время войны, чтобы выйти из этого ужасного положения, я говорил с некоторыми, так называемыми, «авторитетами» о Призыве, давал им читать этот Призыв. Самые важные правящие личности уже давно имели Призыв. Я сказал им: То, что там стоит, вышло не из человеческих голов. Я не умнее, чем другие, но я наблюдал за жизнью, и она показала мне, что в следующие двадцать лет должны быть использованы все силы, для осуществления этого тройственного разделения, не как программы, а как требование человечества. У вас есть выбор, либо вы обратитесь к разуму и откажитесь от этих четырнадцати пунктов Вильсона как центрально-европейской программы, либо добавить этот призыв к интернациональной политике и сказать, что должно произойти, когда наступит мир; у вас есть выбор, либо обратиться к разуму, либо оказаться перед революциями и катастрофами. К разуму люди не обратились. Исполнилось ли последнее? Это нужно сегодня спросить. Это то, что должно сегодня наполнять такой заботой, что, по сути, сегодня ещё осталось старое отсутствие мыслей, что оно ещё не заменено плодотворными, соответствующими действительности идеями. Трёхчленность - это истинная жизненная практика. Поэтому я убеждён, - и мы это переживём, - пусть возможность и невелика, что пролетариат увидит: это необходимо, чтобы мы таким образом социально продвинулись вперёд. Тогда непродуктивные социальные устремления прекратятся. Трудиться будут посредством разума, - посредством разума, исходя из пролетарских душ, в то время как другие трудились, не исходя из разума. Вот что важно. Я мог бы промолчать, мог бы избежать обсуждения забастовок, но я хотел вам показать, что я в любое время высказываю всё, в чём я убеждён. Вероятно, это даёт мне право сказать: вероятно, вы можете принять некоторые вещи, которые я сказал, так, будто они противоречат вашим воззрениям; но не сомневайтесь относительно того, чтобы в честных стремлениях действительно достичь того, что хочет и должен достичь пролетариат.

Уже больше, чем столетие, через человечество прокатывается девиз: свобода, равенство, братство. Многие умники писали в 19-ом столетии о том, насколько противоречивы эти три слова. И они были правы. Почему? Потому что эти слова выдвигались ещё под гипнозом единого государства. Только если эти три слова, эти три девиза будут выдвинуты так, что свобода принадлежит духовной жизни, равенство - демократическому государству, а братство

- ассоциациям экономической жизни, они обретают своё действительное значение. В 20-ом столетии должно исполниться то, что ещё не понятым пульсировало в человечестве как трёхчленность в конце 18-го столетия. Мы хотим сделать то, что действительно является равенством, братством и свободой, но сначала мы должны понять, насколько необходимо то, что является социальным организмом, разделить на три члена. Поскольку, если понять, как это необходимо, и если иметь надежду, что среди пролетариата будет пробуждено понимание этой трёхчленности, то можно высказать и веру, можно сказать: Я верю в то, что здоровой, хорошей, дружественной для будущего идеей является та, что более или менее бессознательно покоится в новейшем пролетарском движении. Современный пролетариат стал классово сознательным. За этим скрывается сознание человечества, сознание, что должно быть обретено человеческое достоинство. Посредством самой жизни пролетарий хочет быть в состоянии достойным человека образом ответить на вопрос: Кто я такой как человек? Стою ли я как человек достойным человека образом в человеческом обществе? Он должен достичь такого общественного порядка, который позволит ему ответить на этот вопрос «да». Тогда сегодняшние требования будут разрешены здоровым социальным организмом. Этим рабочий класс достигнет того, чего он хотел достичь: освобождения пролетариата от телесной и душевной нужды. Но он добьётся и освобождения всего человечества, то есть, освобождения всего того человеческого в человеке, что действительно достойно быть освобождённым.

III. Что и как должно стать социализированным?

Лекция для рабочих завода Даймлера.

Штутгарт-Унтертюркхайм, 25 апреля 1919 года

То, в каком смысле я буду обходиться сегодня с моей темой, вы увидите из Призыва, который роздан каждому на руки. Сегодня речь пойдёт о том, чтобы то, что в наше время называют социализацией, что сегодня так мощно звучит как мировой исторический призыв, с одной стороны, и как общечеловеческий призыв, с другой стороны, рассмотреть более широко, чем это делается обычно. А именно, не по той причине, что это как-то соответствовало бы предпочтению, а потому, что огромное, мощное требование нашего времени может быть понято правильным образом только в том случае, если то, о чём идёт речь, будет рассмотрено так широкосердечно и великодушно, как это возможно.

Если бы я, скажем, пять-шесть лет назад обращался к собранию рабочих так, как я обращаюсь сегодня, то условия понимания оратора слушателями были бы совсем другими, нежели сегодня. Это так, но это ещё плохо понимается в более широких кругах. Видите ли, пять-шесть лет назад такое собрание, как это, выносило бы суждение согласно социальному воззрению, которое у него было, согласно тому, отклоняется ли то или иное сказанное оратором от этого воззрения, и если тот говорил что-то, что мало соответствует собственному воззрению, то оно это отвергало. Сегодня происходит нечто совершенно иное, поскольку эти пять-шесть лет оказались для человечества содержащими значащие, решающие события, и сегодня уже необходимо, чтобы доверие к кому-то, кто хочет что-то сказать в отношении социализации, появлялось не только тогда, когда кто-то хочет точно того же, чего хочешь сам, а если он показывает, что в отношении справедливых требований времени, которые выражаются во всё больше и больше растущем пролетарском движении, он имеет для этих справедливых требований времени честное, искреннее чувство и волю. Сегодня мы стоим перед совершенно другими фактами, - время быстро развилось, - нежели теми, перед которыми стояли пять-шесть лет назад. Сегодня нужно обращать внимание на совершенно другое, нежели пять-шесть лет назад. Поэтому в качестве введения скажем сначала следующее.

Видите ли, видные, очень умные социалистические мыслители, ещё незадолго перед осенней революцией 1918-го года в Германии, говорили примерно следующее: Когда эта война закончится, германское правительство должно будет обращаться с социалистическими партиями совершенно иначе, чем раньше. Тогда оно должно будет их слушать. - Ну, я не буду продолжать цитировать то, что говорили видные социалистические вожди. Что это показывает? Это показывает, что ещё незадолго до ноября 1918-го года эти видные социалистические вожди думали, что после войны будут иметь дело с каким-то правительством в старом смысле, которое только должно будет теперь учитывать также и эти социалистические личности. Как быстро всё поменялось, как быстро произошло то, о чём не мечтали даже эти социалистические вожди! Любой род правительства, который считался ещё действующим, исчез до основания. Но это создаёт большую, огромную разницу, это ставит вас всех перед совершенно другими фактами. Сегодня вы в состоянии добиваться не только того, чтобы «быть учтёнными», а сегодня вы в состоянии участвовать в новом развитии социального порядка, который должен появиться. Тут к вам подступает позитивное требование - это требование знать, размышлять над тем, что должно произойти, чтобы мы смогли разумным образом продвигаться вперёд в отношении оздоровления социального организма. Тут должен говорить теперь совсем другой язык, нежели раньше. Тут речь идёт о том, чтобы прежде всего обращать внимание назад и вспоминать то, что ввело нас в это ужасное положение современности; что надо улучшить, что должно быть другим. Для этого позвольте мне, также в качестве введения, представить ещё некоторые вещи.

Я не хочу вас сильно мучить замечаниями, кажущимися личными. Но, если вы не теоретик, не абстрактный учёный, а также, как я, с более, чем тридцатилетним опытом жизни приобрёл воззрения о необходимом социальном развитии, то сливается воедино то, что можно сказать вообще, с тем, что ощущается лично. Как уже было сказано, я не хочу утомлять вас какими-либо личными рассуждениями, но всё же позвольте мне, в качестве вступления, заметить, что я был принужден, был лично принужден, весной 1914-го года на небольшом собрании в Вене - более представительное собрание по причинам, о которых я тут же скажу, тогда меня высмеяло бы, - обобщить то, что образовалось во мне как воззрение о социальном вопросе и социальном движении, образно говоря, на собственном опыте. Я должен был тогда в виде результата десятилетнего опыта, десятилетних наблюдений за социальной жизнью, так называемого, цивилизованного мира, сказать следующее: Господствующие в наше время тенденции жизни будут усиливаться, пока они, наконец, не уничтожат самих себя. Тут тот, кто духовно просматривает социальную жизнь, повсюду видит, как ужасно появляются ростки социальных раковых образований. Это огромная культурная озабоченность, которая выступает для тех, кто понимает бытие. Это то ужасное, что действует подавляющим образом, и что даже тогда, когда всякий энтузиазм в познании жизненных процессов с помощью духовопознающей науки мог бы быть подавленным, должно было бы привести человека к тому, чтобы говорить о лекарстве, которое можно использовать против этого, - что хотело бы, как бы, выкрикнуть навстречу миру слова об этом. Если социальный организм будет и дальше развиваться так, как он развивался до этого, то возникнут повреждения культуры, которые для этого организма являются тем же самым, что раковые образования в человеческом природном организме.

Когда теперь это было сказано весной 1914-го года, тогда эти, так называемые, умники восприняли это, разумеется, как фантазию. Поскольку, что эти очень умные люди, которым правящими классами были доверены судьбы человечества, - что они, собственно, говорили о том, что предстоит миру? Сегодня надо немного более критично исследовать то, как устроены головы этих ведущих личностей, иначе люди будут постоянно говорить, что, мол, нет необходимости разбираться так серьёзно, как это хотим сегодня делать мы. Что эти, так называемые, ведущие личности тогда сказали? Послушаем, например, ответственного тогда за внешнюю политику Германии министра внешних дел. На одном из решающих заседаний германского Рейхстага, перед многими сотнями просвещённых также и в политике людьми, он сказал о том, что предстоит, примерно следующее. Он сказал: Общая разрядка в Европе

испытывает удовлетворительный прогресс. С правительством Петербурга положение становится лучше с каждым днём. Это правительства не слушает разглагольствования журналистов, и мы будем поддерживать наши дружественные соседские отношения так же, как и раньше. С Англией мы находимся в переговорах, которые, конечно, ещё не закончены, но которые проходят так успешно, что мы можем надеяться, что уже в ближайшее время установим с ней самые лучшие отношения.

Эта общая разрядка добилась такого прогресса, эти отношения с Петербургом со стороны правительства устанавливались так хорошо, эти переговоры с Англией принесли такие плоды, что скоро после этого началось время, когда по самым скромным подсчётам в Европе было убито десять-двенадцать миллионов людей и втрое больше ранено. Теперь позвольте мне вас спросить: Как этот господин и те, к классу которых он принадлежал, были осведомлены о том, что происходило в мире? Насколько их понимание было в состоянии увидеть то, что было необходимо в самое ближайшее время? Не были ли они по-настоящему ослеплены? И не добавлялось ли к этому ещё ужасное высокомерие, позволяющее относить к фантазёрам тех, кто указывал на социальную раковую опухоль, которая ужасным образом должны была проявиться в ближайшее время? Такие вопросы должны быть поставлены сегодня. Они должны быть поставленными по той причине, что сегодня многочисленные личности снова, не смотря на громко говорящие факты, оказываются слепыми к тому, что сегодня стоит ещё в начале своего развития: к социальному движению, которое как устоявшееся социальное движение существует уже более половины столетия, и которое с осени 1918-го года приняло свою новую форму. Хотелось бы, чтобы появились люди, - а такие люди должны сегодня быть в большой массе пролетарского движения, - которые в своих головах имели бы сознание того, что, собственно, должно произойти.

Кто в ходе последних десятилетий научился, не только как многие из тех, кто сегодня говорит о социализме, думает о пролетариате, но и те, кого судьба привела к тому, чтобы думать и воспринимать вместе с пролетариатом, тот должен сегодня думать о социальном вопросе гораздо более серьёзным, гораздо более широким образом, нежели многие. Тот должен смотреть на то, что стало с этим движением сегодня, исходя из его развития, в продолжении последних пяти, шести, семи десятилетий, с тех пор, когда по миру прокатился призыв Карла Маркса; он должен обращать внимание на то, как социальное движение, как социальные программы должны сегодня выйти из стадии критики, выйти на почву созидания, на почву, на которой можно знать, что должно произойти для нового строительства человеческого общественного порядка, необходимость чего должен ощущать, собственно, каждый, кто живёт с пробуждённой душой.

В трёх элементарных областях жизни рабочий класс ощутил, что, собственно, для него полезно, что должно быть другим в его положении по отношению к миру, к человеческому обществу и так далее. Но условия последних столетий, а именно, девятнадцатого столетия и особенно начала двадцатого столетия повлияло так, что, несмотря на то, что более или менее инстинктивно, бессознательно, сердцем рабочий очень хорошо чувствовал, что путей к его будущему идеалу три, всё же сосредотачивался на одной единственной цели. Современный буржуазный порядок общества всё, как бы, сдвинул в область экономики. Современному рабочему не позволялось, для него было невозможным, исходя из своих трудовых условий, обрести свободный, полностью сознательный взгляд на то, что, собственно, необходимо. Поскольку он был включён в современную технику, а именно, в современный капитализм, в только экономический порядок, поскольку буржуазия всё сдвинула в экономическое, он, собственно, мог верить только в то, что гибель старого, падение старого и желанное строительство должно произойти в экономической области, - в области, где, как он видел, действовали: капитал, человеческая рабочая сила и товары. И сегодня, когда звучит справедливый призыв к социализации, даже если учитываются другие ветви жизни, перед глазами стоит, собственно, только экономический порядок. Как загнивающий, я бы сказал, взгляд направлен только на чисто экономическую жизнь, только на то, что понимается под именами капитал, рабочая сила, товары, условия жизни, материальные достижения. Но

глубоко в сердце пролетария, даже если в своём верхнем отделении головы он знает это не точно, там сидит то, что говорит ему, что социальный вопрос трёхчленный, что этот новый социальный вопрос, от которого он страдает, которым он должен заняться, за который он должен бороться, является духовным вопросом, правовым- или государственным вопросом и экономическим вопросом. Поэтому позвольте мне сегодня этот социальный вопрос, это социальное движение, рассматривать как духовный вопрос, правовой вопрос и экономический вопрос.

Вам достаточно посмотреть только на экономическую жизнь, и тогда вы сможете воспринять, если взглянете на эту экономическую жизнь пробуждёнными глазами, что помимо этой экономической жизни, к рассмотрению прибавляется ещё нечто совершенно другое. Когда мы сегодня по праву призываем к социализации, мы должны всё же также спросить: Хорошо, но что должно быть социализировано и как должно быть социализировано? Поскольку от этих двух точек зрения:

Что должно быть социализировано?

Как должно быть социализировано?

мы должны исходить, рассматривая прежде всего экономическую жизнь, как она развивалась в новейшее время, и как она в наши дни, - не будем предаваться в этом отношении иллюзиям, - по крайней мере в наших краях, находится в более или менее плачевном положении. Сегодня мы должны проникнуться одним, проникнуться тем, что мы больше совершенно не можем больше учиться на всём том, что сегодня рассматривается людьми в смысле капитализма, в смысле частного хозяйства, как практическому, как соответствующему человеку. Тот, кто сегодня предаётся вере, что он дальше продвинется с учреждениями, которые мыслятся лишь так, как они мыслились до сих пор, тот воистину предаётся величайшей иллюзии. Но учиться у этих учреждений надо. Видите ли, характерным, что так сильно проявлялось в социальной жизни уже долгое время, а особенно сегодня, это, ведь, то, что на одной стороне стоят до этого правящие классы, привыкшие в своём мышлении к тому, что было им уже долгое время удобно; те правящие классы, которые постоянно источают в своих речах похвалы всему тому прекрасному и великому, что принесла новая культура, новая цивилизация. Постоянно можно слышать: сказочным образом, семимильными шагами, по сравнению с прошлым, продвигается сегодня человек; мысли молниеносно передаются в мире по телеграфу и телефону. Внешняя культура искусства и науки распространяется немислимым образом. - Я мог бы ещё долго продолжать цитировать эту хвалебную песню, которую пою не я, но бесчисленное количество людей, которые могли принимать участие в жизни этой культуры. Однако, сегодня надо спросить, и даже само время ставит этот вопрос: Каким только образом была возможна эта новая культура в экономическом смысле? Она была возможна, только благодаря тому, что она была поднята как высшая культура над телесными и душевными невзгодами, над телесной и телесной нуждой широких масс, которые не могли принимать участие в жизни этой получаемой так много похвал культуры. Если бы не было этих широких масс, если бы они не трудились для этого, то эта культура появиться не смогла бы. Это то, о чём идёт речь; это сегодня исторический вопрос, который не позволительно не услышать.

Но из этого получается знак узнавания всей современной экономической жизни. Этот знак состоит в том, что сегодня какой-нибудь приверженец, какой-нибудь член господствующего класса может предоставить любое «доказательство»; в последнее время это доказательство предоставлялось сполна, одно время об этом молчали, поскольку, - так как это так глупо, - наконец-то рабочему классу, действительно социально думающим людям было не позволено выступать с этой глупостью. Но сегодня это слышно всё чаще, сегодня, когда так много глупости проходит через воздух, через, так называемый, духовный воздух. Сегодня тем, кто ещё хочет представлять этот сегодняшний упадочный экономический порядок, легко сказать: Хорошо, но если действительно поделить всё то, что есть в виде ренты капитала и

владения средств производства, то в этом дележе то, что имеет отдельный пролетарий, улучшится не особо. - Это глупейшее возражение, поскольку речь идёт совсем не об этом возражении, поскольку важно совсем не это возражение, поскольку речь идёт о чём-то намного более основательном, о чём-то большем. О чём идёт речь, так это о том, что вся эта экономическая культура, как она развилась под влиянием господствующих классов, стала такой, что избыток, добавленная стоимость (Mehrwert) может дать лишь некоторые из плодов этой культуры. Вся наша экономическая культура такова, что лишь немногие могут наслаждаться этими плодами. Она также не даёт больше добавленной стоимости, кроме той, которой могут наслаждаться лишь немногие. Если бы было поделено то немногое для тех, кто также имеет право вести достойную человека жизнь, то этого было бы даже минимально недостаточно. Отчего так?

Этот вопрос должен ставиться иначе, нежели ставят сегодня очень многие. Я хотел бы привести лишь некоторые примеры, которые могут быть приведены сотнями, тысячами; некоторые примеры, возможно, в форме вопросов. Я хотел бы спросить: Нужно ли было в рамках экономической культуры последних десятилетий, например, для всех машин действительно так много угля, сколько было непременно нужно для этих машин? Спросите объективно, и вы получите ответ, что наш экономический порядок находился в таком хаосе, что многие машины в последние десятилетия потребовали намного больше угля, чем это было бы необходимо для технического прогресса. Но что это означает? Это означает ни что иное, как то, что для производства, для добычи этого угля было использовано гораздо больше человеческого труда, чем было бы необходимо и могло бы быть использовано, если бы в наличии было истинно социально-экономическое мышление. Эта человеческая рабочая сила была использована бесполезно, она была потрачена. Я спрашиваю вас: осознают ли люди, что в последние годы перед войной мы использовали в рамках немецкой экономики вдвое больше угля, нежели было позволено использовать? Мы потратили так много угля, что сегодня мы должны сказать, что достаточно было бы половины добычи угля, если бы люди, которые должны были заботиться о технике, об экономике, стояли на высоте. Я привожу этот пример по той причине, чтобы вы знали, что есть другой полюс культуры роскоши немногих. Эта культура роскоши не привела к появлению способных голов, которые бы действительно доросли до новейшей экономической жизни. Из-за этого было потрачено зря бесконечно много рабочей силы. Из-за этого была закопана продуктивность. Это тайные причины, совершенно объективные причины, благодаря которым мы оказались в том положении, в котором находимся сейчас. Поэтому технически-объективным образом надо решать и социальные вопросы, и вопросы социализации. До сих пор культура не произвела голов, которые бы доросли до того, чтобы как-то создать индустриальную науку. Не было индустриальной науки, всё основывается на хаосе, на случае. Много было оставлено на пронырливость, обсчитывание, бессмысленную личную конкуренцию. Но это должно было быть. Поскольку, если бы человек с помощью индустриальной науки вошёл в суть дела, то уже давно не было бы этой культуры роскоши для немногих отдельных, основанной на прибавочной стоимости работающего, производящего населения. Сегодня надо понимать вопрос социализации совершенно иначе, нежели понимают многие.

Видите ли, сегодня может кто-то подойти и сказать: Да, смотри-ка, ты считаешь, что в будущем не должно быть больше ленивых рантье? - Да, я так считаю. Тогда он скажет, если стоит на позиции современного экономического порядка: Но подумай только, если ты посчитаешь все ресурсы ренты и поделишь их, то как мало это будет, какой малостью это будет для миллионов работающих людей. - Я скажу ему: Я прекрасно знаю, как и ты, что ресурсы ренты малы, но посмотри, я задам встречный вопрос: Вот совсем маленькая опухоль, которую кто-то имеет на своём теле. Эта опухоль по сравнению со всем телом очень мала. Но важна величина опухоли или то, что когда она появляется, это показывает, что всё тело нездорово? Важно не то, чтобы рассчитать величину ресурса ренты, не то, чтобы непременно осудить рантье морально, - они в этом не виноваты, они обладают этой мудростью, быть рантье, - а важно то, что, как в естественном человеческом организме

проявляется болезнь, что-то нездоровое в своей целостности, когда появляется опухоль, так проявляется и нездоровое социального организма, когда в нём вообще возможна рента или тунеядство. Рантье являются просто доказательством того, что социальный организм болен; они являются доказательством того, что все тунеядцы, как и те, кто сам не может работать, используют для своего содержания работу других.

Эти мысли должны быть помещены в совершенно другой фарватер. Надо иметь возможность убедиться в том, что наша экономическая жизнь стала нездоровой. И сейчас надо поставить вопрос: Почему же так, что в рамках экономического кругооборота капитал, человеческий труд, товары сформированы таким нездоровым образом, а именно, для вопроса широких масс человечества о том, может ли человек как рабочий вести достойное человека существование? Об этом надо спросить. Но тогда нельзя оставаться в рамках только экономической жизни, тогда, если видеть этот вопрос во всей его глубине, это ведёт к тому, чтобы рассматривать социальный вопрос трёхчленно, как духовный вопрос, как государственный- или правовой вопрос и как экономический вопрос. Поэтому вы должны с понимаем отнестись к тому, что я четверть часа говорю о социальном вопросе как духовном вопросе. Поскольку тот, кто немного занимался, как раз, этой стороной, знает, почему у нас нет индустриальной науки, почему у нас нет того, что действительно, исходя из человеческих голов, давно бы уже дало здоровое управление, здоровую социализацию нашей экономической жизни. Если почва больна, то на ней не растут плоды. Если духовная жизнь человечества в определённый период не здорова, то в ней не растут те плоды, которые должны расти как экономическая совокупность, как возможность владеть экономическим хозяйственным порядком так, чтобы из этого действительно могло возникнуть благо для широких масс. На почве больной духовной жизни последнего времени возник весь тот хаос, который есть сегодня в нашей хозяйственной жизни. Поэтому мы должны прежде всего посмотреть на то, что же происходит внутри тех построек, мимо которых проходит рабочий, когда он, скажем, в воскресенье идёт по улице с фабрики или своего рабочего места. Что же происходит в тех институтах, где разыгрывается, так называемая, более высокая духовная жизнь, из которой исходят приказы, постановления для более низких школьных институтов, для обычных начальных школ? Я спрашиваю вас, положив руку на сердце, что вы, собственно, знаете о том, как производятся в университетах, в гимназиях, в реальных школах те личные способности, которые являются, собственно, направляющими в духовной жизни, в правовой жизни, в хозяйственной жизни? Об этом вы не знаете ничего! Вы знаете кое-что о том, чему учат в школе ваших детей, но и тут вы не знаете, какие намерения, какие цели для этого школьного обучения спускаются в обычные школы из более высоких учебных институтов. Какими путями люди ведут растущих людей на почве духовной жизни, - об этом широкая масса пролетариата, по сути, не имеет никакого понятия. И надо прислушиваться к тому, что создаёт бездну, глубокий зазор: на одной стороне - пролетариат, на другой стороне - остальные. Что же произошло для улучшения в ходе новейшего времени? Ничего, кроме того, что были сделаны определённые уступки демократии, что некоторые куски во всевозможных формах, так называемого, новейшего обучения были переданы народу; были возведены народные высшие школы, проводились народные курсы, народу показали искусство, так трогательно: народ тоже должен что-то иметь от этого искусства. Чего же достигли всем этим, что это, собственно, такое? - Ничего, кроме ужасной культурной лжи. Это только увеличило зазор, сделало его более значительным. Поскольку, когда же пролетарию достойным образом, с честным ощущением, от всего сердца, от всей души, посмотреть на то, что рисуется в рамках буржуазного класса, что производится в рамках буржуазного класса как наука, как он может на всё это смотреть? Если бы он имел общую социальную жизнь с теми, кто это производит, если бы не было никакой классовой разницы! Поскольку невозможно иметь общую духовную жизнь с теми, к кому социально не принадлежишь. Это то, что прежде всего создаёт большой духовный зазор. Это то, что указывает на то, что должно произойти.

Многоуважаемые присутствующие! Как уже было сказано, мною должно приводиться не много личного, но то, что я вам здесь говорю, это то, что говорит вам тот, кто потратил шесть десятилетий своей жизни так, чтобы по возможности, а позднее всё больше и больше, в своих духовных устремлениях держаться в отдалении от тех, кто в своих духовных устремлениях поддерживался государством или современной хозяйственной жизнью. Поэтому только теперь, сделав себя в духовном отношении независимым от всего того, что связано с современным государством, с современной экономической жизнью, можно сформировать здоровое суждение, которое опирается на действительно свободную духовную жизнь. Поскольку, смотрите, вы считаете себя пролетарием, вы можете считать себя пролетарием. Вы с гордостью можете называть себя пролетарием, по-сравнению со служащим, принадлежащим другому общественному порядку. Так обстоит дело в области материального мира. Вы знаете, что пролетарий должен проделать в мире по-сравнению со служащим. Но в духовной области, по сути, нет настоящих пролетариев; там есть только те, кто открыто признают: Если бы я когда-нибудь склонился перед игом государства, группы капиталистов, то сегодня я никогда не смог бы стоять перед вами и говорить вам то, что я говорю о современных социальных идеях, поскольку они не могли бы войти в мою голову. - Так сказать могут только те, кто был свободен от государства и капиталистического экономического порядка, те, кто сам выстроил себе духовную жизнь. Но другие, - они не пролетарии, они кули. Как раз, те, кто подпадает под это понятие духовных кули, кто в духе зависим от современного государства и современного экономического порядка, - как раз, они являются управляющими в духовном и, вместе с тем, по сути, также держат в руках экономическое и государственное управление. Это то, что сформировалось в ходе последних столетий из капиталистического буржуазного экономического порядка, что привело государство к тому, чтобы быть слугой буржуазного экономического порядка, что, в свою очередь, привело духовную жизнь к тому, чтобы подчиниться государству. Просвещённые, по их мнению, просвещённые, очень умные люди, горды, если они могут сказать: В средние века было так, что философия - как тогда называлась вся наука - была преемницей теософии. Мы, разумеется, не хотим вернуть это время, я определённо не хочу вернуть средневековье, но что же стало в ходе развития Нового времени? Учёный, поскольку он стал очень гордым, сегодня больше не облачается в одежды теологии, но с оглядкой на государство, что же он тут делает? Для этого есть яркий пример: Смотрите, есть один крупный современный физиолог, сейчас он уже умер, он был светилом Берлинской Академии Наук. Я его очень ценю как естествоиспытателя. Как однажды сказал Шекспир: «Все они почётные люди», так и я хотел бы сказать: Все они, все, все умные люди. - Но этот муж немного поделился тем, что, как раз, характеризует эту современную духовную жизнь. А именно, он сказал, - этому можно не верить, но это всё же так, - что учёные этой берлинской Академии Наук чувствуют себя как научная команда защитников Хоенцоллеров⁸. - Да, видите ли, таких примеров можно привести сотни, даже тысячи.

Теперь я вас спрашиваю: Разве удивительно, что современный пролетарий, когда он смотрит на эту духовную жизнь, воспринимает её как духовную жизнь роскоши? Разве удивительно, когда он говорит себе: Эта духовная жизнь не коренится в каком-то особенном духе, который действительно несёт человеческую душу, который также не проявляет то, что он истекает из какого-то божественного или морального мирового порядка. Нет, ре является следствием экономической жизни. Как эти люди загибают свой капитал, так они живут и духовно. Это позволяет им вести свою духовную жизнь. Поэтому также в современном пролетариате не могло возникнуть действительно свободное воззрение на духовную жизнь, которая действительно несёт душу. Но из опыта десятилетий я знаю: В современном пролетариате живёт глубокая тоска по настоящей духовной жизни; не по той духовной жизни, которая останавливается на границе буржуазии, а той, что втекает по капле в души всех людей. Поэтому в этом Призыве, говорить о котором является для меня сегодня обязанностью, стоит, что в будущем эта духовная жизнь должна быть поставлена на самую

⁸ см. прим. № 1

себя, а не только последние остатки этой духовной жизни, искусства и тому подобного, которые ещё остались. В Берлине и их уже сильно хотели подчинить государственной власти.

Вся духовная жизнь, от начальной школы до университетов, должна быть поставлена на саму себя, поскольку дух процветает только тогда, когда он каждый день заново должен доказывать свою действительность и силу. Дух больше не процветает, когда он зависит от государства, когда он является кули государства, экономической жизни. То, что произошло в этой области, парализовало человеческий головы. Ах, когда мы сегодня смотрим на правящие классы, когда мы, желая понять призыв к социализации, смотрим на тех, кто руководит фабриками, мастерскими, на тех, кто управляет школами, университетами, управляет государством, - ах, тут душа просто разрывается, - ведь, в их головы не вмещается вся серьёзность положения. Почему же нет? Хорошо, к чему же люди постепенно привыкли в отношении экономической жизни, правовой- или государственной жизни, и в отношении духовной жизни? Государство, как бы, перенимает людей со своей школой, когда человек уже проходит свои первые образовательные годы, - до этого эти первые образовательные годы кажутся государству слишком нечистоплотными. Тогда оно воспитывает его так, что этому человеку надо только - так было до катастрофы войны во всём цивилизованном мире - исполнить то, что ему приказано, что от него требуется, что это государство, собственно, хочет от своих теологов, врачей, - поскольку именно так случилось во время войны, - а также от юристов, от филологов. Если среди них, в экзаменационных комиссиях, появляется кто-то умный, то от них можно услышать умные слова. Я сидел однажды с одним господином одной экзаменационной комиссии, и когда мы говорили о том, как, собственно, плохо устроена наша система гимназий, он сказал: Да, плачевно также, когда ты должен таким образом экзаменовывать людей и затем видеть, каких верблюдов надо напустить на молодёжь.

Я рассказываю вам это как культурно-исторический факт, как симптом, чтобы указать на то, что живёт среди людей, которые управляют миром, которым в определённой степени было доверено вести людей, и на то, почему люди, в конце концов, привели мир к этой ужасной катастрофе. Из миллиона отдельных деталей складывается причина, которая привело человечество к этой катастрофе. И среди этих причин главная - это социальное проявление духовной жизни, и поскольку сегодня люди думают о социализации, то, прежде всего, здесь важна социализация духовной жизни. Важно правильным образом заботиться о человеческих дарованиях и способностях, как заботятся на поле о том, что там должно расти. До сих пор этого не произошло. Государство забирало человека себе, дрессировало для своих нужд, - тут вся активность, вся опора на самого себя из людей изгонялась. В конце концов по отношению к экономической жизни, по отношению к духовной жизни, по отношению к правовой жизни государства человек извлекал только один идеал: хозяйничать. Его забрало государство, оно его воспитало для себя. Теперь, когда человек хорошо выдрессирован, для него начинается государственная экономическая жизнь. Тогда он был обеспечен; тогда он был брав, даже когда он не хотел больше работать и до смерти был обеспечен, благодаря пенсии, то есть, благодаря работе тех, у кого не было пенсии. И когда он затем умирал, тогда церковь заботилось об остальном после смерти. Она давала ему посмертную пенсию. Так человек был обеспечен экономически до смерти, если он принадлежал к господствующим классам, и в гробу он также получал пенсию после смерти. Для него всё было в порядке, он не нуждался в том, чтобы думать или вмешиваться в социальный порядок так, чтобы из этого могло возникнуть нечто полезное; ему не надо было активно принимать в нём участие. Поэтому постепенно получилось так, что больше не был в состоянии думать над тем, что должно произойти, думать о том, что должно выступить в мире как, своего рода, новое развитие. Те же, кто был исключён из всего этого, кому государство не предоставляло даже низкую страховую ренту до смерти, если они её не добивались принуждением, и кому господствующие классы не передавали также никакой духовной жизни, поскольку эту духовную жизнь, которая давала бы им патент для души после смерти, пролетарии не хотели перенимать, - они требовали новой организации. Поэтому первым требованием мы имеем требование эмансипации духовной жизни, требование новой организации духовной жизни.

Второй вопрос мы находим, обратив свой взор на область права, на ту область, которая должна принадлежать собственно государству. Однако, мы будем с полным пониманием правильно ориентироваться в этой области, только если именно из неё будем смотреть на экономическую область. Что же, собственно, мы имеем в этой экономической области? Там есть производство товаров, циркуляция товаров, потребление товаров. Эти товары имеют определённую ценность, которая выражается в цене. Но, благодаря экономическому развитию новейшего времени в его связанности с государственным развитием, буржуазия впахнула в экономическую жизнь нечто такое, относительно чего пролетарий сегодня самым справедливым образом требует: это не должно больше оставаться внутри экономической жизни, - и это человеческая рабочая сила. И так же, как отозвались в душах, ощущающих себя пролетариями, слова Карла Маркса о добавочной стоимости, в душах пролетариев отозвались другие слова о том, что в современном экономическом порядке рабочая сила человека неправомерным образом стала товаром. Здесь пролетарий чувствует: Пока моя рабочая сила будет покупаться и продаваться на рынке труда, как товары на рынке товаров, согласно спросу и предложению, до тех пор я не могу на вопрос: Веду ли я достойное человека существование? ответить «да». - По сути, что знает современный пролетарий о духовной жизни? Не смотря на все разговоры о народе, не смотря на все походы по галереям и так далее, он знает только то, что он знает как добавочную стоимость. Добавочная стоимость, то есть, то, что он отдаёт для духовной жизни, не может стать его; вот что он знает о духовной жизни. Поэтому слова о добавочной стоимости с таким понимаем были встречены среди пролетариата. Навстречу этим словам о добавочной стоимости устремились чувства современных пролетариев, когда они были произнесены Карлом Марксом. И, поскольку теперь человеческая рабочая сила может быть товаром, как глубокая истина в сердца и души пролетариев, словно молния, ударили другие слова Карла Маркса о «рабочей силе как товаре». Тот, кто действительно понимает человеческую жизнь, знает, - согласно тому, что я только-что сказал, - что в современном экономическом кругообороте неправомерно находится рабочая сила пролетария как товар и что в основе этого, в свою очередь, лежит огромная ложь. Поскольку человеческая рабочая сила - это нечто такое, что никогда нельзя сравнивать с товаром, с производством, посредством какой-либо цены. Это можно даже вполне основательно доказать. Я знаю, что лекции, которые я сейчас читаю таким образом, - как раз, правящими классами мне постоянно прямо или косвенно говорится об этом, - трудно понимаются. Ну, недавно один человек мне сказал: Они трудно понимаются теми, кто не хочет понять. - И когда недавно в Дорнахе я читал одну лекцию перед пролетарским собранием, кто-то из этого сорта плохо понимающих также нашёл, что он всё же не смог правильно понять. Тогда один из пролетариев ему ответил: Надо быть телёнком, чтобы этого не понимать. - Таким образом, я не боюсь этой сложности понимания, поскольку многие годы я был учителем в основанной Вильгельмом Либкнехтом школы и знаю, что пролетарий понимает многое из того, что буржуа находит совершенно непонятным. Я не боюсь, что вы меня не поймёте, когда я говорю вам: Все тенденции, все цели экономической жизни направлены на то, чтобы использовать (verbrauchen) товары. Речь идёт о том, чтобы здоровым образом потреблять, расходовать товары. Что не может быть потреблено, то производится нездоровым образом. Каким-то образом должна быть возможность этот товар потребить. Когда же, благодаря капиталистическому экономическому порядку, человеческая сила, человеческая рабочая сила становится товаром, тот, кто сделал её товаром, исходит из того, чтобы её израсходовать, потребить. Но человеческую рабочую силу нельзя просто потребить, поэтому мы нуждаемся в некоем экономическом порядке, поэтому, прежде всего, мы нуждаемся в такой социализации, которая определяет не только рабочее время, а, прежде всего, определяет время покоя от работы, поскольку оно должно существовать, если должна существовать общая социальная жизнь. Это то, что показывает, что оздоровление может наступить только тогда, когда правящие круги общества, которые тогда становятся правомерно-правлящими кругами общества, будут проявлять такой же большой интерес к

тому, чтобы рабочий имел время покоя, как сегодняшние капиталисты проявляют интерес к тому, чтобы у рабочего было время работы.

Поэтому я вам говорю: Никогда нельзя сравнивать человеческую рабочую силу с каким-либо товаром по цене. Поэтому покупка человеческой рабочей силы на рынке труда - вы понимаете, что это значит, - это огромная социальная ложь, которая должна быть искоренена. Как прийти к тому, чтобы освободить человеческую рабочую силу от характера товара? Это огромный социальный вопрос. Первым вопросом был духовный вопрос. Вторым вопросом — это огромный социальный вопрос: Как современному рабочему освободить свою рабочую силу от характера товара? Поскольку, что современный пролетарий ощущает при сегодняшнем хозяйственном использовании его рабочей силы? Возможно, поскольку у него нет времени на это, ему не всё ясно из того, что он ощущает, что чувствует его сердце, возможно, он не может выразить это в ясных понятиях, но он говорит себе: В древности были рабы, тогда капиталисты покупали и продавали людей, как коров, покупали и продавали всего человека. Позднее было крепостничество; тогда продавали не всего человека, а только его часть, но ещё достаточно. В наше время, не смотря на все уверения о свободе и гуманности, не смотря на, так называемый трудовой договор, пролетарий знает очень хорошо, что сейчас ещё продаётся и покупается его рабочая сила. Он знает это. Относительно этого трудового договор не вводит его в заблуждение. Но в глубине своей души он чувствует: Коня, пару сапог я могу на рынке продать и снова уйти. Но свою рабочую силу я не могу принести и продать фабриканту, а затем снова уйти. Я должен идти как человек вместе со своей рабочей силой. Поэтому я всё же продаю ещё себя как всего человека, если я должен стоять в отношениях заработной платы, когда продаю свою рабочую силу. Так современный пролетарий воспринимает связь товарного характера своей рабочей силы с древним рабством. Поэтому он ощущает, - понимание чего в нужный момент, к сожалению, упустили правящие классы, - что сегодня в мировой истории наступил момент, когда рабочая сила больше не должна быть товаром. Экономическая жизнь должна включать в себя только кругооборот производства товаров, потребления товаров, трафик товаров.

Только люди, способные думать только в старом смысле, как, например, Вальтер Ратенау в своей последней книжонке под названием «После потопа» («Nach der Flut»), проявляют определённый страх перед этим знанием. Вальтер Ратенау говорит: Если вырвать рабочую силу из экономического обращения, то стоимость денег, ведь, должна ужасно снизиться. - Ну, да, только он рассматривает это очень односторонне. Правда, для тех, кто думает так же, это снижение стоимости денег имеет большое значение. Это мы больше обсуждать не будем. Дело обстоит так, что экономическая жизнь может рассматриваться правильным образом только тогда, когда человек видит, как эта экономическая жизнь граничит, с одной стороны, с природными условиями экономической жизни. Это земля, которая приносит уголь, приносит пшеницу. Внутри этой земли находятся, например, природные силы, которые также принадлежат земле и которые производят пшеницу. Сверху идёт дождь, который тоже необходим. Всё это природные условия. Можно в некоторой степени подействовать на них техническими вспомогательными средствами, но всё же экономическая жизнь имеет свои границы. Как было бы ужасно глупо, если бы кто-то, исходя из экономической конъюнктуры, захотел издать закон в котором стояло бы: Если мы хотим иметь разумные цены, разумные хозяйственные условия, то в 1920-ом году нам нужно столько-то дождливых дней и столько-то солнечных дней, а силы в почве должны действовать так-то и так-то. - Это смешно. Он был бы очень глуп, - тот, кто захотел бы издать закон о том, что определяет сама природа, кто захотел бы, исходя из экономической жизни, выдвигать требования относительно того, как природа должна действовать со своими силами. Так же, как экономическая жизнь должна иметь границу там, где речь идёт о том, что почва определённой земли может предоставлять только определённую сумму сырья, так, с другой стороны экономическая жизнь должна граничить с тем, что стоит вне этой экономической жизни, с жизнью правового государства. И в этой жизни правового государства должно определяться и регулироваться только то, в

чём все люди равны, что действительно можно поставить на почву демократии. Так мы приходим к трёхчленности здорового социального организма.

Духовная жизнь стоит на самой себе, духовная жизнь должны быть свободной. Тут, внутри неё, надо правильным образом заботиться о дарованиях, о человеческих способностях. Один государственный деятель, который нёс некоторую чушь во время ужасной катастрофы войны, тоже говорил: Дорогу способным! Прекрасные фразы, выражения, которые правильны только на словах, больше не играют роли в эти серьёзные времена. Если люди и говорят «Дорогу способным!», но говорят так, исходя из веления крови, социальных предрассудков, считая самыми способными племянника или племянницу, то этими чудесными призывами совершается немного. Заботиться о свободной духовной жизни, о человеческих дарованиях надо серьёзно, тогда эта духовная жизнь будет социализирована. Государству принадлежит все то, в чём все люди равны, где особые способности не входят в рассмотрение, где в рассмотрение входит то, что дано человеку с рождения, как здоровому глазу даётся способность видеть синее или красное. Для государства входит в рассмотрение правовое сознание. Это правовое сознание может спать в душе, но оно вложено в сердце каждого человека. Пролетарий искал изживания этого правового сознания. Что же он находил? Как в области духовной жизни он находил духовную роскошь, которая была подобна дымку, поднимающемуся из экономической жизни, так в области государства он находил не изживание правового сознания, а сословные права, классовые права и классовые недостатки. Тут вы имеете корни антисоциального жизненного элемента новейшего времени. Государству принадлежит всё то, в чём все люди равны. Они не равны в отношении духовных и физических способностей и навыков. Последние относятся к заботам свободной духовной жизни. Государство будет здоровым только тогда, когда оно не будет в смысле современного буржуазного порядка, - можно было бы также сказать, в смысле приближающегося к своей гибели буржуазного порядка, - всасывать в себя духовную жизнь и экономическую жизнь, а когда оно даст свободу для собственной социализации, с одной стороны, духовной жизни, а, с другой стороны, экономической жизни. Это то, о чём идёт речь. Затем будет возможным то, что рабочий, как равный всем людям в области государства, будет регулировать количество, вид и характер своей рабочей силы до того, как он вообще окупится в экономическую жизнь. В будущем должно быть невозможным, чтобы что-то в отношении рабочего права определялось экономической конъюнктурой, принуждающими экономическими условиями, так же, как из-за природных условий, просто невозможно, исходя из экономического кругооборота или чего-то ещё, регулировать природные силы, дождь и солнце. Независимо от экономической жизни, на демократической почве, совершенно обособленным от экономической жизни государством должно быть определено, где один человек равен другому, что такое трудовое право, и что такое то, что противостоит этому трудовому праву, что такое распоряжение вещью, что сегодня называется владением, но что в самом широком охвате должно прекратиться и в будущем стать здоровым. Когда не экономическая жизнь будет определять рабочую силу, а, наоборот, экономическая жизнь будет ориентироваться на то, что рабочий сам в государственной демократии определяет всё, что касается его работы, тогда исполнится важное требование.

Но теперь, ведь, можно возразить: Тогда экономическая жизнь будет зависеть от закона и права относительно рабочей силы. Конечно, но это будет здоровая зависимость, такая же естественная зависимость, как зависимость от природы. До того, как рабочий придёт на фабрику, он будет знать, сколько и как долго он должен работать; он больше вообще не должен обсуждать с каким-либо производственным руководством количество и вид своей работы. Он должен будет говорить только о том, что касается распределения произведённого вместе с руководителем производства. Это будет возможным трудовым договором. Будут существовать договоры только об распределении произведённого, а не о рабочей силе. Это - не возврат к старой поштучной зарплате; это было бы так, если бы этот процесс социализации не мыслился в полной мере.

Я хотел бы ещё коротко поговорить о том, что противостоит трудовому праву, которое сделает рабочих свободными. Обычный социализм много говорит о том, что личная собственность должна перейти к обществу. Но большим вопросом этой социализации будет, как раз, вопрос «как». В нашем сегодняшнем «экономическом порядке» мы имеем чуть-чуть здравого мышления относительно собственности только в одной области. Это та область, которая согласно современной буржуазной фразеологии, согласно современной буржуазной лживости, всё же постепенно стала самой незначительной собственностью, а именно, духовная собственность. В отношении этой духовной собственности люди мыслят всё же немного здоровым образом. Тут они говорят: Кто-то может быть умным парнем, с рождением он приносит свои способности, но это не имеет никакого социального значения, напротив, это он должен человеческому обществу, поскольку он был бы никем со своими способностями, если бы не находился внутри человеческого общества. Тому, что он может сделать со своими способностями, он обязан человеческой социальности, человеческому социальному порядку. В действительности эти способности ему не принадлежат. Почему человек управляет своей, так называемой, духовной собственностью? Просто потому, что он её производит; тем, что он её производит, он показывает, что обладает для чего-то лучшими способностями, чем другой. Пока эти способности лучше, чем у другого, он лучше всего управляет этой духовной собственностью на службе целого. Теперь люди, по крайней мере, пришли к тому, что эта собственность длится не бесконечно; через тридцать лет после смерти эта духовная собственность принадлежит всему человечеству. Через тридцать лет после моей смерти каждый может печатать то, что я написал; можно это использовать самым различным образом, и это правильно. Я бы согласился даже на то, чтобы было ещё больше прав в этой области. Нет никакого другого оправдания тому, что человек должен управлять духовной собственностью, кроме той, что, поскольку он может её произвести, он обладает также лучшими способностями. Спросите сегодня капиталиста, согласен ли он пойти в отношении ценной для него материальной собственности на то, что он считает правильным в отношении духовной собственности! Спросите его! И всё же это является здоровым. В основе должен лежать здоровый порядок, чтобы каждый, исходя из духовной организации, которая будет здоровым управлением человеческих способностей, - вы найдёте подробности в моей книге «основные пункты социального вопроса», - смог получить доступ к капиталу. Но к этому надо прийти, чтобы были найдены средства и пути для этой большой всеохватывающей социализации капитала, то есть, капитальной ренты и средств производства, чтобы каждый, кто обладает для этого способностями, мог получить доступ к капиталу и средствам производства, но чтобы он мог управлять этим капиталом и средствами производства только до тех пор, пока он может или хочет проявлять эти способности. Когда он сам больше применять их не сможет, они переходят в целое. Они начинают циркулировать в целом.

Это будет здоровым путём к социализации капитала, если мы приведём в движение в социальном организме то, что нагромождается в капитале в виде капитала в праве наследственности, в возникновении ренты, праве бездельничанья, других излишних прав. Это важно. Нам не надо даже говорить: Личная собственность должна стать общественной собственностью. Понятие личной собственности вообще не будет иметь никакого смысла. Это будет иметь так же мало смысла, как его нет, если бы в моём теле в отдельных местах скапливались добавки крови. Кровь должна находиться в состоянии циркуляции. То, что является капиталом, должно перетекать от способных к способным. Будет ли рабочий согласен с такой социализацией? Да, потому что его положение в жизни принуждает его быть разумным. Он скажет себе: Если кто-то обладает нужными способностями руководителя, то я могу ему доверять, и моя рабочая сила будет под его правильным руководством использована лучше, чем под капиталистом, не обладающим этими способностями, а устанавливающего на своём месте лишь нездоровый процесс накопления капитала. Сейчас я могу только указать на эти вещи. Это будет будущим учением социализации о циркуляции капитала и средств производства, конкретной, истинной разработкой того, что в виде великой человеческой цели

абстрактным образом установил также Карл Маркс: каждому по способностям и потребностям.

Сегодня мы прошли через жёсткое для человека время страданий, через жёсткое время проверки человечества. Нам сегодня больше нет нужды, как многим, говорить, что должен появиться новый склад человека, который может социализировать по принципу: каждому по его способностям и потребностям! - нет, мы можем иметь правильную веру. Если мы только захотим, то смогут найти себе место такие здоровые социальные идеи о подразделении на духовную жизнь, правовую жизнь и экономическую жизнь. Поскольку эта экономическая жизнь будет здоровой только тогда, когда она с двух сторон будет отчленена от двух других. Тогда в области экономической жизни, как я это представил в своей книге, будут образовываться ассоциации, товарищества, которые, однако, будут здоровым образом нацелены не на производство и получение прибыли, а будут исходить от потребностей и производить не так, чтобы рабочие силы испарялись в воздухе, а чтобы рабочие силы привлекались для оздоровления потребительства, для удовлетворения потребностей.

Позвольте мне ещё рассказать вам о том начале, которое мы ввели в общество, которое, что я хорошо понимаю, поскольку оно так оклеветано, вы не любите, - рассказать вам, как в одной определённой области можно экономически социализировать духовную жизнь. Когда приблизительно двадцать лет назад я был вынужден с моими друзьями вести это Общество, то речь для меня шла о том, что я говорил себе: Если ты будешь распространять книги созданные тобой на почве этого Общества тем же капиталистическим способом, как это принято в книгоиздательстве сегодня, то ты совершишь грех против здорового социального мышления. Ведь, как сегодня фабрикуются книги? Множество людей считают себя сегодня способными фабриковать хорошие книги. Но, если всё то, что сегодня печатается, должно быть прочитанным, то было бы чем заняться. Но, смотрите, поэтому эту заботу передают книготорговле: Кто-то считает себя гением и пишет книгу. Эта книга издаётся тысячу экземпляров. Из большинства таких книг 950 экземпляров снова перерабатывается в макулатуру, поскольку продаётся только пятьдесят. Но что это означает экономически? Видите ли, столько-то людей должны производить бумагу, было нанято столько-то наборщиков, столько-то переплётчиков и прочих; эта работа непродуктивна, эта работа выброшена на ветер. В этом содержится огромный вред. О, вы будете удивлены, если однажды попытаетесь ответить на вопрос, сколько работы совершают многоуважаемые присутствующие, сидящие здесь, и сколько из этой работы выброшено на ветер. Это огромный социальный вред. Как же я попытался это сделать? Я сказал себе: С книжной торговлей ничего сделать нельзя. Мы сами основали небольшой книжный магазин. Но затем я позаботился, прежде всего, о том, чтобы у тех, для кого печаталась книга, была в этом потребность. То есть, вначале я должен был постараться создать потребителей; конечно, не путём установки колонн, подобных колоннам с объявлениями: Делай отличный суп с Магги! - а путём создания потребностей, - конечно, против этих потребностей можно возражать, - и только затем начать с печатью, когда я знал, что не останется лежать ни одного экземпляра, ни одно движение не будет сделано напрасно. Была сделана также попытка с изготовлением хлеба; там то же самое не было возможным при сегодняшних условиях, но, как раз, там, где это могло быть проделанным, выявилась продуктивность в экономическом отношении, когда исходишь не из слепого производства, направленного только на обогащение, а из потребностей, от потребителя. Если это происходит, то на этом пути экономической жизни товариществ может проводиться действительная социализация.

Сегодня я должен говорить вам о социализации на несколько более широкой почве. Поскольку только то, что возникает на этой широкой почве, является действительно практическим. Иначе всегда только халтурят с социализацией, если не позволяют появиться этому первейшему вопросу: Что должно делать государство? Вначале оно должна оставить свободным духовную жизнь, с одной стороны, затем экономическую жизнь, с другой стороны; оно должно оставаться на почве правовой жизни. Это не лишённое практического, а это социализация, которая может проводиться каждый день.

Что принадлежит этому? Мужество, кураж, ничто другое! Но почему же люди хотят видеть в этом непрактичное? Я видел достаточно людей, которые в последние четыре с половиной года постоянно говорили, что эта катастрофа мировой войны ужасна, что такого ужаса люди не переживали за всю историю, что это величайшее переживание исторического развития человечества. Но я не нашёл ещё ни одного человека, который сказал бы также: Если люди, благодаря старым мыслям, благодаря старым мыслительным привычкам, были приговорены к таким мучениям, то сейчас они должны собраться для того, чтобы оставить эти старые мысли и прийти к новым мыслям, к новым мыслительным привычкам. Нам, прежде всего, нужна социализация в головах. В головах, которые мы носим на своих плечах, должно быть иначе, нежели раньше. Это то, в чём мы нуждаемся. Поэтому это вопрос необходимо ставить более широким образом.

И теперь в конце я хотел бы ещё сказать: Когда забрезжил рассвет новейшего времени были люди, сердца которых для прогресса цивилизованного человечества были проникнуты тремя огромными идеалами: свобода, равенство, братство. Эти три огромных идеала тем самым приобретают особое значение. С одной стороны, каждый здоровый и внутренне смелый человек чувствует: Это три огромных импульса, которые должны, наконец, теперь вести новейшее человечество. Но очень умные люди в 19-ом столетии постоянно указывали, какое, собственно, противоречие господствует между этими тремя идеями: свобода, равенство, братство. Да, господствует противоречие, они правы. Но они являются всё же величайшими идеалами, не смотря на эти противоречия. Они появились, как раз, в то время, когда взгляд человечества как загнивающего был ещё устремлён на единое государство, которое вплоть до нашего времени ещё почитается как какой-то идол. Особенно теми, кто сделал это государство своим защитником, а себя защитником этого государства, так называемые, предприниматели; они могли говорить с работающим по найму, как Фауст с шестнадцатилетней Гретхен говорил о боге: государство, мой дорогой рабочий, это всеохватывающее, всё сохраняющее, не содержит ли оно тебя, меня, себя самого? - И подсознательно он мог думать: особенно меня! - Взгляд как загнивающий был направлен на этот идол единого государства. Там, в этом едином государстве эти три величайших идеала, конечно, противоречили друг другу. Но те, кто не позволил себя загнивать этому единому государству в области духовной жизни, кто думал о свободе так, как я сам думал в своей книге «Философия свободы», которую я написал в начале девяностых годов и которая, как раз, сейчас, в наше время, должна была снова вызвать появление огромных социальных вопросов, вызвать огромное изменение мышления, - те знали: Противоречия между этими тремя величайшими социальными идеалами видели потому, что верили в то, что должны осуществить их в едином государстве.

Если правильным образом признать, что здоровый социальный организм должен быть трёхчленным, то будет видно: в области духовной жизни должна господствовать свобода, поскольку способности, таланты, дарования человека должны поддерживаться свободным образом. В области государства должно господствовать абсолютное равенство, демократическое равенство, поскольку в государстве живёт то, в чём все люди равны. В экономической жизни, которая должна быть обособлена от государственной и духовной жизни, но которой должны доставляться силы из государственной жизни и духовной жизни, должно господствовать братство, братство в широком смысле. Оно возникает из ассоциаций, из товариществ, выходящих из профессиональных товариществ и из тех обществ, которые образованы на основе здорового потребления и здорового производства. Тогда в этом трёхчленном организме смогут господствовать равенство, свобода и братство. И посредством новой социализации сможет быть осуществлено то, о чём уже долгое время мечтали здравомыслящие и здраво чувствующие люди. Надо только мужество для того, чтобы многие старые программы рассматривать как мумии по сравнению с новыми фактами. Надо только мужество для того, чтобы признаться: Для новых фактов, для новых фаз развития человечества нужны новые мысли. И в своих наблюдениях за жизнью, которые действительно охватывают десятилетия, которые возникли из судьбы, которая учила меня

чувствовать и мыслить не о пролетариате, а с пролетариатом, я получил опыт всех классов, и из него обрёл чувство, что этот пролетариат здоров, что даже то, что выступило как следствие непозволительного слияния экономической жизни с государственной жизнью, воспринимается пролетариатом правильным образом. Тот, кто меня сегодня слушал, будет знать, что я считаю серьёзными справедливые требования современного пролетариата, которые являются историческими требованиями. Но я также знаю, что в конце концов, не смотря на всё то, что являются забастовкой, пролетарий мыслит, как разумный человек. Я знаю, что разумный рабочий бастует не ради забастовки, а он бастует только потому, что его к этому привёл экономический порядок, потому, что политические требования сплавлены с экономическими требованиями. Экономическая жизнь сможет быть полностью поставлена на разумные пути только тогда, когда произойдёт это отделение политической жизни от экономической. Но и относительно этого мы нашли бы общий язык, особенно если бы имели возможность поговорить об этом более детально. Мы бы обрели понимание по отношению к любой забастовке; разумный рабочий захочет предпринять её только будучи принуждён к этому. Это также то, что принадлежит к здоровой социализации, что мы выходим из того, чего, собственно, делать не хотим, что делать неразумно. К этому привёл сам современный экономический порядок, что часто осуществляется не желаемое, что рассматривается как неразумное.

Вы поймёте меня, и вы поймёте меня также, если, как раз, с этой точки зрения я скажу: Какой бы плохой опыт я ни получил относительно старых классов, люди всё же должны найти путь к трёхчленности, и я очень надеюсь, как раз, на здоровые чувства современного пролетариата. Я видел, как за тем, что современный пролетариат называет своим классовым сознанием, стоит бессознательное сознание человечества; как классово сознательный пролетарий, собственно, спрашивает, как я приду к такому мировому порядку, который ответит мне «да» на вопрос: Является ли человеческая жизнь для меня достойной жизни и жизненно ценной? - Сегодня этот пролетарий, исходя из экономического порядка, исходя из правового порядка, исходя из духовной жизни, может ответить на этот вопрос только «нет»; но завтра он хочет ответить на него «да». И между этим «нет» и этим «да» лежит истинная социализация, лежит то, посредством чего действительно осознающий себя пролетариат этот пролетариат освободит и спасёт, и вместе с этим освободит и спасёт всё человеческое в человеке, что заслуживает стать спасённым и освобождённым.

Заключительная речь после дискуссии.

Теперь, мои многоуважаемые присутствующие, ведь, по сути, эта дискуссия не принесла ничего существенного в отношении того, что я сказал, на чём я в этой заключительной речи ещё должен останавливаться долгое время. Прежде всего, я хотел бы ответить на прямой вопрос, который был поставлен мне в конце: Почему я в своей лекции использовал так много агитации. Ну, я действительно не хочу, как вы найдёте понятным, пускаться с уважаемым спрашивающим в дискуссию о том, насколько я, поскольку обо мне говорят, что я философ, имею право говорить только непонятное, не агитационное, то есть пустословить. Это мне не важно. Но я был некоторым образом удивлён, в действительности очень удивлён тем, что к тому, что сказал, вообще применимо слово «агитаторское». Поскольку я действительно не имел в виду ничего, кроме того, что исходит из моих истинных убеждений, из моего видения современных условий. Что значит «агитаторское»? Если, скажем, какой-то очень консервативный человек слышит очень умеренные слова какого-то человека с очень левыми взглядами и находит их агитаторскими, являются ли они непременно агитаторскими? Почему это звучит для консервативного человека агитаторским образом? Он понятия об этом не имеет. Его слова становятся агитаторскими только в понимании очень консервативного человека. То есть, смотрите, то, что один воспринимает как демагогию, для другого совсем не должно быть демагогией. То, что кому-то кажется очень неприятным, он часто называет демагогией. Теперь, вам говорит что-то, скажем, технический руководитель. Не правда ли,

если все те, кто, исходя из условий жизни, в которых стоит ваш уважаемый технический руководитель, говорили бы так, как ваш уважаемый технический руководитель, то, мои многоуважаемые присутствующие, мы бы скоро достигли того, чего хотим достичь. Если бы так думало очень много людей, то было бы меньше необходимости говорить, что такими словами, как мои, которые хотят передавать правду, которые не хотят создавать никакой пропасти, что этими словами эта пропасть делается ещё больше. Но на другой стороне, на правой стороне пропасти, есть также другой человек, нежели ваш уважаемый технический руководитель, который говорил для вас, некто, кто говорит совсем иначе, нежели он. Между ним и нами не будет глубокой пропасти. Возможно, зазор начнётся только там, где и он больше становится на другую сторону. Я полагаю, что уже могло быть понятым то, что я говорил о судьбе многих духовных рабочих.

Видите ли, можно было пережить многое, если действительно находиться внутри человеческого развития. Однажды, 27 или 28 лет назад, я принимал участие в одном собрании, где выступал *Пауль Зингер*⁹. Тогда некоторые представители пролетариата сделали какое-то замечание о том, что они не считают духовный труд равным физическому. Надо было слышать, как Пауль Зингер вместе с подавляющим большинством защищал духовный труд! Я никогда не видел, чтобы пролетарии неправильно понимали духовный труд. Я, ведь, совсем не говорил о каком-то разрыве между физическим и духовным трудом; я говорил о разрыве между пролетариатом, человеческим трудом и капитализмом. Нам просто нужно правильно понимать друг друга в этом вопросе. И давайте уясним себе: такие речи, какие к нашей великой радости, - по крайней мере, к моей великой радости, и, конечно же, к вашей, - мы слышали от вашего уважаемого руководителя, нам нелегко услышать с другой стороны. Нам не так-то легко найти людей, за руку которых мы могли бы ухватиться.

И в конце ещё одно: Да, определёнno, я говорю вещи, которые в определённых обстоятельствах создают необходимость быстро действовать в отношении некоторых вещей. Я очень хорошо понимаю, поскольку я сам учёный, слова уважаемого предыдущего оратора, когда он говорит: Развитие должно происходить медленно; надо иметь терпение ожидания. Математиками уже тридцать лет назад были открыты вещи, которые признали только сегодня. - Да, мои многоуважаемые присутствующие, а именно, я обращаюсь сейчас к вашему мною очень уважаемому техническому руководителю: В социальной жизни сегодня есть вещи, в отношении которых мы не можем ждать, а по отношению к которым нам необходимо раскрыть наши головы и сделать их способными к быстрому пониманию. Поэтому я радовался больше о следующем, нежели о постановке удара на медлительности.

Я читал лекции на социальные темы в самых разных городах Швейцарии. Я понял, что человек, так отклоняющийся от обычной программы, поначалу вызывает недоверие. В Базеле, например, мои друзья вначале попытались убедить правление Социалистической партии разрешить мне прочитать лекцию в их кругу. Это правление, - я его не виню, я понимаю это; я, ведь, и сегодня говорил об оправданном недоверии, - возможно, потому, что оно не хотело мне отказывать, опираясь на принципы, сказало, что не знает, стоит ли допускать внешнее влияние на членов партии. Таким образом, в моей лекции было отказано. Похоже, таково сейчас мнение некоторых лидеров. Они пришли к выводу, что мне всё же не следует выступать. Затем ко мне подошёл один социал-демократ и сказал, что попытается организовать лекцию в Союзе железнодорожников. И это предложение было отклонено. Затем я читал лекцию в Цюрихе. В Базеле мы затем сделали листовки, просто раздавали их на улице и арендовали самый большой зал в Базеле для одной социальной лекции, и мне удалось прочесть её перед примерно 2500 людьми. Видите, это было совсем недавно. Сейчас, как раз, перед самым отъездом после прочтения этой лекции перед базельским пролетариатом, я получил приглашение от Союза железнодорожников, который тогда отклонил предложение, прочитать такую лекцию своим членам. Таким образом, события

⁹ Paul Singer, 1864-1911, многолетний председатель Германской социал-демократической партии.

развивались с разницей в две недели: сначала отказался Союз, а затем, поняв, какое содержание его ожидает, тоже потребовал свою лекцию. Это было быстрое развитие, произошедшее в течение двух недель. Я считаю, что сегодня нам следует уделять больше внимания такому быстрому мышлению, которое протекает за две недели, чем тому мышлению, которое говорит, что всё должно происходить медленно. Мне бы хотелось бы сегодня больше порадоваться за тех, кто хочет сначала проявить свою свободную волю, но при этом хочет учиться, и учиться быстро. Поскольку, мои многоуважаемые присутствующие, мы приближаемся ко времени, которое будет ужасным, если мы захотим настроиться на медлительность. Нам нужен здоровый импульс думать так же быстро, как будут протекать факты. Это то, что мы хотим запечатлеть в наших душах сегодня. Я знаю, что уважаемый оратор не имел в виду желание продвигаться медленно из удобства, но другие люди привыкли к удобству. Но тот, кто относится к этому сегодня серьёзно, знает, как быстро придётся переосмысливать и переучиваться, если мы не хотим остаться позади и погрузиться в нищету и разрушение.

IV. Основные пункты социального вопроса в необходимостях жизни современности и будущего.

Публичная лекция, Штуттгарт, 28 апреля 1919 года

Сегодня мне также предстоит выступить в связи с обращением, которое, возможно, уже видело большинство моих уважаемых слушателей: «К немецкому народу и культурному миру», которое, по сути, ищет выхода из глубочайшего хаоса, в который мы впали, выхода из хаоса мировой истории посредством особого понимания общественной жизни и социального движения. То, что я скажу, будет также связано с моей только-что опубликованной книгой «Основные пункты социального вопроса в жизненных необходимостях настоящего и будущего». Но в отличие от всего того, что необходимо сказать в это серьёзное время, эта книга, именно благодаря своей точке зрения, содержит лишь первые, самые первые руководящие принципы. И особенно я должен попросить вас сегодня учесть, что за короткое время одной лекции я смогу дать лишь самые первые намёки на социальную точку зрения, о которой должна идти речь. Возможно, некоторые специальные моменты будут добавлены в ходе последующего обсуждения. В остальном, планируется ещё одна лекция, в которой то, чего сегодня можно лишь коснуться, должно будет рассмотрено более подробно.

То, что побуждает меня сегодня говорить так, как я хотел бы здесь говорить, - это, ведь, поистине только достаточно говорящие социальные факты, которые достаточно чётко заметны в большей части цивилизованного мира. И тот, кто способен оценить эти факты в их истинном виде, может из них увидеть, что мы находимся лишь в начале движения, которое они инициируют. Но будет полезно, как раз, в этих началах, осознать всю серьёзность дела. Тут, прежде всего те, кто следил за тем, что мы сейчас называем социальным движением, которое, ведь, в этой форме существует уже более полувека, заметят, что сейчас, когда мы стоим перед фактами, возникшими из этой ужасной катастрофы Мировой войны, давно, давно вынашиваемые мысли, партийные мнения, взгляды, выглядят, как, я уже почти готов сказать, мумии суждений, которые бродят среди нас и которые повсюду оказываются мёртвыми перед лицом того, чего требуют от нас социальные факты сегодня. Если мы хотим прийти к плодотворному мнению, то, вероятно, необходимо, по крайней мере, кратко указать на причины того, почему долго вынашиваемые партийные мнения всех раскрасок оказались такими несостоятельными перед лицом фактов. Недавно я присутствовал на конференции в Берне, которая поставила своей целью выработать позицию по вопросу об учреждении так называемой Лиги Наций (Völkerbund). Сегодня, когда необходимо - поскольку иначе мы не добьёмся никакого прогресса - говорить обо всём открыто и честно, вероятно, позволительно утверждать, что то, что на этой конференции Лиги Наций господа и дамы в Берне говорили о многом, несомненно, важном и прекрасно задуманном, тому, кто способен постичь всю

глубину и серьёзность мирового общественного движения сегодня, представляется весьма схожим с тем, что говорили государственные деятели европейских государств народам и их представителям весной 1914 года. Я не хочу сейчас вдаваться в подробности этих вещей, но я хотел бы обратить внимание этого собрания на тот важный факт, что ответственный министр иностранных дел Германского Рейха осмелился заявить на решающем заседании весной 1914 года, что общая политическая разрядка - подумайте только, общая разрядка, под которой подразумевался путь к обеспечению мира во всем мире на долгие годы - достигла обнадеживающего прогресса. Ну, она достигла такого прогресса, что за ней последовала катастрофа, которая привела к гибели, по самым скромным расчётам, от десяти до двенадцати миллионов человек цивилизованного мира и в три раза большее количество людей сделала инвалидами. Об этом, как и о многом другом, следует помнить, когда те, кто теперь весьма умно - этого, ведь, нельзя отрицать - рассуждает о мировых событиях, в каком-то смысле слепы по отношению к тому, что действительно таится в фактах, как зародыш будущих событий. И этим, я бы сказал с самого начала, мы касаемся одного из главных пунктов нашего сегодняшнего обсуждения.

Можно оглянуться на последние десятилетия, и если иметь сердце и чувство для того, что поднялось как пролетарское социальное движение, сказать себе: Тут, за более, чем пол столетия, стало очевидным многое в отношении того, что широкие массы пролетариата чувствуют в глубине души, как свои требования. Следя за этими вещами, уже можно было заметить, как, я бы сказал, от десятилетия к десятилетию, пролетарские требования высказывались всегда по-разному. Исходя из этого, если иметь чувство для мировых исторических движений человечества, надо сказать: По сути, всё то, что говорится сознательно, что формулируется как теория, что устанавливается как программа, в действительности является совершенно не тем, о чём идёт речь. То, о чём идёт речь, - если здесь использовать столь часто используемые в новое время слова, - это более или менее инстинктивные, бессознательные импульсы, которые жили в значительной части человечества. Эти бессознательные импульсы проявлялись, например, в различных прелюдиях к текущим событиям. Я упомяну лишь некоторые этапы.

В Эйзенахской социальной программе 1869 года мы впервые видим, как из самых тёмных, скрытых глубин души пролетариата поднимается требование, как тогда говорили, «более справедливой оплаты физического труда в социальном обществе». Однако, спустя сравнительно короткое время, уже в 1875 году, в так называемой Готской программе¹⁰, эти требования приняли совершенно иной, я бы сказал, собственно коммунистический облик. Там речь шла, по крайней мере, в том виде, в каком это высказывалось сознательно, уже не о справедливой оплате труда, а о справедливом распределении благ, в соответствии с потребностями людей. Тогда, в свою очередь, мы видели, как в пролетарском движении всё же сохранялось живым то, что я бы назвал основным тоном политической программы. До начала девяностых годов пролетарские требования более или менее ясно выражали цель сокращения социального неравенства и, прежде всего, преодоления принципа заработной платы. Затем мы видим, как этот политический окрас программы, я бы сказал, странным образом отходит на второй план, и как центральной темой становится чисто экономическая программа, - обобществление средств производства, кооперативный (обще товарищеский) характер труда. И так можно было бы идти ещё дальше. Я, ведь, хочу подчеркнуть лишь принципиальное. Тот, кто действительно входит в это становление современного социального движения, должен, однако, взглянуть и на другую сторону. Он должен себе сказать: Что было на беду человечества упущено по сравнению с тем, что произошло! Что могло бы быть? То, что я сейчас говорю, не имеет целью критику исторического развития, поскольку я, конечно,

¹⁰ Готская программа (нем. Gothaer Programm) - программа немецких социал-демократов, принятая в городе Гота на партийном съезде, проходившем с 22 по 27 мая 1875 года, где Социал-демократическая рабочая партия Германии (эйзенахцы) и Всеобщий германский рабочий союз (лассальянцы) объединились в Социалистическую рабочую партию Германии (в 1890 году она станет Социал-демократической партией Германии). Прим. пер.

как и любой другой, знаю, в каком смысле историческое развитие необходимо и насколько абсурдно направлять какую-либо моральную или иную осуждающую критику в прошлое. Однако, совсем другое дело - извлекать уроки из того, что было упущено, особенно для настоящего. То, что должно было бы произойти, вероятно, нельзя выразить никак иначе, как таким образом: У нас были ведущие, руководящие фигуры в пределах высшего слоя человеческого социального порядка, - эти ведущие, руководящие слои, проявили ли они склонность, исходя из того, что они принесли в современную эпоху как социальный опыт, как социальную науку на основе своих классовых привилегий, к более глубокому пониманию того, чего хочет пролетариат, чем сам пролетариат?

Конечно, это некая гипотеза, когда я это высказываю, но это гипотеза, которая, возможно, осветит эту ситуацию.

Смотрите, насколько бы всё было иначе, где мы были бы сегодня, если бы в этом руководящем слое человечества нашлись личности, которые бы приняли пролетарские требования, наполнили бы их социальным опытом, социальным знанием, таким социальным опытом, таким социальным знанием, которые могли бы стать практическими, - и если бы тогда из этого смогли бы обрести исходный пункт для преобразования социальной жизни, возможно, уже десятилетия назад! Для здорового самосознания этого избежать невозможно: признания того, что в этом направлении было ужасно упущено. Было упущено по той причине, что в определённом смысле, это должно было быть упущенным, поскольку духовная жизнь новейшего человечества была такова, что просто не могла развить подобное понимание. И здесь мы стоим перед первым ключевым пунктом социального вопроса в жизненных необходимостях настоящего и будущего.

Я прекрасно понимаю, что то, что я должен буду сказать в этой первой трети своего сегодняшнего выступления, кому-то покажется неудобным, возможно, даже непонятным, и даже скучным. Но тот, кто не видит серьёзности именно этого самого первого члена социального вопроса, духовного социального вопроса, не сможет внести никакого вклада в преодоление хаоса и неразберихи настоящего. Мы должны непременно признать, что духовная жизнь, принесённая высшими слоями человеческого общества, - эта духовная жизнь, в том виде, в каком она была сформирована, просто не доросла до этих фактов. Даже сегодня наследие этой духовной жизни, собственно, тем более оказывается ещё менее зрелой для этих фактов. Взглянем на то, что же, собственно, произошло. Часто, и совершенно справедливо, подчёркивалось, что современное пролетарское движение возникло в ходе истории развития человечества, благодаря новым технологиям и капиталистическому экономическому порядку. Против этого подчёркивания истинных фактов, разумеется, возразить нечего. Только, сколь бы ни были истинны и верны эти факты, есть другой факт, который многие были бы склонны отрицать, но который столь же истинен и верен; и, прежде всего, для того, что должно произойти сегодня, он важнее всего остального: Возможно, три-четыре столетия назад, совпав с развитием новой техники и опустошающего душу капитализма, начался процесс формирования того, что можно было бы назвать современным, более научно ориентированным мировоззрением.

Около двадцати лет назад я столкнулся с самым яростным сопротивлением как со стороны пролетариев, так и со стороны непролетариев, со стороны рабочих и буржуазии, когда высказал в Берлинском Доме профсоюзов то, что, как мне казалось, было ясно видно: Современное рабочее движение, в самом прямом смысле - это звучит парадоксально, но это так - носит характер мысленного движения. Как ни странно это звучит, но это так. Оно исходит из мыслей. Оно исходит из мыслей, которые, распространяясь всё шире и шире, опускались в души пролетарского населения в вечерние часы, когда это пролетарское население отрывалось от дневной усталости, и когда, поистине, во многих случаях культивировалось более реалистичное мировоззрение, более реалистичное понимание социальных фактов, чем у национал-экономов университетов и учебных заведений, которые, по сути, давали то, что мог сказать об экономической жизни и других аспектах новейшей жизни буржуазный класс. То, что укоренилось в мышлении, а именно, в мыслительных

привычках современного пролетариата, по сути, важнее, значительнее всего остального для движений, охвативших ныне цивилизованный мир. Поскольку, что же мы тут, собственно, имеем? Как я уже говорил, с появлением новой техники, с возникновением капиталистического экономического порядка, из старых мировоззрений, носивших более общечеловеческий или также религиозный характер, возникло новое, более научно ориентированное мировоззрение. Как это научно ориентированное мировоззрение было воспринято буржуазией, как оно было воспринято пролетариатом?

Составить мнение об этом факте можно лишь в том случае, если не думать о пролетариате просто с позиции сверху, как это сегодня делают многие; нет, нужно, чтобы судьба привела вас к тому, чтобы вместе с пролетариатом! Видите ли, то, что человек научился думать и чувствовать в эпоху техники, в эпоху капитализма, определённо, привело многих представителей ведущих, руководящих кругов человечества к тому, чтобы стать свободными в духе и религии. В этом отношении, к большому сожалению, современное человечество жило в ужасной иллюзии, которую сегодня необходимо разоблачить. Да, можно быть таким учёным-естествоиспытателем, как Карл Фогт, можно быть популяризатором естественных наук, как Бюхнер, можно вполне искренне и честно отдаваться головой мыслям о природе, но человек целиком, он всё может стоять внутри социального порядка, который делает для него невозможным больше, чем головой, чувствуя, принять новые способы мышления. У пролетариата было иначе. Я хотел бы упомянуть одну сцену, которую можно было бы умножить даже не в сто, а в тысячу раз. Сцена, которая имела важнейшие последствия, и всемирно-историческое значение которой до сих пор ещё не было осознано правящими классами. Видите ли, я живо помню, поскольку стоял рядом, как, сейчас уже, двадцать лет назад Роза Люксембург в свойственной ей размеренной и обдуманной манере говорила перед пролетарским собранием в Шпандау под Берлином. Она говорила о науке и рабочих, - это была одна из тех речей, плоды которых появляются теперь по всему миру. Я лишь кратко изложу вам суть этой речи. Лишь несколькими словами я хочу указать на самое существенное этой речи. Тогда, полностью исходя из сознания современной научной ориентации, Роза Люксембург обращалась к рабочим, которые собрались в воскресный полдень со своими жёнами, со своими детьми для того, чтобы услышать что-то о вопросе: Как человеку в качестве рабочего прийти к достойному человека бытию? Или: Как он должен думать о своём бытии как человек? - Она говорила тогда: О, как долго, как долго человечество жило в иллюзиях относительно старых времён. Теперь, наконец, благодаря науке, человечество осознало, что все люди имеют общее животное происхождение. Как в начале - это почти её собственные слова - человек крайне неприлично вёл себя, лазая по деревьям. Затем она добавила: «Может ли ещё кто-то верить, что, имея такое общее происхождение для всех людей, есть какое-то оправдание тому, что сегодня проявляется как социальное неравенство?».

Видите ли, тут были произнесены слова, которые современный пролетарий понял совершенно иначе, чем был способен понять представитель доселе ведущих слоёв человечества. Возможно, этот представитель доселе ведущих слоёв человечества был своей головой убежден такими словами, но как целый человек он стоял внутри социального порядка, представлявшего собой остаток мировоззрений прежних времён, во всевозможных, - даже если он сам себе в этом не признавался, - во всевозможных религиозных, художественных и иных ощущениях. Он не был принуждаем к тому, чтобы ставить в свет такого мировоззрения всего человека. Пролетарий же был вынужден рассматривать всё своё существо в свете такого мировоззрения. Почему? Существенным было не появление машин и не приход капитализма. Существенным было то, что пролетарий был оторван от прежних условий жизни, которые, благодаря его ремеслу или чему-то подобному, сами по себе давали ему что-то, что могло бы ответить на вопрос: Какова твоя ценность как человека среди других людей? Теперь он стоял у машины; это не даёт ему никакой связи между ним и другими людьми. Теперь он стоял просто внутри экономического порядка капитализма. Теперь он был вынужден совершенно с другой стороны ответить себе на вопрос: Кто ты,

собственно, как человек? - Поэтому, как к своей новой религии, он обратился к этому современному мировоззрению, которое для других было лишь головным убеждением, но для него, однако, - чем-то таким, что наполняло его всего человека. Теперь, то, что пролетарий, таким образом, перенял и что, в конце концов, заполнило всё, что распространилось как социальное воззрение в рабочей среде, - откуда всё это появилось? Это появилось, даже если это не всегда понимается, всё-таки из развития ведущих, а именно, буржуазных слоёв человеческого общества. То, что пролетарий перенял в плане мудрости, науки, материалистического воззрения на человека, - это не выросло в интеллекте этого пролетария, это было наследием того, что в новое время сформировала буржуазная мысль. Пролетарий, вынужденный жить совершенно иной жизнью, лишь довёл буржуазную мысль до её последнего вывода, до её крайней формы. И во что она превратилась в его душе? О, он был убеждён, что это последнее наследие буржуазии непременно должно было дать ему нечто такое, что питало бы его душу. Это было некоторым образом последнее бессознательное доверие пролетариата буржуазии, которое состояло в том, что он перенял от этой буржуазии материалистическое мировоззрение. Это последнее великое доверие - по крайней мере, таковым было бессознательное чувство пролетария - было предано. И это то, что, не смотря на все разновидности, в своём внутреннем существе, лежит в основе сегодняшних социальных фактов.

Если мы взглянем на эти факты, то нам надо обратить пристальное внимание, как раз, на это бессознательное, как раз, на то, что было следствием вышеупомянутого в душе пролетария. Буржуазия - прислушайтесь к своему сердцу, постарайтесь осознать это посредством подлинного самоанализа, если вы буржуа или ваши предки были буржуа - буржуазия, как продукт прошлых времён, обладает совершенно иным восприятием. Современный пролетарий, призванный к пустой машине, к простому капитализму, согласно своему образу жизни, отверг эти старые традиции. Его душа должна была наполниться этим новым мировоззрением, но не смогла. И с каким бы воодушевлением ни принимал пролетарий постулаты этого мировоззрения, он чувствовал, что душа его опустошена, он чувствовал себя жаждущим иной духовной жизни. Поскольку эта духовная жизнь, плод новейшей духовности, была не обладала пробивной силой для великих вопросов человеческой души. Эта духовная жизнь ничего не говорит о связи человека с тем, что каждый человек ощущает в глубине своей души как свою высшую человечность. Это действовало опустошающим образом. Это действовало в душе пролетария так, что он жаждал чего-то неопределённого. Это то, что затем маскировалось во всевозможных требованиях, что проявлялось во всевозможных формах. Мы не поймём это маскировку, эти проявления, если не сможем решиться взглянуть на эту вещь в её полной глубине с точки зрения действительного мировоззренческого вопроса. Эта новейшая духовная жизнь не имеет никакой пробивной силы для мировоззренческих вопросов, никакой пробивной силы для общечеловеческого. Когда ведущие слои новейшего человечества искали такую пробивную силу, искали в духовной жизни нечто такое, что должно было поддерживать душу, тогда они обращались к старым религиозным представлениям, к старым художественным, эстетическим, этическим или прочим воззрениям. Но то, что они дали пролетарию, что мог понять только пролетарий, - это душу не поддерживало и не поддерживает сегодня. Мы должны спросить: Откуда же это? Тут нам не надо спрашивать теоретиков, тут мы воистину не должны создавать серые теории. Тут мы должны погрузиться в действительную жизненную практику, если хотим ясно видеть. Конечно, я могу сегодня лишь обрисовать несущие мир факты, но они могут быть полностью доказаны. По мере того, как поднималось новейшее время со своей техникой, со своим капитализмом, нечто осталось от более раннего развития, что для знатока выглядит лишь очень отдаленно похожим на то, что мы сегодня называем государством, насколько этому государству поистине поклоняется, я бы сказал, почти как идолу, достаточное количество людей. Те человеческие классы, которые были ведущими в начале новейшего времени, когда появилась техника и капитализм, использовали рамки государства, чтобы внести в эти рамки всё, что им было удобно в них

внести. И мы считаем, собственно, оправданным, исходя из того положения, по крайней мере, это можно понять, исходя из того положения, когда надо было бороться против церкви и других сил, как с восходом новейшей духовной жизни, вообще исторической жизни, эта духовная жизнь всё больше и больше включалась в сферу государства. Школа и другие ветви духовной жизни всё больше и больше включались в сферу государства. В этом даже видели огромный прогресс новейшего времени. Поэтому сегодня так трудно бороться с общими предрассудками в этой области и высказываться об этом, что именно в этой области должен начаться возврат, конечно, не к тёмному средневековью, а к освобождению духовной жизни во всех областях от государства. Это то, что нам придётся осознать сегодня как необходимость, если мы хотим внести хоть малейший вклад в то, чтобы выбраться из того ужасного положения, в которое завело себя человечество. Как прогресс рассматривалось постепенная постанова под контроль государства всего, что принадлежало к духовной жизни. Лишь некоторые области искусства, то, что считается неважным для жизни, было ещё в духовной области оставлено свободным.

Да, тот, кто знаком с условиями в этой области, знает, что это означает, что в это новейшее время люди стали настолько самонадеянными в отношении суждения, что снова и снова можно слышать, что в средние века философия, - а под этим подразумевается вся наука, вся духовная жизнь человека, - была носителем шлейфа теологии. Ну, да, большинство из тех, кто действительно духовно активен на высоте времени, сегодня, конечно, не являются носителями шлейфа теологии, но происходит нечто другое. Я хотел бы отметить это, введя для вас слова, которые можно было бы умножить в сто, нет, в тысячу раз. Один очень известный, по праву известный, значимый естествоиспытатель новейшего времени, будучи генеральным секретарем Берлинской академии наук, однажды высказался о своих коллегах, обо всем корпусе Берлинской академии наук, сказав, что эти учёные с гордостью являются командой научной защиты Гогенцоллернов. Ну, представьте себе, в какой зависимости оказалась духовная жизнь после того, как она вырвалась из лап теологии. Она больше не является носителем шлейфа теологии. А вот то, что оно склонно делать по отношению к государству, - о, последние четыре с половиной года это доказывают. Почитайте, что пишут немецкие историки. И это правда, к сожалению, чистая правда - что не только управление, занятие должностей в науках зависит от государства, нет, тот кто действительно разбирается в этих вещах, знает, что эта наука, попавшая в зависимость от государства, также и в отношении своего содержания, в отношении своего существования, зависима от государства, и, прежде всего, тем, что ею занимаются такие люди, которые убили в себе источник первоначальной духовной жизни и стали более или менее лишь посредниками для утверждения, собственно, того, что через них утверждает государство. Трудно откровенно, свободно и мужественно исповедовать то, что содержит только-что сказанное, но это надо знать. Поскольку надо увидеть, что духовная жизнь возможна в своей действительной сущности только так, что она поддерживает людей, что она прежде всего поддерживает души, что духовная жизнь возможна только в том случае, если она ориентирована на себя, на свою собственную свободу, если каждый, начиная с учителя низшей школы и далее, знает: Ты не подчиняешься никаким приказам государства, а только руководству тех, кто вырос из духовной жизни и служит ей. С этой духовной жизнью, полностью независимой от государства, с этой духовной жизнью можно будет создать нечто, что является здоровой основой для духовного развития вообще.

Что же мы пережили в пределах духовного развития новейшего времени? О, как же всё это, по сути, чуждо реальной жизни, возвращаемой в стенах научного производства. И чего же нам поэтому не хватает повсюду в сфере экономической жизни? Проницательные знатоки этой экономической жизни сегодня признают, что нам не хватает самого главного, как раз, в экономической жизни, что нам не хватает, например, подлинной индустриальной науки. Экономическая жизнь не могла отставать, она должна была идти в ногу с ходом современного развития. Было невозможно, чтобы, например, в Германии для немецкой металлургической промышленности продолжали производить всего 799 000 тонн чугуна, как

это было в первые шестьдесят лет 19-го столетия. Нет, уже к концу восьмидесятых годов требовалось производить не 799 000 тонн чугуна, а 4 500 000 тонн. Что же примечательно в этом производстве чугуна? Что эти 799 000 тонн чугуна в начале шестидесятых годов 19-го столетия были произведены чуть более чем 20 000 рабочими, а, странным образом, 4 500 000 тонн в восьмидесятых годах, были произведены лишь немногим более чем 20 000 рабочих. Что это значит? Это значит: технические усовершенствования развивались так быстро, а экономическая жизнь требовала такого прогресса, что к концу восьмидесятых годов то же количество рабочих было в состоянии производить 4 500 000 тонн чугуна по сравнению с 799 000 тонн в начале шестидесятых годов. Но тогда спрашивается: последовал ли за этим технологическим прогрессом необходимый прогресс в других социальных сферах? Нет. И знающие эксперты сегодня однозначно признают, что нам не хватает науки, которая, например, годилась бы для того, чтобы помочь производству отвечать требованиям сегодняшнего дня в смысле растущего потребления так, что предприятия будут повсюду возникать в нужных местах, что предприятия будут получать надлежащую поддержку со стороны других предприятий, расположенных поблизости. Только тот, кто сегодня наблюдает в этой связи за экономическим хаосом, вызванным отсутствием индустриальной науки, видит истинные причины, действительно практические причины современного социального движения. Поскольку здоровая духовная жизнь, духовная жизнь, которой непозволительно удобным способом зависеть от государства, опираться на него и его вспомогательные силы, но которая должна каждый день заново доказывать свою способность и силу для поддержания социального порядка, - такая духовная жизнь является здоровой почвой для любой духовности. И точно так же, как вы говорите себе, когда видите плохую пшеницу, что под ней неплодородная почва, - так же вы должны были бы сказать себе сегодня: То, что у нас нет индустриальной науки, что у нас нет того, что нам нужно, как хлеб, для оздоровления нашей экономической жизни, проистекает из того, что почва, на которой должны процветать практические науки, не здорова, что духовная жизнь не даёт прорасти тем людям, которые могли бы быть правильными руководителями капиталистической администрации, тем людям, которые действительно могли бы обрести доверие в широких массах тех, кто должен работать.

Видите ли, таковы эти отношения. Либо мы видим эти отношения так, и тогда находим выход из хаоса, - но необходимо взглянуть на эти более глубокие отношения, - либо мы не видим этих отношений, и тогда, что бы мы ни предпринимали в духе старого экономического мышления, мы всё глубже погружаемся в хаос, всё глубже погружаемся в хищническую эксплуатацию, в демонтаж. Поскольку только так мы сможем преодолеть эту эксплуатацию, этот демонтаж: тем, что мы начнём социализировать саму духовную жизнь. Но социализация в духовной жизни означает эмансипацию этой духовной жизни от государственной жизни, постановку этой духовной жизни, от самых младших классов школы до университета, на собственные ноги и полное освобождение отношения человечества к этой духовной жизни.

Поверьте мне, я знаю все возражения, которые можно выдвинуть против того, что я только-что сказал. Я знаю, что как со стороны буржуазии, так и с пролетарской стороны мне скажут: Ну, если школы снова станут свободными, то снова расцветёт неграмотность, и тому подобное. Видите ли, я хотел бы, прежде всего, остановиться на тех возражениях против того, что я только-что сказал, которое могут выдвигаться с социалистической стороны. С социалистической стороны придаётся большое значение, так называемой, единой школе. Говорится, что в будущем не должно быть больше школ для разных социальных слоёв, дети всех людей должны обучаться в единой школе, по крайней мере, до четырнадцати-пятнадцати лет. Ну, хорошо, но считаете ли вы, что будет существовать какая-то другая школа, кроме единой, если по объективным причинам эта школа будет учреждена самостоятельным духовным организмом, духовным организмом, независимым от государства? Я написал небольшую книгу: «Воспитание ребёнка с духовно-научной точки зрения». Вы можете занять по этому вопросу любую позицию. Я вполне могу понять любую противоположную точку зрения; но отбросьте эту позицию, отбросьте то, что можно сказать

о таком взгляде с чисто школьно-философской точки зрения, и вы увидите, что при обсуждении воспитания ребёнка учитывается только то, что развивается в человеке до достижения им зрелого возраста. Тут, если говорить о конституции какой-то школы, исходя из объективных причин духовной жизни, невозможно прийти к чему-либо иному, кроме как сформировать единую школу. Это будет потребностью эмансипированной от государства духовной жизни, которая заключается в том, что эта духовная жизнь через своих представителей должна ежедневно заново доказывать свою эффективность, что она предоставляет свою истинную сущность и силу социальной жизни, только опираясь на себя саму. Такая духовная жизнь не будет жить в абстрактных высотах, она не будет проповедовать. Такая духовная жизнь не будет практиковать за стенами чуждую миру научность, она будет образовывать людей, которые, если они будут нести в себе мысли этой духовности, станут руководителями экономической жизни, нашей такой сложной, ставящей столько требований экономической жизни.

Благодаря государству, духовная жизнь стала не практичной, она стала непрактичной, она стала абстрактной. Я уже десятилетия назад постоянно говорил тем, к кому мне было позволено обращаться: Вы знаете учителей, вы знаете теории, которые, например, выливаются в этику, в мораль, так что людям проповедуется «Люби своего ближнего, как самого себя», или проповедуется братство, всеобщее сочувствие и тому подобное. Эти проповеди для меня являются чем-то вроде обращения к печи в комнате: Эй, печь, ты выглядишь так; твоё существо требует от тебя, чтобы ты согревала комнату, это твой долг, твой категорический императив, так согрей же эту комнату!» Для печи такие проповеди так же бесполезны, как и для человека. Поэтому речь идёт совсем не о том, чтобы проповедовать печи, а в том, чтобы подбросить в неё дров или угля и разжечь их. Так же мало подходят для нашего социального порядка ещё те духовные предприятия, которые удерживаются на абстрактных высотах, в них входят лишь те, кто действительно находит подступ к тому, что живёт в человеке. Верите ли вы в то, что если бы, например, с середины 19-го столетия - но это, конечно, гипотеза - существовала по-настоящему живая духовная жизнь, то люди так же без понимания стояли бы перед айзенахской, готской, эрфуртской программами, как это было в действительности? Нет, никогда! На почве здоровой духовной жизни развилась бы здоровая индустриальная наука, здоровая социальная наука. Особенно в социальной науке мы всегда запрягали лошадь с хвоста. Вместо того, чтобы те, кто был призван говорить о социальном и экономическом порядке, каким-то образом нашли что-то, что должно произойти, что могло бы соответствовать требованиям пролетариата, - вместо этого эти господа отмечали то, что уже было. Это то, что нас отбросило так далеко назад в этой области. И у пролетария не было иного выбора, кроме как на собственном теле пережить последствия того, что натворила экономическая система, в которую он был вовлечён, основываясь на тех самых фактах, которые я описал. С точки зрения своего положения у машины, из своего заточения в опустошающем душу капитализме, он видел духовную жизнь правящих классов. Ну, да, определённо, эти правящие классы не могли никак иначе, как делать жизнь всё более и более демократичной; они призывали широкие массы человечества к демократии. Постепенно они начали также делиться с пролетариатом многим из того, что они культивировали как духовную жизнь; создавались народные высшие школы, дома искусств, где народу показывали то, что создали в качестве искусства другие классы, и так далее. Но то, что тогда делалось, - никого, конечно, нельзя упрекать в этом, поскольку люди считали, что поступают правильно, в смысле прогресса демократии, - что действительно выдвигалось на сцену, было не более чем грандиозной жизненной ложью. Её просто не понимали, эту ложь. Когда широкие массы пролетариата призывали смотреть на картины буржуазии, слушать уроки буржуазных школ, а затем убеждали их, что они что-то в этом понимают, это было неправдой. Поскольку нельзя что-то пережить в сфере духовной жизни, если творение не рождается в рамках одного и того же сообщества. По мере того, как между социальными переживаниями пролетариата и буржуазии образовывалась глубокая пропасть, также и

кажущееся понимание пролетариатом буржуазно-духовной деятельности было не более чем жизненной ложью.

Таким образом, пролетариат не мог не чувствовать себя низведённым до уровня чисто экономической жизни. Ведь, всё было организовано так, что лишь немногие могли по-настоящему пользоваться плодами этой духовной жизни. Но пролетариат, что же он воспринимал в действительности? В сфере экономической жизни он воспринимал капитал, действенность своей собственной рабочей силы и циркуляцию товаров, производство товаров и потребление товаров. Это было всё, что он переживал в действительности. Но когда он смотрел на государство, которое в своих рамках использовалось ведущими и руководящими классами нового времени так, как я только что описал, тогда пролетарий чувствовал то, что может чувствовать каждый человек, который организован душевно здоровым. Можно много размышлять о том, что, собственно, значит важное понятие права в рамках человечества, или, лучше сказать, в рамках человечности. В конце концов, можно сказать: Сознание права является чем-то таким же изначальным по отношению к человеческой природе, как восприятие синего или красного по отношению к здоровому глазу. С этим здоровым глазом всегда можно говорить о красном или синем, но невозможно вызвать об этом какое-либо абстрактное представление. Так с любым здоровым человеком можно говорить об отдельных правах. Это чувствовали и широкие массы пролетариата в те времена, когда, благодаря демократическому принципу, он пришёл к осознанию себя внутри машины, внутри капитализма. Но затем этот пролетариат взглянул на государство. Что, с его точки зрения, он хотел найти в этом государстве в отношении права? Воистину, не осуществление этого права, а классовую борьбу с её классовыми привилегиями и классовой дискриминацией. Здесь мы имеем ещё один пример бессилия буржуазной мысли. С одной стороны, она была вынуждена позволить действовать демократии, с другой стороны, она по-настоящему не делала ничего, чтобы извлечь последствия этой демократии и не позволяла себе исключить из государства то, что должно быть исключено, и включить в его сферу то, что должно быть включено в сферу государства.

Ввиду позднего часа я хочу сегодня указать лишь на одно, но очень важное, - на второй ключевой пункт социального движения новейшего времени. Хочу указать на то, насколько глубоко в сознании пролетариата - как я уже сказал, те, кому судьба предназначила мыслить в терминах пролетариата, убеждались в этом снова и снова - нашли отклик слова Карла Маркса о том, что современный пролетариат должен страдать от того, что его рабочая сила покупается на рынке труда как товар, от того, что в экономической жизни циркулируют не только товары, но и человеческая рабочая сила. Оплата труда есть ни что иное, как покупка человеческой рабочей силы как товара. Он смотрел назад в древние времена и говорил себе: Было время, когда существовали рабы, когда капиталист мог купить человека целиком, как корову или вещь. Потом пришло время крепостного права, когда можно было купить меньше от человека, но всё же достаточно. Затем пришло новейшее время, когда людей заставили поверить, что они свободные существа. Но пролетарий не мог наслаждаться свободой, поскольку ему всё ещё приходилось продавать часть себя, а именно, свою рабочую силу. Рабочую силу нельзя продавать как то, что производится. Колесо телеги, лошадь можно отвезти на рынок, продать и снова вернуться назад; с рабочей силой нужно идти рядом. Это остаток рабства, сколько бы ни говорили и сколько бы ни говорили с научной точки зрения о, так называемой, свободе. Это было то, что укоренилось в чувствах пролетария и должно было ощущаться подлинно духовной жизнью в руководящих кругах. Но, хотя и была по праву установлена демократия, которая возвращала это чувство по отношению к человеческому труду, люди были достаточно близоруки для того, чтобы поддержать это чувство какими-либо институтами. Теперь, наконец, факты таковы, чтобы с совершенной необходимостью поставить второй ключевой вопрос социального движения: Как лишить человеческий труд характера товара? Это сделать нельзя никак иначе, как, если, с одной стороны, по указанной выше причине, отделить духовную жизнь от собственно политического, или правового государства, а с другой стороны, отделить экономическую

жизнь от этого политического, или правового государства, то есть, если поставить рядом три самостоятельных социальных организма, которые смогут стать подлинным единством только тогда, когда они независимы. Тогда внутренне они будут органически поддерживать друг друга, в то время как нынешнее единство экономической, политической или правовой и духовной жизни привело нас к хаосу. Экономическая жизнь, - обдумайте это, - граничит теперь, с одной стороны, с природными условиями. Как было бы глупо, если бы была составлена какая-нибудь корпорация, которая, исходя из потребностей 1920-го года, определяла бы, какие нужны природные условия, например, сколько дней в году должно быть дождливых, а сколько - солнечных. Это, разумеется, было бы глупостью. В этой области, где экономическая жизнь граничит с природными условиями, эта глупость понятна, но что касается другой границы, где экономическая жизнь граничит с государством, которое свободно от экономического влияния и само не должно заниматься экономической деятельностью, то в этой области нечто подобное сегодня ещё не понимается. Даже Вальтер Ратенау в своей последней брошюре «После потопа» подчёркивал, что отделение рабочей силы от экономического цикла приведёт к колоссальному обвалу денежных ценностей. Он совершенно не может представить себе то, что станет возможным, именно благодаря освобождению экономической жизни от жизни государства - извлечь рабочую силу из экономической жизни, чтобы оставить в ней лишь то, что объективно по отношению к человеку, независимо от человека. В государстве рабочий должен будет стоять на такой почве, где каждый человек будет равен другому человеку. Таково будущее освобождённого как от духовной, так и от экономической жизни, государства, что на почве этого государства будет развиваться всё то, что, - это можно точно ограничить, - живёт в человечестве так, что по отношению к нему все люди будут совершенно равны.

Не равны люди в отношении своих индивидуальных способностей и талантов. Все эти индивидуальные способности и таланты должны развиваться в свободной духовной жизни, в духовной жизни, независимой от государства. Тут нет никакой демократии. Демократия имеет своим содержанием всё то, в чём все люди равны и что не требует жизненного опыта. Жизненный опыт, однако, является элементом экономической жизни. Государство должно не управлять экономикой, а устанавливать и регулировать всё, в чём один человек полностью равен другому, в чём может господствовать истинная демократия. Это включает в себя, помимо прав собственности, о которых вы найдете более подробное объяснение в моей книге, прежде всего, трудовое право. Продолжительность, объём и характер работы в будущем должны будут регулироваться независимым от экономической жизни государством, так что работник, сам участвующий в этом регулировании, приходил на фабрику или в мастерскую уже с юридически определённой рабочей нагрузкой и, прежде всего, с рабочим временем, ограниченным трудовым законодательством, ещё до заключения договора с каким-либо руководителем. Как экономическая жизнь, с одной стороны, ограничена природной средой и в лучшем случае может воздействовать на неё некоторыми техническими мерами, но в остальном зависит от неё, так, с другой стороны, экономическая жизнь в будущем должна будет ограничиваться строго урегулированным трудовым правом. Тогда нельзя будет устанавливать заработную плату, исходя из потребительской стоимости товаров, как это в основном ещё происходит в рамках нашего нынешнего экономического порядка. Всё благосостояние и всё производство в рамках экономической жизни могут формироваться только как следствие того, что государство устанавливает как трудовое право, точно так же, как экономическая жизнь, с другой стороны, может развиваться только в зависимости от природных предпосылок. Подробнее об этом вы уже должны будете узнать из моей книги «Основные вопросы социального вопроса в жизненных necessities настоящего и будущего». Тут мы подошли ко второму ключевому пункту социального вопроса, к регулированию трудового права посредством отделения экономической жизни от государственной жизни.

Третий из ключевых пунктов социального вопроса - это сам экономический вопрос. Он находит своё регулирование тогда, когда эта экономическая жизнь, фактически зажатая

между двумя обозначенными границами, в этих границах регулируется ассоциативно чисто экономическими силами, силами профессиональных слоёв, а именно, силами производства и потребления через товарищества и тому подобное в полной независимости от правовой и духовной жизни. Сегодня нет времени - это можно сделать на следующей лекции - подробно останавливаться на том, как эмансипированная экономическая жизнь может тогда принести то, что, правда, как благосостояние будет зависеть от трудового права и права собственности, но в здоровой зависимости от них, и, прежде всего, то, что находится в необходимой зависимости от морали, как, с другой стороны, в зависимости от природы. В частности, правда, необходимо будет, чтобы две другие области социального организма, духовная и государственно-правовая, доставляли свои силы экономической жизни. Но они будут делать это, как раз, тогда, когда будут правильным образом развиваться каждая на своей почве.

Когда я недавно говорил на эту тему в одном городе в Швейцарии, один очень умный человек сказал мне во время дискуссии, - конечно, я признаю все умные возражения, я сознаю, как много есть возражений против того, что я здесь предлагаю; но они направлены на действительность, и поэтому возражать можно столько же, сколько можно возражать против действительности; именно поэтому предложенное практично, поскольку так много можно возразить, и поскольку на эти возражения нужно отвечать практическим образом, а не суждениями, - тогда он сказал: Да, ты хочешь теперь ограничить государство его законом и его правосудием, но справедливость должна господствовать как в духовной, так и в экономической жизни! Я возразил ему образно: Я представляю себе сельскую семью: муж, жена, дети, батраки, служанки и три коровы. Коровы дают молоко. Вся семья нуждается в молоке; является ли поэтому необходимым или даже только возможным, чтобы вся семья также давала молоко? Нет, если три коровы дают молоко как следует, вся семья будет обеспечена, и совсем не обязательно, чтобы остальные тоже давали молоко. Так обстоит дело с тремя членами социального организма. Каждый член доставляет другим членам то, что можно им доставлять именно потому, что в своей эмансипации он опирается на свою здоровую, сущностную основу. Это то, что прежде всего следует обдумать в отношении этих действительно практических, вытекающих из действительности социальных предложений.

Уже больше, чем столетие, через человечество проходит тройственный девиз: Свобода, Равенство, Братство. Кто мог устоять перед мощной импульсивностью этих трёх идеалов? Однако весьма умные люди 19-го столетия справедливо - я подчёркиваю, справедливо - указали на противоречия между этими тремя великими человеческими идеалами и сказали: если должна развиваться свобода индивидуальности, если индивидуальности, находясь рядом друг с другом, действительно должны прийти к своим правам, то как тогда может господствовать равенство? Или: как наряду с равенством и распространением чистого права может проявиться и братство? Теперь, видите, здесь имеется фундаментальное противоречие. Почему? Потому что эти три великих идеала человечества - свобода, равенство и братство, - были созданы ещё в то время, когда люди жили загипнотизированные идеей единого государства, того самого единого государства, которое, собственно, и привело нас к сегодняшней катастрофе. Но всё же нечто правильное, нечто высокое, нечто огромное чувствовалось в этих трёх импульсах, что может быть реализовано только тогда, когда человек будет знать, что каждый из этих трёх идеалов подходит для одного из поставленного на свою собственную почву члена трёхчленного социального организма. В будущем должен развиваться свободный духовный организм, исходя из импульса свободы, государственный, политический организм, - исходя из импульса равенства, экономический организм, - исходя из принципа братства высокого стиля через опыт от человека к человеку, через опыт организаций, ассоциаций, кооперативов и так далее.

Это побудило говорящего с вами сегодня, когда мы находились в разгаре той ужасной катастрофы, которая привела нас здесь в Германии к нашему нынешнему положению, обратиться в некоторые инстанции, чтобы среди напрасного для Германии - как это было видно уже тогда, - грохота пушек, прозвучал духовный голос, противоположный тому, что иначе наполняло мир, чтобы Центральная и Восточная Европа услышали, что в будущем они

должны работать не с пушками, а с духом. Надо было найти путь, который предотвратил бы то, что произошло сейчас. Мои друзья приложили немало усилий, чтобы донести до соответствующих инстанций, которые тогда ещё находились у власти, но с тех пор канули в Лету, то, что было извлечено из необходимых условий развития человечества настоящего и ближайшего будущего. И в то время я многим говорил: то, что изложено в этом проекте, - а тогда он был сформулирован в основном для внешней политики, - это то, что было результатом самоотверженной работы десятилетий, исходившей из условий Центральной и Восточной Европы и цивилизованного мира в целом, что стремится быть реализованным в ближайшие десять, пятнадцать, двадцать лет. И было сказано: У вас есть теперь выбор, либо прислушаться к разуму и сказать, что вы хотите это реализовать, либо вы стоите перед катаклизмами и революциями. Поскольку то, что не хочешь реализовать посредством разума, ведёт к революции. Это сегодня позволительно сказать тому, кто до этой военной катастрофы говорил об образовании социальной опухоли, о социальной раковой болезни. Тогда такого человека считали фантазёром, а практиками считали тех, кто незадолго до начала бойни говорил об общем смягчении напряжённости.

Будем надеяться, что в тех, кто уже как-то осознаёт необходимость изменения мышления - не просто изменения институтов, а изменения мышления, изменения обучения, изменения в человеческих головах, - будем надеяться, что в них вспыхнет импульс к социальному движению, которое возвещается столь громко говорящими фактами. Будем надеяться, что он вспыхнет в людях, пока не стало слишком поздно. Поскольку то, что говорит посредством фактов, должно быть постигнуто мыслью. Сегодня нам не нужны поверхностные банальности о том или ином, что следует изменить. Нам нужны новые мысли в головах людей. Многие говорили: Такой катастрофы, как эта война, не было с начала человеческой истории. Однако, мало кто с тех пор сказал: Поэтому нам сейчас нужны также мысли, которые могут показаться некоторым такими, будто их никогда не было, но они нам нужны, эти мысли, если мы хотим выйти из ужасной катастрофы, которая всё ещё продолжается, выйти смятения и хаоса. Обратимся к взгляду на себя (Selbstbesinnung)! Попытаемся добавить к этому взгляду мужественную социальную волю, тогда не будет слишком поздно, даже если положение и так сегодня сложное. Постараемся предотвратить момент, когда в ужасной человеческой трагедии нам придётся себе с горестью сказать: Слишком поздно!

Заключительные слова после дискуссии.

Я не хочу вас сегодня слишком задерживать. Сегодня моей задачей является сердечная благодарность за ваше доверие. Поверьте, это вовсе не вопрос личного желания, чтобы со мной советовались в эти серьёзные времена. Если я считаю ваше доверие чем-то исключительно важным, то лишь потому, что мне приходится противостоять серьёзности времени. И если бы я не считал, что в это время мы воистину не должны долго ждать, а должны быстро переходить к делам, то я мог бы вам сам порекомендовать: Подумайте о том или ином. Однако сегодня речь действительно идёт о том, чтобы найти путь из запутанности настоящего к быстрым действиям. Я сейчас, как раз, восемь дней здесь, в Штутгарте, и должен признаться, что после того, как я о тех же идеях, о которых я говорил вам сегодня вечером, уже довольно длительное время говорил в Швейцарии, впечатления этой последней недели здесь были для меня в этом отношении переживаниями, превосходящими мои ожидания и надежды, причем с совершенно особой точки зрения.

Видите ли, сегодня важно то, что люди широких масс хотят нечто разумное. Как вы, вероятно, поняли уже из самой моей речи, годами предпринимались попытки найти верный путь среди меньшинств, среди тех, кому, в определённом смысле, было доверено руководство человечеством. Эти проповеди не были услышаны. Сегодня многое зависит от масс, многое зависит от того, найдётся ли возможность культивировать разум в широких кругах. Поэтому для меня стало огромным переживанием то, что я смог, как вам уже было сказано, говорить об этих идеях с широкими слоями населения и не встречать при этом сопротивления. Я

считаю это чрезвычайно важным сегодня, поскольку это доказывает мне, что если ищешь путь, то найдёшь его, и если он ещё не найден, то, я полагаю, искали его не так, как следовало бы. Последние несколько дней доказали мне это, и поэтому они стали для меня важным переживанием.

По отдельным пунктам дискуссии можно было бы сказать многое, но, учитывая поздний час, это было бы уже слишком. Но против некоторых пунктов я всё же хотел бы защититься, ссылаясь на свои последние слова, которые, собственно, свидетельствовали о большой благосклонности ко мне. Тут я хотел бы вам просто дать совет: прочтите страницу 140 моей работы «Основные пункты социального вопроса в жизненных необходимостях настоящего и будущего»: «Представленные здесь отдельные институты жизни, показывают, что лежащий в их основе образ мышления не является, как некоторые могли подумать - и как действительно в это верили, когда я излагал представленное то там, то здесь, устно, - возрождением трёх сословий: земледельческого, военного и образовательного. Предполагается, как раз, противоположное этому сословному разделению». Предыдущий оратор говорил о том, что эту идею трёхчленности можно найти уже у Платона. Нет, то, о чём я говорил вам сегодня, - это противоположность сословному разделению. Разделяются не люди в государстве, не старые сословия возрождаются, не воплощаются идея Платона, а то, что независимо от человека, социальный организм, он подразделяется трояким образом, и человек, благодаря этому, достигает своего полного единого человеческого достоинства, не подразделяясь на классы. Благодаря тому, что социальный организм становится трёхчленным, классовые различия преодолеваются. Между нами и Платоном лежит бездна. Нам также необходимо переосмыслить наш подход к Платону. Я должен подчеркнуть этот момент, даже не смотря на благосклонные слова. Крайне важно, чтобы мы не пытались прикрыть происходящее сегодня какой-то старой платоновской идеей.

Затем, очень радуящим меня образом, сегодня многократно всплывало имя Карла Кристиана Планка¹¹. Думаю, в зале сегодня присутствуют и те, кто много лет назад был в Городском музее (Bürgermuseum), где в связи с моей тогдашней речью я соответствующим образом подчеркнул правовые и политические идеи К. К. Планка. Да, К. К. Планк - также является одним из тех, кого я больше всего хотел бы привести в качестве доказательства заблуждений духовной жизни нового времени. Ведь, К. К. Планк всё же видел необходимым сказать, что он хотел бы, чтобы даже его кости не были погребёнными в неблагодарном отечестве. Так мало прислушивались к тому, что он говорил для своего времени. Но я знаю, что если бы Планк воскрес сегодня, он бы шёл в ногу со временем. Если бы он спросил себя: Как бы действительно выглядело моё правовое государство, будучи преобразованным? - он бы сам пришёл к этой трёхчленности. Это то, что я считаю жизнеспособным у Планка, и я считаю, что это будет хорошим подготовительной школой к тому, что сегодня, правда, спустя много десятилетий после Планка, нужно сказать по-другому, - это было бы хорошей подготовительной школой, если бы достаточно много людей захотели прочитать «Завещание одного немца» («Testament eines Deutschen»), а также другие книги К. К. Планка.

Что ж, сказано было очень много: должны вестись переговоры и так далее. Но разве это не переговоры, которые уже начались, когда столько-то людей, о которых вам рассказывали, хотя бы в какой-то степени познакомились с этими идеями? Это мнение также и нашего комитета, что мы должны были бы идти по этому пути дальше. Теперь я всё же хотел бы высказать некоторые слова, которые, ведь, когда-то для тех, кого считают великими, однажды произнес Гладстон¹². Он как-то сказал, что североамериканская конституция - это самая образцовая конституция из всех, что он знал. На это другой, возможно, более остроумный,

¹¹ Karl Christian Planck (родился 17 января 1819 года в Штуттгарте; умер 7 июня 1880 года в Виннендене) — немецкий натурфилософ, сторонник чистого реализма. Этот Тюбингенский лектор был дальним родственником физика Макса Планка (прим. пер.).

¹² Уильям Юарт Гладстон (англ. William Ewart Gladstone; 29 декабря 1809, Ливерпуль, Ланкашир - 19 мая 1898, Харден, Флинтшир) - британский государственный деятель и писатель, премьер-министр Великобритании в 1868-1874, 1880-1885, 1886 и 1892-1894 годах (прим. пер.).

английский государственный деятель заметил, что, по его мнению, конституция не обязательно должна быть такой хорошей, как сказал Гладстон, потому что североамериканцы знали бы, как извлекать максимум пользы и из плохой конституции. Важно то, что, собственно, люди делают, исходя из этой конституции.

Теперь, вместо того чтобы вдаваться в подробности дискуссии, я хотел бы указать на фундаментальные различия между тем, что имею в виду я, и тем, в чём видят благо многие. Видите ли, дело здесь не в том, чтобы представить некую абстрактную программу, в которой видят спасение многие, а в том, чтобы привести людей в такой контекст социальной жизни, где они смогли бы найти правильное, исходя из социального сообщества. Мой призыв и моя книга адресованы людям. В прошлые года я многократно говорил: Я не воображаю себя более умным, чем другие, также имеющие опыт, но мне всё же кажется, что в моих предложениях содержится то, что они обращаются к реальности, к практической жизни. Вещи, о которых здесь идёт речь, могут быть осуществлены в любой момент, с любой отправной точки. Вопрос лишь в смелости сделать это. Я часто говорил, что, возможно, от моих отдельных предложений не останется камня на камне, но, благодаря совместной жизни людей, будет найдено верное, если дать людям возможность найти это верное. И это верное люди найдут, если будут стоять внутри трёхчленного социального организма. Моё обращение направлено к самим людям. Если люди желают установить желаемый порядок, то они вступят в такие отношения друг с другом, в которых они действительно смогут организовать свою социальную жизнь так, чтобы были соблюдены условия здорового социального организма. Речь идёт о практическом, о практическом объединении людей согласно трёхчленному организму. Тогда, если люди будут организованы таким образом в этих трёх областях, будет обретено правильное и в духовной жизни, и в правовой жизни, и в экономической жизни. Речь идёт о людях, и для понимания этого призыва не требуется, по сути, ничего, кроме действительной веры в людей. Мне часто говорили, что этот призыв трудно понять. Должен признать, я был удивлён тем, что это мне говорили люди, которые за последние 4-5 лет поняли так многое, чего не понял я. Что только люди не понимали или думали, что понимают, если это приходило из главной штаб-квартиры или откуда-то ещё! Тогда все люди это понимали и даже помещали эти изречения в золотые рамки. Но сейчас крайне важно то, чтобы люди поняли что-то сами, на основе внутреннего свободного решения. Люди должны опираться на самих себя; это первое требование. Это проходит лейтмотивом через весь призыв, через всё, чего здесь хотят. Как раз, из того, что я только-что сказал, вы сможете извлечь собственный лейтмотив этого призыва, и я надеюсь, что то, чего здесь хотят, будет пониматься всё лучше и лучше.

V. Пути от социальной нужды и к практической цели.

Публичная лекция, Штуттгарт, 3 мая 1919 года

В нынешнем бедственном положении значительной части человечества, особенно Центральной Европы, было бы катастрофой пытаться решить различные серьёзные социальные проблемы малыми и мелкими средствами. Сегодня необходимо прибегнуть к всеобъемлющим неотложным импульсам, которые основаны на подлинном познании того, что привело нас к этой неразберихе и хаосу, и непредвзято, честно и искренне обратить внимание на то, что, собственно, здесь имеется и из чего мы хотим выйти. Эти соображения, характеризуемые несколькими только-что представленными предложениями, легли в основу создания того призыва к трёхчленности социального организма, с которым вы знакомы и о котором я хочу сегодня говорить снова. Всегда возможно с той или иной точки зрения лишь, я бы сказал, указать на необходимость того, что говорится в этом призыве, и теперь

несколько подробнее, но также лишь несколько подробнее, того, что говорится в моей книге «Основные вопросы социального вопроса в жизненных необходимостях настоящего и будущего». И потребовалось бы много лекций, чтобы охватить только всё то, что лежит в основе импульсов, приведших к этому призыву. Поэтому я должен просить вас принять то, что я могу сказать в отдельной лекции, так, что это всегда может быть лишь фрагментом того, что, собственно, ведёт к пониманию той социальной воли, которая подразумевается этим призывом. Но, прежде всего, я хотел бы сегодня указать на то, что также и взгляд на то, что, исходя из интернационального положения привело к ужасной катастрофе последних лет, если рассмотреть это объективно и беспристрастно, должен привести к этому призыву. Похоже, к этим имеющимся здесь в виду импульсам нас принуждают внешнеполитические - если говорить с точки зрения Германии - и внутривнутриполитические условия. Ведь, в этом призыве в его основных предпосылках мы исходим из того, что ужасная ситуация, в которую мы попали, проистекает в основном из того развития новейшего времени, которое привело к смешению и взаимопроникновению трёх областей жизни, которые теперь должны развиваться самостоятельно: трёх областей жизни: духовной, собственно политической или государственно-правовой, и экономической.

В едином государстве, который всё больше и больше становится гипнотизирующим человечество как универсальное средство оздоровления социального порядка, спланилось воедино всё то, что является силами этих трёх областей жизни. Сегодня это оздоровление, как подлинно практическую цель в отношении нашего социального организма, надо искать в автономии этих трёх областей жизни. Это, поначалу в абстрактной форме, я бы сказал, первоначальный импульс, лежащий в основе этого призыва. Если мы с одной из многочисленных точек зрения, входящих в рассмотрение, захотим понять, что привело, в частности, центрально-европейское человечество к ужасающей, чудовищной сегодняшней катастрофе, мы должны посмотреть, как бы, налево, и направо. Против Запада и против Востока была втянута в войну Германия, немецкий народ, и можно уже сказать: Ситуацию, в которой мы находимся сегодня в Центральной Европе, мы также должны понять, исходя из условий Запада и Востока в их взаимодействии.

Тот, кто смотрит на Запад и хочет, прежде всего, сосредоточиться на социальных бедствиях, заметит, как, особенно в странах Запада, в тех странах, с которыми война велась дольше всего, в историческом развитии Нового времени произошло явное слияние экономической и политической жизни, так что, исходя из народных инстинктов, в частности англоязычного населения, в этой части света переживание государственности возникло, я бы сказал, как нечто стихийно-естественное, прежде всего, из-за особых точек зрения экономической жизни. Всё политическое было там пронизано экономическим. Экономические законы стали там политическими законами. Так что, если мы обратим свой взгляд на Запад, мы увидим слияние политической и экономической жизни.

Другого рода слияние политической жизни с культурной жизнью мы видим, прежде всего, в форме националистической народной культуры и выходящей из этого националистического форме её духовной жизни. Глядя на Восток, мы видим слияние духовной жизни с политической жизнью. Всё - здесь на это может быть только указано, но основательное изучение европейских и американских условий подтверждает это - всё указывает на то, что причины разжигания конфликта, которые постепенно накапливались между Центральной Европой и Западом, можно понять только из того конфликта, который возник на самом Западе между экономической жизнью и государственной жизнью посредством того, что экономическая и государственная жизнь, но с особым преобладанием экономической жизни, были хаотичным образом перемешаны. На Востоке эти причины заключались в слиянии отдельных духовных культур национальных обществ с политической государственной жизнью.

Между тем, что там накапливалось, в развитии новейшего времени оказались мы. До сих пор мы не поняли необходимость учиться тому, чем является наша задача в этих тисках между Западом и Востоком. Ужасная катастрофа, которая вышла из обеих этих выше

охарактеризованных импульсов, должна нас научить, куда нам надо направляться в Центральной Европе, которая должна учиться у Запада и Востока. Запад должен нас научить, что как сосед этого Запада, мы должны разделить и сделать автономными экономическую жизнь и политическую жизнь. Восток должен научить нас разделению духовной жизни - даже если мы взглянем на это только поверхностно в национальной жизни - от государственной. Огромные заблуждения - сегодня бесполезно игнорировать этот факт - накопились в политике центральных государств, в их халатной, в конце концов, ведущей к нулю политике этих центральных государств, поскольку их государственные деятели не сумели увидеть, как на Западе, благодаря определённым народным инстинктам, сегодня ещё безвредно это слияние экономической жизни с политической жизнью и её господство в нём, тогда как на Востоке неорганическое слияние духовной и государственной жизни служило постоянным источником конфликтов. Эти огромные политические заблуждения, которые надо признать именно в их исторической необходимости, и должны были в конечном счёте вылиться в ту катастрофу, которая принесла нам самое страшное несчастье. Была ли у нас в последнее время, и я имею в виду, довольно долгое время, да, есть ли, собственно, сегодня добрая воля, чтобы скрупулёзным образом исследовать эти условия? Разве, не смотря на сегодняшнее ужасное положение, многие из нас ещё не считают сосредоточенность на действительно практических импульсах бесполезным идеализмом, поскольку эти практические импульсы теперь считаются великими идеалами, и которые, исходя из удобства и малодушия, преследуют малые цели, которые они называют единственно практическими, одновременно отвергая великие цели, необходимые сегодня, как непрактичные. Эти люди, которые сегодня отвергают действительно практические, великие цели, считая их идеализмом, и желают сосредоточиться лишь на сиюминутном, - это те же самые люди или их последователи, которые привели центрально-европейское человечество, да и европейское человечество в целом, к нынешнему бедственному положению и которые будут заботиться о том, чтобы это положение продолжало ухудшаться. Если действительная жизненная практика не сможет заменить, так называемую, «жизненную практику» обывателей и филистеров, - а сегодня ситуацию необходимо рассматривать объективно и честно, - то результат истинной внешней политики, который ведёт к импульсу трёхчленного социального организма, не будет достигнут никогда.

Но сегодня мы имеем дело не только с результатами внешней политики. Мы имеем дело с силами развития, которые наплывают ещё с совершенно другой стороны и создают волны в человечестве! То, с чем мы сталкиваемся сегодня, можно сравнить с Великим переселением народов и встречей этого переселения с христианством в начале Средних веков. Тот, кто примет в своё рассмотрение действие великих импульсов христианства в продолжении средних веков и в новое время, должен, собственно, заметить, какой характер эти импульсы приобрели среди народов, обычно рассматриваемых в контексте Великого переселения народов, и среди народов, населявших более южные регионы. Зародившись в Азии, христианство сначала действовало на высокоразвитые народы Греции и Италии, на высокоразвитый интеллект этих южных регионов Европы. Лишь затем оно проникло в земли «варваров», как южные народы называли тех, кто наступал с Севера. Охватив взглядом все эти обстоятельства, можно обнаружить, что то, что, собственно, сделало христианство столь действенным во всем мире, развилось не при прохождении его через высокие, но уже приходящие в упадок южные народы, а оно раскрыло свои колоссальные импульсы в сердцах и умах тех народов, которые ещё обладали неиспользованным интеллектом, неиспользованной духовной силой. Это было, я бы сказал, горизонтальное переселение народов с их особенностями в начале Средневековья. Сегодня, рассматривая пролетарское движение, мы стоим перед неким вертикальным переселением народов. Из глубин культурной жизни к ведущим потокам культуры течёт то, что можно назвать пролетариатом. Но то, что мы должны искать как новый, спасающий нас культурный элемент, как великие импульсы, которые выведут нас из хаоса, действует, я бы сказал, из серых глубин духа так, как когда-то христианство действовало на греческие и римские народы. И мы видим, как то,

что стремится сформировать будущее посредством переустройства мира в духовном, в государственном и экономическом отношении, нуждается в неиспользованном интеллекте, в неиспользованных душах (Gemüter) тех народных масс, которые перетекают снизу вверх в сегодняшней вертикальной миграции народов, в то время как, как я уже объяснял здесь в прошлый раз, в изношенных мозгах тех, кто, как когда-то греки и римляне, находится на вершине культуры, у кого в качестве до сих пор правящих, ведущих классов едва ли сохранились следы того огня, который нам сегодня необходим, чтобы найти пути из социальной нужды к действительно великим, практическим целям человечества. О необходимости поиска таких путей говорит среди прочего, прежде всего, то, что изжило себя как такая вертикальная миграция народов в ходе новейшего развития человечества.

Внешняя политика указывает нам на трёхчленность социального организма. На что же указывает нам происходящее во внутренней политике? Оно указывает нам на то, что, как раз, те элементы народа, которые несут снизу вверх неиспользованный интеллект, неиспользованные силы души, - как бы мало ни хотели признать это сегодня многие, как бы мало сам пролетариат ни находил подходящих и соответствующих слов и идей для определённых явлений, - эти элементы народа чувствуют в своей душе, чувствуют также и на нуждах своего тела, чувствуют во всем, что им встречалось уже, можно сказать, в течение трех-четырех столетий, но особенно в девятнадцатом и в начале двадцатого столетия, в тройственном виде, тройственную нужду социального порядка. Они чувствовали, что столкнулись с духовной жизнью, с которой они не видели никакой иной общности, кроме той, которая в последнее полувековье характеризовалась словами Карла Маркса о «прибавочной стоимости». То, что лежит в её основе, до сих пор до конца не понято ни буржуазией, ни пролетариатом. Как раз, в современном образовании эти вещи рассматриваются довольно поверхностно. То, что лежит в основе заключается в том, что вся хвалёная, почитаемая духовная культура нового времени во всех её проявлениях могла развиваться только как культура немногих, при лишении этой культуры широких масс. Не то чтобы до сих пор правящие классы привели пролетарские массы к нужде и страданиям по злой воле, по дьявольскому умыслу. Нет, они привели их к этому, - как я попытался показать это в последний понедельник, - благодаря непониманию, благодаря отсутствию понимания тех задач, которые возникали во всемирной истории из-за того, что все более широкие массы людей охватывались новым вертикальным переселением народов, стремлением к духовной жизни, которой им не хватало. Но так это было когда-то, и в этом суть, что то, чего мы достигли в искусстве, в науке, в образовании относительно духовной жизни, могло быть достоянием лишь немногих и должно было быть выработано при условии лишения многих. Этот особый вид духовной жизни не мог появиться, не создавая пропасти между привилегированными и обездоленными. Это ощущали широкие, стремящиеся вперёд массы по отношению к главному элементу человеческой жизни, по отношению к духовной жизни.

В государственной или политической или юридической жизни они, как раз, в своём подъёме, всё больше и больше ощущали, что для человеческой природы есть нечто такое, что одинаково для всех людей. Эту одинаковость нельзя развить в какой-либо теории; она просто есть в переживаниях каждой здоровой души. Как нельзя говорить со слепым о синем или красном цвете, так нельзя говорить с нездорово развитой душой о том, что в каждой здоровой душе живёт как сознание права, то сознание права, которое делает человека равным любому другому человеку во второй области социальной жизни, в жизни государства. Но это чувство, которое в старых патриархальных условиях, а также ещё в условиях средневековья, в массах подавлялось, - это чувство равноправия выступает всё больше и больше, особенно в пролетарском развитии девятнадцатого и двадцатого столетий. Ведущим, правящим классам не оставалось ничего другого, как призвать широкие массы к демократии. Это им надо было для их интересов. Им всё больше и больше требовался школьным образом образованный пролетариат. Но нельзя в душе образовать одно, не образовывая одновременно другого. Делая пролетариев квалифицированными рабочими для сложных работ на своих фабриках и заводах и для других дел, господствующие, правящие классы должны были, поскольку одно

невозможно без другого, поскольку другое развивается само собой, в то же время позволить зародиться в пролетариате тому сознанию права, которое присуще каждой пришедшей к себе самой человеческой душе. Но это сознание права развивалось у пролетария совершенно иначе, нежели у до сих пор ведущих, правящих кругов человечества. В прежних ведущих, правящих кругах человечества чувства права развилось вокруг сфер интересов, в которые эти классы уже давно были рождены. Пролетарий, поставленный у станка, включённый в опустошающий душу капитализм, не был оснащён такими интересами. Тех связей, которые повсеместно существовали между тем, что эти правящие классы представляли в социальной жизни, и тем, что они воспринимали как свою человечность, тех взаимосвязей интересов для пролетария не существовало. Я говорю это без всякого юмора: Для представителя правящих классов из социального контекста, в котором он находился, могло исходить нечто от внутреннего сознания человечества, которое давало ему определённое правовое сознание, когда он мог, скажем, написать на своей визитной карточке «фабрикант» и тому подобное, или даже «лейтенант запаса». Но для пролетария не существовало подобной взаимосвязи интересов между опустошающей душу машиной и его человечностью, как и между его включённостью в капитализм и, опять же, его человечностью. Пролетарий был ориентирован на свои простые человеческие права, и, глядя на других, он видел, вместо всеобщих прав человека, классовые преимущества, классовые привилегии и классовые недостатки. Это был второй опыт, опыт в области государственной жизни.

И третий опыт для пролетария наступил в сфере экономической жизни. Там он видел, как с его рабочей силой в связи с заработной платой правящие круги обращались как с товаром. Это нанесло глубокий, основательный удар по ощущениям, чувствам современного пролетариата. Это породило сознание, которое, возможно, ещё с полной отчётливостью не высказывалось в головах, но всё глубже и глубже укоренялось в сердцах осознавших свою человечность пролетариев: В древности были рабы, когда всего человека можно было купить и продать, как вещь; позже появилось крепостничество, где можно было купить и продать не всего человека, но всё же достаточно; сегодня, для тех, кто не владеет не чем другим, как рабочей силой, ещё происходит покупка и продажа этой человеческой рабочей силы. С этой рабочей силой нужно идти вместе с ней; её нельзя просто отнести на рынок, как вещь, и вернуться назад, продав её. Нужно отдать самого себя тому, кто её покупает. Включение рабочей силы в экономический цикл - это было третье переживание современного пролетариата. Таким образом, в том, что возникло как социально-государственный порядок, пролетарий обнаружил переплетение того, что мы ранее обнаружили также во внешней политике; в современном государстве он обнаружил переплетение духовной жизни, государственно-правовой жизни и экономической жизни. Подобно тому, как это переплетение привело к взрывам мировой войны великих империй, так, с другой стороны, то, что движется снизу вверх, что переживается тройко в духовной жизни, в правовой или государственной жизни и в экономической жизни, приводит к социальному взрыву. Оба эти фактора неразрывно связаны. Старый порядок взорвался в катастрофе мировой войны, исходя из империализмов, в которые из крупного производства превратился современный капитализм, не зная толком об этом. Крупное производство породило империализмы, а столкновение этих империализмов привело к катастрофе мировых войн. То, что двигалось вертикально, снизу вверх, содержит те же импульсы. Это ведёт, только в другом направлении, к тому социальному бедствию, которое было глобальным социальным бедствием в условиях новых империй, которые стали либо, как на Западе, империями по интересам, либо, как на Востоке, слиянием государственных империй с национальными империями. Сплавление трёх жизненных областей привело к взрыву мировой войны и к огромному социальному бедствию, поскольку эта, так называемая, мировая война является чем-то другим, нежели прошлые войны. Это изживание старого порядка ужаснейшим образом. Посмотрим на то, как хочет начаться новое, снизу наверх. Давайте не упустим из виду, какие импульсы тут хотят стать изменёнными для дальнейшего развития человечества, по сравнению с теми, что привели к переходу от старого экономического порядка к глобальному империализму и,

таким образом, к ужасам новейшего времени. Таковы сегодня знамения времени. И человечество сегодня должно знать, как относиться к этим знамениям времени. Разве мы не пережили, особенно в Центральной Европе, как люди постепенно утратили действительно здоровое суждение относительно духовной, экономической и политической жизни из-за неестественного, невозможного, постепенного слияния этих трёх областей?

Я спрашиваю вас, не вдаваясь в критику условий: я спрашиваю вас, не возникли ли события, факты последнего развития человечества, - мы хотим рассмотреть их сейчас только в отношении Европы, - именно под влиянием слияния, например, политики и экономической жизни? Весь мир кричал, - я не буду сейчас вдаваться в критику этого крика, конечно, это не просто ягнята на одной стороне и волки на другой, - но весь мир кричал о прорыве через Бельгию в начале войны. Этот прорыв, как он мог произойти? Он мог произойти только потому, что туда были проложены стратегические дороги. Их бы не было, если бы в области Германии экономические силы были отделены от политических сил. Взгляните на карту Европы, рассмотрите многочисленные железнодорожные сети, и изучите затем, исходя из здоровой индустриальной науки - которой у нас пока вообще нет, - были бы эти чисто экономические сооружения, железные дороги, такими, какими они есть сейчас, - вы можете проводить эти исследования даже в нейтральных странах, - если бы они служили только экономической жизни и развивались бы из неё. Или, разве вам не бросается в глаза, когда мы рассматриваем отношения между экономической и политической жизни, как, особенно в Центральной Европе постепенно, поскольку рейх всё больше и больше склеивался экономическими условиями, он, следуя западному образцу, всё больше и больше превращался в крупное коммерческое предприятие? Разве мы не замечаем, что политическое обучение всё больше и больше приходит в упадок? Подумайте только о том, сколько интеллекта, сколько осмотрительности было направлено на чисто деловую жизнь, на экономическую жизнь, тогда как народы Центральной Европы, как раз, в последнее время становились всё более аполитичными, даже по сравнению с их аполитичностью в прошлых столетиях. Мы аполитизировали себя, благодаря слиянию политики с экономической жизнью.

И наконец, мы всё больше и больше погружаемся в полную зависимость всей духовной жизни от государственной. Также и здесь надо постоянно указывать на то, что не только занятие постов, школьное управление попали в зависимость от современной государственной жизни, но и само содержание духовной жизни, содержание искусства, содержание науки. Люди сегодня ещё не замечают этого, поэтому именно в этой области поднимаются самые чудовищные предрассудки, когда речь заходит о том, что действительно важно. А сегодня важно то, чтобы мы пробудились для работы над здоровым разделением экономической жизни и государственной, политической или правовой, с одной стороны, и, в свою очередь, над разделением всей духовной жизни и государственной, - с другой.

Сквозь нашу экономическую жизнь сегодня проходит призыв к социализации. Он исходит, я бы сказал, из ранее упомянутого вертикального переселения народов как мировой исторический девиз. И как бы мало ещё ни наблюдалось хотя бы отдалённо адекватного понимания истинной социализации, мы должны всё же сказать, если взглянуть на социальную жизнь непредвзято: Каким бы неясно ни мыслили об этой вещи, в этом призыве к социализации выражается нечто исторически значимое. Вероятно, лучше всего это видно из того, что именно в силу ужасных экономических последствий войны даже мыслители капиталистического толка не могли не говорить о необходимости социализации экономики. Эта необходимость социализации экономики подчёркивалась, например, иначе таким совершенно капиталистически мыслящим мужем, как Вальтер Ратенау. Да, то, что имеется в виду в этом «призыве», даже можно найти в тех или иных точках соприкосновения в том, что Вальтер Ратенау развивает, например, в своей брошюре «Новая экономика». Но, как мы вскоре увидим, для того, кто действительно понимает импульс трёхчленного социального организма, существует радикальное, фундаментальное различие в социализации экономики между тем, что должно требоваться в виде такой социализации на почве трёхчленности, и

взглядами Ратенау. И в этом фундаментальном различии показывается, как раз, то, что принадлежит к самому необходимому в социальных устремлениях сегодняшнего дня.

Благодаря чему же, собственно, люди пришли в экономической области к мысли о социализации, к требованию социализации? Ведь, долгое время идеалом человечества считалась свободная игра экономических сил. Значительная часть того, что можно назвать современной частной-капиталистической экономической формой, возникла в результате свободной игры экономических сил, свободной конкуренции хозяйствующих личностей и групп. Но затем, в ходе того развития экономической формы, которая сформировалась под влиянием современной техники, под влиянием современного капитализма и под влиянием свободной игры экономических сил, оказалось, что от человеческого меньшинства стало всё больше и больше отделяться пролетарское большинство, которое стало носителем тех великих требований, которые я охарактеризовал выше. И так, исходя из пролетариата, возник справедливый призыв к социализации, который является противоположностью чистой игры сил в области экономической жизни. То, что тогда должно было развиваться согласно мыслям ведущих личностей пролетариата, - это полная организация всей экономической жизни. И мы, ведь, видим, как в некоторых областях, к ужасу и отвращению многих, внедряется то, что является такой всеобъемлющей организацией. Для старой свободной игры сил, как отголосок прежнего государственного и экономического порядков, ещё находилось прекрасное изречение о спасительной силе престола и алтаря. Теперь, после катастрофы мировой войны, призыв к престолу и алтарю и воодушевление ими отходят на второй план, но мы видим затаившимся нечто такое, что возникает в противовес прежним престолу и алтарю. Не только до сих пор правящие классы, но и уже широкие слои действительно разумных, мыслящих пролетариев, ощущают нечто устрашающее в вопросе: Как будет тогда, когда на место трона и алтаря вступят контора и машина, - будет ли это для нас лучше? Не сможет ли при определённых обстоятельствах из ряда тех, кто работает с фабрикой и конторой, развиваться такой же диктатор, какой развился под влиянием Трона и алтаря? В этом заключается важнейший вопрос, но это также и тот вопрос, здоровый ответ на который должен вести к выходу из социальных трудностей и достижению действительно практических целей. Я, ведь, говорю в некоторой степени, ещё очень абстрактно, но только в этой мысли которую я хочу высказать, лежит нечто такое, что может найти практическое применение во всех областях экономической жизни, если только к решению этого вопроса будут призваны все, кто принадлежит к экономической жизни. Но этот призыв должен быть сделан так, чтобы между всеми этими членами экономической жизни царил доверие.

Давайте говорить на эту тему откровенно и честно. Дни, проведённые мной здесь, в Штутгартe, где я читал лекции на многочисленных пролетарских собраниях, были для меня огромным переживанием. Я говорил с пролетариями почти так же, как здесь, разве что немного иначе по форме. И меня понимали и в Швейцарии, и здесь, в самых широких кругах пролетариата. И чему же это меня научило? Это научило меня, что продвижение вперёд, будь то с социализацией или с другими современными социальными требованиями, возможно только при том условии, что мы работаем с доверием человечества. Что мы продвинемся вперёд, только если, работая с людьми, мы окажемся в гармонии с их волей, если мы откажемся от поисков спасения только в том, чтобы давать сверху распоряжения, основанные на кажущемся превосходстве разума. Сегодня мы сможем избежать диктатуры, только если найдём слова, которые, произнесённые отдельными людьми, будут сказаны от всего сердца, исходя из чувствования широчайших масс, как раз, работающего населения. С этого я хотел бы начать. Это указывает на то, что самые насущные социальные вопросы могут быть решены не в узких кругах, как бы они ни назывались, что их необходимо решать на широкой основе фабрик и мастерских, силами самих людей, а не исходя из социалистических теорий.

Одно из первых требований, предъявляемых к экономической жизни, если рассчитывать на это человеческое, состоит в том, чтобы извлечь уроки из суровых, ужасающих событий мировой военной катастрофы, то есть, из того, что породило эту мировую катастрофу, относительно того, как должна происходить социализация. Мы должны усвоить, что всё, что

ведёт к такой социализации, которая вновь смешивает государственную или правовую жизнь с экономической, неизбежно приведёт к бедствиям.

Я снова и снова должен указывать на то противоестественное слияние экономической жизни с государственной и правовой жизнью, которое образовалось в последней трети девятнадцатого столетия в Австрии. То, что Австрия так ужасно деградировала, созрела для упадка задолго до катастрофы Мировой войны, объясняется тем, что именно на этой горячей почве не поняли, насколько это было бы разрушительным, если в начале конституционной жизни новейшего времени правовое государство формировалось бы из экономических курий. Только под давлением позднее, но слишком поздно, произошла перемена, отличная от той, что была предпринята в шестидесятых годах. Так называемый Имперский совет (Reichsrat) был сформирован из четырёх экономических курий: крупных землевладельцев; торговых палат; городов, рынков и индустриальных центров; сельских общин. На почве государства, где должно было зародиться право, утверждались чисто экономические интересы. Экономические интересы превратились в права! И тот, кто объективно изучает то государственное развитие, которое при министерстве Тааффе¹³ в последней трети 19-го столетия называли «прозябанием», всякий, кто соответствующим образом изучает это политическое развитие Австрии, знает, какие семена распада кроются в том, что на этих опирающихся на самые разные национальности территориях, не нашлось стимула развивать отдельно правовую систему и отдельно экономическую систему. Мне нужно было бы долго говорить, - и, проходясь по парламентам, собственно, всех современных государств, можно было бы говорить долго, - если бы я хотел привести отдельные доказательства того, как повсюду стало всё более и более очевидным невозможность слияния политической или государственной или правовой жизни с экономической жизнью. Отныне это должно быть первым требованием, эту экономическую жизнь снова освободить от жизни государства. Тогда, используя все человеческие ресурсы, занятые в экономической жизни, и доверяя им, мы сможем приступить к соответствующей социализации, которая, - как я объяснил в своей книге и указывал в других местах, - будет заключаться в формировании ассоциаций, сначала по профессиям, затем по взаимоотношениям, коалиций и товариществ, которые будут строиться, основываясь на стремлении к гармонизации отношений в потреблении и производстве. Только на этой основе может получиться здоровая социализация. Она получится, когда будут увидены и вред свободной игры сил, и вред механической социализации, - оба предрассудка принесли человечеству свои плоды, - она получится только тогда, когда будут извлечены уроки из того, что проявилось в мировой истории, так что социализироваться будут из свободной игры сил таким образом, что социализация возникнет не посредством искоренения свободной игры сил, а, как раз, посредством, полной понимания работы свободной игры человеческих сил. Это возможно только при условии развития доверия, но тогда это возможно! Примерно так можно было бы сказать, повторяя определённые слова Гретхен, обращённые к Фаусту¹⁴; примерно то же самое имел в виду и Вальтер Ратенау, но трёхчленность социального организма предполагает ещё нечто существенно иное. Видите ли, концепция социализации Вальтера Ратенау совершенно отличается от той социализации, которую должна была предполагать трёхчленность потому, что Вальтер Ратенау просто не может представить себе ничего иного, кроме того, что социализация идёт сама по себе, а контроль государства при этом сохраняется, и что государство постоянно извлекает прибыль из того, что производится на социализированных предприятиях.

Это лишь доказывает, что человек, который в конечном счёте мог бы извлечь уроки из практики, всё же остаётся в плену слепой теории. Это лишь доказывает, насколько суггестивно действуют мысли, сформировавшиеся в ходе развития новейшего капитализма,

¹³ Эдуард граф фон Тааффе (*Eduard Graf von Taaffe*), 1833–1895, из ирландской дворянской семьи, 1879–1893 премьер-министр Австрии.

¹⁴ «Faust» I, Martens Garten: «Всё это прекрасно и хорошо; / Примерно то же самое говорит пастор, / Только немного другими словами»

даже среди тех, кто стремится к социализации, насколько необходимо пробиваться через предрассудки в этой области всей силой свободного, практического видения обстоятельств. Всё, что должно быть направлено на порядок экономической жизни, на пронизывающие эту экономическую жизнь разумность, понимание и моральность, должно исходить от управляющих самой этой экономической жизнью самостоятельных личностей и органов. Экономическая жизнь будет развиваться здоровым образом только тогда, когда государство не должно будет вмешиваться в эту экономическую жизнь, кроме того, что оно должно вмешиваться через личностей, участвующих в экономической жизни, как обладающих правами субъектов. Разумеется, что если кто-то обманывает другого в сфере экономической жизни, то он подчиняется закону государства. Он подчиняется закону государства как личность. Но то, чем являются его функции и его действенность в экономической жизни, это в экономическом социуме должно основываться на простом договоре, на простом доверии. Даже если это и сегодня встречается множество предрассудков со стороны социалистов, тот, кто судит, исходя не из понятий и идей, а из того опыта, который последние десятилетия европейской экономики привели к экономическому краху в войне, скажет это. И он должен сказать: Мы не придём к здоровым экономическим отношениям до тех пор, пока не освободим экономическую жизнь от государственной жизни. Мы оказались в теперешнем положении, благодаря слиянию того, что должно основываться на доверии и договору, с государственным, которое должно основываться только на законе. Законом государства позволительно просвечивать в экономическую жизнь только через личности. Только таким образом мы устраним из экономической жизни то, что должно быть устранено, то, что как рабочая сила, подобно товару, неправомерно для пролетарского восприятия включено в экономический кругооборот.

С одной стороны, экономическая жизнь граничит с природными условиями. Представьте себе абсурдность следующего: Собирался бы какой-либо экономический консорциум, который составлял бы свой баланс, вероятный баланс на 1919-ый год; и этот консорциум брал бы баланс за 1918-ый год и пытался бы определить по активам и пассивам, сколько, например, дождливых дней должно быть летом 1919-го года, чтобы обеспечить желаемую экономическую конъюнктуру в следующем году. Конечно, это полная бессмыслица, не правда ли? Я говорю эту бессмыслицу только по той причине, что из этого видно, что, с одной стороны, экономическая жизнь построена на природных условиях, которые мы не можем полностью регулировать этой экономической жизнью. Мы можем что-то сделать посредством техники, но полностью регулировать её, исходя из самой экономической жизни, мы не можем. Наряду с тем, как экономическая жизнь, с одной стороны, граничит с природной жизнью, в будущем экономическая жизнь должна граничить с правовой жизнью государства, и в этой правовой жизни государства должно регулироваться всё то, что подлежит правовой жизни, - прежде всего, человеческая рабочая сила. Для экономического кругооборота регулирование человеческой рабочей силы рабочего должно лежать за пределами этого экономического процесса. Как за пределами экономического процесса природные силы под землей делают зрелым зерно, пшеницу, так же за пределами экономического процесса должно находиться регулирование меры, сроков и характера труда работника. Ничто в отношении меры и характера человеческого труда не может определяться экономической конъюнктурой, экономическими условиями и силами. В отношении рабочей силы человек стоит перед другим человеком совершенно иначе, чем в отношении удовлетворения тех человеческих потребностей, которым соответствует экономический цикл производства товаров, циркуляции товаров и потребления товаров. Из этой циркуляции производства рабочая сила должна быть изъята, и в чисто демократической государственной жизни должна регулироваться в изолированном, от экономической жизни эмансипированном государстве. Таким образом, экономический процесс оказывается здоровым образом втиснутым между природой, с одной стороны, и правовой жизнью государства, с другой. Всё это должно быть организовано в духе трёхчленности. Это может произойти лишь в том случае, если на основе государственной жизни будет развиваться не то, что может

развиваться от человека к человеку только в рамках экономического процесса, а если на почве государственной жизни будет стоять только то, что относится к отношениям отдельного человека к отдельному человеку, – то, в чём каждый отдельный человек равен другому отдельному человеку. Поэтому на почве этой государственной жизни не позволено также появляться никакой прибыли, исходящей из какого-либо человеческого консорциума, какой-либо экономической группы, какого-либо экономического сообщества. То, что приобретено на экономической почве, должно быть снова втекать в экономическую жизнь людей для повышения их уровня жизни. То, что поступает в государство, – назовём это налогом или как-то ещё, – может, если выразаться ясно, поступать только из кошелька отдельного индивидуального человека. В отношениях с государством может состоять только отдельный человек; только тогда, также на почве государства, один отдельный человек может состоять в отношениях с другим отдельным человеком. Тогда на почве государства действительно расцветают права человека. Тогда этот социальный вопрос, насколько он является вопросом труда, решается посредством эмансипации государственной жизни от экономической жизни, где больше не может господствовать принуждение, посредством которого рабочая сила в свободной игре сил сама становится объектом этой свободной игры сил. Рабочий должен отрегулировать свою рабочую силу, прежде чем вступить в мастерскую, прежде чем вступить на фабрику, прежде чем вступить в экономический процесс. Тогда он противостоит управляющему работой как свободная личность, свобода которого гарантирована государственным трудовым законодательством; только тогда развиваются здоровые отношения.

Здесь мы стоим на почве действительно практической социализации. Тот, кто понимает суть отношений на этой почве, знает, что, исходя из различных предпосылок, можно без конца создавать рамочные законы социализации. Их можно создать сегодня, через два года посчитать их бесполезными, реформировать, через пять лет снова посчитать их бесполезными и реформировать и так далее. К здоровому, благополучному состоянию можно прийти не раньше, чем человек поднимется до того, чтобы вмешиваться в практику в такой точке, как та, на которую я только-что указал. Это, как раз, является характерным в развитии новейшего времени, что это развитие для человеческого мышления, для человеческих мыслительных привычек во многом происходит на поверхности вещей. И теперь, когда мы поставлены перед меняющимися мир фактами, мы, к сожалению, во многих случаях видим несостоятельность старых партийных суждений, которые были призваны созидать, но которые, в этом созидании, часто ведут себя не как суждения, отвечающие действительности, а как мумии суждений, умершие под гнетом партийной косности и партийного филистерства новейшего времени. Поэтому, уже можно это сказать, в наши дни, когда вещи должны быть прозрачными, прямыми, честными и правдивыми, важнейшие вещи рассматриваются столь искажённо. Понятно, что многие, кто был свидетелем становления современного капитализма, теперь придерживаются мнения о необходимости полного отказа от всего этого частного капитализма и введения общественной собственности на все средства производства. – Понятно также, что от этого суждения, сформированного десятилетиями, я бы сказал, в душевных муках, в лишениях и нищете, трудно отказаться. Тем не менее, должен возникнуть более глубокий вопрос, – ведь, мы не можем в современной экономике обойтись без накопления капитала, – вопрос: Что должно быть связано с этим накоплением капитала? С этим накоплением капитала должна быть связана индивидуальная способность человека использовать капитал соответствующим образом, – не в эгоистическом, а, как раз, в социальном смысле. Мы не сможем этого достичь, если не будем развивать эти индивидуальные человеческие способности, если не сделаем соответствующие системы управления капиталом предприятий доступными для этих индивидуальных способностей. Поэтому на той почве, на которой возник этот снова упомянутый для вас сегодня призыв к социальной трёхчленности, надо было прийти к идее о будущей действительности капитала, которая представляет собой нечто совершенно иное, чем то, что сегодня широко понимается как социализация капитала.

Странным образом, как раз, если мыслить практически, мы приходим к тому, чтобы сделать управление капиталом зависимым от третьей области, которая должна быть самостоятельной в здоровом социальном организме, - от эмансипированного духовного организма. Мы всё больше и больше разрываем связь между духовным трудом и трудом капитала в экономическом процессе. В результате вместо того, чтобы прийти к экономическому подъёму, который может быть связан с повышением уровня жизни широких масс, мы, не смотря на все технологические достижения, всё больше оказываемся в состоянии, своего рода, экономического грабежа. Как раз, в отношении играющих важную роль в современной экономической жизни импульсов, например, таких как кредит, современная экономическая жизнь оказалась в своеобразном тупике. Кредит на почве экономической жизни сегодня является чем-то таким, что может поддерживаться почти исключительно за счёт уже имеющихся экономических факторов. В будущем нам потребуется возможность того, чтобы кредит рождался не только на почве экономической жизни, но нам нужна возможность, чтобы кредит мог рождаться и внедряться в экономическую жизнь извне. Не правда ли, это парадоксальное утверждение, странное утверждение; но то, что лежит в его основе, ещё более странно. Благодаря тому, что в будущем духовная жизнь будет самостоятельной, будет развиваться на основе своих собственных, присущих ей условий, мы выйдем за пределы той абстрактной духовной жизни, той люктуриозной духовной жизни, которая не может найти никакой связи с практической жизнью. Те, кто меня знает, не будут от меня ожидать, что я каким-либо образом буду принижать духовную жизнь. Только та духовная жизнь, которая будет отделена от обоих других социальных организмов, которая будет развиваться, исходя из своих собственных условий, не будет абстрактной духовной жизнью, лишь проповедующей или пребывающей в абстрактных духовных высотах; это будет духовная жизнь, которая не просто ведёт к абстрактному знанию о том или ином, а ведёт к тому, чтобы делать людей способными как людей. Правда, при будущем социальном порядке нам больше не будут нужны наши чуждые жизни гимназии. Что-то похожее - тоже нет.

Но то, что будет жить, будет обладать духовным импульсом, чем-то, способным поддерживать человеческую душу во всех её глубочайших духовных жизненных потребностях. Как раз, когда образуется то, что сегодня ещё так много людей считает далеко лежащей духовной жизнью, придут к тому, чтобы найти путь, который нельзя найти посредством нашего прикованного к государству образования, - путь, который воспитывает человека как целое, который воспитывает человека таким образом, что какая-либо духовная культура без одновременного обладания практическими навыками, без способности понимать практические вещи, становится больше невозможной. Материализм новейшего времени сделал человека непрактичным. Истинная духовная жизнь, которая не будет жизнью государственного батрака в сфере духа, снова сделает людей практичными, она не будет производить людей в области высшей культуры, которые считают, что они имеют мировоззрение, но которые не знают, что такое банк, что такое кредит, что такое ипотека и так далее, и как те действуют в экономической жизни. Это не произведёт людей, которые знают силы, о которых говорит физика, но которые никогда в жизни не кололи дрова. Я, разумеется, всегда имею в виду в сравнении. От истинной, поставленной на себя саму духовной жизни, к управлению экономической жизнью ведёт действительно практичный мост. Капитализм с причиняемым им ущербом можно преодолеть только в том случае, если управление этим капитализмом будет тесно связано с оздоровлением духовной жизни. Тогда выйдет то, что можно назвать здоровой социализацией капитала. Тогда из духовной жизни всегда будут подниматься те люди, которые смогут привнести в экономическую жизнь и кредит, новый кредит, которые смогут всегда заново оплодотворять экономическую жизнь. Тогда станет возможным то кругообращение капитала, о котором я говорю в своей книге. Сегодня я могу лишь указать на эти пункты. В следующих лекциях, которые мне будет позволено здесь прочесть, необходимо поговорить об отдельных, особых вопросах такого рода, а именно, об отношении между капиталом и человеческим трудом.

Таким образом, мы видим, как посредством трехчастного социального организма могут быть реализованы те три великих импульса человеческого социального развития, которые со времен Французской революции, как я недавно упомянул, стояли перед человеческими устремлениями светлыми девизами. Свобода в области самостоятельной духовной жизни, равенство во всех областях государственной жизни, братство через ассоциации и товарищества построенной на самой себе экономической жизни.

Теперь, в заключении я хотел бы сказать ещё следующее: Я знаю, что если слышать то, что говорится сегодня, так в общем, а не в конкретно-практическом, можно многое иметь против, поскольку непонятно, как в мыслях об этой трёхчленности здорового социального организма всё действительно связано практически, от основания университета до продажи зубной щетки. Практичность имеющегося здесь в виду предложения основана, как раз, на том, что можно возражать против многого, если слышать только общее. Но практика появится тогда, когда, как раз, люди всех профессиональных классов, всех видов человеческой деятельности в социальной работе в каждом конкретном случае примут участие в реализации этой идеи. На возражение, что это идеализм или даже нечто утопическое, - против такого возражения восстанет то, что будет всё больше и больше говорить людям, исходя из серьёзных фактов времени.

Такие идеи, как те, что многие люди ещё и сегодня считают практичными, странным образом были доведены до абсурда мировыми историческими событиями июля и первых дней августа 1914-го года. В конце моей статьи «Основные пункты социального вопроса», где обсуждаются международные условия, я обращал внимание на то, что человечество внутри страны и за рубежом до сих пор не имеет никакого понятия о том, что действительно произошло в Берлине в последний день июля и первые дни августа 1914-го года. То, что тогда произошло, мир потребует узнать. Если об этих вещах будет сказана правда, то будет видно, что на события нового времени падает страшный свет, - свет, который покажет, что нам нужна не просто трансформация того или иного, а что нам нужны новые мысли, новые привычки мышления, что мы должны трансформировать не только институты, но мы должны переучивать и переосмысливать мысли в наших головах.

Тот, кто честно и искренне представит себя в этом положении вещей, не отступит безвольно перед возражениями тех, кто говорит: Ты идеалист, оставайся при своих достижениях, оставайся при своих идеалах, не болтай нам о практике! - Эти практики увидят, каким вредителем окажется эта жизненная практика. Но те, кто является истинным практиком и мыслит, исходя из великих импульсов человеческого развития, вовсе не приписывают себе никакой особой умности. Поскольку то, что побуждает нас сегодня говорить так, как сегодня, в свою очередь, говорил, например, я, - это факты самого настоящего. Ох, тут иногда хочется сравнить себя с тем мальчиком, который однажды сидел у машины и должен был управлять двумя кранами, один из которых пропускал пар, а другой - конденсат. Мальчик, уже в силу своего возраста, не был гениальным изобретателем, но он стоял перед машиной, которая ему нечто открыла. Он видел, как открытие одного крана совпадало с опусканием балансира с одной стороны, а открытие другого крана совпадало с опусканием балансировочной штанги с другой стороны. Тогда, в своей наивности, он взял веревки и привязал краны к балансировочной штанге, - и о чудо, он стоял у своей паровой машины и наблюдал, как балансир все время поднимался и опускался, открывая и закрывая краны. Но при этом было обнаружено нечто важное. - Тогда был прав не тот человек, который подошёл к тому мальчику и сказал: Ты, бездельник, убери свои верёвки и просто открывай краны рукой, - а был прав тот, кто, благодаря наивным махинациям того мальчика, открыл самоуправление этой паровой машины.

Факты сегодня говорят так убедительно, что действительно ощущаешь себя наивным, когда обнаруживаешь, как должно быть найдено самоуправление здорового социального организма. Сегодня я мог только указать вам на это. Оно будет найдено, когда в полной самостоятельности будут действовать: поставленная на саму себя духовная жизнь,

поставленная на саму себя экономическая жизнь, поставленная на саму себя политическая или государственная жизнь.

Пусть, - на этом я хотел бы еще раз закончить сегодня, - пусть человечество, особенно человечество Центральной Европы, осознает, что означают эти импульсы в жизненных потребностях новейшего времени, пока не стало слишком поздно. Поскольку необходимо осознать, что сегодня мы можем эффективно двигаться к практическим целям, исходя из социальных нужд, только если придём к идеям, содержащим в себе зародыш действия. Содержащие зародыши мысли, мысли, содержащие зародыши действия, которые следует искать, и мы, представляющие трёхчленный социальный организм в своих трёх импульсах самостоятельной духовной, экономической и правовой жизни, мы считаем, что эти импульсы необходимо внести в человеческое развитие, пока не стало слишком поздно.

Заключительные слова после дискуссии.

Мои многоуважаемые присутствующие! Я не хочу надолго задерживать вас своими заключительными словами, не столько потому, что больше нечего сказать по поводу высказываний уважаемых ораторов, сколько, прежде всего, потому, что мы уже превысили лимит времени. Вероятно, поэтому многое из того, что я хотел бы сказать, и что лишь смутно прозвучало для некоторыми уважаемых ораторов дискуссии, придётся принять во внимание в следующих двух лекциях, которые здесь пройдут. Но на нескольких вещах, пусть даже очень кратко, мне хотелось бы остановиться сегодня. Так что прошу простить за краткость ответов на вопросы, которые мне задали непосредственно.

Был поставлен вопрос, почему я сам - возможно, через тех, на кого мои слова могли произвести какое-то впечатление - уже раньше не поднял свой голос за мир. - Что ж, поскольку даже в этой дискуссии были ораторы, которые вновь выдвигали обвинение в идеализме, я хотел бы самым решительным образом подчеркнуть, что я являюсь и намерен быть абсолютным практиком в жизни, и поэтому для меня никогда не входило в рассмотрение пропагандировать просто вымышленные вещи, которые не выказывают способности своей реализации в фактах жизни. Поэтому я хотел бы ответить на эти вопросы, приведя несколько фактов. Как, по-вашему, было бы действительно практично вести пропаганду мира, скажем, здесь, в Штуттгарте, в середине или весной 1916-го года? Пригласить вас сюда и произнести красивые слова о необходимости мира? Вы считаете, что действительно практик жизни мог бы так легко осуществить это где-то весной 1916-го года? Но были и другие пути. На этих путях, вышедших из знания, из полного содержания знания, пытались делать то, что было правильным в то время. В совсем недалеком будущем необходимо будет серьёзно обсудить историю последних четырёх-пяти лет, но не так, как об этом ещё говорят в широких кругах сегодня. Чтобы упомянуть один факт: то, что считал необходимым, я всецело отстаивал ещё весной 1916-го года, когда ещё можно было бы перейти к практическим действиям. Я перепробовал всё возможное. Отчасти из-за нехватки времени, поскольку я должен был бы много об этом говорить, я не буду на этом останавливаться. Дело дошло до того, что моя задача по отношению к этим ужасным событиям должна была начаться в определённый день. Но затем, из самой последней инстанции - вопреки тем, кто проверил это дело и счёл его весьма многообещающим, - тогда из этой инстанции, в которую верили многие люди, поскольку им велено было верить, последовало странное распоряжение, я бы назвал это: Он, ведь, австрийский немец. Прежде чем для такой службы использовать австрийцев, мы должны использовать для этого наших способных немцев. - Вот правда! Такой может быть правда! Если бы я рассказал вам всю историю, никто бы не спросил меня, почему я раньше не отстаивал то, что отстаиваю сегодня. И ещё кое-что. В начале этого столетия и в конце прошлого я был учителем в одной школе для рабочих, основанной старым Вильгельмом Либкнехтом. В этой школе для рабочих я обрёл себе очень преданных последователей среди учеников. Возможно присутствующие здесь члены Социалистической партии знают, что и внутри этой партии есть, так

называемые, «шишки». И вот в один прекрасный день случилось так, что эти «шишки», поскольку я не хотел преподавать ортодоксальный, догматический, материалистический взгляд на историю, четыре человека против шестисот моих студентов =- четыре человека, которые никогда меня раньше не слышали, против шестисот моих студентов, которые слушали меня годами, - выступили и добились того, что мне указали на дверь. Это отдельная история, почему те вещи, которые были мной сейчас высказаны, не были высказаны ранее. Тот, кто знает, как и где я их высказывал, об этом не спрашивает. Но одно дело, когда кто-то что-то говорит, а другое дело, слушают ли его. Я глубоко убеждён, что многие из тех, кто сегодня меня слушал, совершенно не услышал бы меня до того, пока ни пришло великое учение в виде ужасных событий последних лет.

Если было сказано, что между государством и трудом должно быть брошено яблоко раздора, то я должен сослаться на одну из моих следующих лекций. Там станет ясно, что уважаемый предыдущий оратор совершенно неправильно меня понял, если полагает, что я хотел бы сделать государство хозяйствующим, пусть даже в каком-то одном пункте. Это не так; государство не будет играть никакой экономической роли, то есть, и, он не может быть также плательщиком заработной платы, а для него речь идёт о свободе рабочей силы. В этом смысле многие также поняли меня правильно.

Сейчас я лишь кратко ответил на некоторые вопросы, приведя несколько фактов. Ответы на эти вопросы, несомненно, со временем существенно изменятся.

Когда кто-то из уважаемых господ, выступавших до меня, указал на то, что, как было заявлено, я не привел обоснования этих вещей, то следует сказать, что речь идёт, как раз, о том, что эти вещи могут быть объяснены только на основе жизненного опыта, что, будучи высказанными, они являются апелляцией к человеческой мысли и человеческому опыту. Необходимо действительно обратиться к жизни, иначе мы не продвинемся вперёд. Здесь есть нечто такое, что подступает к людям таким образом, что от них ожидается свободное понимание. К сожалению, мы пережили, что многое в последнее время было понято, - что я не понял, так это те вещи, которые некоторые господа в последние года позволили себе поместить в рамки, - изречения с определённой стороны, которые я не понял. Разница между тем, что здесь должно быть понято, и тем, что так легко было понято в последние годы, заключается в том, что здесь понимание подразумевает акт внутренней свободы. Там же к пониманию обязывали. Давайте разберёмся, попытаемся понять, чего нам не приказывают понимать, и попытаемся выяснить, сколько из того, что мы, как нам кажется, понимаем, мы понимаем только потому, что это было нам привито, воспитано в нас или приказано понять. Тот, у кого есть практический опыт, в конце концов может понять, когда кто-то говорит: Не будь так строг к носителю кошелька, прояви сострадание к тому или этому. Но такие инструкции, собственно, довольно эгоистичны, действительно являются только эгоистичными инструкциями, поскольку важно не то, осознаёт ли кто-то, что деньги - это мусор, или постоянно верит в то, что деньги - это маленький бог. Для социально мыслящего это совершенно неважно, а важно то, какую социальную роль играют деньги и человек, имеющий эти деньги.

Не надо замыкаться в таких чувствах: мы сочувствуем носителю кошелька, - а надо раскрыть голову для отношений не просто для того, что чему хочешь сочувствовать или не сочувствовать на свой вкус. Тут речь идёт о том, чтобы покончить с привычкой к праздным проповедям. Эти праздные проповеди - часть того, что привело нас к трудностям и несчастьям. Я часто представлял своим слушателям следующую метафору: Все разговоры о любви к ближнему, о братстве, конечно, прекрасны, они внутренне утешают эгоистичные души, когда в хорошо отопленной комнате ведутся разговоры о милосердии о любви ко всем людям, независимо от их социального положения, и так далее. Но в отношении к действительности это подобно тому, что я встаю перед печью и говорю ей: Ты, печь, твоей обязанностью является согреть комнату. То, как ты выглядишь, ты носишь физиономию печи; такой предмет имеет категорический императив согреть комнату. - Но тепло не становится, сколько бы я не проповедовал.

И так люди проповедуют в абстракциях постоянно; тепло не становится, но снаружи тем временем всё летит кувырком. То, о чём здесь идёт речь, так это то, что я прекращу свою проповедь, мысленно озабочусь тем, чтобы стало тепло разумным образом, что я принесу дрова и разожгу огонь. Во всех вещах важно то, чтобы в наших мыслях лежали зародыши того, что надо сделать. Я верю, что тот, кто действительно ищет, найдёт то, что, собственно, имеется в виду в призыве, в моей книге «Основные пункты социального вопроса в жизненных необходимостях настоящего и будущего». Уже сказано достаточно слов, которые остаются всего лишь словами; теперь нам нужны действия. Но чтобы эти действия были разумными, мы должны сначала достичь понимания их сути. Нам нужны зародыши мыслей для действий, такие зародыши, которые как можно скорее приведут к действиям, пока не станет слишком поздно.

VI. Будущее капитала и человеческой рабочей силы.

Публичная лекция, Штуттгарт, 13 мая 1919 года.

Может показаться, что в процессах великой мировой катастрофы, которые сегодня находятся на стадии Версаля, тема будущего капитала и человеческого труда выглядит несколько необоснованной. Однако, проследивая события в их глубине, пожалуй, позволительно отметить, что обе эти темы - мировая катастрофа и то, чему посвящена сегодняшнее рассмотрение, - тесно связаны. Поскольку любому, кто наблюдал за событиями последних лет открытыми, бодрствующими органами чувств, должно быть более или менее ясно, что нечто от того, что можно было бы назвать мировым капитализмом в высоком стиле, втекло в эту так называемую мировую войну, что этот мировой капитализм так, как вы это сегодня с болью ощущаете, по своему жесту кулирует в рамках, так называемых, мирных условий, и что уже сегодня через значительную часть цивилизованного мира, подобно мощной исторической оппозиции, проходит то, что можно было бы назвать требованием, направленным именно против капитализма. Таким образом, в противопоставлении капитала и человеческого труда кроется, собственно, самая глубокая и значимая проблема нашего времени. Капитализм в конечном итоге перерос в то, что можно назвать, и часто так называлось, - империализмом. Человеческий труд задышался под властью этого империализма. И если пристальнее взглянуть на эту важнейшую характеристику капитализма, то можно, как раз, увидеть, что она нашла своё окончательное выражение в ужасной мировой катастрофе.

Какова же одна из самых основных характеристик этого капиталистического мирового экономического порядка? Она состоит в том, что для поддержания своей жизни, своего обогащения, человек исходит из, так называемой, рентабельности, инвестиционного потенциала капитала. Теперь я вас спрашиваю: В какой степени причины этой ужасной катастрофы коренятся в том, что можно отнести к инвестиционному потенциалу капитала в крупных масштабах? В какой степени определённые империализмы, собственно, боролись за расширение этого инвестиционного потенциала капитала? Таким образом, уже сегодня видно, и будет становиться всё более очевидным, что из глубин человечества поднимается и будет подниматься требование: Как нам прийти к новому облику человеческого бытия, после того, что те формы, которые принял мировой экономический порядок при капитализме и империализме, во-первых, оказались в высшей степени пагубными для человечества, а во-вторых, давно находятся на грани собственного уничтожения? Таким образом, обсуждая сегодня противостояние капитала и труда, мы говорим, собственно, о гнущем мировом экономическом порядке, с одной стороны, и о становящемся мировом экономическом порядке, с другой стороны.

Обсуждая здесь этот вопрос, я прошу вас учитывать, что, как раз, с точек зрения, с которых здесь говорится, необходимо сначала с полной ясностью говорить о всеобъемлющих, основных импульсах, чтобы затем, на основе понимания этих основных, всеобъемлющих импульсов, можно было бы углубиться в детали. Поскольку никто из тех, кто в эти дни великих мировых расчётов желает уклониться от рассмотрения этих основных, всеобъемлющих импульсов, не может и думать о том, чтобы внести позитивный вклад в переустройство мира. Тот, кто сегодня называет широкие, всеобъемлющие точки зрения непрактичными, выражает, собственно, намеренно или нет, то, что, оставаясь в своем так называемом практическом мире, в своих лёгких, он не хотел бы участвовать в том, что действительно необходимо для развития человечества. Поэтому позвольте мне сегодня, в связи с обоими моими предыдущими лекциями, оставаться при несколько более общих импульсах, чтобы затем в следующую пятницу я мог с полной ясностью рассмотреть лишь детали, которые вытекают из всеобъемлющего плана трёхчленного социального организма. Эти детали было бы нельзя обсуждать, не представив сначала весь план целиком.

Если вы хотите познакомиться сегодня с теми требованиями, которые поднимаются из широчайших слоёв народа, и в которых одновременно выражаются полные значимости исторические необходимости, то сначала вам необходимо иметь действительно добрую волю прислушиваться к тому, что сегодня является самым необходимым перед лицом новой ситуации, чтобы придать форму этим особым требованиям человека, которая может вжиться в действительность человеческого развития. Условия последних лет настолько разительно изменились по сравнению с прошлым, что кажутся совершенно новыми, и тем не менее многие люди всё ещё не могут расстаться со старым образом мышления и старыми мыслительными ощущениями, и не слышат, или, по крайней мере, не склонны слышать то, что является самым существенным. Ведь, сегодня мы сталкиваемся с требованиями, которые исходят не из того или иного места, которые также не могут пропагандироваться с того или иного места, - мы сталкиваемся сегодня действительно с теми требованиями самых широких масс, которые поднимаются из глубин человеческого восприятия, человеческого переживания и человеческой воли. В это время прежде всего необходимо доверие, - доверие между людьми, доверие людей к тем, кто может что-то сказать о требованиях времени. Прежде всего, то доверие, которое основано не на чём-то личном, а исключительно на самом вопросе. Тут мы наблюдаем сегодня нечто весьма важное. Можно сказать, - если понять, как получить доступ к самым широким массам населения, - что завоевать доверие сравнительно легко. Как ни странно, надо сказать: завоевать доверие сегодня тем легче, чем больше мы обращаемся к тем людям, которых существующий экономический, правовой и духовный порядок в каком-то смысле лишил корней в вопросах жизненных благ, кто в формировании своей жизни вынужден полагаться исключительно на собственные силы, на силу своего труда.

Примечательно, с каким пониманием принимаются самые глубокие импульсы теми, кто на собственной коже испытал недостаточность человеческого развития в последнее время. Сложнее говорить с теми, кто сегодня некоторым образом ещё стоит на позициях остатков старого экономического, правового и духовного порядка; кто переносит в новую эпоху то, что они приобрели, унаследовали или иным образом усвоили из старого порядка. Они привязаны как к своему имуществу, так и к своим представлениям. И им трудно найти что-либо практичное, кроме того, что позволяет им, хотя бы в какой-то степени сохранить то, что они приобрели, унаследовали или присвоили каким-то иным образом. Сегодня у многих людей, и тем более у тех, кто принадлежит к последнему упомянутому классу, нет не только возможности искать доверия, чтобы добиться переустройства посредством взаимного доверия, но у них нет даже веры в это доверие; у них нет веры в то, что понимание желающих понять великие импульсы, является подлинным и честным. Я не хочу критиковать, я хочу лишь обсудить факты, - но те факты, которые сегодня делают невероятно сложным продвинуться вперёд посредством того, посредством чего единственно и только можно продвинуться вперёд, - посредством силы, которая лежит в человеке для понимания другого человека. Невероятно сложно сегодня сделать популярной эту основу истинного

социализма: понимание одним человеком другого. Поскольку странным образом, в наше время, когда так весомо и величественно звучит призыв к социализму, в глубине человеческой души живут сильнейшие антисоциальные импульсы. Поэтому-то и получается так, что, затуманенные этими антиобщественными импульсами, лишь немногие сегодня способны обрести достаточные, реалистичные, подлинно практические представления о том, что необходимо для дальнейшего развития человечества. То, о чём говорилось в предыдущих лекциях, и то, о чём будет идти речь сегодня и в следующий раз, – это не что-то такое, что спущено с небес, это взято из непосредственной жизни. Поскольку многое из того, чего требуют импульсы трёхчленного социального организма, по сути, уже присутствует в тайных устремлениях многих людей, уже присутствует там в то виде, что оно хочет выйти на поверхность из глубин души, что оно хочет бороться за своё существование, и что только институты нашего теперешнего духовного, правового и экономического порядка хотят сдерживать эти рвущиеся наружу силы. Особенно сильно ощущается странное явление того, как сегодня люди, исходя из своего старого государственного экономического порядка, работают, как раз, против того, что хочет пробиться наверх ради их же собственного блага, особенно учитывая нынешнюю охватывающую мир борьбу между капиталом и человеческой рабочей силой. Не ждите, что я начну с какого-то более или менее удовлетворительного определения капитала и человеческой рабочей силы. В действительности борьба ведётся не против понятий и идей, в действительности надо бороться против сил и людей. В действительности, однако, она часто должна вестись также против заблуждений, неадекватности, даже слепоты. В этом отношении ситуация сегодня является исключительно своеобразной.

Это подводит нас ко второму моменту, который необходимо учитывать, помимо социально-психологического факта поиска доверия. Из среды широких масс пролетариата и социально мыслящих людей, уже давно поднимается призыв к той или иной форме социализации средств производства, которые, ведь, для пролетариата являются по существу тем же самым, что и капитал. Тот, кто, в том смысле, в каком я это изложил в двух последних лекциях, занимается развитием социальных и социалистических идей 19-го и 20-го столетий, может прийти к тому, что этот призыв к социализации средств производства содержит в себе нечто, соответствующее самому основополагающему праву, которое только можно увидеть в новейшем развитии человечества. Но тем, кто позволяет действовать на себя фактам, как они изменились под воздействием мировой катастрофы, нетрудно будет увидеть, насколько несостоятельными стали многие из тех мыслей, партийных мнений и тому подобного, которые проявились также и на социалистической стороне, где эти факты мощно восстают из глобальной катастрофы и ищут своей формы. Теперь необходимо поставить вопрос: Как нам устроить социальную жизнь? Как достичь того, что ставится как достойная цель: Социализация средств производства? Как нам прийти к таким идеям, которые не только укажут нам цель, способную удовлетворить потребности, порождённые страданиями и лишениями, но и откроют путь к этой цели? Это, как раз, та задача, которую ставит себе трёхчленность социального организма: найти путь к цели, которую признают справедливой самые широкие массы человечества, которую они ощущают как таковую и, более того, в определённой степени также понимают. Я должен снова и снова подчеркивать, что то, что я здесь говорю, взято не из какой-то абстрактной теории, возникло не из учёности, а вышло из действительной жизни и её настоящих, далеко идущих требований. Но иногда задумываешься о том, как развитие времени, как человеческая мысль соотносятся с чем-то, что рождено из самых глубин жизни. Призыв к социализации, звучащий сегодня, исходит, ведь, из значимой всемирно-исторической декларации, так называемого «Манифеста Коммунистической партии» гениального Карла Маркса. И, по сути, то, что переживалось до сих пор, и то, что будет переживаться и впредь в рамках социальных и социалистических импульсов, будет ответвлениями и побегами того, что заложено в корне этого «Манифеста Коммунистической партии». Но примечательно, что в том же году, когда был опубликован этот «Манифест Коммунистической партии», появилась честная, соответствующая

действительности книга. И мысли в этой книге исходили из души человека, который уже познал жизнь, который был бы также склонен уже тогда полностью стать приверженцем социализма, если бы жизненный опыт позволил ему это. Это был Бруно Хильдебранд (Bruno Hildebrand), который написал эту книгу, казалось бы, непритязательную, но симптоматичную, заслуживающую серьёзного внимания: «Национальная экономика настоящего и будущего»¹⁵. Я упоминаю это сегодня здесь в качестве введения по вполне определённой причине. Если собрать воедино все существенное, что было выдвинуто противниками социализма со времен «Манифеста Коммунистической партии», то всё это ясно, как в экстракте, уже можно обнаружить в работе Бруно Хильдебранда 1848-го года. Что, собственно, лежит в основе импульса этого замечательного человека? Он сказал себе: «Я должен представить себе, как будет выглядеть общественный порядок, устроенный чисто социалистическим образом!» Он, как бы, рисовал себе картину такого социалистического общественного порядка. Если бы он мог счесть это возможным, - как легко можно понять из высказываний этого человека, - он бы немедленно заявил о своей поддержке. Но, согласно своим взглядам, он не может считать это возможным. Почему? Не потому, что он считает, что отдельные люди, желающие перейти в современную эпоху с нажитым, унаследованным или иным образом приобретенным богатством, скажем, попадут под колёса, а потому, что, как реалистичный, по-настоящему практичный мыслитель, ему ясно, что те, кто желает социализма в том виде, в котором они сами его представляют, быстро почувствуют себя несчастными в таком социалистическом обществе. И почему же они должны себя чувствовать несчастными? Автор представляет всё это. Он показывает, как многие правомерные силы человека должны естественным образом исчезнуть, если человеческое общество захватит социалистическая структура. Он показывает, насколько невозможно, как раз, в социалистическом обществе, установить отношения между капиталом и трудом в долгосрочной перспективе.

Теперь, столкнувшись с таким соответствующим действительности изложением, оказываешься в весьма странном положении. Говоришь себе: Но есть же историческая необходимость социализма. Социализм должен прийти, и он обязательно придёт. Стоит ли тем, кто стремится к новому порядку, желать того, что может принести несчастье или, по крайней мере, не может принести счастье? Этот вопрос сегодня может ужасно тяготить любого, кто глубже всмотрится в человеческое развитие. То, к чему нас призывают сегодня силы, присущие человеческому развитию, невозможно по-настоящему понять, исходя из каких-либо агитационных или демагогических оснований, - но исключительно из горькой серьёзности и священного чувства ответственности перед справедливыми требованиями человечества.

На этом фоне возникли вопросы, которые в конечном итоге привели к формированию импульсов трёхчастного социального организма. Из действительной жизни как перспектива будущего появилось расчленённое человеческое общество. Но в стремлении говорить не просто, исходя из иллюзий и требований, а в стремлении к чему-то такому, что действительно могло бы принести пользу человечеству, надо было задать вопрос: в чём же лежит причина того, что нечто исторически необходимое, то, что определённо должно прийти, может в то же время казаться чем-то мешающим человечеству в отношении его благороднейших сил? Ответственного за это такой взгляд не может вести в заблуждение в отношении необходимости социальной структуры общественного порядка. Но это может побудить его исследовать то, как это надо сделать во благо, а не во вред, чтобы смогла проявиться свободная, полностью раскрывшаяся во все стороны человеческая природа, а не во имя того, чтобы человеческое существо, зафиксированное и усохшее внутри себя, жило в исторически необходимом. Это приводит к тому, чтобы этот социальный организм изучить более точно, в соответствии с жизнью. И тут становится видно, что если кто-то просто хочет перевести старый государственный порядок, старое содержание государства в новый

¹⁵ Бруно Хильдебрандт (Bruno Hildebrandt), 1812–1878, профессор национальной экономики, «Национальная экономика настоящего и будущего» («Die National-ökonomie der Gegenwart und Zukunft»), 1848.

социальный порядок, если кто-то хочет подтолкнуть старое единое государство к новому социальному порядку, то произойдет именно то, на что указывают противники социализма, если они являются благонамеренными противниками. Мутная картина сразу проясняется, когда осознаешь, что, ведь, прежде всего, из экономического организма, в который мы входили всё больше и больше так, что государственный и духовный организмы стали слугами экономических организаций, надо извлечь собственно правовую или государственную или политическую сферу, и область духовной культуры человечества. Если оставить их внутри, продолжать в том же духе, загнивающим идолом «единого государства», и если мы хотим социализировать, то возражения будут действительны. Если же отделить от экономической жизни, в которой всё больше и больше концентрируется новейшая человеческая культура, правовую, политическую или государственную жизнь, с одной стороны, и духовную жизнь, с другой стороны, то в освобождённом хозяйственном кругообращении остаётся возможность здоровой социализации. И одновременно появляется возможность осуществить здоровую социализацию и в двух других областях.

Я хотел обратить на это внимание по той простой причине, что сегодня, когда об этом заходит речь, люди так легко верят, что сказанное возникло как некая внезапно появившаяся идея. Под трёхчленным социальным организмом подразумевается не такая идея. Это нечто такое, что возникло из жизни вместе с социальной действительностью. Поскольку только с точки зрения трёхчленного социального организма, который я вам описал в последний и предпоследний раз, становится возможным пролить правильный свет на те импульсы в недавнем развитии человечества и на их формирование в настоящем и будущем, которые необходимы для капитала и рабочей силы. Под действием запутанных и несправедливых сил новейшего времени сформировались взгляды, которые, собственно, не всегда указывают на верную цель. Например, можно сказать, что те, кто думал о том, чтобы помочь развитию человечества, высказывали самые курьёзные мысли о том, что они, собственно, представляют себе под капиталом и его влиянием. Есть такой национал-экономист по имени Рошер¹⁶, который считает капиталом государство; есть национал-экономист Тюнен¹⁷, который считает капиталом людей; и я мог бы привести вам длинный список, демонстрирующий то, как люди видят экономический мир и формируют самые странные представления о том, что действует в этой экономической жизни. Поэтому мы можем, вероятно, яснее понять, что действительно движет и тревожит человечество сегодня, через представления таких людей, а возможно, даже через представления, которые мы можем сформировать сами, указывая на то, в чём, собственно, заключаются основные импульсы развязанной борьбы между капиталом и человеческой рабочей силой. Здесь мы можем прежде всего указать, я бы сказал, на веру одной стороны и веру другой стороны. Поскольку тут, по сути, противостоят два экономических верования.

Во что, собственно, верит капиталист? Капиталист верит в то, что он живёт от своего капитала, или, если он является хозяйственником, что он живёт от процентов этого своего капитала. Это его вера. Он не слишком раздумывает над этой верой, поскольку не имеет понятия о том, что от капитала и процентов жить никто не может. И он также не имеет понятия о том, что высказывание одного очень значительного национального экономиста, который в качестве исключения даже стал прусским министром, о том, что капитал является пятым колесом в экономической повозке, имеет под собой определённые основания. Нужно действительно учесть то, что это, собственно, означает. А это означает ни больше ни меньше, как следующее: Человеческому обществу то, что сегодня считается капиталом, собственно,

¹⁶ Георг Фридрих Вильгельм Рошер (родился 21 октября 1817 года в Ганновере; умер 4 июня 1894 года в Лейпциге) — немецкий историк и экономист. Его считают основоположником исторической школы экономики. «System der Volkswirtschaft» («Система народного хозяйства»), 5 томов, 1854-1894; «Geschichte der Nationalökonomie in Deutschland» («История национальной экономики в Германии»), 1874.

¹⁷ Иоганн Генрих фон Тюнен (1783–1850) учил, что ставка заработной платы должна быть равна среднему геометрическому прожиточного минимума и продукта труда. (См. его работу «Изолированное государство в отношении сельского хозяйства и национальной экономики» <<Der isolierte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationalökonomie>>, 3 части, 1826–1875.)

не нужно. Однако, в действительности этот капитал питает многих, очень многих людей. Все эти люди находят себе пропитание, благодаря пятому колесу в повозке экономики, то есть, они питаются так, что, если бы они не питались, эта повозка экономики двигалась бы тоже, только сами они должны были бы делать нечто другое, нежели питаться от капитала, а именно, работать. Видите, это проясняет веру капиталистов. С этой верой, как и вообще с любым вероисповеданием, трудно бороться по той простой причине, что вероисповедание интимно связано с человеческой природой. И вы можете сколько угодно говорить капиталисту: «Твой капитал не создаёт жизнь, пока посредством общественного порядка не преобразуется во власть, - во власть, которую ты имеешь, благодаря своему капиталу, над другими людьми, которые работают и своим трудом обеспечивают тебя средствами к существованию». Тот, кто основательно рассматривает эти вещи, замечает, что капитал имеет какое-то значение, только если смотреть на него с точки зрения этого вопроса власти. Пока столько о вероисповедании капиталиста.

Далее, вероисповедание рабочего, по крайней мере того рабочего, который в новое время развился под гнётом опустошающего душу капитализма, - эта вера говорит: Я живу от своего труда! - В сегодняшнем общественном порядке это также просто вера, неоправданная вера, что можно жить от своего труда, - точно такая же неоправданная вера, как и та, что можно жить от какого-то капитала, хотя вера в то, что можно жить своим трудом, по крайней мере имеет определённую ограниченную правильность. Только она не имеет полной правильности в рамках нашего общественного порядка. Поскольку в рамках нашего основанного на разделении труда общественного порядка, для того, чтобы жить за счёт этого труда, необходима тройственная деятельность человека, которая исходит от духовной культуры времени в самом широком смысле. Во-первых, необходима изобретательская деятельность, ведущая к средствам производства; во-вторых, необходима организационная деятельность, ведущая к гармонизации средств производства и человеческого труда; и, в-третьих, необходима спекулятивная деятельность, ведущая к потреблению того, что произведено с помощью труда средствами производства, к передаче продуктов соответствующим членам человеческого общества. Без этой тройки духовной деятельности труд в социальном организме, основанном на разделении труда, представляет собой нечто бесплодное. Однако, это с самого начала указывает на то, что, как я уже сказал, проливает определённый свет на то, что необходимо сегодня. Нужно лишь взглянуть на то, что есть, в правильном свете. Сегодняшнее общество работает под влиянием капитала. Работающий ощущает совершенно правильно, когда видит сущностное капитала в средствах производства, то есть, в том, что должно быть создано посредством человеческого труда и непосредственно не ведёт к потреблению, то есть, не является предметом непосредственной необходимости, непосредственного использования, а служит изготовлению этих средств непосредственной необходимости и непосредственного использования. Социализм хочет поместить эти средства производства в другой общественный порядок, нежели тот, в котором они оказались под влиянием капиталистического экономического порядка новейшего времени. Теперь странным образом можно сказать, что уже проявляется то, что в определённом смысле средства производства являются чем-то самими по себе, что они могут стать обособленными от людей. Сравните только, как в прежних экономических формах то, что людям как ремесленникам требовалось для производства, было основано на их человеческих качествах. Теперь сравните, как всё, что сегодня делается в большем масштабе с помощью современных средств производства, как материальный актив может стать, как бы, обособленным от человеческой личности. Мы, ведь, знаем, что когда продается некая сумма средств производства, составляющих какое-то предприятие, - она может быть продана одним человеком или корпорацией другому человеку, другой корпорации, причем оба они могут не иметь к этим средствам производства никакого отношения, кроме как получать свои гонорары, свою прибыль, - тогда видно, как в самом широком смысле имеет место отделение средств производства от своих владельцев. Здесь мы, благодаря действительности, имеем нечто такое, что только в будущем соответствующим образом должно обратиться в свою

противоположность, - тогда мы придём к действительной социализации средств производства. Показать нечто подобное я попытался в своей книге «Основные пункты социального вопроса в жизненных необходимостях современности и будущего».

Нужно достичь двоякого. Во-первых, надо добиться того, чтобы была создана тесная связь между руководителями предприятия, обладающего средствами производства, и самими этими средствами производства. Руководитель или руководящий консорциум обязательно должен быть тем, кто посредством своей духовной работы, - будь то планирование, расчёт или изобретательство, - влияет на деятельность предприятия посредством средств производства, участвует в ней. Такой консорциум, который посредством всей своей духовной базы, посредством своих духовных качеств, связан со средствами производства данного предприятия, должен в самом широком смысле пользоваться доверием со стороны тех, кто как рабочий ручного труда должен работать на этих средствах производства. Отличаться друг от друга в будущем должны будут: рабочий, тот, кто работает руками. и тот, кто не извлекает прибыли из средств производства, которая вырастает из этих средств производства, но благодаря своим духовным способностям и духовному труду, ориентированному на специфику данных средств производства и данного типа предприятия, только и имеет право управлять этим предприятием и этими средствами производства. Но такой управляющий производством должен управлять средствами производства лишь до тех пор, пока он может оправдать эту обязанность связью, слиянием своих способностей с этими средствами производства.

Здесь, правда, мы доходим до того пункта, где те, кто может себе представить только то, что останется сохранённым, по меньшей мере, существенное от старого, начинают делать растерянные лица. И всё же, когда наступает момент, когда кто-то, кто, благодаря своим способностям, слился с определённой суммой средств производства, больше не может поддерживать это слияние, тогда этот социальный организм обязан без покупки передать эти средства производства другому человеку или группе людей. Это означает ни что иное, как то, что в будущем произойдёт слияние капитала, - теперь мы называем это капиталом, или как нам угодно, - слияние капитала и человеческих способностей без покупки. Тогда капитал будет иметь значение лишь того, что используется для запуска крупных предприятий. В будущем капитал будет создаваться человеком, имеющим способности для конкретного предприятия. Этот капитал будет возникать, только благодаря доверию к этому человеку других людей, которые предоставят ему то, что они достигают в виде прибавочного труда сверх своих потребностей. Он будет в состоянии, так сказать, от имени доверяющей ему группы, то есть, от имени широкой общественности социального организма, построить такое предприятие, которое сегодня может быть построено только на основе частного капитала. Но тогда, как только предприятие будет построено, исчезнет то, против чего, собственно, рабочий борется сегодня: исчезнет собственность на средства производства. После завершения создания средств производства, друг против друга будут стоять рабочий, связанный договором, и тот, кто является техническим или иным духовным управляющим предприятия. Средства производства не принадлежат никому, приходит конец собственности на средства производства. И в тот момент, когда особые способности управляющего перестают оправдывать сотрудничество с ним этого предприятия, этот управляющий обязан передать средства производства другому консорциуму, другой группе людей. Прямо или косвенно! Этим в будущем будет достигнуто то, что я должен назвать циркуляцией капитала и прекращением частной собственности на капитал! Этот капитал найдёт своё гармоничное воплощение в социализированном общественном организме. Он будет циркулировать в этом общественном организме, подобно тому, как кровь циркулирует в организме человека или животного, где она не должна односторонне использоваться только одним органом, а должна циркулировать через все органы. Свободная циркуляция капитала! Это то, что действительно необходимо для будущего.

В таком социальном организме, где таким образом свободно циркулирует капитал, только и возможна действительная свобода труда. Поскольку, как частная капиталистическая

собственность действительно является в отношении общественных функций пятым колесом, так и человеческая рабочая сила как противовес капитала приходит в принуждённое положение под господством капитализма. То, что необходимо для оздоровления человеческого общества, достигается циркуляцией капитала, которым не владеет никто. То, что сегодня выплачивается, извлекается из средств производства, то, что люди называют своим капиталом или рентой в виде ипотечных сертификатов, облигаций, акций и так далее, совершенно не нужно в действительном процессе человеческого развития общественного порядка. Оно изымается из этого общественного порядка, и это ставит самих людей, которые изымают, вне этого общественного порядка, делая их в той или иной степени паразитами и теми, кто порождает огромные силы недовольства внутри общественного строя. То, что я вам здесь объяснил о циркуляции капитала, некоторые люди, разумеется, сочтут крайне непрактичным. Этому я могу поверить. Но нахождение этого непрактичным в данном случае означает ни что иное, как нежелание отказа от того, что является пятым колесом экономического порядка, то есть, привычка считать практичным только то, что оказывается практичным для себя, для собственного эгоизма. Но в будущем человечеству придётся всецело посвятить себя общественному организму. Тогда будет недостаточно сидеть в своих комнатах и фантазировать о любви к ближнему и братстве, чувствуя себя при этом вполне хорошо, а затем отрезать купоны, которые они могут отрезать только потому, что на них в нужде и нищете на шахтах и фабриках работают люди, чтобы они могли чувствовать себя удовлетворёнными, проповедуя о любви к человечеству, любви к ближнему и братстве.

Эти разговоры, эта притворность быть хорошими должны прекратиться. Организация человеческого общества таким образом, чтобы оно действительно отвечало требованиям быть хорошим, - это то, что сейчас настоятельно звучит в мире как призыв. То, что возникло при современном капитализме, что развивалось всё больше и больше, что сегодня достигло, так сказать, вершины своего сознания, а именно своего классового сознания, - это социальная группа людей, которая, по сути, состоит пока только из рабочего населения, пролетариата. Что должно быть выполнено в отношении этой социальной группы? Что ж, эта социальная группа осуществляла некоторым образом самопомощь, она также многое отвоевала у капиталистически руководимого государства, чисто капиталистического экономического порядка и так далее. Товарищества (кооперативы), профсоюзы возникли для организации этой социальной группы, - первоначально это были анархические массы рабочих, не по своему настрою, а анархические по своему группированию. Однако, до тех пор, пока мы стояли под управлением старого экономического порядка, эти попытки организации не могли привести к какой-то правильной цели. Не смотря на все похвалы, воздаваемые защите рабочих, рабочему страхованию, даже международной защите рабочих и так далее, всего этого оказалось недостаточно для подлинной и эффективной организации социальных групп, живущих как пролетарское население. Поскольку во всех этих организационных попытках нечто оставалось: оставался стоящий напротив капитал и его представители. И таким образом, развилось то, что существовало тогда и ещё остаётся неизменным сегодня: борьба между одним общественным классом, носителями капитализма, и другим общественным классом, пролетариатом. Борьба, конкуренция - вот что возникло. И к чему мы пришли в результате этой борьбы, этой конкуренции? К тому, что организованный через профсоюз рабочий должен завоёвывать себе повышение заработной платы или что-либо ещё у представителей капитала, - ведь, это мы видели. В том, что сегодня чувствует пролетариат, отчётливо проявляется то, как мало могла принести существующая организация для выполнения требований пролетариата.

В предыдущих лекциях я уже обозначил главный вопрос. Можно было бы сказать, что два основных момента всего социализма заключаются в двух требованиях, из которых естественным образом вытекает третье. Во-первых, это требование, которое уже упоминалось при обсуждении капитала, а именно, что капитал, вложенный в средства производства, не должен больше быть собственностью. Капитал должен отбросить характер собственности. Во-вторых, в будущем работа не должна больше быть товаром, то есть, в

будущем социалистическом или социальном обществе, в здоровом социальном организме, прекратятся отношения, связанные с заработной платой. Работа или рабочая сила не должна быть товаром. Работник ручного труда производит продукцию в партнёрстве с работником умственного труда, как уже было описано. Нет никакого трудового договора, есть договор лишь о распределении выполненной работы (die Teilung der Leistungen). Это то, что можно достичь только в том случае, если работник стоит перед управляющим работой как совершенно свободный человек, то есть, если он в состоянии определять объём, время и характер своего труда на совершенно иной основе, нежели экономический порядок, если он может полностью свободно распоряжаться собой как целостным человеком до вступления в договорные отношения.

Я знаю, что сегодняшние упёртые головы ещё не могут представить себе сказанное как нечто практичное. Только то, что считалось непрактичным пятьдесят лет назад, теперь стало практичным. Работник вступает в договорные отношения как свободный человек, который может сказать: Поскольку я могу определять характер своего труда на уровне, независимом от экономической жизни, сейчас я выступаю перед тобой и работаю вместе с тобой в соответствии с договорённостями относительно условий моего труда. То, что мы производим, является предметом договора с тобой о распределении!

Видите ли, поэтому необходимо, чтобы в будущем собственно государство, собственно социальная правовая область была отделена от экономической области. Благодаря тому, что это произойдёт, можно будет действительно независимо от экономической жизни регулировать всё то, что можно регулировать на демократической почве как право. Сама экономическая жизнь может быть организована, только исходя из опыта и реальных основ самой этой экономической жизни. Но рабочая сила уже может быть организована, когда работник вообще вступает в экономическую жизнь. Тогда, если это будет так, в будущем будут жить, с одной стороны, циркулирующий капитал или циркулирующие средства производства, которыми не владеет ни один человек, которые находятся в общем пользовании, и которые всегда могут перейти к самому способному, благодаря мерам, представленным мною ранее. Тогда, с другой стороны, будет существовать свобода человека, не только в отношении всякого идеального имущества (Güter), которое, однако, сегодня нельзя считать его собственным, а, прежде всего, в отношении человеческой рабочей силы. Тогда эта экономическая жизнь будет освобождена от отношений, связанных с заработной платой, поскольку тогда в экономической жизни останется только имущество (Güter) или то, что мы можем назвать товарами. Тогда по-другому будут соотноситься друг с другом то, что сегодня является капиталом, заработной платой и рынком. Тогда, как мы видели, отпадут капитал и заработная плата, поскольку будут присутствовать достижения, которые работник производит вместе с управляющим работой. Понятие о заработной плате перестает иметь какой-либо смысл.

Но примет новый облик и то, что сегодня является рынком. Сегодня рынок, хотя и организованный во многих мелочах, ещё имеет в себе что-то анархическое. Рынок регулирует взаимные стоимости товаров, и это единственная стоимость, которая должна существовать в экономической жизни в будущем, поскольку человеческая рабочая сила имеет ни с чем не сравнимую стоимость, которую нельзя причислять к экономическим стоимостям. То, что останется в виде экономических стоимостей, будет сравнительной стоимостью товаров. В описанных условиях товары смогут приобрести такие сравнительные стоимости, которые дадут человеку в самом широком охвате, то есть, всем работающим людям, жизненное положение, насколько это возможно соответствующее общему, а не групповому процветанию. Это может произойти лишь тогда, когда рынок перестанет быть тем, чем он является сегодня, когда он будет насквозь организован, когда, исходя из всеохватывающего экономического опыта, из расчёта того, что представляют собой различные экономические данные получается определение стоимостей товаров, не подчинённых анархическим отношениям спроса и предложения, но ориентированных на установленные опытом человеческие потребности. Этого можно добиться только в том случае, если эта

экономическая жизнь, если рынок, или, вернее, рынки, преобразуются в ассоциации, в товарищества и так далее. Эта строительство товариществ, это строительство не только таких товариществ, которые уже были построены, а пронизывание всей экономической жизни структурой товариществ, будет возможно только в том случае, если человек, исходя из опыта экономической жизни, приобретет интуитивное знание отношений между производителями и потребителями. В этой связи есть и определённые начинания. Вы можете познакомиться с ними на примере усилий Сиднея Уэбба¹⁸, где в товариществах были достигнуты большие успехи, в той мере, в какой может быть достигнут большой успех в рамках нынешнего экономического порядка, который ещё существует за пределами этих товариществ. Но если экономический порядок вообще будет изменён указанным способом, то речь идёт о том, что строительство товариществ должно осуществляться не в соответствии с субъективными требованиями, а в соответствии с тем, к чему приводит сама экономическая структура. Тут, чтобы вы видели, что эти вещи не висят в воздухе, я хотел бы сделать определённый комментарий. Для того, кто примет во внимание ассоциативный характер экономической жизни, описанный в моей книге «Основные пункты социального вопроса», будет само собой разумеющимся поставить вопрос: Как нам, например, ограничить товарищества? - Если вы хотите ограничить их произвольно или по каким-либо соображениям, выходящим за рамки экономической жизни, то это всегда приведёт к неверному ценообразованию и, как следствие, к неправильному влиянию на жизненное положение человека. Есть вполне конкретный закон, который может привести к созданию структуры товариществ, исходя из действительности. Сначала, если вы примите во внимание оба потока экономической жизни, продукцию и потребление, вы можете представить себе потребительские товарищества, где собираются вместе те люди, которые хотят покупать экономическим образом, чтобы использовать всё, что можно использовать для таких закупок, благодаря объединению потребителей.

С другой стороны, могут объединяться производители, что в нашей экономической системе доведено до абсурда, и тогда возникают производственные кооперативы (товарищества). Ну, оба типа товариществ имеют совершенно разные тенденции. Кто изучает потребительские товарищества, обнаруживает, что потребительские товарищества весь интерес имеют в том, чтобы, во-первых, покупать как можно дешевле и, во-вторых, иметь в своих рядах как можно больше людей. Они никогда не противятся расширению своего товарищества, если преследуют свои истинные интересы. Производственные товарищества имеют прямо противоположное свойство. Участники будут опасаться конкуренции, если они расширяются, и при этом они заинтересованы в том, чтобы продавать как можно дороже. Это указывает на то, что в будущем благоприятные условия могут быть только тогда, когда люди с потребительскими и производственными интересами будут объединяться в потребительско-производственные или производственно-потребительские товарищества, где будет регулироваться не только потребление производства, но и даже величина самого товарищества, поскольку потребление имеет тенденцию делать товарищество как можно большим, то есть, широким, растущим, а производство имеет тенденцию к ограничению этого товарищества. Тут социальное образование создаётся из самой вещи, из действительности. Я мог бы привести бесчисленное множество примеров, из которых вы увидели бы, что тот, кто способен мыслить в соответствии с действительностью, кто сегодня действительно хочет иметь в голове практические идеи, тот сам найдёт в уже существующих начинаниях истинную, подлинную, здоровую для человека социализацию.

Однако, всё, что я сказал, предполагает действительную трёхчленность социального организма. Капиталистов в сегодняшнем смысле, которые возникают чисто из экономической жизни, больше не будет. Должны быть те люди, которые вырастают из свободной духовной

¹⁸ Sidney Webb, 1859-1947, английский социальный политик, ведущий член «Фабианского общества», кооперативного движения, названного в честь римского полководца Фабия Кунктатора (Fabius Cunctator)(медлительного), поскольку оно хотело осуществить социализм в ходе терпимого, конституционного развития.

жизни, как я это характеризовал в предыдущих лекциях, из той духовной жизни, которая производит не чуждые жизни, абстрактные духовные продукты, а развёртывает духовность, которая, правда, с одной стороны, поднимается к самым высотам духа, а, с другой стороны, образовывает людей действительно практичными. На всех ступенях духовной жизни будут не чуждые жизни люди, поскольку они только знают, а люди, которые могут мыслить, которые могут планировать будущее.

Будет иметь место кругообращение в тех границах, которые я уже обозначил сегодня, в рамках которых - как я объяснил в своей книге - администрация духовных организаций будет направлять в экономическую жизнь своих наиболее способных людей, а экономическая жизнь будет направлять своих людей в духовные организации, чтобы они там могли и дальше углублять приобретённый в экономической жизни опыт, или, может быть, даже обучать подрастающую молодежь экономической жизни в качестве учителей.

Между тремя членами социального организма будет иметь место живой кругооборот, поддерживаемый самими людьми. Этот трёхчленный организм не распадётся на три стоящие рядом друг с другом области. Человек, живущий во всех трёх членах, станет живым единством.

Человек, со своими социальными интересами и силами, в будущем вообще будет образовывать то, что лежит в основе всей жизни. От человека будет зависеть гораздо больше, чем сегодня, когда кажущееся единое государство ещё, как раз, делит человечество на классы и сословия, не позволяя людям быть целыми и в полной мере людьми. Сегодня люди всё ещё верят, что если у них есть конституция, то это уже многое. В будущем станет понятно, что конституция ничего не значит, если нет людей, которые, в своей собственной жизненности несут силы, если можно так выразиться, взаимно себя конституировать. Важно понять то, о чём я недавно уже говорил: Гладстон, английский государственный деятель, однажды сказал, что у североамериканского свободного государства самая выгодная конституция. Другой англичанин, который, как мне кажется, умнее Гладстона, ответил на это: Но эти североамериканцы - таков был его взгляд - могли бы иметь гораздо, гораздо худшую, даже до смешного худшую конституцию; они из тех людей, которые сделают то же самое как из хорошей, так и из плохой конституции! - Мы должны внедрить человеческое на то место, которое отделено от человека, - это то, чего нужно добиться. Из живой духовной жизни выйдут живые руководители предприятий. Капитал прекратит своё существование! Рядом с таким живым руководителем как целостный человек будет стоять свободный рабочий. На вопрос: Дает ли мне общественный порядок человеческое достоинство?, он будет знать, как ответить: «Да». И рынок, который не будет анархичным, а будет организованным, будет в состоянии установить справедливый баланс товарных стоимостей. Обо всех этих вещах можно сказать многое более подробно. Сегодня я смог лишь указать на них, а вы могли задать много вопросов. Я знаю, что некоторые вещи из сегодняшних слов пока ещё не до конца понятны. В следующую пятницу будут представлены подробности, доказательства и дальнейшие объяснения, которые вам покажут, что здесь речь идёт не о чём-то таком, что легкомысленно вброшено в мир, а о том, что должно принести то, что справедливо требует призыв к социализации. То, что справедливо требуется, но что, возможно, ещё не до конца осознаётся теми, кто это делает.

Представление о трёхчленном организме не должно быть похоже на описание дома. Описание дома может быть каким угодно прекрасным; можно возразить, что даже самое прекрасное описание дома бесполезно, дом нужно построить. Но есть разница между прекрасным описанием дома и строительным планом. И строительным планом хочет быть всё то, что даётся как импульс для трёхчастного деления социального организма. Как бы это ни было неверно понято сегодня, это будет единственным, что единственно и только сможет вывести человечество из хаоса и смятения, в которые оно было погружено. Я знаю, что меня могут неправильно понять и сегодня. Некоторые говорят, что здесь речь идёт о создании какой-то новой партии. Но речь идёт вовсе не о создании новой партии. Речь идёт о том, что

вытекает из самой природы человеческого развития, что не имеет ничего общего с каким-либо партийным образованием.

И тот, кто полагает, что заглядывает в это развитие человечества, чтобы узнать, чего требует само время, подвергает себя - также и среди тех, кто не хочет понять, а может быть, и искренне не понимает, - тому непониманию, что он лично чего-то хочет. Поскольку он знает, что объективно желаемое не может быть так легко интегрировано в развитие человечества, учитывая предрассудки и предубеждения людей. Однако, сегодня мы живём в такое время, особенно здесь, в Центральной Европе, когда мы должны взглянуть на то, к чему привели последние результаты старого капиталистического конкурентного труда. И мы в Центральной Европе особенно болезненно переживаем последствия того, что правящие круги, те круги, которые правили до сих пор, принесли человечеству. Мы переживаем это с болью и страданием; мы переживаем это в эти дни с кровоточащими душами. Мы можем сказать, что дни испытаний проявляются отчётливо. В такие дни позволительно отдаться надежде и вере в то, что перед лицом этих необычайных испытаний будут поняты и необычайные мысли, что перед лицом великих страданий найдется и великое мужество не для малого, а для великого.

Поэтому я верю и говорю то, что должен сказать, даже в эти дни страданий, исходя из этой веры: через страдания, боль и испытания мы обретём мужество, смелость и понимание для нового строительства. Это строительство должно происходить не только посредством преобразования старых институтов, но и посредством преобразования всего нашего мышления, всех наших привычек чувствования, посредством преобразования всего нашего внутреннего существа.

Заключительные слова после дискуссии.

Мои многоуважаемые присутствующие! То, что здесь сказал второй оратор, - хотя я совершенно убежден, что он совершенно не осознаёт то, как он, собственно, пришел к своим утверждениям, и хотя я ни в малейшей степени не хочу отказать ему в какой-либо доброй воле, - создает у меня впечатление, что он каждый раз шаг за шагом переворачивал то, что я сказал, иногда на четверть, иногда на половину, иногда полностью, а затем полемизировал, дискутировал со своими собственными утверждениями, чтобы в конце концов прийти к чему-то такому, что не имеет ни малейшего отношения к тому, что вы слышали от меня сегодня или вчера. Ведь, люди довольно часто создают возможность для дискуссии посредством подобных предпосылок, поэтому я хотел бы остановиться лишь на некоторых отдельных аспектах этой, вероятно, довольно бессознательной практики обсуждения. Например, предыдущий оратор снова и снова кружит вокруг мнения, будто я представляю тиранию или превосходство духовно одарённых. С чего он полагает, что согласно тому, что я обсуждал, одним из последствий может быть то, что должны править духовно одарённые? Ну, не знаю, слышал ли оратор то, что я здесь недавно сказал, или знаком ли он с тем, что написано в моей книге. Иначе он бы знал, что всё, что лежит в основе импульсов, о которых я говорю, направлено на то, чтобы все человеческие дарования нашли своё соответствующее социальное место. Речь идёт, как раз, о членении такого социального организма, который не отдаёт предпочтение никакому таланту, а делает возможным то, что каждый талант получает своё соответствующее место. Этого можно достичь только путём выявления и развития самых разнообразных талантов там, где есть понимание талантов, где талантами можно правильно управлять. Духовный организм должен видеть свою главную задачу в развитии талантов. Внимательно прочтите мою книгу. Не слушайте ни одного прилагательного в дополнение к тому, что я говорю, но воспринимайте всё так, как я говорю действительно, и вы увидите, что на почве духовной жизни развиваются не только духовные таланты, но все таланты, вплоть до физических. Духовный организм существует здесь не для того, чтобы создавать духовную аристократию, а для того, чтобы действительно развивать все таланты. Не смотря уже на то, что я упоминал в прошлый раз, что какой-либо духовный талант в действительности не может существовать без того, чтобы одновременно давать

возможность, если это необходимо, развить мануальные навыки. Короче говоря, этот оратор не предпринял никаких усилий, чтобы освободиться от прежних привычек мышления и действительно мобилизовать свою волю для переосмысления, а вместо этого он критиковал согласно тому, что было до сих пор привычным, что сознательно стремится выйти из того, что до сих пор было привычным. Однако, это мне кажется тем, что прежде всего следует преодолеть. Люди, которые, даже имея благие намерения, не удосуживаются понять, что говорят и чего хотят другие, и есть те самые люди, которые привели нас к нынешней ситуации. И как бы мне ни было больно, я должен сказать: В предыдущем ораторе я вижу лишь одного из тех, кто не позволяет нам выйти из этой неразберихи. До великой мировой катастрофы таких людей, по моему мнению, можно было понять, поскольку тогда человечество ещё не столкнулось с такими серьёзными испытаниями и глобальными вопросами. Однако, сегодня мы ни в коем случае не должны позволять своему упрямству тормозить развитие. Это то, что меня так тревожит: когда люди пускают в ход всякие старые, шаблонные термины и даже пытаются навести страх, называя собеседника анархистом в мышлении или как-то в этом роде - я не понял этого прилагательного. Это вещи, которые могут навести ужас. Им нужно противопоставить то, что может возникнуть из сказанного действительно. Кажется, что то, что сказано этим оратором, выходит из трёхчленности, но прочтите мою книгу, и вы увидите, что там, если можно так выразиться, были приняты всевозможные меры предосторожности для того, чтобы то, что кажется должно выйти, выйти не могло.

Например, господин оратор утверждал, что возникают конфликты профессиональных интересов. Это само собой разумеется. Но, как раз, посредством отделения духовной жизни, посредством отделения правовой жизни это устраняется. Я сегодня долго останавливался на том, чтобы дать вам, своего рода, введение, говоря: Если социализм осуществится и позволит быть в социальном организме всё, что способствует тому, что я описал, то это произойдёт. Разумеется, в социальном организме, который представляет себе этот господин оратор, это будет присутствовать. В трёхчленности, как раз, то, что он хочет ввести в экономический порядок, из него изымается. Мне кажется, что этот оратор, хотя и поклоняется советской системе, говорит как представитель того придворного мышления, которое, будучи не народно-советской системой, а придворной системой, однажды уже выдвигало мне похожее возражение.

Эта вещь также имеет не внешнеполитическую сторону, которую обрисовал господин оратор, а совершенно другую. Единственное средство для исправления нашей внешнеполитической ситуации, приведшей нас к этой катастрофе, должно было быть выявлено при обсуждении вопросов внешней политики – я, конечно, не могу в одной лекции охватить всё. То, что мы должны преодолеть посредством трёхчленного социального организма прежде всего, даже если он будет осуществлён только в одном государстве, а в соседних государствах будет сохраняться старый капиталистический порядок, - это нынешняя система конкурирующих интересов.

Ведь, своеобразие, как раз, и заключается в том, что трёхчленность может проводить каждое государство для себя, независимо от того, останутся прежними или нет остальные государства, и что, например, благодаря той игре интересов, которая будет совершенно иной, нежели прежняя, когда экономические интересы для себя будут действовать как экономические интересы также и за границей, будут устранены те источники конфликтов, которые привели к войнам, технически называемым войнами за ресурсы. Надворный советник, выдвинувший это возражение, сказал мне: Да, до сих пор значительная часть войн была войнами за ресурсы; если ваша система будет реализована, то войн за ресурсы больше не будет, так что ваша система противоречит действительности. - Я должен был ему сказать: Если бы вы сказали это в подтверждение, я бы понял; странно, что вы говорите это в опровержение. Поэтому я должен сказать: единственная помощь от настроений, существующих в Антанте состоит в том, чтобы разделить эти настроения, это недоброжелательство, на три части. Это то, что в этой области для нынешней внешней

политики принесла бы трёхчленность. Я бы порекомендовал господину оратору изучить внешнюю политику, вытекающую из этой трёхчленности, с более широкой точки зрения, чем точка зрения надворного советника; тогда он мог бы избавить себя от совершенно бесполезного определения того, является ли трёхчленный организм анархическим или чем-то подобным, или нет. Он смог бы увидеть, насколько верно то, что я могу выразить только через сравнение, которое я здесь уже упоминал: мечтатели о единстве подобны тем людям, которым нужно сказать: Сельская семья состоит из мужчины, женщины, детей, батрака, служанки и трёх коров; всем им нужно молоко. Должны ли они поэтому все давать молоко? Нет, только трём коровам достаточно давать молоко, тогда молоко будет у всех. Поэтому необходимо, чтобы весь организм был расчленён правильным образом; тогда его члены также будут работать вместе правильным образом, образуя единство, и то, что возникает на почве одного из них, сможет правильным образом воздействовать и на другие члены.

Поскольку предыдущий оратор игнорирует это, ему пришлось бы решать вопрос о талантах посредством всеобщего избирательного права. Конечно, вопросы замещения должностей можно решать посредством всеобщего избирательного права, - посредством всеобщего избирательного права можно решать любые вопросы. Но как посредством всеобщего избирательного права вы собираетесь управлять талантами? Я прошу вас это тщательно обдумать, и вы увидите, если я последую методу предыдущего оратора и обрисую вам последствия, - но я признаю этот метод лишь как софистический, поэтому не буду вдаваться в это подробнее, - но если бы я описал вам последствия, то вы увидели бы, что получилось бы. При демократизации таланта вы, возможно, не сказали бы анархизм мышления, но сказали бы что-нибудь другое.

И подобных вещей было приведено множество. Особенно удивило меня выражение «духовный капитализм» («Geistkapitalismus»). То, что под ним должно пониматься, я не знаю, и особенно я не знаю, как его можно использовать после лекции, в которой о циркуляции капитала говорилось так, как говорил я. Духовный владелец, - да, многоуважаемые присутствующие, попытайтесь думать реальными вещами! Представьте себе социальный организм, - оратор, ведь, не описал его так, как он его себе представляет, - по немногим указаниям, данным этим оратором. Тогда вы, вероятно, должны были бы сказать: Как это, собственно, выглядит, когда, скажем, благодаря какому-то социалистическому порядку, работник духовного труда работает рядом с работником физического труда? Не знаю, какая должна быть разница по сравнению с тем, что должно присутствовать и в моём экономическом организме, что работники духовного труда работают рядом с работниками физического труда. Я чётко объяснил: Собственность прекращается в тот момент, когда реализуется капитал, то есть, возникают средства производства. Как тогда можно говорить о духовной собственности, для меня является полной загадкой. Из отдельного, особого опыта, приведённого уважаемым оратором, можно, разумеется, вывести всё, что угодно. Из усыхания душевной жизни и тому подобного, разумеется, можно вывести очень многое. Однако, мне показалось довольно безвкусным, что оратор в заключение заявил, что оставляет буржуазию мне, чтобы тогда пролетариат был бы для него в большей безопасности. Что ж, нет нужды вдаваться в это подробнее, поскольку, в конечном счёте, считать это агитационной риторикой или нет - это дело вкуса.

Но то, что там было сказано в отношении доверия и веры в доверие, - да, видите ли, на это я должен сказать, что речь сегодня действительно идёт не о том, чтобы критиковать условия, известные из старых состояний, а речь идёт о том, чтобы основывать новые состояния. Если бы сегодня один человек, потом другой, потом сотый, потом тысячный, сказали мне, что не верят в наличие доверия, но что им приходилось бесчисленное количество раз бороться с недоверием, я бы ответил: ничего не улучшится, если мы не будем стремиться к построению этого доверия, поскольку сегодня мы должны работать с доверием. Все остальные нити, которыми мы притягивали массы отказывают. В будущем эти нити могут быть только нитями доверия. Если бы завтра и послезавтра воцарилось недоверие, нам пришлось бы просто ждать того, что будет завтра и послезавтра, поскольку если должно

прийти что-то доброе, то оно может прийти только из доверия. Доверие, которое я имею в виду и которое мы должны создавать, это доверие должно исходить из наших душ. Это доверие нужно, как раз, создавать; это сегодня даже важнее всего остального. Затем, когда это доверие, которое я имею в виду, будет создано, тогда будут и правильные отношения между теми, кто работает руками с помощью средств производства, и теми, кто работает духовно. Тогда это доверие сделает невозможным то, что этот оратор нарисовал как ужасающую картину на стене.

Это, как раз, то, что так ужасно не хватает в это социально беспокойное время: воли к построению доверия. О, это доверие, оно будет возникать по мере того, как люди будут сталкиваться с новыми испытаниями, и я бы отчаялся в человечестве или, по крайней мере, в восстановлении здоровых отношений, если бы перестал верить, что один человек способен найти дорогу к другому благодаря доверию. Поскольку, мои многоуважаемые присутствующие, сколько бы вы не социализировали, сколько бы вы ни говорили о социализации, в основе этой социализации должна лежать социализация душ. Тот кто не ищет пути для социализации душ, может сколько угодно социализировать снаружи, но он будет вводить людей в более анархические состояния, нежели те, что хотел представить как, своего рода, анархизм предыдущий оратор. А душевный социализм - это ни что иное как доверие. Но над этим доверием надо, опять же, работать. И сегодня, разве это доверие немного не пошатнулось? Мои многоуважаемые присутствующие, я давно связан с тем, что составляет социальное движение 19-го и 20-го столетий. Я работал в нём; я его знаю. То, что сказал уважаемый предыдущий оратор, звучало снова и снова в противовес тому, что я сказал сегодня. Без учёта трёхчленности, это те же самые возражения, приводимые мне сегодня господином предыдущим оратором, которые уже выдвигались другими в 1898-ом и 1899-ом годах. Но самое главное, чтобы мы вышли за рамки старых представлений, чтобы мы могли учиться заново, чтобы мы не застряли на старом. Как ни больно мне это говорить, я считаю, что больше всего нас сдерживают те, кто не может преодолеть свои старые предрассудки. И для господ, которые прибегают к методу сначала наполовину или полностью исказить фразы, чтобы затем полемизировать со своими собственными искажениями, это всегда лёгкая игра, поскольку, разумеется, прослушав лекцию всего один раз, не все поймут, что подразумевалось под этими вещами, как их следует понимать, когда они включены в действительность. Поскольку именно то, что не соответствует теориям, не просто благим намерениям, а проистекает из добросовестного, ответственного жизненного опыта, жизненных наблюдений, - именно это не может быть исчерпано в один час, а к этому можно только пробудить интерес. Но это пробуждение интереса - об этом, уже со времени, когда я начал говорить о трёхчленности, а прошло уже немало времени с тех пор, я всегда говорил: Может быть, что детали при их осуществлении будут выглядеть совсем иначе, чем то, что я сам говорю об этих деталях. Для меня важно, чтобы этот план брался из действительности и мог вжиться в эту действительность, чтобы он соответствовал жизни. И поскольку я верю, что это не субъективная человеческая воля воображает, что должна реализовать эти импульсы, а само наблюдение за силами развития человечества в настоящем и будущем ведёт к этому, я верю, что понимание этого будет найдено. И я надеюсь - должен сказать это ещё раз, - что, исходя из нашего времени суровых испытаний и нашего болезненного положения, мы найдём понимание для многих вещей, понимание которых сегодня, возможно, ещё даже не представляем себе.

VII. Детали о преобразовании социального организма.

Публичная лекция, Штуттгарт, 16 мая 1919 года.

Мне не раз приходилось говорить здесь о, так называемой, трёхчленности социального организма, которая должна быть путём к удовлетворения текущих требований времени, выражающихся в призыве к социализации. - Сегодня я хотел бы позволить себе добавить

некоторые детали, чтобы дополнить и пояснить сказанное в предыдущих лекциях. Я очень хорошо знаю, что и то, что я в состоянии представить сегодня, ещё не для каждого будет тем, что он представляет себе под требуемыми отдельными практическими советами. Но я хотел бы сказать, что, как раз, это будет все более и более признаваться, - что импульсы, желающие войти в мир под именем трёхчленного, социального здорового организма, являются по степени и виду вполне практическими импульсами, что, как и во всех действительно практических импульсах, к выдвигаемому необходимо привнести определённый инстинкт действительности. Поскольку, как раз, то, что не хочет быть заранее составленной программой, что с самого начала мыслится и ощущается как формирующееся и мыслимое, исходя из действительности, по сути, может быть понято только тем, кто прилагает усилия для того, чтобы поместить себя в положение, соответствующее положению вещей, если он хочет приложить руку к тому, чтобы превратить их в действительность. Легче иметь какую-либо заранее составленную партийную программу и бороться за её осуществление, чем прислушиваться к самой действительности, к тому, что эта действительность требует. Трёхчленный социальный организм хочет привести к разрешению проблему социализации таким образом, что всё, что происходит в направлении его импульса, должно вначале проявить себя в своём применении, в непосредственной интеграции в действительности. Для такого рода импульсов нынешнее время, с одной стороны, мало доступно, а, с другой стороны, они необходимы именно в силу самых существенных требований времени. Этот импульс к трёхчленному социальному организму стремится честно и открыто входить в контакт с фактами, которые могут подлежать действительной социализации. Прежде всего он не хочет сделать невозможными все плоды человеческой культуры, ставшие результатом великого прогресса развития нового времени. Он не хочет разрушать, он хочет строить. Например, он не хочет сделать невозможным, чтобы определенные отрасли производства, которые возникли и определённо соответствуют потребностям человека, убились из мира посредством шаблонной социализации, без осуществления этой социализации, на основе объективного знания деталей. Для такой соответствующей действительности программы - если бы у нас было другое слово, я бы не стал называть это программой - необходима добрая воля для понимания, поскольку можно легко ошибиться в том, что, собственно, имеется в виду с этим трёхчленным социальным организмом. А имеется в виду прежде всего то, что можно придумать из нашей жизненной практики, как она сформировалась в результате технического и индустриального прогресса, в результате того, что создано в виде средств производства и производственных знаний.

Но подлинно практический импульс в этом направлении должен быть дан сегодня ещё из чего-то совершенно иного, он должен быть дан, исходя из действительного знания человеческого существа. Поэтому мне приходится вновь и вновь подчеркивать, что при трёхчленном социальном организме речь идёт не о создании каких-то новых классов или прочих групп людей и их различий, а речь идёт о том, что просто разделяется на три части всё то, что происходит в мире вокруг людей. В будущем у нас должно быть своё экономическое управление, своё правовое управление, своё духовное управление. Но это будут те же люди, которые деятельны в духовном, правовом или государственном организме. Постоянное влияние туда-сюда посредством человека в этом трёхчленном социальном организме, как раз, и сможет создать необходимое единство человеческой общественной жизни. Тот, кто хочет увидеть то, что является сегодня соответствующим действительности, должен, прежде всего, знать, что это что-то значит, когда человека перемещают из одной сферы жизни в другую. В экономическом организме, который будет иметь свою администрацию, свою организацию будут деятельны те же люди. Те же люди, - конечно, не одновременно, - будут деятельны как в правовом, так и в духовном организме, по крайней мере, через свои отношения к духовному организму.

Теперь можно было бы сказать: Хорошо, какое же значение имеет это членение? Такое возражение выдвигает только тот, кто хочет закрыть глаза на истинную действительность. Я хочу привести вам недавний опыт. Для того, кто немного познакомился с жизнью, купцы до

самого недавнего времени, по образу жизни, я бы сказал, по манере поведения, были совершенно другими людьми чем, скажем, непробиваемые бюрократы. Но в последнее время под влиянием так называемой военной экономики произошло нечто очень странное. В бюрократические правительственные учреждения были привлечены купцы, и, о чудо, эти купцы в этих бюрократических правительственных учреждениях стали самыми настоящими бюрократами. Это нежелательный пример приспособления человека к тому месту, куда он поставлен, но этот, возможно, несимпатичный пример указывает на общечеловеческий феномен. Люди ведут себя так, как должны вести себя внутри определённого рабочего круга. Если вся общественная жизнь людей будет перестроена таким образом, что три важнейшие её отрасли будут иметь своё собственное управление, так сказать, своё представительство, свою собственную организацию, то человек, которому предстоит вжиться в такую сферу одного из членов социального организма, будет действовать, исходя из духа этой сферы. Он будет в состоянии вносить во всю человеческую жизнь то, чего он никогда не смог бы внести тогда, когда всё в общественной жизни перемешано. Но создание ясности в одной из таких областей требует полной отдачи наблюдения за жизнью и жизненной практики. И если то, к чему мы стремимся для блага человечества в будущем, не будет основано на таком полном отдаче наблюдении и жизненной практике, то мы будем лишь продолжать погружаться в смятение и хаос, а не выходить из них. Прежде всего, особенно если мы хотим создать нечто полезное в отдельном, мы должны уметь всецело посвятить себя тому, чему, собственно, нас может научить в отношении социальной жизни непосредственное настоящее. Мы не должны спрашивать: Что мы десятилетиями думали о социализме, о социалистической программе? - и при этом совершенно не замечать, что происходит вокруг нас непосредственно в наше время, а мы должны обладать способностью действительно вглядываться в это непосредственное настоящее. Это непосредственное настоящее принесло нечто такое, что должно удивить большинство всех тех, кто уже раньше думал о социализме.

Кто точно знает эти мысли о социализме, в том числе и мысли социалистов прошлых десятилетий, тот должен будет сказать, что, если мы, как раз, сегодня хотим открыто и честно принять вещи в соответствии с их смыслом и истиной, то эти события современности преподносят нам сюрприз. Спрашивается, если не смотреть просто на внешнее, а быть в состоянии видеть то, что в своём проявлении содержит в себе зерно для будущего, какое же тогда самое заметное и значительное явление в жизни социальных требований современности? Кто действительно объективно взглянет на то, что, собственно, происходит, тот, я думаю, не найдёт на этот вопрос никакого другого ответа, как: Самое бросающееся в глаза явление - это, так называемая система советов. И надо, я бы сказал, проявить способность, чтобы уметь уделять этому чрезвычайно важному симптоматическому феномену советской системы должного рода внимание. Поскольку в определённом отношении можно сказать, что, как раз, возникновение этой советской системы должно было больше всего удивить традиционный социализм. При этой системе советов традиционный, старый социализм должен был сказать себе: это, собственно, опровержение многого из того, что я думал. Система советов - это опровержение многих старых представлений о социализме. Достаточно лишь, я бы сказал, вкратце вспомнить, что традиционный социализм постоянно подчёркивал - и, к сожалению, продолжает подчёркивать и сегодня: Не люди вызывают социальные потрясения; это делает развитие. - Говорилось, что экономические формы, прежде всего, за счёт концентрации средств производства в руках немногих капиталистов, будут постепенно трансформироваться, так, что старый общественный вид, как бы, сам перерастёт в новый.

Теперь пришла сотрясающая человечество мировая катастрофа войны. Она разразилась, с одной стороны, над устремлённым к своему собственному уничтожению капитализмом. Но она разразилась и над теми вырывающимися из человеческой природы истинно справедливыми устремлениями, которые называются социальным движением. Что же, собственно, возникло из этого социального движения? Из него поднялись люди, в разных формах, - как советы, как человеческие советы, - которые желают теперь взять дальнейшее

развитие в свои руки, которые сами, исходя из своей человеческой решимости, из своей человеческой проницательности, из своей человеческой воли хотят вмешаться в это развитие. Если бы кто-то обладал достаточной проницательностью, чтобы осознать факты сегодняшней реальности, то указанное выше, было бы воспринято как огромный сюрприз. Складывается впечатление, что именно в тех кругах, которые так глубоко вжились в старые представления о социализме, эта способность к различению трудно достижима. Произошли ноябрьские события. То, что на Востоке - я не буду говорить об этом ни с одобрением, ни с пренебрежением - выступило как система советов, выступило также и в Центральной Европе. Ноябрьские события заставили людей задуматься о том, что можно было бы назвать осуществлением социальных устремлений, которым они посвящали себя долгое время и от которых так много ждали. Тогда произошли весьма примечательные явления. Достаточно вспомнить лишь немного из этого странного переходного периода, чтобы сразу же заметить, насколько плохо были подготовлены старые привычки мышления к тому новому явлению, которое, собственно, должно было нас удивить.

Хочу привести вам один пример. Один очень умный человек, полный энтузиазма в отношении социальных идей, читал в Берлине лекцию о социализации. Он обсуждал некоторые, весьма общие идеи о социализации, какими они тогда были, когда социализм ещё мог только критиковать, - справедливо, но только критиковать, - когда его ещё не призвали к действию, как это происходило с ноября. В то время у него сложились вполне определённые общие представления о том, что должно теперь выступить как социализация, и я полагаю, - поскольку для того, кто способен составлять себе представление о человеческой душе на основании того, что он высказывает, это было совершенно ясно, - что этот человек должен был сказать себе: То, что я тогда представлял себе из общих программных предложений, сделать невозможно! - Если что-то сделать невозможно, то сегодня говорят, - так говорили и раньше, но сегодня это стало очень характерным - что ж, люди к этому ещё не готовы, это придёт позже. Да, таким образом, согласно взглядам этого человека, настоящий социализм придёт позже. Но что же придёт до этого? Тогда он разработал широкую программу социализации — это инженер Доктор Герман Бек¹⁹ в Берлине, - и он называет то, что должно быть достигнуто в этот переходной период, социальным капитализмом. Так, мы чудесным образом дошли до того, чтобы события, которые тогда произошли, представлять себе не как идеал, не как то, к чему всегда стремились, что является преодолением вреда капитализма, а как какой-то социальный капитализм. Правда, надо научиться различать действительную социализацию и то, к чему во многом стремятся сегодня: перевод частного капитализма в государственный и коммунальный капитализм. Это не социализация, а фискализация или что-то подобное. Нельзя социализацию путать с фискализацией. На что надо обращать внимание сегодня, - а тот, кто обладает чувством реальности, это и делает, - так это, как я уже отмечал, на выдвижение людей, которые хотят участвовать в социальной жизни, и это находит своё выражение в, так называемой, системе советов. Но с этой системой советов никто не сможет найти переход от капитализма к социализму, исходя из абстрактных принципов, исходя из какой-либо идеологии, исходя из каких-то утопических предпосылок.

Сегодня, как показывает, как раз, стремление к системе советов, нецелесообразно пытаться проводить какую-либо социализацию сверху вниз. Единственным путём сегодня является создание подлинного обмена мнениями и опытом в совместной работе с теми, кто стремится к системе советов. Поэтому, выступая здесь во вторник, я говорил, что сегодня необходимо научиться понимать реальность доверия, научиться по-настоящему работать с теми, кто вышел из деятельного народа и стремится к определённым целям. Гораздо важнее сегодня прислушиваться к тому, что говорит тот, кто приходит с работы, а не тот, кто на основе каких-либо идей обдумывает, каким должен быть какой-либо закон или что-то подобное. То, в чём мы сегодня нуждаемся, что сегодня должно быть действительной

¹⁹ Dr. Hermann Beck: Доклад на первой Социалистической экономической конференции Союза «Новое отечество», декабрь 1918 года, «Социализм как организационная задача», перепечатано в сборнике «Пути и цели социализации», Берлин, 1919 года.

реальностью, - это признание, что то, что должно произойти, должно произойти от народа. Установление живой связи с самыми широкими массами народа важнее, чем узкие переговоры друг с другом в высших кругах. Эти собрания высших кругов ведут лишь к продолжению старых бед, поскольку то, что сегодня хочет осуществиться, должно исходить непосредственно из народа, и симптомом для того, что этого хочет история, является система советов. Более того, эта система советов, по сути, уже возникла пока в двойном виде, и, подобно тому, как страдания пролетариата с необходимостью привели к трёхчленности социального организма, поскольку пролетариат испытал телесные и душевные лишения в этих трёх областях жизни, так на эту трёхчленность социального организма указывает и это странное явление системы советов. Поначалу эта система советов проявляется таким образом, что, с одной стороны, возникают, так называемые, рабочие советы, а с другой стороны, уже возникает другая форма советов, - та форма советов, которая теперь выступает как требование к созданию производственных советов.

Кто обладает инстинктом для того, что происходит в современном мире, тот уже сегодня может знать, что система всеобщих рабочих советов ориентирована на политическую, государственную, правовую сторону и может развиваться только в том случае, если мы сможем двигаться к правовой системе, отделенной от экономической и духовной жизни. Такие вещи, отрываясь от человечества, возникают, я бы сказал, с неизбежной исторической неясностью. Но необходимо задать вопрос, как то, что проявляется таким образом, может быть сформировано на здоровом основании, делающим возможной действительную организацию человеческого общества? Как советская система рабочих указывает на самостоятельное правовое основание, так институт производственных советов указывает на самостоятельное экономическое основание, поскольку в нём следует искать практические импульсы для трёхчленного социального организма: не строить на пустом месте, по программе, а строить на прочном основании исторической действительности, которую нужно просто правильно наблюдать. Поистине, нет нужды обсуждать, являются ли советы действительностью или нет. В какой-то мере они есть, и всё более будут становиться таковыми; никто не сможет их отменить; они ещё возродятся в совершенно иных формах, чем те, что уже существуют. Соответствующее действительности мышление требует от нас приготовления почвы, на которой можно будет работать с этими советами.

Одна из таких почв, на которой хочет действовать трёхчленный социальный организм, - это экономическая почва. Те из уважаемых слушателей, кто был на моих предыдущих лекциях, знают, что здесь речь идёт о том, чтобы формировать эту экономическую почву так, что на ней само собой исчезнут, так называемые отношения заработной платы, что регулирование вида, времени и тому подобного человеческой рабочей силы будет изъято из экономического кругооборота и перемещено в правовое государство, где будут решаться вопросы о виде, продолжительности и количестве рабочей силы человека. Кроме того, на экономической почве остаётся то, что проявляется в действительности как производство товаров, циркуляция товаров, потребление товаров. Из предыдущих лекций вы знаете также то, что в отношении экономической жизни речь идёт о такой организации, которая состоит в ассоциациях, главным образом в таких ассоциациях, которые сообща регулируют потребительские и производственные отношения. С социалистической стороны часто говорилось о том, что в будущем нельзя будет производить ради выгоды, а производство должно осуществляться, чтобы потреблять. Поэтому само собой разумеется, что то, что ранее не играло никакой сознательной роли в самом экономическом процессе, выйдет на передний план экономической деятельности: потребительские интересы. Должны будут создаваться товарищества, в которых будут представлены как потребительские интересы, так и зависимые от них производственные отношения. Для таких товариществ важным будет в основном то, чтобы в рамках практической деятельности постоянно определять, насколько большим должно быть такое товарищество. Величина такого товарищества не может определяться границами государственных образований, которые возникли в ходе новейшей истории, по той простой причине, что эти государственные образования сформировались в

закрываются управляемые тела, исходя из совсем других предпосылок, нежели производственные и потребительские отношения, и потому, что будут образованы другие границы, как только в отношении потребительских и производственных отношений люди социально объединятся так, чтобы посредством регулирования производственных и потребительских отношений возникла такая взаимная стоимость товаров, которая обеспечивает здоровое состояние жизни самым широким слоям народа.

Посвящая себя таким задачам, человек должен подняться к действительной экономической науке, но к науке, не высосанной из пальца, и также, исходя не из субъективного человеческого опыта, а исходя из опыта всеобщей экономической жизни. В рамках этого опыта необходимо будет наблюдать, как слишком мелкие товарищества приводят принадлежащим к ним к экономическому упадку; слишком крупные товарищества также, в свою очередь, приводят к упадку экономической жизни, которую эти товарищества обеспечивают. Когда в этом отношении станет понятен закон, лежащий в основе экономической жизни, тогда его можно будет высказать следующим образом: Слишком маленькие товарищества способствуют оголоданию своих участников, а слишком большие товарищества способствуют оголоданию других людей, связанных в экономической жизни с этими товариществами. Поэтому речь будет идти о том, чтобы избежать этого двойного истощения человеческих потребностей. Это будет руководящим принципом, которым должны руководствоваться все члены общества. Поскольку нельзя по каким-то математическим расчётам обнаружить, насколько большим должно быть такое товарищество, его величина должна быть на одном месте одной, а на другом - другой. Оно должно регулировать свою величину согласно имеющимся предпосылкам. Эти фактические предпосылки должны определяться теми, кто сам стоит внутри этой экономической жизни. Их невозможно регулировать иначе, как путём отказа от любого государственного законодательства для экономической жизни, передав эту экономическую жизнь своей собственной живости, чтобы она могла формироваться посредством непрерывного, живого взаимодействия советов. Одно товарищество должно быть в определённое время увеличено, другое - сокращено в соответствии с обстоятельствами. Ведь, социальный организм - это не что-то такое, что определяется конституцией, однажды принятыми законами, а то, что находится в непрерывном процессе жизни, как, по сути, любой природный организм. Поэтому то, что представляет собой мера экономической жизни, может быть выражено, в лучшем случае, лишь в более или менее краткосрочных или долгосрочных заключённых договорах, но никогда в каком-либо ограничении или определении полномочий советов, относящихся к экономической жизни.

Даже сегодня вы можете по праву сказать: Он говорит нам тут о величине товарищества, но где доказательства этому? Да, доказательства кроются, как раз, в том, что мы до сих пор не разработали экономическую науку, которая в самом прямом смысле должна основываться на экономическом опыте, который не может быть сконструирован, не может быть выведен из одних лишь идей, а который можно получить только из реальной жизни. Уверяю вас, никто, кто действительно беззаветно отдался изучению экономической жизни, не придёт к иному выводу, чем тот, который я вам изложил. Поскольку особенность социальных законов состоит в том, что их нельзя доказать так же, как природные законы, а их надо доказывать непосредственно в процессе их применения; поэтому их смысл может понять лишь тот, кто обладает определённым инстинктом реальности в отношении социальной действительности. В наши дни, это так сложно, потому что мы сталкиваемся с фактами, которые требуют наличия этого инстинкта реальности, а люди сопротивляются развитию этого имеющегося в каждой человеческой душе инстинкта.

Второй необходимой задачей в будущем будет регулирование цен, вытекающее из законов экономической жизни, отражающее взаимную ценность товаров. Поскольку только посредством этого можно будет реализовать основополагающий принцип всей социализации, когда такое регулирование цен можно будет воспринимать в экономическом опыте. Это позволит реализовать основной закон любой социализации, который, по сути, сводится к

тому, что то, чего обычный человек может достичь посредством обычного человеческого труда, основанного на его врожденных способностях, эквивалентно тому, что предоставляет ему общество, в котором он находится, так что каждый может получать от общества эквивалентное потребление за то, что он производит. К этому, разумеется добавляется то, что должно обеспечиваться обществом для тех людей, которые, благодаря болезни, возраста или ненормальности, должны получать это от самого общества. Это будет достигаться не борьбой за заработную плату или чем-то подобным, а исключительно тем, что экономическая циркуляция будет осуществляться таким образом, чтобы преобладало здоровое ценообразование, чтобы цены были ни слишком низкими и ни слишком высокими. Сами по себе цены, многоуважаемые присутствующие, можно сказать, могут быть какими угодно. Важно лишь то, чтобы человек зарабатывал столько, сколько стоят эти вещи. Однако это справедливо только для таких обществ, которые производят просто сельскохозяйственную продукцию. В тот момент, когда общество должно одновременно фабриковать продукцию, для которой, в свою очередь, требуются сфабрикованные средства производства, возникает необходимая нормальная цена, которую нельзя ни превышать, ни принижать.

В этом отношении можно было бы многому научиться из самой истории, если эту историю уже сегодня рассматривать так, чтобы это рассмотрение опиралось не на экономические фантазии, как это часто бывает в экономических исторических трудах прошлых лет, а на действительное понимание экономических законов. Это было бы очень поучительно, например, для того, кто в этом отношении искренне полагает, что в важнейших регионах Центральной Европы мы когда-то уже продвинулись так далеко, что на обширных территориях почти имелась, своего рода, нормальная система ценообразования. Это было примерно в середине 15-го столетия. Эта нормальная система ценообразования - пожалуйста, обратитесь к историческим источникам, которые дают хотя бы некоторые подсказки об этом, - которая в то время распространялась на большую часть Европы, была возможной, только благодаря постепенной замене старого крепостничества и полу рабских отношений, старой системы наследственной аренды, и тому подобного, на лучшие условия - лучшие условия, хотя и отнюдь не идеальные. Однако затем произошло событие, которое подорвало это экономическое развитие. Трудно сказать, что бы это означало для Европы, если бы это событие не произошло. Конечно, я не намерен исказить исторические факты или предаваться исторической критике, а лишь хочу указать на эти вещи для лучшего понимания, поскольку то, что произошло, должно было произойти. Невозможно даже представить, какое благоприятное экономическое развитие мы бы пережили, если бы то, что было подготовлено примерно в середине 15-го столетия, нашло своё прямое продолжение. Но это было разорвано радикальным введением римских правовых понятий; разорвано посредством того, что экономическая жизнь была нарушена, как раз, исходя из правовых оснований. Кто понимает основы этого явления, тот уже в нём имеет очень убедительное историческое доказательство необходимости отделения собственно государственной жизни от экономической. Старые человеческие привычки привели к определённой симпатии к этим римским правовым понятиям. В Балтийских странах, где зародилось так много реакционного, в государственном парламенте были люди, которые говорили: Согласно римским правовым понятиям, которые мы должны ввести снова, поскольку они верны, крестьяне, собственно, снова должны стать рабами.

Такие вещи сегодня, когда мы, как я уже говорил, стоим перед лицом не просто незначительного, а огромного пересмотра, по сути, должны быть тщательно просмотрены душевным оком, просмотрены все их последствия для настоящего времени. Однако, если мы в этом и многих других аспектах хотим на практике сформировать независимую экономическую жизнь, нам потребуется действительная организация, как раз, системы советов. Речь пойдёт о том, что то, чего сегодня желают, на что надеются, что некоторые люди уже стремятся, исходя из определенного понимания времени, поставить на ноги, систему производственных советов, будет внедрено на предприятии таким образом, чтобы оно могло выступать в качестве посредника между рабочими и руководителями будущего, в

том смысле, в котором я это охарактеризовал здесь в своей последней лекции и который я представил, в частности, в своей книге «Основные пункты социального вопроса». Это будет первой задачей, которую придётся решить производственным советам: действительно выступать в качестве посредников при заключении договоров между рабочими и руководителями будущего, которые уже не будут капиталистами. Но все эти вещи можно подготовить уже сегодня. Все эти люди, которые стоят внутри таких советов, уже сегодня могут взять на себя эти функции, пусть даже те и могут быть лишь переходными функциями. Кроме того, производственный совет прежде всего должен будет выступать посредником во всех вопросах, которые, исходя из этого предприятия, возникают как общие интересы жизни в замкнутом экономическом образовании. Однако, для этой системы производственных советов потребуются и другое, если мы не хотим и дальше индивидуализировать экономически, с чем, как раз, рабочие через короткое время согласились бы меньше всего; если мы хотим социализировать всю экономическую жизнь, соответствующую экономической целостности, то потребуются некоторые другие типы советов. Из этих типов я хочу выделить транспортные советы и, кроме того, хозяйственные советы. Производственные советы будут тесно связаны с условиями производства и производственными потребностями. Хозяйственные (или экономические) советы будут тесно связаны с условиями потребления.

Это будет экономическое тело, которое прежде всего будет представлять собой действительную систему советов. Подобная система советов, которая не препятствует - и это ключевой момент в ее практической реализации - тому, чтобы в каждом отдельном случае решающей могла быть инициатива отдельного человека, активно участвующего в экономической жизни. Это, при наличии доверия, действительно может быть осуществлено. Если бы эта инициатива отдельного человека была похоронена, скажем, этой системой советов, то исчез бы весь интернационализм в экономической жизни. Ведь, этот интернационализм экономической жизни был бы совершенно особым образом искоренён, - в какой степени, об этом сегодня люди едва ли имеют какое-то представление, - если бы вместо социализации позволили произойти огосударствлению, то есть, позволили бы возникнуть государственному капитализму, когда сливаются экономическая жизнь и государственная жизнь. Если бы хозяйствовало государство, как это многие хотят, - кто знаком с фактическими условиями, знает это, - то было бы невозможно контролировать те сложные отношения, которые делают необходимым интернационализм экономической жизни. Если создать подлинную систему экономических, транспортных, производственных и подобным им советов, которая действительно не будет привлекать к руководству так много работающих людей, как сегодняшняя бюрократия, и если при практическом осуществлении этого удастся также не подорвать инициативу администратора, тогда все эти прекрасные аппараты интернационализма смогут быть в полной мере сохранены, не смотря на социализацию. Тогда, если советы являются действительными советами, то есть, такими институтами, которые будут определять направление жизни, будет обеспечено то, что эти советы, посредством взаимодействия с управленцами, позволят руководящей персоне, которой они доверились, проявлять собственную инициативу в каждом отдельном случае. Главные направления предприятий будут определяться советами. Как раз, это позволит изъять из этих советов то, что должно предприниматься день за днём. В этом отношении тот, кто способен рассматривать экономическую жизнь как нечто отдельное, как раз, исходя из учёта всех существующих сегодня условий, может приблизиться к институтам, которые не разрушают достижения старой культуры, но в рамках этих достижений делают возможным обеспечить достойное существование для всех людей.

Вы можете спросить, какими средствами экономическая жизнь, отделенная от государства, будет осуществлять принятые меры, в некотором смысле даже вопреки сопротивлению отдельных лиц? Сегодня, правда, принято считать, что осуществление таких мер возможно только путём принуждения. В этом отношении мы ещё не сильно отошли от наших старых привычек мышления. Не знаю, сколько людей заметили, что эти старые

привычки мышления странным образом продолжают. Если, например, я сегодня прочитаю один отрывок из одной речи, многие будут поражены. Этот отрывок - обращение к войскам, дислоцированным в Данциге (Гданьске), - гласит: «Войска должны видеть человека, который отстаивает их благополучие, военную дисциплину и порядок. Если в войсках живёт истинный военный дух, я отплачу за верность верностью». Вы можете спросить, из какой старой кайзеровской речи вы это выудили? - Нет, это отрывок из речи, которую военный министр рейха Носке²⁰ произнёс перед добровольческими войсками в Данциге. Вот так строят себе гнездо старые привычки мышления. Но важно выйти из этих старых привычек мышления. Сегодня люди совсем не замечают, как они продолжают жить в этих старых привычках мышления, как мало они вышли из этих старых привычек мышления. Естественно, кто-то, кто может представить себе лишь то, что принимаемые меры будут осуществляться с помощью государственного или даже военного принуждения, спросит: Какими средствами располагает экономическая система для реализации того, что, как описано, было рождено из её лона? - В будущем у неё будет очень эффективное, но в то же время очень гуманное средство: бойкот. Бойкот, который даже не нуждается в принуждении при тех предпосылках, которые я описал, а просто возникает сам собой. Если есть какое-либо товарищество для какого-либо предприятия и сектор потребления, и кто-то захочет оказаться вне его, то он не сможет производить, как раз, по тому закону, что тогда круг из которого он производит будет слишком маленьким. Аналогичным образом, другие предпосылки переkreщивания экономических мер смогут быть устранены посредством само собой разумеющегося бойкота. Если бы, скажем, кто-то считал, что такой упрямец сможет создать такое же крупное товарищество, способное конкурировать, то ему достаточно было бы взглянуть на истинные законы экономической жизни, чтобы понять, что тот давно бы погиб, не дойдя до такой конкуренции.

И как практику жизни вы должны искать за трёхчленностью то, что эта трёхчленность рассчитывает на действительности и хочет создать основу для этих действительностей. Правда, нам придётся серьёзно отнестись к некоторым вещам, которые в настоящее время сильно противоречат человеческим привычкам мышления. Нам придётся серьёзно отнестись к тому, что я уже объяснял в предыдущих лекциях: к эмансипации духовной жизни. Вместе с этой духовной жизнью нам придётся реализовать нечто такое, что, собственно, всегда было неотъемлемой частью репутации социалистических мыслителей, но что, как раз, сегодня плохо понимается. Неизбежность прихода чего-то нового была заложена уже изначально, но никто никогда толком не задумывался над этим. Со стороны социалистов неоднократно заявлялось: Конкуренцию и стремление к прибыли необходимо заменить объективным управлением. - Совершенно верно. Это должно особенно проявляться в области духовной жизни. Однако, тут необходимо, чтобы эта духовная жизнь могла управляться, исходя из себя самой. Массовая педагогика, основанная исключительно на наблюдении за человеческим существом, позволит создать для будущего нечто действительно плодотворное. Я знаю, что для очень многих сегодня я скажу, вероятно, нечто необычное, говоря: Если мы хотим социализировать здоровым образом, то прежде всего мы должны привести к выражению человеческую силу и задатки так, чтобы человек в продолжении всей своей нормальной жизни мог уверенно стоять в действительности.

Особенно это будет проявляться в свободном управлении системой образования. В других областях это, ведь, уже проявилось, хотя и не самым удовлетворительным образом, когда система продвижения по службе в старом государстве привела к тому, что высшие должности в совете, как правило, занимали старые господа, которые затем старались как можно меньше иметь дело с этими вещами. Духовное самоуправление в будущем приведёт к тому, чтобы эти старые господа имели самые различные задачи правления. Для этого, однако,

²⁰ *Gustav Noske* (Густав Носке) (1868–1946) – квалифицированный столяр, член Рейхстага с 1906 года. Министр Рейхсвера с 1919 по 1920 год, а до 1933 года – Верховный президент Ганноверской провинции. Под его командованием правительственные войска и свободный корпус подавили восстание спартакистов в январе 1919 года.

они должны быть юношески свежими. Наша государственная школа расшатывает юношескую свежесть. Эта юношеская свежесть, правда, не наблюдается и в стариковско-дорожном управлении рейха (Reichsgreisenbahnamt), пардон, в железнодорожном управлении рейха, - я сказал «в стариковско-дорожном управлении рейха», поскольку большинство должностей там заняты стариками. Необходимо будет уметь формировать самую первую ступень школьного обучения, которая может разворачиваться только в свободной духовной жизни, на основе основательной антропологии, чтобы не было так, как это происходит сейчас, что человеческие силы мышления, чувствования и воли развиваются так, что в дальнейшей жизни они не только не в состоянии поддерживаться, но и, наоборот, слабеют. В годы, когда человек должен формировать свои мышление, чувствование и воление, мы должны организовывать всё это так, чтобы создавать основу жизни. Никогда больше для человека не будет возможности нагнать то, что необходимо достичь в годы юности. Но только когда школьная жизнь будет управляться, исходя из самых неотъемлемых законов человеческой жизни, а не из принципов государственной корпорации, станет возможным то, что сила человека не будет ослабевать на протяжении всей жизни. А для социальной жизни в будущем нам потребуется не только усваивать знания с помощью школ, но и учиться учиться, всегда учиться учиться у жизни. Сегодня ещё кажется странным, когда говорят, что действительно соответствующим образом организованное школьное обучение в будущем будет доставлять совсем других стариков, чем те, которых мы имеем сегодня.

Видите ли, это необходимо, чтобы появлялись новые вещи, - вещи, о которых сейчас даже не думают. Люди ещё делают изумлённые лица, когда вы говорите им, что хотели бы, чтобы духовная жизнь следовала своим собственным правилам. Они не могут представить себе ничего, кроме духовной жизни, управляемой государством, потому что понятия не имеют, что такое сам человек в человеческом обществе. Сегодня ситуация серьёзная, и те, кто хочет её преуменьшить, не придут к тому, что нам так необходимо: к оздоровлению социального организма. Удивительно, как люди цепляются за свои старые привычки мышления, как они, в лучшем случае, доходят лишь до того, чтобы сказать: «То, что он говорит, нам совершенно непонятно». Безусловно, такие вещи, обладающие силой породить устойчивую действительность, поначалу надо принимать как нечто неясное, поскольку, занимаясь ими, необходимо привыкнуть к усвоению нового, соответствующего действительности понимания жизни. Сегодня мы обязаны задуматься над своими глубинными инстинктами. Если мы задумаемся над ними, то сможем ясно распознать то, что кажется неясным. Когда сегодня многие говорят, что импульсы трёхчленного социального организма неясны, это во многом объясняется старым, ошибочным школьным образованием, которое мешало людям прийти к действительно концентрированному мышлению, прийти к пониманию мыслей, соответствующих действительности. Таким образом, человек оказывается в положении, когда, с одной стороны, ему приходится говорить то, что необходимо, а с другой - бороться с тем, чтобы предотвратить создание чего-то нового в мире из-за всевозможных предрассудков, проистекающих из старых привычек мышления. Когда сегодня люди постоянно спрашивают: «Каков же путь? Как это сделать?» - мне хотелось бы знать, какой путь был бы яснее, чем путь трехчленного организма, если только ему захотели бы следовать. Но подумайте, что должно произойти сначала, чтобы следовать этому пути. То, что станет на место правительства прежних этапов развития, однажды должна будет сказать себе: Мы сохраним все те ведомства, которые связаны с правовой жизнью, с общественной безопасностью и тому подобным. В отношении духовной жизни, культа, обучения, технических идей, с одной стороны, в отношении экономической жизни, с другой стороны, промышленности, торговли, ремёсел и так далее, мы будем правительством-ликвидатором. Наше время нуждается в этом как в чем-то непосредственно практическом: в осознании того, что правительства, цепляющиеся за старые обычаи и привычки, должны найти в себе силы сказать: Надо отбросить духовную и экономическую жизнь влево и вправо, чтобы они сами могли себя формировать и собой управлять.

Только эта инициатива может оставаться у прежних правительств, поскольку они уже однажды развились, исходя из старых отношений, но они должны обладать самоотверженностью, чтобы направо и налево стать правительствами-ликвидаторами. Это требует серьёзного переосмысления. Тех, кто называет это непрактичным, я могу понять, потому что они просто не могут переосмыслить то, что веками вбивали им в голову. Но сегодня мы сталкиваемся с необходимостью выбить из нашего сознания то, что веками вбивали нам в голову. Сегодня мы сталкиваемся с необходимостью относиться ко всему с предельной серьёзностью, поскольку только эта предельная серьёзность является действительно практичной. Эта серьёзность затем объединится с необходимыми знаниями, которые я привёл вам относительно организации экономической жизни, величины того или иного товарищества, ценообразования и так далее. Но это задачи, которые стоят перед нами в конкретном, практическом плане, задачи, которым мы должны посвятить себя, поскольку это основы действительной социализации, основы для действительно социального формирования человеческой жизни. Этого хотят, - даже если они ещё и не могут этого сказать, - советские общества, которые хотят подняться из огромного народного общества. Поэтому советские системы должны были стать сюрпризом для людей, особенно для всех тех, кто считал, что уже достаточно приблизился к тому, что называется социализацией. Сегодня же мы сталкиваемся со странными вещами.

Сегодня днем, поскольку мне его принесли, мне пришлось прочитать странное предложение, которое в это серьёзное время я должен был воспринять, я бы сказал, с очень своеобразными чувствами. Там, в связи с импульсами этого трёхчленного организма, я прочитал следующее предложение. В это, собственно, трудно поверить:

«В нынешней борьбе речь идёт не о поиске идеи или назначении на самый верх подходящего человека, а о том, как социалистическая идея должна быть воплощена в жизнь. Речь идёт не о красивых планах, а об исполнении».

Теперь я спрашиваю вас, мои многоуважаемые присутствующие, как можно исполнить то, чего нет? Сегодня такие вещи произносятся, исходя из лучших побуждений, исходя из добрых намерений. Но они являются всего лишь симптомом того, насколько мало здравого смысла и понимания у людей относительно того, что должно произойти. Кто-то представляет план дома, а кто-то другой ему возражает: Речь идёт не о плане дома, а об исполнении. - Тогда, вероятно, можно спросить: Где же ваш план? Где он проявлен? - Мы бы молчали, если бы был виден ваш план, поскольку мы говорим только тогда, когда нас к этому призывают факты.

То, что такие вещи сегодня возможны, что такое мышление перед лицом серьёзности времени возможно, - вот что снова и снова огорчает, когда задумываешься о возможности и необходимости того, что должно произойти. Сегодня мы, особенно мы здесь в Центральной Европе, должны быть захвачены серьёзностью положения. Поскольку, только отказавшись сегодня от мышления и разговоров, вне этих вещей, - поскольку мы никогда в них не заглядываем, - только так мы сможем предотвратить великую катастрофу. Сегодня нам необходима способность творить силами самых широких масс человечества. Если кто-то попытается это сделать, его обвиняют в том, что он что-то внушает массам, поскольку массы совершенно ничего не понимают. Правящие круги понятия не имеют о том, что эти массы уже понимают своими неиспользованными мозгами, - о том, что они сами не понимают, потому что не хотят понимать. Эти вещи являются проблемами времени, и я не боюсь о них говорить, не смотря на то, сколько возражений выдвигается по поводу внушения и тому подобного, поскольку, по сути, я просто говорю о том, что исходило бы из собственных сердец и душ людей, если бы они обрели ясность в отношении того, что живёт в этих сердцах и душах. Я просто хочу прояснить то, что живёт в сердцах и душах. Но многие люди сегодня совершенно не хотят знать об этом, поскольку они избегают жить рядом с теми, кто, как раз, и несёт в своих сердцах требования времени. Правда, многое об этом можно узнать из различных высказываний времени. Так, недавно, исходя из вполне определённых ощущений, в широко читаемом журнале «Die Hilfe» («Помощь») - и это не социалистический

журнал, но он стремится им быть; подобные вещи уже можно прочитать в современных социалистических журналах - один господин написал: «Сейчас социализировать мы не можем». - Речь идёт не о том, что он не знает, как это делать, но вместо этого он, естественно, приписывает причину своего непонимания того, как должна происходить социализация, не себе, а другим. Он совершенно наивно заявляет в своей статье: «Капитализм просто развратил наш народ... Да, у кого был бы народ, состоящий из здоровых, трудолюбивых, жизнерадостных, добросердечных людей, для которых братство было бы живым понятием, а не просто лозунгом, как у нас, тот мог бы осмелиться ввести коммунизм с сегодня на завтра».

Теперь я спрашиваю вас, разве понадобилось бы кому-либо в мире вводить коммунизм, если бы мы жили в обществе, где люди здоровы, трудолюбивы, жизнерадостны, добросердечны и где царит только братство? Видите ли, таков сегодняшней образ мышления. Люди понятия не имеют, о чём говорили ещё совсем недавно. Им воистину не нужно было бы думать об идеале социализма, если бы люди были такими, какими они должны быть, именно благодаря возможности социализации.

Одно люди всегда упускают из виду: когда организм здоров, человек не чувствует, что именно составляет здоровье этого естественного организма. Он должен, ведь, тогда вначале найти его, и тогда он может ощутить гармонию своей души, я бы сказал даже, радость своей души. Но когда организм болен, он чувствует боль; тогда боль организма является частью его душевного переживания. Тогда никому не позволено приходить и говорить: Я не могу сделать тебя здоровым, потому что я смогу это сделать только в том случае, если ты сначала почувствуешь себя здоровым в своей душе, если в твоей душе будет царить гармония и радость. - Мы должны стремиться к здоровому социальному организму. Это то, что важно. Мы не должны вопрошать, как тот господин, о котором я только что говорил: «Но где же нам найти для этого людей? Человечество должно сначала стать воспитанным для социализма! - Вспомните барона Мюнхаузена, который пытается поднять себя в воздух за волосы. Нет, социализм должен быть для того, чтобы люди могли стать воспитанными.

Называть людей незрелыми, если сам не в состоянии прийти к зрелым импульсам, легко. Наша задача сегодня - не осуждать людей, а вызвать условия, которые приведут к тому, чтобы у нас больше не было необходимости осуждать человечество в той степени, как сегодня. Поэтому появляется импульс, о котором здесь будет идти речь, задача исследования условий здорового социального организма. Мы не продвинемся дальше, пока не будет пробуждено понимание этого трёхчленного социального организма. Тогда я хотел бы увидеть, есть ли у достаточно большого количества людей - а именно это важно сегодня, - понимание того, что должно произойти, какое правительство может мешать такому пониманию! В противном случае все наши эксперименты будут тщетны.

Сегодня надо прилагать усилия для того, чтобы пробудить понимание в самых широких кругах. Это можно сделать быстрее, чем кажется. И это должно делаться быстрее, чем люди думают, поскольку фразы о незрелости людей высказывают только те, кто сам является незрелым. У нас нет времени, чтобы мечтать о том, что для социализации необходимо много времени. Видя практическую возможность опоры на три основы - духовную, правовую и экономическую, - становится ясно, что на этих трех основах может быть достигнута подлинная социализация. Но необходимо решиться не цепляться за старые предрассудки. Надо решиться действительно переучиться. Тот самый господин, о котором я уже упоминал, добавляет ещё прекрасную фразу: «Любое обновление, которое пытается предвосхитить это развитие» - он имеет в виду развитие в направлении добросердечных, дружелюбных и довольных людей, - «обречена на провал, поскольку оно просто не найдёт поддержки в чувствах людей». - В чувствах этого господина оно, конечно, не найдёт поддержки. Такие чувства, если их нельзя изменить, следует просто игнорировать, поскольку человечество больше не должно быть скованно старыми предрассудками и старыми привычками мышления. Сегодня нам нужно глубоко заглянуть в себя, внутренне реформировать и революционизировать наши чувства и наше мышление. Тогда мы найдем у людей резонансную почву. Нам не нужно ничего внушать людям; нам нужно лишь найти ясность в

том, что они справедливо хотят. Нам нужно лишь работать над укреплением доверия и не уклоняться от сотрудничества с массами, и тогда мы в истинном смысле этого слова будем служить требованиям сегодняшнего времени.

Сегодня, и я хочу сказать это ещё раз, каждый должен серьёзно прислушаться к этим словам: Я должен научиться понимать, что нужно делать, исходя из явлений нашего времени, исходя из громко заявляющих о себе фактов, пока не слишком поздно. А ведь очень скоро может стать слишком поздно, и это будет очень печально для тех, кто не позволил себе измениться, используя приобретенные навыки, чтобы по-настоящему понять новые требования времени и посвятить себя их служению. Быть способным поставить себя на службу времени, даже если мы должны будем переучиваться глубоко внутри себя, - это должно стать задачей всех людей, пока не слишком поздно.

Заключительные слова после дискуссии.

Поскольку, за исключением одного из уважаемых докладчиков, в ходе дискуссии практически ничего не было сказано против моих утверждений, мне тоже нет необходимости много или подробно говорить в качестве заключения. Я также не хочу возвращаться к доводам уважаемого оппонента. Я считаю, что это довольно странно говорить, что следует опровергать вещи, которые совершенно не соответствуют тому, что написано в моей книге. Ведь, не может же дискуссия проходить таким образом, что один человек в ходе этого обсуждения выдвигает что-то неверное или искажённое, а другой должен опровергать то, что даже не приходило ему в голову. Я хотел бы указать лишь на одно. Это уже, по сути, было сказано господином Л., и является также моим убеждением, что, как раз, в отношении Карла Маркса, тот, кто действительно знает Карла Маркса, должен будет сказать, что Карл Маркс всегда поучал о фактах истории, современной истории, так, что любой человек сегодня несомненно показался бы ужасно отсталым, если бы не мог ответить на вопрос: Что бы думал Карл Маркс, как раз, при сегодняшних обстоятельствах? - Видите ли, есть очень, очень странное высказывание Карла Маркса, которое приходит на ум, когда кто-то вроде господина В. так своеобразно упоминает Карла Маркса. Маркс обрёл некоторых своих последователей, которые называли себя марксистами, и Карл Маркс сделал это странное высказывание, которое, однако, имеет очень глубокий смысл в отношении этих марксистов: «Что касается меня, то я не марксист»²¹. - Такие слова, собственно, должны были навести на размышления. Иногда следует задаваться вопросом, как, собственно, обстоят дела с приверженцами того или иного воззрения. Воззрение, подобное тому, что выдвинул Карл Маркс, как раз, самым автором имелось в виду так, что он позволял вписать его в полное течение времени. И только тот, кто в состоянии воспринять её таким образом, чтобы адаптировать к своему времени, поймет её в более позднюю эпоху. Наверное, в отношении этого замечания достаточно. Теперь, поскольку здесь подняты три вопроса, я хотел бы просто сделать пару замечаний по этим трём вопросам. Все три вопроса касаются внешней политики. Разумеется, я мог бы ответить на них по отдельности, если бы сейчас не было, пожалуй, лучше - пожалуйста, не поймите меня неправильно - именно на эти три вопроса, учитывая текущие события, ответить не в той форме, в какой хочет получить ответы задающий эти вопросы. В отношении этих текущих событий необходимо проявлять сдержанность, хотя маловероятно, что то, что я здесь говорю, появится в завтрашнем номере «Temps»²². Но лучше, когда

²¹ См., например, письмо Фридриха Энгельса Конраду Шмидту от 5 августа 1890 года, Лондон, в книге «Маркс/Энгельс, Избранные письма», Цюрих, 1934, стр. 371 и далее: «Материалистическая концепция истории также имеет сегодня множество (роковых) друзей, для которых она служит предлогом не изучать историю. Как сказал Маркс о французских «марксистах» последних семидесятих: «Все, что я знаю, это то, что я не марксист». См. также монографию Ровольта «Карл Маркс в изложении Вернера Блюменберга», 1962, стр. 150.

²² «Le Temps» (по-французски «Время») — влиятельная французская ежедневная газета. Она издавалась в Париже с 25 апреля 1861 года по 30 ноября 1942 года. Основателями газеты были Эдмунд Чоецки и Огюст Неффцер.

определённые вещи не становятся испорченными, благодаря тому, что о них говорят. Я всё же хочу сказать вам об этом следующее, чтобы вы не думали, что что-то можно просто скрыть в отношении ответа на этот вопрос. Видите ли, то, что сейчас предлагается как трёхчленность социального организма, в ужасно трудное время войны первоначально рассматривалось как вопрос внешней политики. В то время, когда было немислимо заниматься вопросами социализации внутри Германии непосредственно перед окончанием войны, когда речь могла идти только о том, что Германия могла бы предложить, например, в ответ на «Четырнадцать пунктов» Вудро Вильсона, в отношении прихода к возможному окончанию этих ужасных событий? Сегодня, даже больше, чем тогда, я считаю, что многого можно было бы избежать, если бы в то время существовало понимание той внешней политики, которая, наряду с социализацией, заключается в этой трёхчленности здорового социального организма. Именно это, я бы сказал, меня сегодня так огорчает. Это членение, как я считаю, была бы единственным способом избежать такого ужасного конца войны, какой произошёл. Пусть всё же то непонимание, которое проявили в то время соответствующие круги, также не станет тем, что сегодня те, от кого это зависит, самые широкие слои населения, делают своими собственными. Пусть удастся завоевать сердца этих самых широких слоев населения легче, чем сердца тех, кто, вместо того чтобы проводить какую-либо разумную внешнюю политику под влиянием этих импульсов, устроили Брест-Литовск²³ и всё, что последовало за ним.

Я не могу сейчас прочитать вам вторую лекцию по внешней политике. Но однажды мы изучим реальные причины, - как более широкие, так и ближайшие, - этих печальных европейских событий последних пяти лет. В будущем мы изучим, например, ткань, так называемых, причин войны, которые привели к австро-сербскому конфликту. В этот конфликт, как во внешнюю политику, вплетены хаотичные экономические и политические причины. И тот, кто, как и я, провел половину своей жизни - то есть, три десятилетия - в Австрии, тот, кто знаком с австрийскими условиями, знает, что, исходя из печального развития этих австрийских условий, к этому должно было прийти, поскольку эти условия можно было бы прекратить только в том случае, если бы в нужное время были разделены экономические и политико-правовые условия, в том числе и в отношении внешней политики. Видите ли, я однажды приезжал в Вену во время войны. Тогда ко мне подходили разные люди и, выделяя только один аспект причин войны, экономический, говорили: Ах, эта война с Сербией - просто свинская война. - Конечно, это описывает экономическую причину только в отношении одной области, но она существовала. К ней добавлялись политические и даже культурные причины, пусть и коренящиеся в различных местных языках, которых в Австрии официально было тринадцать. Короче говоря, как я уже сказал, мне пришлось бы читать длинные лекции, если бы я хотел показать вам, как эти вещи выходят за рамки прежних государственных границ, которые я называю неорганической, хаотичной мешаниной трёх жизненных ветвей, которые должны сначала разделиться в будущем. Поэтому, по вполне понятным причинам, сегодня я могу лишь указать на всё это.

Видите ли, то, что сейчас называется долгами войны, то, что называется условиями мира, которые обсуждаются в этом вопросе, - ведь, разве это невозможно, если думать об их осуществлении? Нет, это не невозможность, а полная бессмыслица, потому что это все равно что направляться в тупик. Просто непостижимо, как люди в Версале вообще могли что-либо себе представить в отношении этих вещей. Конечно, возможно, они не видят ситуацию достаточно ясно, недостаточно конкретно, но подумайте только об одном. Оставим в стороне долги войны. Рассмотрим долги, возникшие в результате старых обстоятельств и подлежащие погашению в пределах границ самой Германии. Если пока оставить в стороне военный долг, то одни лишь процентные платежи в течение следующих нескольких лет - послушайте только, мои многоуважаемые присутствующие - составляют, насколько я

²³ *Брест-Литовск*: 15 декабря 1917 года в Брест-Литовске, Польша, было заключено перемирие между Центральными державами и Россией, а 3 марта 1918 года был подписан мирный договор, который впоследствии Версальским договором был признан недействительным.

понимаю, двадцать восемь миллиардов марок в год. Это не просто невозможность, а действительно бессмыслица. Вещи, которые невозможно реализовать.

Это, как раз, типичное явление современности: что мы повсюду плывём под парусом влияний старых условий в направлении чего-то такого, что вообще может развиваться только при условии создания чего-то совершенно нового, на совершенно новом фундаменте. Ну, люди очень скоро убедятся в том, что строить нужно именно на совершенно новом фундаменте. Тем, кто до сих пор ничего не хочет знать о трёхчленности социального организма, придётся учиться, как раз, на внешней политике, насколько невозможно выбраться из нынешних бедствий, если мы будем не в состоянии помимо всех политических и духовных отношений установить интернациональные связи, исходя из потребностей экономической жизни. Конечно, это надо изучать детально. Такое изучение покажет, что оздоровление возможно только в том случае, если мы попытаемся построить международные экономические отношения на фундаменте, который, по крайней мере для нас, делит социальный организм на три. Тот факт, что государства Антанты не трёхчленны, не является препятствием. Только, чтобы двигаться вперёд, чтобы вообще снова получить воздух и возможность жить, для нас было бы необходимым, чтобы с восточной стороны Россия и Украина также могли принять эту трёхчленность.

Но тот, кто, исходя из глубоких оснований, понимает намерения русской народной души, знает, как много, собственно, было нарушено Брест-Литовским миром, и как было бы возможно, если бы так многое не было выплеснуто, обрести надёжных сторонников этого трёхчленного организма, как раз, в России. Это нечто такое, для исправления чего, естественно, должны искаться пути. Но для тех, кто принимает эти вещи не по программам или предвзятым представлениям, а так, какими они являются в действительности, в том числе и во внешней политике, есть только одна возможность: так укрепить достаточно обширную территорию Восточной и Центральной Европы, чтобы избежать вреда от намерений Запада, выраженных в ужасающих условиях мира. Опять же, - и я хотел бы обратить ваше внимание на этот факт - импульсы этой трёхчленности впервые зародились в ходе войны как внешнеполитические идеи, и это то, что может кого-то угнетать сегодня: Должно ли также и сегодня, после этого ужасного кровавого опыта стать так же, как было во время войны? В то время я пытался ясно дать понять, насколько другой была бы реакция, если бы произошла какая-либо манифестация в этом направлении, которая, конечно, не была бы выражена так, как принято говорить об этих вещах сейчас в соответствии с требованиями времени, но если бы такая манифестация действительно имела место. Но это нечто такое, что хотелось бы желать, чтобы теперь, когда настало новое время, это новое время понимало бы эти вещи лучше, чем те люди, которые были последними остатками старого времени, и которые, будучи этими остатками, ввергли европейское человечество в ужасное несчастье. Пусть же как можно больше людей сейчас откроют свои сердца, чтобы не быть такими остатками, а быть предвестниками того, что единственно может помочь, а именно того, что действительно исцеляет внутренний организм. А здоровый внутренний организм найдет также и средства, и пути правильно выразить себя вовне.

VIII. Импульс к трёхчленному организму — это не «простой идеализм», а непосредственное практическое требование момента.

Лекция для собрания Союза для трёхчленности социального организма.

Штуттгарт, 31 мая 1919 года.

Собрание открывает председатель, господин Доктор Унгер, следующими словами:

Многоуважаемые присутствующие! От имени рабочего комитета Союза для трёхчленности социального организма я открываю сегодняшнее собрание. Позвольте мне сказать несколько слов о призыве, который вы нашли на своих местах. Те из уважаемых присутствующих, которые посетили наше мероприятие вчера, слышали, что в настоящий момент речь идёт о том, чтобы активно привести в действие импульс трёхчленности

социального организма. После того, как будет осуществлена эмансипация из единого государства, прежде всего, экономической жизни, нам должно быть ясно в смысле изложений господина Доктора Штайнера, что эта эмансипация экономической жизни может иметь значение для оздоровления социального организма, если одновременно из единого государства будет освобождён духовный организм, духовный член социального организма. Для этого необходимы сильные импульсы, которые должны быть живы в душе каждого отдельного человека как импульсы свободы. Эти импульсы необходимы для собственной инициативы, чтобы духовная жизнь могла быть поставлена на собственные ноги. Это требует революционного импульса для духовной жизни, для социализации духовной жизни, чтобы действительно все круги могли и хотели участвовать в абсолютно необходимой полной перестройке духовной жизни. Вслед за тем, что вчера вечером в ответах на вопросы по этому поводу было сказано господином Доктором Штайнером относительно немедленного создания культурного совета, мы позволили себе представить вам эту листовку. Она была написана со вчера на завтра, и я хотел лишь в нескольких словах обобщить то, что было импульсом вчерашнего вечера. В этой листовке вы найдете анкету для вступления в члены организации, и мы рассчитываем на то, что её примут люди, которые по собственной инициативе проявят волю для нового формирования духовной жизни. Просим вас воспользоваться этой анкетой и передать заполненную форму, в которой должны быть указаны ваше имя, профессия, адрес и вид вашего вклада, тем лицам, которые будут присутствовать сегодня вечером, а также на выходе из зала, чтобы принять эти анкеты. Позвольте мне обратить внимание на то, что на обороте сегодняшнего входного билета содержится объяснение к предложениям господина Доктора Штайнера, и что там, в частности, призывается к участию и продвижению трёхчленности. Мы просим вас также воспользоваться этими билетами, особенно тем, кто еще не принял решение вступить в Союз для трёхчленности социального организма. В конце вечера я позволю себе еще раз напомнить вам, что билет, а также листовку, можно сдать на выходе.

Теперь позвольте мне попросить взять слово господина Доктора Штайнера, сегодняшнего докладчика.

ДОКТОР ШТАЙНЕР: Мои многоуважаемые присутствующие! Если сегодня говорить так, как это неизбежно следует из позиции, лежавшей и лежащей в основе импульса трёхчленности социального организма, то, проследив с горячим сердцем за текущими событиями, понимаешь, что направляешь свою речь навстречу буре. Даже если эта буря сегодня для многих людей еще незаметна, она, тем не менее, присутствует; и можно в некотором смысле сильно удивиться, когда, как это произошло, из подсознания сквозь эту бурю звучит ответ: тут мы имеем дело с идеологией, с утопией. Из текущих событий будет извлечено то, чему будет посвящён сегодняшний вечер в контексте опровержения мысли о том, что в отношении импульса трёхчленности социального организма речь идёт о непрактичном идеализме, утопии или какой-либо другой идеологии.

Поскольку этот призыв, что является само собой разумеющимся, поначалу опирается на личный опыт, вы простите, если это удивление, которое может вас охватить в отношении упрёка в идеологии и утопии, приведёт к совсем короткому вводному рассмотрению, которое, возможно, может показаться личным. Однако, это всё же верно, что всё личное сегодня, которое не ограничивается тем, что оно замыкается в самом себе, может жить с человечеством, может одновременно, в силу серьёзности текущих событий, быть чем-то очень общечеловеческим и, возможно, даже симптоматическим для этого общечеловеческого в сегодняшнем столь серьёзном настоящем и перед лицом, несомненно, ещё более серьёзного будущего.

Сначала о социальной трёхчленности говорилось в обращении «К немецкому народу и культурному миру», в том смысле, в котором это сейчас понимается Союзом для социальной трёхчленности, а затем в моей книге «Основные пункты социального вопроса в жизненных потребностях настоящего и будущего». - Эти вещи возникли не без причины, благодаря какому-то человеку, который захотел и смог пробудить к ним внимание в конце шестого десятилетия своей жизни. Они возникли не из каких-либо выдуманных или изощёренных требований. Они возникли из самой жизни и наблюдений за ней, и, возможно, и сегодня они бы не выступили публично, если бы человек, представивший их публике, благодаря событиям времени, не пришёл бы к убеждению, что в эти серьёзные времена происходит так много непрактичного, что в умы людей проникает так много идеологического и утопического, что тот, кто может противопоставить этому что-то практичное, имеет священный долг говорить об этой жизненной практике. И всё же - разносится эхо: утопия, идеология, непрактичный идеализм!

Таким образом, простите мне пару личных замечаний для введения. Я чувствовал желание выступить с этой вещью не из каких-либо личных побуждений, после того как я десятилетиями пытался сделать всё возможное в той области, которая входит в рассмотрение, - в области духовного, - чтобы снова поставить её на ноги, после того, как она, по моему мнению, была перевернута с ног на голову нашей современной культурой. После десятилетий работы над тем, что я называю духовной наукой, я действительно стремился к расширению обеих других областей не из личных побуждений, а из необходимости, которую сегодняшнее время накладывает на человека. Тогда, десятилетия назад, передо мной угрожающе стояла большая культурная озабоченность, заключающаяся в том, что наша духовная жизнь, хотя, с одной стороны, в силу своей особой природы и должна была праздновать величайшие триумфы в области естествознания, всё же не способна постичь действительную человеческую жизнь, эту жизнь, выходящую за пределы того, что вырастает из одной лишь природы. Что эта духовная жизнь, следовательно, должна оставаться неспособной - это стояло перед моим духовным оком как угрожающая культурная озабоченность - для понимания большой социальной проблемы, которая стоит перед человечеством, как раз, в настоящее время. Поскольку социальная проблема в конечном счете является духовной проблемой. Никто не в состоянии постичь её во всей её истине, кто не может постичь её, исходя из духа. Там, в постижении духовного, я впервые почувствовал свою родину, родину, в которой меня не слышали так, как мне хотелось бы, так, чтобы то, что было просто словом, перешло в действие, в преображение той духовной жизни, которая больше не могла действительно проникнуть в человеческую жизнь. Тем не менее, мне бы хотелось остаться на этой почве, если бы события последних лет не породили тех вещей, которые так мощно показали, как человечество гонится за утопиями и идеологиями и не приходит к тому, чтобы воспринимать практическое иначе, нежели исходя из серой теории или партийных доктрин.

В разгар военных потрясений, когда я считал, что настало время, когда можно было бы полагать, что человечество начинает теперь прозревать, что дальнейшее продолжение войны неизбежно приведет к гибели Восточной и Центральной Европы, я впервые набросал то, что сейчас стало наброском плана трёхчленного социального организма. Поскольку во время этих военных событий я видел, как зарождается ужасная утопия, - утопия, которая из-за особых обстоятельств того времени, к сожалению, действовала очень реально. Она могла действовать очень реально, поскольку обладала двумя свойствами. Во всём, что образует её содержание, она была чистой утопией, и в силу сопутствующих обстоятельств она была чем-то таким, что было внедрено в мир, исходя из интересов определённых групп людей, и подходила для того, чтобы людей, которые считают себя практичными, но подверженных всевозможным утопиям, - чтобы этих людей вводить в заблуждение относительно того, как из простых и в этом случае даже экономических человеческих интересов возникла эта утопия. Можно было видеть, как эта утопия поднималась над культурным горизонтом современности. Можно было видеть, как эта утопия не только действовала на людей в западном мире таким образом, что она ввергала этих людей в определённое настроение, но и - поскольку она совпадала с вполне реальными интересами, которые, однако, в ней, в её содержании не пришли к своему выражению, - как эта утопия могла ставить на ноги армии и отправлять корабли в плавание по морям. И число последователей этой утопии в западных странах неуклонно росло.

В конце концов эта утопия приняла вид, так называемых, «Четырнадцати пунктов» Вудро Вильсона. В Германии в то время это было бессмысленно, но в Швейцарии, где во время войны было необходимо говорить в этом направлении правду, я постоянно подчеркивал, с одной стороны, утопический, а с другой стороны, полностью исходящий из западных экономических условий, экономический характер этой, так называемой, программы Вильсона. Эта утопия оказала настолько сильное воздействие, что к осени 1918 года её поддержка была не только широко распространена среди стран Антанты, но и, помимо военной капитуляции Германии, произошла капитуляция духа, капитуляция перед

вильсоновской утопией, благодаря человеку, на которого немецкий народ смотрел как на свою последнюю надежду в эти судьбоносные дни²⁴. Когда эта всемирная утопия ещё не была сформирована в, так называемые, «Четырнадцать пунктов», а ещё находилась в процессе становления, я попытался написать то, что надо было противопоставить этой мировой утопии как центрально европейской действительности. Ни у кого, кто должен был услышать эту вещь, нельзя было найти понимание для того, что, благодаря своему практическому характеру, должно было противостоять мировой утопии.

Тогда, например, находили очень практичным провозглашать миру: Среди людей должны господствовать власть и право. Это государственные деятели, которые приводят лишь к серым определениям «власти» и «права», но не могут постичь ничего конкретного, ничего действительного. Мы никогда не выберемся из смятения и хаоса, пока не станем способны за нечто действительно практическое браться практически.

Я сказал, что не хочу, и в каком-то смысле не могу, выносить этот вопрос в публичность до конца своего шестого десятилетия. Потому что эта вещь возвращает меня к тому, что я сам пережил, будучи ребенком пролетариата среди пролетариев, когда мне стало ясно, что звучит из душ и, исходя из резонанса экономического опыта и экономических переживаний сегодняшнего, то есть, тогдашнего пролетариата шестидесятых и семидесятых годов. Я знакомился с тем, что сегодня называют классовый борьбой, благодаря тому, что судьба давала мне достаточно возможностей познакомиться с самими этими классами. Я знакомился с пролетариатом как член этого пролетариата. Позднее я знакомился со всеми чаяниями буржуазии с её близорукостью по отношению к действительно практическим требованиям времени, с её связанностью своими конкретными обстоятельствами, с её безразличием ко всему, что выходит за рамки этих конкретных обстоятельств. Благодаря непосредственному общению с людьми в повседневной жизни я также знакомился также с тем классом людей, который делает сегодня большую политику, и таким образом перед моим душевным оком открывалось то, что живёт в этом времени: борьба между отдельными классами людей. Я близко познакомился с потребностями, опытом и жизненными судьбами всех тех классов, о которых сегодня необходимо говорить, поскольку начинается великий переосмысление в отношении классовых различий. Вдали от меня, благодаря обстоятельствам, оставалось одно. Благодаря обстоятельствам, очень далеко от меня осталось и должно было остаться всякое сотрудничество с какими-либо партиями. Я никогда в своей жизни не примыкал к какой-либо партии. Я общался с бесчисленным количеством членов партий, знаком с бесчисленными партийными шаблонами и партийными мнениями. Я никогда не принадлежал к какой-либо партии. В Австрии, где я провёл свою юность, я не мог ни выбирать, ни быть выбранным по той простой причине, что таким людям, которые не имели определённый годовой доход, тогда не позволялось выбирать и быть избранными. Впоследствии я никогда не был в том месте, где мне предоставилась бы возможность подойти к избирательной урне, по той простой причине, что, проехав через две другие страны, я так и не стал их гражданином. Партийная политика и партийные шаблоны не играют роли в том, что сегодня выступает в мире как импульс для трёхчленного социального организма. Играет роль только то, что человек может усвоить в продолжении своей жизни в виде потребностей, требований и прочих отношений всех, живущих бок о бок в различных классах, людей. Когда же, исходя из этих оснований, сегодня обозначается практический жизненный путь, говорят, что этот практический путь - утопия, идеология. Для меня это культурный симптом, что сегодня, как раз, то, что противостоит всему утопическому, может считаться утопией различными утопистами, занимающими должности в политических партиях или где-либо ещё. Мне позволительно сказать, что в обращении, которое, разумеется, сначала нужно было кратко изложить в нескольких предложениях, были включены все аспекты жизни: от потребностей

²⁴ Принц Макс фон Баден (1866–1929) стал канцлером Германии осенью 1918 года и 5 октября 1918 года направил президенту Вильсону мирное предложение, основанное на его «Четырнадцати пунктах». После отречения Вильгельма II в ноябре 1918 года Макс фон Баден передал пост канцлера социалистическому лидеру Фридриху Эберту, будущему президенту Рейха.

торговца специями и поденщика до потребностей тех, кто, будучи крупными капиталистами и даже дипломатами - да, такие люди тоже есть, - играли в последние десятилетия важную роль в мировых делах. Было включено также и то, что может сегодня быть включено в практику жизни, от опыта учителя народной школы до опыта тех, кто состоит в системе высшего образования. Только таким образом, как мне казалось, и кажется, можно получить отправную точку для того, что сегодня ставится перед нами как великая социальная задача современности.

Эта социальная задача современности, - в чём же она выражается? В том, что торговец специями едва заточенным карандашом записывает в свой маленький блокнот как свои доходы и расходы, вплоть до того, что должно втекать как духовный импульс, чтобы дать человечеству направление и цель. Во всём этом сегодня лежат огромные, всеобъемлющие задачи, без учёта которых нельзя в отношении того, что возлагается на нас как социальная задача, предпринять ничего, от самого малого до самого большого.

Я говорил ранее о том, что вы можете назвать преобразованием или реформой духовной жизни. Я рассматривал это как свою истинную родину и говорил: Тогда перед моим взором стояла огромная культурная озабоченность, что эта духовная жизнь, то, как она реакционным и консервативным путём вползла в наше время, подходит для того, чтобы заложить основу для глубоких открытий в области природы, но она должна оставаться совершенно бесплодной для действительного понимания социальной природы, для действительного формирования социальной воли. Это сегодня, я бы сказал, можно ухватить руками.

Посмотрим, к чему привела неспособность распространять духовную силу на социальную волю. Когда в последние три-четыре столетия человечество, выходя из прежних инстинктивных патриархальных состояний, начало размышлять об экономике, возникли всевозможные идеи о том, как должна быть устроена экономика, - идеи, о которых я сегодня говорить с вами не буду, также и потому, что они устарели. Но, в конце концов, они привели к тому, что, с одной стороны, исходя из духа и мировоззрения университетской науки, развилось в экономическое учение, которое, однако, является не чем иным, как отражением буржуазных взглядов на экономику. А с другой стороны, они кристаллизовались в то, что наиболее ясно, сильно и всесторонне выражено в марксизме, в социальной философии Карла Маркса, что, однако, является не чем иным, как отражением тех импульсов, которыми хочет руководствоваться в экономике пролетариат.

Каковы же характерные черты обоих этих течений? Указывая на них, мы одновременно указываем на то, что в настоящее время является не практичным, а противоположностью всякой практики, - на то, что является идеологией. Университетская наука в конечном итоге не достигла ничего, кроме того, чтобы вообще рассматривать всю масштабную социальную волю как нечто невыполнимое и считать мелкие меры социальных реформ за великие дела. В остальном эта университетская национальная экономика объявила себя бессильной что-либо делать, кроме как регистрировать то, что уже происходит в этой национальной экономике, или, как можно было бы также сказать, выражаясь на языке этой науки, объяснять это исторически и статистически. Результатом такого исторического и статистического понимания, стало ни что иное, как полный паралич любой социальной воли. То, что жило в обществе, воспринимали исторически, то есть, фиксировали то, что происходило. Это воспринимали статистически, то есть, регистрировали числа о том, что происходило, и этим убивали любой импульс социальной воли, так что на практике вся социальная воля уходила на мелочи. Но то, что жизнь действительно приносила, было лишено какого-либо действительного волевого импульса, тогда как время уже давно ставило огромные социальные задачи. И это действительно принесённое из жизни, поскольку оно приносилось в отсутствии мыслей и воли, в конечном итоге привело к глобальной катастрофе, которая является приведением к абсурду отсутствия этой социальной воли. С другой стороны, пролетариат, прикованный к технике, к фабрикам, к опустошающему душу капитализму, с энтузиазмом обратился к марксизму, поскольку увидел в нём самую блестящую, самую великолепную критику, которую он сам чувствовал в своем сердце против того

общественного порядка, с которым ему приходилось бороться, поскольку этот общественный порядок не давал ему ничего из материальных и духовных благ.

Этот марксизм, такой великолепный и мощный как критик общества, - каков его жизненный нерв? Его жизненный нерв таков: Развитие идёт само по себе. Постепенно в новейшее время экономические формы приняли такой вид, что средства производства шаг за шагом переходили в тресты или прочие товарищества. Это путь, на котором был экспроприрован пролетариат, но это также путь, на котором экспроприация экспроприаторов должна произойти сама собой. Что бы люди ни делали, развитие должно происходить само по себе. - Таким образом, было высказано самое непрактичное убеждение: убеждение в том, что развитие должно происходить само по себе, что человек прикован к колесу истории, что он должен ждать, пока исторические экономические силы, благодаря своей отдельной от человечества объективности, сами ни принесут того, что будет выгодно самым широким кругам пролетариата.

Тут пришла катастрофа войны. Она показала, что все разговоры о саморазвитии возникают лишь из-за паралича человеческой воли. Пролетарская воля, прикованная к фабрике, прикованная к опустошающему душу капитализму, одновременно была этим парализована; она не претендовала на то, чтобы изменить мир, она пришла к убеждению: «Нам тоже нужно спастись, но мы не можем сделать это сами». - Он утешал себя этой верой: Мы спасёмся, благодаря объективному развитию. - Это практика жизни и огромная вера широчайших пролетарских масс. Но великая мировая катастрофа внезапно показала, что то, во что верили, концентрация средств производства, не привела к тому, что ожидали от развития, что оно поставило на ноги даже пролетария как человека и потребовало от него: Теперь действуй! И вот это: Теперь действуй! Действуй как человек, исходя из своей социальной воли! - это сегодня развевается над пролетариатом, как сияющее знамя.

Если бы человек не проходил спящим через жизнь, и если бы он не был теоретиком, который просто говорит «да» или «нет» на предложения, с которыми он сталкивается в каком-либо мировоззрении, и принимал бы то, что люди говорят, что люди думают, как проявление чего-то гораздо более глубокого, как симптом событий, происходящих в глубине вещей, тогда он мог бы сказать себе, что люди плывут в направлении презрения к практике, к параличу практической воли. В этом настроении возникли важнейшие вопросы, на которые сегодня можно ответить только в том случае, если жизненный опыт позволит себе перейти к непрактичности. Во всех наших жизненных условиях кроется неестественная переплетение прав, труда и того, что должно лежать в основе призыва к социальной организации в её истинной форме. В сегодняшней борьбе кроется гораздо больше, чем осознают те, кто ведёт эту борьбу. Да, в каждой точке происходящего нашего столь серьёзного времени ощущается вторжение непрактичности. Призыв к социализации пронизывает самые широкие слои пролетариата, он выражается в совершенно определённых импульсах, в непосредственном требовании дня создания трудовых советов.

Если производственные советы должны развиваться в эпоху социализации так, как это действительно требуется, как того требует сознание времени, пусть даже в самых широких кругах пролетариата пока в значительной степени бессознательно, то эти производственные советы должны расти на самостоятельной почве экономической жизни, которая в своей внутренней структуре отделена от всего остального, - от того, что является политической или духовной жизнью. С тем, что этим, собственно, сказано, что производственные советы должны возникнуть посредством свободного выбора занятых в экономической жизни персон, этим они могут дать себе конституции для будущего экономической жизни, с существом того, что поднимается из бессознательных глубин души и ищет своего поля деятельности, - с этим те, кто сегодня называют себя практиками жизни, настолько незнакомы, что проектируется закон о производственных советах, который во всех своих отдельных пунктах является противоположностью того, чем должны стать эти производственные советы, который во всех своих пунктах исходит из веры в то, что не надо двигаться в направлении нового будущего, а можно законсервировать то, что внутренне уже мертво. Нет более отчётливого симптома

непрактичности и утопичности нашего времени, чем появление этого чуждого жизни проекта закона. Не пришло ли время, когда даже те, кто нашёл свою духовную родину в каком-то другом месте, должны высказываться, исходя из своего долга, поскольку они видят, сколько утопического пронизывает наше время, как бесконечно далеко это столь богатое рутиной время, от всякой действительной практики жизни?

В наше время мы имеем хаотично смешанные импульсы ещё из древнейших времён, из тех времён, когда происходило смешение народов и появлялись господства, которые завоевали землю и на основе этого завоевания земли основали права на землю, следствием чего затем стало появление прочих прав. Наши правовые понятия и правовые импульсы содержат древнейшие, восходящие к временам завоевания земель представления, уставы и законы. «О праве, которое дано от рождения»²⁵ - о нём, к сожалению, во многих областях вопрос ещё не стоит. Эта эпоха оставила после себя многое; она оставила после себя всё то, что в народном хозяйстве связано с землей. Позже наступило время индустриализации, которое привело к тому, чему сегодня так яростно противостоят самые широкие слои общества: капитализму. Что же означает капитализм? Капитализм означает ни что иное, как частную собственность на средства производства. Таким образом, как становится ясно при попытке рассмотреть экономику всего цивилизованного мира, с одной стороны, существуют условия, возникающие в результате использования (Verwertung) земли в смысле человеческого народного хозяйствования, а с другой стороны, - условия, возникающие в результате собственности на средства производства и их использовании в смысле этого народного хозяйствования. Мало кто понимает, что вплоть до мелочей, вплоть до пяти пфеннигов, которые я достаю из кошелька, чтобы купить что-нибудь незначительное, ведётся экономическая борьба между земельными условиями и условиями средств производства. Вся наша экономика - это постоянный поиск баланса между земельными отношениями и отношениями в сфере средств производства. Мы, как люди новейшего времени, вынуждены участвовать в этом, и вся наша судьба во всех сферах жизни тесно с этим связана. То, что из этого вышло, когда из старых аристократических общественных структур получились буржуазные общественные структуры, можно обозначить тем, что, благодаря этим буржуазным общественным структурам, возник сегодняшней рынок, где анархическим образом правят спрос и предложение. На рынке появляется капитал, который сегодня переходит из рук в руки, из одного общества в другое. В соответствии с принципом спроса и предложения, действует человеческий труд, стоящий в отношениях, завязанных на заработной плате, и циркулируют собственно товары и производительность (Leistung) людей.

Благодаря буржуазному общественному порядку на рынок выброшены три вещи: капитал, заработная плата и производительность, и под влиянием этого буржуазного общественного порядка этот капитал стал средством замещения для того, что раньше при старом аристократическом мировом порядке, похоже было чем-то совсем другим. При старом аристократическом мировом порядке, основанном на завоевании земель, всё то, что в виде услуг обменивалось между людьми, было смещено в правовую сферу. Каждый должен был платить дань землевладельцу; работнику разрешалось оставлять себе определённую сумму. Все это было смещено в правовую сферу. Каждый имел право потреблять определённое количество сам и имел обязанность, поскольку другой имел право потреблять определённое количество того, что он произвел на своей службе. В старом аристократическом порядке право, то есть, привилегии, классовое право, регулировало то, что составляло человеческие потребности. Многие из этого отзывается и в наше время, продолжая звучать вплоть до десяти пфенниговой монеты, которую я достаю из кошелька, чтобы что-нибудь купить. И в

²⁵ Фраза «О праве, которое дано от рождения» («Von dem Rechte, das mit dir geboren ist») взята из «Фауста I» Гёте, а именно из сцены «Этюд», где Фауст сетует на свою экзистенциальную неудовлетворенность и замечает, что права человека и истинная свобода, которые должны быть его неотъемлемым правом, часто игнорируются и мало что значат, пока он стремится к высшему знанию. Эта фраза отсылает к правам человека и врожденному достоинству, которые во времена Гёте, да и сегодня, часто противоречат реальности.

это звучание вплетается другое, пришедшее на смену старому правовому порядку. Вплетается то, что сделало капитал, человеческий труд и произведённое товаром, который регулируется спросом и предложением, и тем самым себя, регулируя рентабельностью, дикой конкуренцией и слепым человеческим эгоизмом, под влиянием которого каждый хочет получить столько, сколько он может выжать из общественного порядка. Так на место старого права, встало то, что разыгрывалось посредством экономической власти и экономического принуждения. Место привилегированных и обделенных правами, старых патриархальных отношений господ и слуг, заняли экономические отношения буржуазии, основанные на конкурентной борьбе, рентабельности, экономических отношениях принуждения между капиталом и заработной платой, в рамки которых втиснут товарный обмен, втиснуто всё ценообразование, которое зависит от эгоистичного капитала и борьбы за заработную плату. И сегодня становится ясно, - и это самое практичное, что можно видеть, - как, более или менее бессознательно, но во многих кругах уже осознанно, хочет сформироваться новый общественный порядок, который будет основан не на принуждении, не на экономическом принуждении, а на оказании услуг и ответном оказании услуг (auf Leistung und Gegenleistung) в их справедливом обмене, основанном в этом отношении на подлинно бескорыстном социальном образе мышления в рамках человеческого общества. И практичным сегодня является только тот, только тот не противодействует тому, что должно прийти, кто слышит, как из глубины человеческой души раздаётся призыв: На смену старым привилегиям, старой капиталистической системы и системы заработной платы должна прийти система эффективности (Leistungssystem).

Сколько людей сегодня действительно понимают все последствия этого великого, не порожденного человеческой прихотью, а являющегося следствием самого хода исторического развития нового жизненного импульса, который выразился в такой кровавой прелюдии ужасной мировой войны? Даже мыслящие социалистическим образом, которые всеми порами своей воли хотели бы бороться с капитализмом, всё ещё говорят, - и это отчётливый симптом нашего времени, - что рабочий должен получать справедливую заработную плату, что в этом и будет заключаться победа над капитализмом. Тот же, кто понимает глубинные причины, знает, что капитал будет существовать до тех пор, пока существует заработная плата. Поскольку в действительном мире всегда рядом друг с другом стоят две противоположности: Северный полюс и Южный полюс, северный магнетизм и южный магнетизм; позитивное имеет негативное, капитал имеет своим следствием заработную плату, и тот, кто ориентируется в народно-хозяйственном функционировании современности, знает, как надо ответить на вопрос: Откуда платится заработная плата?

Заработная плата платится из капитала, и капитал должен существовать до тех пор, пока из капитала должна выплачиваться заработная плата. Антикапитализм имеет смысл лишь тогда, когда одновременно знаешь, что вместе с капиталом должна исчезнуть и сама система заработной платы, что в некапиталистическом экономическом порядке должно произойти объединение рабочих физического и духовного труда в одно общество. Свободное обобществление, в рамках которого рабочий физического труда является свободным компаньоном работника духовного труда, который больше не является капиталистом, уничтожает понятие заработной платы, отношений, связанных с заработной платой и, вместе с последними - отношений, связанных с капиталом. Поэтому о капитализме можно говорить только с точки зрения современных социальных требований, которые рассматриваются в моей книге «Основные пункты социального вопроса в жизненных necessities настоящего и будущего». Начать следует с фундаментальной истины о нашем положении в условиях взаимной борьбы между правами на землю и правами на средства производства. И необходимо показать, что для нашего будущего экономического порядка земля - это ни что иное, как средство производства, что этим средствам производства позволено принимать в себя трудовую стоимость лишь до тех пор, пока они не будут готовы, что с этого момента они никому не принадлежат, что с этого момента никто не имеет на них подлинного права наследования, что с этого момента они переходят в циркуляцию общества, как я описал в

своей книге. Тогда непосредственно становится ясно, что земля с самого начала находится в таких отношениях, что всякая ипотека на землю абсурдна, что земля и готовые средства производства не являются товарами, а должны переходить от человека к человеку иным способом, нежели посредством обмена на товары. Это напрямую вытекает из жизненной практики настоящего.

То, что это вытекает из жизненной практики настоящего, видно также и по следующей причине. Те, кто способен воспринимать жизнь лишь через шаблоны, партийные понятия или абстрактные идеи, сегодня не видят её практичным зрением. Мы вступили во времена, когда человечество, в совершенно ином смысле, чем когда-либо прежде, пробуждается к самосознанию. Только отвыкание от наблюдения за душой может ослепить людей сегодня, не позволяя им увидеть тот факт, что с середины 15-го столетия мы вступили в совершенно новую эпоху в отношении развития человеческой души, - эпоху, в которой человеческая душа становится всё более и более сознательной. Тот класс людей, из чьего незапятнанного разума доносится крик: Дайте мне как душе прийти к моему полному человеческому сознанию! - это, даже если оно проявляется в различных неприятных симптомах, и есть пролетарская душа. И первый призыв к этому самосознанию в достойном человека бытии звучит так: Капитал больше не должен проявлять на мне несправедливую экономическую власть принуждения посредством отношений, связанных с заработной платой. В заработной плате современный пролетарий видит то, чему он должен противостоять, если хочет продвинуться к тому уровню человеческого сознания, который просто необходим в эпоху, в которую мы вступаем. Перед этой эпохой стоит задача поставить достигнутое в результате труда (Leistung) как таковое в экономический процесс. Это достигнутое может быть поставлено в этот процесс только в том случае, если всеми другими способами будет вновь отделено от этого народно-экономического процесса то, что связано с ним на основе старых аристократических и старых буржуазных отношений, если из экономического кругооборота будут выведены государственное право, политические отношения, будет выведена духовная жизнь, которые действительно достаточно долго были порабощены государством, с одной стороны, и экономикой, с другой. Поэтому стремление к социальному порядку, в котором одно достигнутое в результате труда должны вызывать справедливое ответное достижение (Leistung-Gegenleistung), - в котором человек должен работать на человека, а не просто человек для себя, - связано с разделением социального организма на те три члена, которые сплели в себе то, что имело совершенно иные интересы, чем общие человеческие интересы, что имело и могло иметь только интересы сословий и классов.

Из интересов отдельных людей вытекает то, с чем мы сталкиваемся как с общими интересами в мировых делах. Кто - как я уже отмечал в начале своих рассуждений, которые носили несколько личный характер - посвятил свою жизнь изучению жизненных потребностей всех людей, не подвергаясь влиянию партийных мнений, тот также обострил свой взгляд на международные отношения, возникших в результате сплетения правовой или политической жизни, экономической жизни и духовной жизни. Если мы не проспали то, что произошло, то в этом произошедшем предлагается многое в качестве явного симптома невозможности объединения этих трёх сфер жизни, в том числе и в международной жизни.

Мне вспоминается одна вещь. Когда, исходя из политической жизни, был основан Германский Рейх, Бисмарк неоднократно повторял фразу: Этот Рейх политически сыт, этому Рейху не нужно расширение. - Вначале это подразумевалось политически, это мыслилось, исходя из политических импульсов, которые привели к основанию Рейха. Затем, когда у власть имущих ещё оставались остатки этого политического образа мышления, с этими политическими обстоятельствами всё больше переплетались экономические условия и брали верх, настолько, что если бы кто-нибудь спросил любого ведущего деятеля, - и я часто проверял это во время этой мировой войны, -: К чему люди стремятся в Германии, исходя из политических оснований? - то он не получил бы никакого ответа. Однако ответы были даны очень рано особыми экономическими сообществами; то есть, экономические сообщества хотели решать политические вопросы. Надо только обращать внимание на такие вещи в

смысле действительно практического понимания жизни. На протяжении многих лет — когда сплелись в один клубок национальные, то есть, духовно-культурные отношения, экономические отношения и политическо-интернациональные правовые отношения, очень важную роль играла, так называемая, проблема Багдадской железной дороги²⁶. Она была одним из факторов, приведших к мировому пожару. Долгие годы истинный практик жизни, истинный наблюдатель жизни, мог видеть, как в этой проблеме Багдадской железной дороги, как в клубке, постоянно переплетались и мешали друг другу экономические, политические и культурные отношения. Как добавлялось то, что политически началось с младотурок²⁷, обосновавшихся в Константинополе и заменивших старую консервативную турецкую систему либеральной политической системой?

Тут у нас сначала были политические точки зрения. В проблемах Санджакской железной дороги²⁸ и Дарданеллы²⁹ они переплелись с чисто экономическими. К этому добавились культурные аспекты славянского вопроса, народно-культурные духовные проблемы. Ничего не было подготовлено для интеграции этих сфер влияния, которые всё больше переплетались в современной международной жизни, в международную структуру, которая предотвратила бы их взаимное вмешательство, а, наоборот, позволила бы им оказывать уравнивающее воздействие. Любой, кто, отбросив в сторону национальные различия, с наличием действительного жизненного опыта взглянул бы на международную сферу, увидел бы ужасающий закат Европы, возникающий из-за переплетения этих трёх областей жизни во всех важнейших геополитических вопросах нового времени. Это ложилось бы на его душу, как кошмар: Когда же наконец будет понятно, что из истоков подлинно социального народного образа мышления должно произойти членение того, что, будучи не расчленённым, приведёт человечество к кризисам и катастрофам? Наша дипломатия была непрактична, была утопией, идеологией. Неудивительно, что и с этой стороны то, что должно этому противостоять, воспринимается как утопия, как идеология, как простой идеализм! Это в конечном итоге привело к условиям, которые заставляют снова и снова задавать вопрос: Осознают ли люди, наконец, серьёзность времени, поймут ли, что худшая утопия нашего времени - это та утопия, которая не способна понять, что речь идёт не о мелких подведениях итогов, а о глобальном расчёте? И что это снова грех против духа этого времени, когда то, что, исходя из какой-либо точки зрения ещё понятно, что само собой разумеющимся образом должно апеллировать к жизненному опыту, к доброй воле этого жизненного опыта, называют непрактичным, называют просто идеализмом?

Когда люди, наконец, созреют для того, чтобы в этом идеализме увидеть практику жизни? Когда люди захотят увидеть, что сегодня важно не говорить: Я этого не понимаю, - а ощутить, исходя из основ жизни, когда что-то говорится не на основе серой теории, а, исходя из тщательного наблюдения самой этой жизни? Иначе мы будем, в ущерб времени, постоянно сталкиваться с повторением в этой социальной сфере того, что характерно для истинного филистерства и мелочности. Когда планировалось строительство первой немецкой железной дороги³⁰, тогда спрашивали у одной медицинской коллегии, то есть, у практических людей, у комиссии, надо ли строить железную дорогу. Однако, они заявили, что железную дорогу строить не следует, поскольку если по ней будут ездить люди, это будет вредно для их

²⁶ Строительство Багдадской железной дороги из Коньи через Мосул в Багдад было поручено компании, основанной в 1903 году, в которой решающее влияние имели германский банк, то есть, Германский рейх, что привело к разногласиям во внешней политике, особенно с Англией.

²⁷ *Младотурки*: национальная реформаторская партия, основанная в 1876 году, возглавляла Османскую империю с 1908 по 1918 год, после чего была запрещена Кемалем Ататюрком (1880-1938).

²⁸ *Санджакская железная дорога*: Санджак Нови-Пазар, территория вокруг города Новибасар, имел стратегическое значение как связующее звено между Боснией и Османской империей, а также как преграда между Черногорией и Сербией. С 1879 по 1909 год он находился под военной оккупацией Австро-Венгрии.

²⁹ Между Россией и Турцией неоднократно вспыхивали конфликты из-за права прохода через Дарданелльский пролив.

³⁰ *Первая немецкая железная дорога*: 1835 год, от Нюрнберга до Фюрта; ср. Р. Хаген, «Die erste deutsche Eisenbahn», 1885, с. 45.

здоровья; или, если найдутся желающие по ней ездить, то, по крайней мере, следует возвести высокую деревянную стену слева и справа от железной дороги, чтобы проходящие мимо люди не получали сотрясений мозга от быстрого движения состава. - И сегодня люди боятся пронсящих мимо социальных движений. Они хотят возвести высокие деревянные стены, опасаясь получить сотрясение мозга. Горе слабым, которые хотят возвести такие стены, которые боятся реальности, опасаясь получить сотрясение мозга. Поэтому наблюдение за временем всегда предполагает, что мы должны говорить, осознавая: Сегодня мы говорим в бурю. Пусть эта буря пока незаметна для многих, - она здесь. Пусть она станет воспринимаемой для как можно большего, достаточно большого количества людей, пока не станет поздно.

Заключительные слова после дискуссии.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Уважаемые присутствующие, ваши бурные аплодисменты выражают вашу благодарность за выступление уважаемого докладчика. Теперь я открою сегодняшнее обсуждение, посвященное вопросу трёхчленности социального организма, и особенно переданному вам призыву. Пожалуйста, предоставьте мне листки бумаги со списком имен докладчиков.

Возможно, вы позволите мне отметить, что розданный сегодня призыв был распространён Союзом для трёхчленности социального организма. Ответственность за него несёт Союз, подписавший его.

Затем последовали выступления трёх ораторов.

ДОКТОР ШТАЙНЕР: Многоуважаемые присутствующие! После всего, что сказали мои уважаемые участники дискуссии, мне, естественно, остаётся мало что добавить сегодня вечером. Я не хотел бы делать какой-то доклад, но, чтобы избежать недоразумений, хотел бы отметить, что, говоря о капитуляции перед утопией Вильсона, я не имел в виду ничего иного, чем то, что сказал сам участник дискуссии, господин С.. Я хотел только указать на нечто важное, что, на мой взгляд, состоит в том, что в этом западном предложении, согласно его содержанию, мы имеем перед собой, как я и сказал, некую утопию. Это утопическое, ведь, как я полагаю, сегодня уже вполне проявилось. Утопия - это то, что прекрасными словами говорит об идеале, для реализации которого нет никаких оснований. В этом смысле всё, что явилось в этих «Четырнадцати пунктах», насколько они были созданы идеальными условиями, было утопическим. Я придерживаюсь того же мнения, что и уважаемый участник дискуссии, что за этим скрывается нечто совершенно иное, и я сам выразил это в своей лекции: за этим скрывается вполне реальный западный интерес. Таким образом, мы имеем дело с утопией, которая искусно скрывает не-утопию, вполне реальный интерес. И тот факт, что и в Германии поддались этой утопии в октябре 1918 года, под этим я подразумеваю, что в те дни люди верили, - ну, по крайней мере, в определенных кругах, всё же верили, - что эти пункты являются не утопией, а чем-то, что следует считать не-утопией. Мне хотелось бы знать, почему они помимо этого поддались бы этой утопии. Во всяком случае не было сказано: Мы апеллируем к вполне реальным эгоистическим интересам, которые стоят за этими четырнадцатью пунктами, и преклоняемся перед ними, а было сказано, что мы преклоняемся перед этими четырнадцатью пунктами, мы апеллируем к их осуществлению. То есть, я имею в виду, что в том, что произошло реально, вполне можно ощутить действительную капитуляцию перед действительной утопией. Я, разумеется, полностью согласен с уважаемым докладчиком в том, что за этой утопией скрывалось нечто совершенно иное. То, что я сказал в своей лекции, на мой взгляд, также полностью совпадает с тем, что сказал он сам.

Если надо сказать несколько слов по вопросу о производственных советах, то я сошлюсь на краткое замечание, которое я уже сделал в своей лекции: производственный совет должен возникать из чисто экономической структуры, то есть, производственные советы должны создаваться просто внутри предприятий из числа работников духовного и физического труда, не полагаясь ни на что, кроме основанного на совместной работе доверия. Тогда возникают производственные советы, пользующиеся доверием своих сотрудников внутри предприятий. Внутри отдельных предприятий социализация невозможна. В этом, как раз, заключается

непрактичность данного законопроекта о производственных советах, который достаточно далек от какой-либо социализации. Действительно практическое состоит в том, что из этих производственных советов будут создаваться межпроизводственные институты, которые должны создаваться, благодаря тому, что производственные советы, которые избраны из отдельных предприятий, образуют производственные советы в рамках замкнутой экономической системы и на, своего рода, первичном собрании сами себе дают конституцию, кроме того, они определяют правила работы отдельных производственных советов, основанные на совместном социальном управлении этим органом, внутри своих предприятий. Из сил самой экономической жизни, из поставленной на саму себя экономической жизни, должно исходить то, что должно возникнуть на основе человеческих социальных принципов, а не из бюрократических, чуждых жизни правительственных максим, - на официальном языке это называется «маршировать», хотя это марширование в настоящее время выглядит совсем иначе, чем старый военный марш, - скорее, как дёрганье или, возможно, сокрытие себя.

То, что было представлено уважаемыми докладчиками из различных областей побуждает меня к уже сказанному лишь добавить, что в ходе современного исторического развития мы вступили в эпоху, которая ставит перед нами великую задачу объединения духовно и физически деятельных людей, которые смогут использовать свои навыки таким образом, чтобы отстаивать свои социальные права в рамках всего социального сообщества, в котором они находятся. Для этого необходимо серьёзно отнестись к великому требованию времени, чтобы в конечном итоге действительно прийти к тому, чтобы призвать людей к взаимопониманию в экономической, правовой и духовной областях.

То, что эти три области действительной практики жизни функционируют наиболее эффективно, когда разделены, видно там, где человеку сегодня приходится объединять их из совершенно разных источников, а именно внутри отдельной семьи. Действительно, представьте, что стало бы с сегодняшней отдельной семьей, если бы внутри неё были хаотично перемешаны правовая, интеллектуальная и экономическая жизнь. В будущем, да уже и в настоящем, нам нужно быть в состоянии уметь применять то, что как само собой разумеющееся действует внутри семьи, также и в более широком социальном контексте. Тут наше видение становится запутанным, тут мы не видим леса за деревьями: тут, когда мы говорим о трёхчленности социального организма, нас обвиняют в желании расщепить этот социальный организм на три части, тогда как всё может жить только как единое целое. Как раз, для того, чтобы это единство сделать живым, социальный организм должен быть поставлен на три правильных основания. Я не хочу бездумно резать лошадь на части; я просто хочу, чтобы одумались те, кто утверждает, что по-настоящему единым целым является только лошадь с одной ногой, а не с четырьмя. Именно так я вижу тех, кто утверждает, что этот тип хочет разделить социальный организм на три части, хочет его расчленивать. Нет, я хочу утвердить единство социального организма, чтобы этот социальный организм стоял на своих здоровых трёх ногах, - правовой, духовной и экономической. Но в наши дни, если вы говорите о лошади, стоящей на четырех ногах, вас называют утопистом, а тех, кто утверждает, что настоящая лошадь, единая лошадь, - это только та лошадь, которая стоит на одной ноге, считают практиками. Нам нужно поставить многое, стоящее на одной ноге, на своё здоровое количество ног. Да, нам нужно даже, чтобы многое, что, благодаря утопистам, стоит вверх ногами, поставить на свои настоящие ноги.

IX. Социальное в правовых и экономических институтах и свобода человеческого духа.

Публичная лекция, Штуттгарт, 16 июня 1919 года.

В ряде лекций я попытался здесь рассмотреть, насколько в наше время необходимо стремиться к членению социального организма на духовную область с самостоятельным

управлением, на правовую область на демократической основе и самостоятельную экономическую область. Идея и практическое оформление этого взгляда на трёхчленность социального организма, когда он пытался интегрироваться в современную культурную и духовную жизнь, высказывался тем людям, которые, как можно было предположить, извлекли какие-то уроки для своих действий в отношении развития человечества из громко заявляющих о себе фактов последних четырех-пяти лет, а также нашего времени. И можно было, собственно, надеяться, что в наше время каждый, кто обладает действительно пробуждённой душой, должен был чему-то научиться, благодаря этим громко и ясно говорящим о новой организации социальных вещей фактам. Собственно носители этой мысли о трёхчленности, разумеется, не могли прийти к тому мнению, что те, кто в силу всей своей духовной конституции - или, как мы привыкли называть это в наше время, менталитета - хотят придерживаться старых программ, старых партийных мнений, без дальнейших разговоров займут какую-то признательную позицию по отношению к этой идее трёхчленности социального организма. Поскольку, ведь, какими качествами должен обладать человек, чтобы воспринять эту идею практически как действительно взятую из жизни современности?

Необходимо быть способным сказать себе: Ужасающие события мировой войны показали, что старые взгляды на экономическую жизнь привели к тому, что эта экономическая жизнь человечества была загнана во внешние институты, при этом отдельные институты в конечном итоге объединились в большие государственные империи, что неизбежно должно было привести к мировой катастрофе. Это должно было произойти, поскольку эта экономическая жизнь развивалась, в определённом смысле, таким образом, что, я бы сказал, была предоставлена своим собственным движущим силам; что была упущена возможность выработать действительно всеобъемлющие экономические идеи, которые могли бы быть реализованы посредством экономических мер. Вихард фон Мёллендорф³¹, человек, который сегодня официально отвечает за реорганизацию экономической жизни в министерстве Рейха, недавно заявил, что он убежден в том, что при любых обстоятельствах, даже если бы катастрофа Первой мировой войны не произошла, или не произошла бы в той форме, в какой она произошла, экономическая жизнь неизбежно погрузилась бы в кризис самого ужасного рода, к несчастью для человечества и народов, поскольку этой экономической жизни действительно не хватало плодотворных руководящих принципов. И с этой экономической жизнью были тесно связаны те силы, которые действовали в государствах, во взглядах народов на право. Ведь, в конце концов, случилось так, что в этих взглядах народов на право, выражались лишь экономические интересы. И нам пришлось стать свидетелями того, как в 1914-ом году взаимоотношения между государствами настолько запутались, что, по сути, даже при самой искренней доброй воле ни одна государственная власть была не в состоянии предотвратить нависшую ужасную угрозу.

Таким образом, всё же могло показаться, будто как в экономической, так и в политической жизни, на примере событий, которые затем привели к их невозможности, к саморазрушению, можно было бы многому научиться для выработки внутреннего импульса, который гласит: Должны быть найдены новые мысли, новые волевые силы, если человечество хочет продвигаться вперёд в своём развитии; новые мысли для экономической жизни, новые мысли также для государственной, или правовой жизни. И разве вся государственно-правовая и экономическая жизнь, в конце концов, не основана на том, что человечество может развить в виде духовных сил, что человечество может взрастить в подрастающем поколении, что затем в виде разумных мыслей может повлиять на экономику и правовую жизнь? Разве нельзя также сказать, что духовная жизнь также ясно показывает,

³¹ Wichard von Moellendorff, 1881-1937, инженер, в 1919 году заместитель государственного секретаря в Рейхском экономическом бюро разработал план национальной социальной экономики. См. также: «Консервативный социализм», Сборник эссе 1913–1922 годов, Гамбург, 1932, стр. 71 и далее, и «Немецкая социальная экономика», Берлин, 1916.

что она подошла к критической эпохе и что у неё можно многому научиться, что её дальнейшее процветание и новое основание должны быть рассмотрены и осмыслены?

В трёх важнейших областях человеческой жизни - экономической, государственной, или правовой, и духовной - поднялся большой вопрос: вопрос катастрофы мировой войны и того, что из неё вышло, и, собственно, должны существовать те, кто извлек уроки из хода этих событий. То, что с новой фазой человеческого развития невозможно справиться со старыми мыслями, со старыми партийными мнениями, должно, собственно, стать основополагающим убеждением современного человечества, вытекающим из самого мира фактов. В тех лекциях, которые были здесь мной прочитаны, говорилось, исходя из этого настроения, из этого убеждения. В сегодняшней лекции и в лекции, которую я буду читать послезавтра, я хотел бы добавить к уже сказанному некоторые вещи, которые смогут послужить дополнением, - сегодня больше о духовном, а послезавтра больше о практической стороне, - в деталях. Выяснилась одна вещь, которая, по сути, чрезвычайно поучительна в отношении только что высказанного убеждения и настроения.

Выяснилось то, что я бы охарактеризовал как странное объединение, своего рода, коалиция крайне правых с крайне левыми. В связи со своим противодействием изложенным здесь основным мыслям трёхчленного социального организма, сегодня в полном согласии друг с другом маршируют спартакисты, независимые, социалисты большинства, Гражданская партия и крайние реакционеры. Едва ли, - так могло бы кому-то показаться, - могла появиться лучшая возможность объединения спартакистов, буржуазии и реакционеров, чем эта.

Таким образом, имеется та странность, что, по сути, по крайней мере, по форме, по настрою, царит полное единодушие у всех, от правых до левых. С крайне левых позиций мы недавно услышали по поводу сказанного на этих лекциях следующее суждение. Мы могли услышать, что люди согласны, полностью согласны с моей критикой существующего экономического порядка, что они также полностью согласны с трёхчленностью социального организма, что они даже считают этот трёхчленность должна прийти, но — и здесь вступает в игру другое: они приложат все свои силы на борьбу против того, что здесь было сказано в качестве критики существующей экономической системы и о трёхчленном организме.

Странная вещь, - люди высказывают своё полное согласие с этими вещами и, в то же время, говорят, что надо эти вещи полностью искоренить! Подобные аргументы можно услышать и со стороны крайне правых. Таким образом, наверное, не могло быть лучшего случая для объединения тех, кто хочет вылезти из той или иной дыры старых воззрений, чтобы бороться с тем, кто не хочет и не будет идти на компромисс с этими старыми воззрениями.

Сегодня, в качестве введения к тому, что я подробно расскажу послезавтра, я хотел бы указать на одну сторону современного социального движения, которая постоянно понимается неверно, но которая становится учтённой именно при формулировании и рассмотрении идеи и практики трёхчленного организма. Я хотел бы с определённой точки зрения затронуть сегодня, как раз, духовную основу современного человеческого развития, поскольку я убежден, что эта духовная основа имеет первостепенное значение и что недоразумения, возникающие относительно того, чего сегодня можно и нужно социально желать, проистекают именно из пренебрежения этой духовной основой.

И ещё по одной причине крайне необходимо, срочно необходимо, поставить на духовную основу движение, которое сегодня стремится быть просто экономическим или, в лучшем случае, ещё политическим. А именно, тот, кто наблюдает за текущими событиями не просто поверхностно, а пытается глубже разобраться в том, что, собственно, сегодня происходит в глубинах развития народов, по сути, должен сказать себе: Масштабный, ужасный, наполненный страхом вооруженный конфликт, который произошел, - это всего лишь волна, подымавшаяся из чего-то, что проявляется почти во всём мире в самых глубоких уголках современной человеческой природы, подобно внутреннему беспокойству этой человеческой природы. Это можно было ощущать все эти годы с момента начала этой мировой катастрофы в том, что всё больше и больше людей на разных континентах присоединялись к тому, что там,

собственно, происходило, присоединялись таким образом, что порой они действительно не знали, а, собственно, почему, или что причины, которые они приводили для этого присоединения, производили весьма сомнительное впечатление. Из этого можно было видеть, что в этой мировой катастрофе лежит нечто элементарное (стихийное), нечто, что поднимается по всей Земле из подоснов человеческого существа. И мне кажется, что нигде нет большей возможности для истинного понимания того, что, собственно, разыгрывается в этих подосновах человечества, чем, как раз, в Центральной Европе, в Центральной Европе, которая в конце концов обнаружила себя зажатой между всеобщим Востоком и всеобщим Западом.

Это требует однажды спросить: В чём, собственно, лежит причина этого? И следует знать, что понимание подобных вещей должно основываться на определённом внутреннем восприятии обстоятельств, на определённом эмпирическом понимании фактов, что к пониманию этих вещей принадлежит нечто вроде инстинктивного, интуитивного взгляда. Поэтому надо понять, что когда обращают внимание на то, что является результатом такого взгляда, то это, я бы сказал, сталкивает людей с тем, что тут происходит. Сегодня мало что можно сказать, если то, что в виде настроений распространяется из катастрофы мировой войны через Центральную Европу на Восток, в Россию, в Азию, и что в виде настроений распространяется на Запад, вплоть до Америки, - если всё это охватить взглядом так, чтобы увидеть, как распространяется лишь то стихийное беспокойство человечества, которое нашло в этой мировой катастрофе свое ужасающее выражение. Это было, как говорили многие, ужаснейшая внешняя вооружённая борьба, которая имела место с тех пор, когда заговорили об истории. И эта вооружённая борьба велась всеми физическими средствами большей частью современного человечества. Но можно увидеть, как из того, что породило эту вооружённую борьбу, возникает нечто, что так же значительно, таким же решающим образом захватит человечество, и в самом начале чего мы, собственно, стоим.

Как мы пережили ужаснейшую вооружённую борьбу, так же мы переживём - и это показывают все знаки, которые имеются в народных настроениях - величайшую духовную борьбу, величайший, ужаснейший духовный конфликт между Востоком и Западом. Мы стоим в начале великой всепоглощающей духовной борьбы человечества. И то, что сейчас происходит в социальных требованиях, - это, похоже, тоже вытесненная на поверхность волна человеческой духовной борьбы. И в эту человеческую духовную борьбу будут втянуты, вероятно, даже ещё те современники, которые сегодня уже достигли respectable возраста. Но особенно в эту охватывающую духовную борьбу человечества будут втянуты подрастающие поколения. И от того, что мы сможем сказать этим подрастающим поколениям о том, чему мы научились из этих событий, будет очень сильно зависеть облик развития человечества в будущем. Сегодня то, что придёт, пока проявляется посредством чего-то внешнего, посредством вещей, связанных, например, с тем, что половина Индии, больше, чем половины населения Индии страдает от голода, и из этой половины голодающей Индии, из тысячи тысяч душ звучит сегодня призыв: Освобождение от Англии! - Это нельзя оценивать лишь с тех политических точек зрения, к которым мы привыкли сегодня где-то ещё; это нужно оценивать с учётом более широких и глубоких сил, действующих в развитии человечества. Поскольку то, что живёт на Востоке, насыщено наследием древней духовной жизни, которая только пришла в упадок.

Выраженные посредством человеческих дел, остатки древней восточной духовной жизни вступают в конфликт с духовными устремлениями Запада, вплоть до Америки, и тогда проявится, смогут ли те силы англо-американского населения, которые, исходя из своей стойкости (*Zähigkeit*) и великодушного отношения к своим эгоистичным национальным интересам, известным образом покончили с Центральной Европой, также справиться с Азией, когда из голодающей Индии заговорят совершенно иные силы, нежели те, которые Запад слышал до сих пор? Этим только обращается внимание на то, что сегодня живёт в культурной атмосфере Земли. И, поскольку это живёт внутри, сегодня недостаточно оценивать то, что, собственно, происходит, в привычных политических и экономических

понятиях. Поэтому необходимо, чтобы импульсы для нового развития человеческих отношений брались из духовного понимания того, что разыгрывается сегодня по всей Земле в настроениях людей. Сегодня нельзя смотреть только на то, как обстоят дела у пролетариата в России, Центральной Европы или Антанты, хотя для нас это, разумеется, и является насущным вопросом.

Сегодня также нельзя просто смотреть на то, как некоторые люди хотят оставаться сидеть на своих мешках с деньгами. Сегодня тот, кто не хочет пропустить важнейшие события, должен в качестве существенного действующего в современных социальных силах видеть то, что, собственно, вылет в мир ещё наполовину сонный Восток. По сути, нам нужно сказать всего пару слов, но если эти пара слов будут восприняты со всем их весом для духовного развития человечества, то мы услышим в них нечто такое, что внесёт свой вклад в новый облик человеческого развития. Восток, насколько это образованный Восток, - если можно это западное выражение применить к Востоку, - Восток тысячелетиями жил, и, по сути, живёт сегодня, как раз, в среде его наиболее духовных представителей, придерживаясь того воззрения, что действительность, истинную действительность, имеет только то, что человек может духовно-душевно пережить внутри себя, что поднимается в человеке как внутреннее содержание души, что может наполнить человека так, что из этого внутреннего содержания души оно извлекает его истинное человеческое сознание. Это для Востока, - как сказано, насколько это образованный Восток, - истинная действительность. А внешний, физически-чувственный мир, мир, в котором мы работаем, мир, в котором лежит основание для нашей работы, в которую мы помещаем для нашей работы средства производства, - этот мир является для Востока Майей, великой иллюзией, тем, что не существует в действительности, что живёт подобно планете-попутчику истинной духовно-душевной действительности, поднимающейся только внутри. Это воззрение, - с ним, восточный человек един. Он живёт с ним в своем социальном сообществе. Это воззрение наполняет его в любое время, будь то уединение для созерцания или прикладывание рук в соответствии с восточными традициями к тому, что он делает в физическом мире для своих ближних. Надо учитывать нечто подобное, если действительно хочешь увидеть мир, с которым мы сталкиваемся в людях, живущих к востоку от нас, поскольку, по сути, в России уже начинает проявляться то, что я только что охарактеризовал. Это просто достигает своей кульминации, своего пика, когда смотришь дальше на Восток. Напротив этого стоит совершенно иная конституция человечества, совершенно иная внутренняя жизнь, которую мы видим, когда переходим Рейн на Запад, особенно когда обращаем свой взор на англо-американский мир. Напротив этого стоит, однако, вообще всё, что является, собственно, настроем и конституцией душевной жизни Запада, частью которых всё больше становится основной характер центрально-европейских людей и там достигает своей кульминации в настрое и душевной конституции современных социалистов, по сути, социалистов всех мастей.

Если рассматривать народы Запада, а теперь и Центральной Европы, так же, как мы только что рассматривали народы Востока, можно снова и снова обнаружить одно. То, что лежит в основе Запада, если осмыслить это наиболее ясно и радикально, можно узнать именно в рамках современного социалистического настроения. Там господствует, теперь больше не как теоретическое представление, а как фундаментальный настрой души, то, что единственной реальностью является окружающее нас в физическо-чувственном мире, то, что мы постигаем, когда трудимся в физическом мире на благо наших ближних. То, что выражается в земле, на которой мы трудимся, то, что выражается в средствах производства, с помощью которых мы трудимся, - это единственное действительное, а то, что выступает в человеческих душах как право, как обычай, как искусство, как наука, короче говоря, как духовная жизнь, является лишь результатом, как бы, испарением этой единственной чувственно-физической реальности; это, как твёрдо убеждён каждый современный социалистический мыслитель, идеология. Идеология в своем внутреннем восприятии - это то же самое, что Майя для Востока. Восточный человек говорит: Физическая чувственность, окружающий нас физический мир, экономический мир, материальное бытие - это Майя, это

идеология, а действительностью является исключительно то, что поднимается внутри души. А западный человек говорит: Действительностью является только то, что окружает нас внешне-чувственно, то, что лежит в экономической жизни, а идеология, Майя, - это то, что поднимается внутри души. - Если знать, как, собственно, такой основной настрой души формирует человека, как он определяет его место в жизни, то в том, что сегодня разыгрывается как настроение в рамках человечества на Земле, видна эта только что описанная огромная, необъятная противоположность. И эта противоположность имеет огромную историческую пробивную силу. Из этой противоположности развивается не просто борьба народов, не просто борьба рас, а развивается борьба человечества, в которую будут вовлечены мы и наши потомки. Тот, кто в том, что сейчас выражается в настроении людей, видит подготовку к этой борьбе человечества, не сможет не дать себя подвигнуть тому, что, собственно, действительно происходит в современном человечестве, в отношении идей и сил, необходимых для социального мировоззрения. То, что в наше время ещё может быть понято, я бы сказал, как две абстрактные мысли, но что станет действительностью, дорастёт до борющихся сил, правда, другой формы, нежели физические борющиеся силы вооружённой борьбы, а до борющихся сил, которые потребуют внутренней крепости, внутренней силы сопротивления людей ещё в большей степени, чем это делала прошлая вооружённая борьба.

И далее: Получается странный параллелизм, когда рассматриваешь дальше настроения, которые только что были переданы вам более или менее абстрактными, но совершенно искренне выраженными мыслями. Мы смотрим на Восток и по праву спрашиваем себя сегодня: Что же стало с тем настроением, которое в древние времена - тот, кто знает эти вещи, знает это - создало величайшее интеллектуальное наследие в восточном мире, что же получилось из всего этого для сегодняшних культурных людей Востока? Человек Востока погружён в мистически-тёмные грезы, в полусонное состояние, и то, что раньше под влиянием мысли «Чувственность - это Майя, а внутреннее душевное - это действительность, божественная действительность», давало человеку Востока силу и стойкость, теперь даёт ему слабость, делает его фаталистом, делает его тем, кто безвольно отдаётся мировой судьбе. Это плод духовной жизни, которая была направлена на человеческо-духовно-душевное. Когда кто-то представляет соответствующую этому контрастную картину Запада, то он говорит сегодня для многих людей - и я это прекрасно осознаю - нечто крайне, крайне неудобное нечто, что вызывает у них сильное несогласие. Но я уже часто говорил: мы живём сегодня не во времена подведения мелких итогов, а во времена подведения великих итогов, и нельзя бояться говорить людям правду.

Мы видели, как в некоем более высоком развитии то, что столетиями подготавливалось на Востоке, нашло особое весьма характерное выражение, как раз, в современном социализме. Благодаря западному развитию, постепенно сформировался тот настрой человечества, который видит единственную действительность, собственно, в физически-чувственном мире экономической жизни. И ведущие, правящие классы, то есть, те, кто были до сих пор, прежде всего ощутили это так, что физически-чувственный мир и его материальные экономические факторы являются единственной действительностью, и что другое, то, что поднимается в душе, является Майей, идеологией. Социализм просто высказал то, что ощутили и другие, но не решались это высказать. Только при социализме вышло наружу то, что весь мир права, обычаев, искусства, науки, всё, что называется духовной жизнью людей, для нового человечества Запада является идеологией, Майей. Благодаря чему это, по сути, по-настоящему западное воззрение пришло к своей вершине? Оно пришло к ней, благодаря тому, что всё больше и больше в рамках современной экономической жизни формировалось то, что обозначается как современный частный капитализм. Этот современный частный капитализм создал в экономической жизни тот настрой, который, по сути, в конце концов, превратил всё наше общественное существо в, своего рода, общество приобретения (Erwerbsgesellschaft). Шаг за шагом, на протяжении последних столетий, мы наблюдали, как нынешние экономические условия вытекали из более ранних. Хотя сегодня это и не

бросается в глаза, в прошлые столетия в гораздо большей степени, чем сегодня, существовал объективный интерес к институтам и продуктам окружения, ко всему, что жило в праве и экономике. Существовал гораздо более объективный интерес, чем сегодня. Обладать тем или иным предметом, поскольку он имеет ту или иную форму, то или иное происхождение, ту или иную сигнатуру, - это в прежние времена представляло собой гораздо больший интерес для человека, чем сегодня, когда этот объективный, человеческий интерес к внешнему часто затуманен и скрыт тем фактом, что человек организует свой образ жизни в соответствии с тем, что он приобретает в конкурентной борьбе за жизнь исключительно в денежном выражении, в капитале. В отрыве от восхищения красотой того, что создал человек, в отрыве от того ценного, чем что-то обладает просто потому, что оно создано человеком, сегодня интерес большинства людей приковано к тому, чтобы в конце года при составлении финансового отчёта иметь возможность увидеть, находятся ли они в положительном балансе со своим окружением. Это выражено несколько радикальная, но это экономическая сигнатура современности. И эта экономическая сигнатура выдвинула ещё и нечто другое в отношении понимания человеческого труда. Оглянувшись совсем недалеко назад, мы увидим, как люди, в некотором смысле, позволяли своему труду сливаться с его продуктами. Это чувство возникает, когда стоишь где-нибудь в музее перед старыми дверными ручками, старыми замками, даже перед старыми ботинками; видно, как в эти вещи вливался человеческий труд. Сегодня человеческий труд отделён от продукта; поэтому большинство товаров, которые радуют людей, так ужасны. Сегодня человеческий труд является чем-то таким, что имеет рыночную стоимость только потому, что он определённым образом оплачивается. Сегодня человеческий труд является тем, что прежде всего определяется его рыночной стоимостью. Таким образом, в отношении управления товарами, капиталистического конкурентного управления товарами, а также в отношении своих трудовых отношений к предоставляемым им услугам (Leistungen), человек отделился от мира. Он, как бы, стоит тут, рядом с машиной, вписанный в опустошающий душу капитализм новейшего времени, без связи с внешней действительностью, которую он видит в своём окружении, существование которой он не может отрицать, и которая даже стала для него единственной действительностью. И он не может поверить, что то, что поднимается внутри него, духовно-душевное, которое оторвано от природы и экономического порядка, является чем-то иным, чем Майя, чем идеология. Это сделал современный экономический порядок.

В этот современный экономический порядок, особенно в ходе последних трёх-четырёх столетий, постепенно вращался, вдвигался современный пролетариат до той степени, в которой он находится сейчас. В человеческом развитии новейшего времени это отделение от внешней действительности достигло высшей точки. Можно в деталях показать, как человек постепенно, я бы сказал, отделился от самого себя. Видите ли, сегодня можно поговорить с бесчисленным количеством представителей пролетариата, - если научиться думать и чувствовать вместе с пролетариатом, то тогда услышишь из их уст то, что движет ими прежде всего, - но тогда часто можно услышать: Прежде всего, не должно быть так, чтобы мы работали весь день и трудились руками, а наши души оставались пустыми, потому что мы приходим домой измученными вечером и ничего не можем сделать, кроме как упасть и лечь. Мы хотим нормальное время работы. - И из того, что было сделано с рабочим временем людей в последние столетия, - что стало уже лучше, - возникает требование в восьмичасовом рабочем дне: $6 \times 8 = 48$, 48-часовая неделя. Это то, чего хотят достичь сегодня работающие люди. Люди говорят: Да, конечно, к чему-то подобному будут стремиться, человечество должно двигаться вперед, ведь в старину людям было гораздо хуже. В старину людям приходилось работать ещё больше; они были больше похожи на вьючных животных. - Я могу показать вам здесь указ короля Фердинанда I. Из Австрии, из 1550-го года. В этом указе говорится: Каждый работник обязан, - и я прошу вас обратить на следующие слова особое внимание, - каждый работник обязан, как это было принято с незапамятных времен, работать полсмены, то есть по четыре часа, как утром, так и после обеда, за исключением воскресенья и субботы после обеда. Это составляет 5×8 часов в 1550-ом году - полсмены утром и

полсмены после обеда, каждая по четыре часа, - что в сумме составляет 40 часов. Добавив еще одну полсмены по четыре часа в субботу, получаем 44 часа в неделю; это в 1550-ом году. Что касается этих 44 часов в неделю, то говорится, что каждый работник должен работать «так, как было принято в старину». Указывается, что это давняя традиция. Новое время, благодаря прогрессу человечества, не только принесла нам то, чем так восторгаются; новое время также принесло необходимость снова вернуть то, что уже когда-то было. Эти вещи, я думаю, должны заставить нас задуматься! И под влиянием таких вещей, а именно, под влиянием стремления высосать из работы как можно большее, возникло это цепляние людей Запада за физически-чувственную действительность как за единственную действительность. Из этого возникло ощущение, что духовно-душевное является Майей, идеологией. Но это также обусловило помещение современного пролетариата только в экономическую жизнь. И так возникло огромное заблуждение современного пролетариата. Этот современный пролетариат был впряжён в экономическую жизнь ведущими, правящими кругами. Он должен был сказать себе: В этой экономической жизни душа усыхает, в этой экономической жизни дух - это просто дым и шум, Майя. Мы должны иметь другую экономическую жизнь. Мы должны преобразовать эту экономическую жизнь. Из этой преобразованной экономической жизни выйдет духовная жизнь, которая будет не классовой духовной жизнью, а общечеловеческой духовной жизнью.

Неудивительно, что современный пролетариат подпал под это заблуждение, поскольку он был полностью втиснут в экономическую жизнь. То, что у него было, родилось только из экономической жизни. Для пролетариата другой мир был Майей, идеологией. Как пролетариат он не мог думать иначе, чем так, что единственную известную ему экономическую жизнь надо просто преобразовать. Тогда всё остальное придёт само собой. Вместо того, - что поначалу, собственно, совсем не могло быть, что могло произойти только, исходя из уроков кровавой мировой войны, - вместо того, чтобы сказать себе, что в нашем положении виновато то, что мы оказались единственно и только в экономической жизни, что эта экономическая жизнь сделала духовную жизнь зависимой от себя, то есть, что в будущем эта духовная жизнь не должна быть зависимой от экономической жизни, должна свободно быть поставленной на саму себя, - вместо того, чтобы извлечь это радикальное требование, пролетариат извлёк другое: Это сделает другая экономическая жизнь, она создаст другую духовную жизнь.

Сегодня мы стоим перед великим поворотным моментом: либо пролетариат сам навлечет на себя несчастье, если он останется стоять только в экономической жизни и будет стремиться преобразовывать только её, либо он должен осознать то, что должны были осознать вместе с ним другие люди: что духовная жизнь, как она планируется трёхчленным социальным организмом, должна быть отделена от государственной и экономической жизни и поставлена на собственные ноги, на собственное самоуправление.

И что же получилось? Под этим влиянием, которое я только что охарактеризовал, что то, что вышло из этой западной веры, что духовно-душевное является Майей, идеологией, и что единственной реальностью является внешняя экономическая жизнь? Из этого получилось то, что затем нашло своё гениальное выражение в марксизме, поскольку гениальность также характеризуются тем, что она создаёт не только величайшие позитивные достижения человечества, но и величайшие ошибки. Ведь, это стало воззрением: Нельзя же мыслями, тем, что сформировано идеологическим образом, оказывать волшебное влияние на действительность, - поскольку это только спиритисты верят, что достаточно только мыслей для того, чтобы приводить в движение машины, - нельзя работать простыми мыслями, нельзя производить физические товары, нельзя также мыслями овладеть экономической жизнью. Таким образом, экономическая жизнь движется вперёд сама по себе. И если она является единственной действительностью, то она должна из самой себя произвести и то, что должно быть достигнуто для человечества. Отсюда и марксистское учение, - даже если его и нет у Маркса, поскольку Маркс не был «марксистом», как он сам говорил, в смысле многих своих последователей, - отсюда и это учение, согласно которому человек может в лучшем случае

способствовать тому, что достигается производственным процессом, экономико-материальным процессом, внешними институтами, но что весь действительный прогресс, собственно, независимый от человека, осуществляется сам по себе посредством экономических сил и факторов. Это уплотнилось в западный фатализм, в веру, что внешняя действительность сделает всё и без людей. Капиталисты, например, будут всё больше и больше концентрировать средства производства, что приведет к концентрации средств производства, и когда они будут достаточно сконцентрированы, они естественным образом вольются в новую обобществление. Произойдет экспроприация экспроприаторов. Фаталистическая вера, подавление как утопии всего того, что обладает осознанием и убеждением, что именно человечество творит историю, что то, что должно стать действием, должно сначала жить в человеческой мысли, - летаргия Востока, проистекающая из его древней духовной жизни, идёт параллельно фатализму западного большинства, верящего в то, что обо всём позаботятся экономические условия, что нужно просто подождать и посмотреть, как будет развиваться развитие. Разве не очевидно, что мы стоим у важного поворотного пункта развития человечества? Фатализм на Востоке, фатализм среди наиболее развитых людей Запада. Фатализм здесь, фатализм там. Из того, что с двух сторон охвачено упадком, должно расцвести что-то новое. Как можно верить в прогресс человечества, если мы не в состоянии поверить, что из этого двухстороннего фатализма может получиться нечто такое, что принесёт человечеству новые импульсы, новые силы развития? Из этой веры возникла идея трёхчленного социального организма. Из этой веры, из этой веры в прогресс развития человечества, возникло рассмотрение мира с двух точек зрения: Как поступать с современными институтами, особенно с институтами экономической жизни? Как поступать с современной духовной жизнью, чтобы она не оставалась придатком экономической и государственной жизни, а стала свободной движущей силой в развитии человечества?

Я верил, что в начале девяностых годов, уже исходя из тогдашних событий, мир понял бы стремление указать на глубинные аспекты человеческой природы, из которых постепенно может развиваться новая, освобожденная духовная жизнь. И я попытался выразить эту веру в своей «Философии свободы», впервые опубликованной в 1894-ом году. Эту «Философию свободы» я не позволял переиздавать, хотя она уже давно была распродана, поскольку я мог видеть, что мысли, содержащиеся в ней, по крайней мере, в десятилетия, предшествовавшие катастрофе Первой мировой войны, не находили отклика. В особенности не было отклика в Центральной Европе, где люди постоянно говорили: Нам нужно солнце, - но где они не хотели связывать это со стремлением к духовному солнцу. И только когда могла возникнуть вера в то, что из уроков ужасной мировой военной катастрофы люди снова могут обрести понимание свободы духа, я позаботился о новом издании своей «Философии свободы», которое доступно сейчас. Поскольку в том, что я высказывал, постоянно высказывал, исходя из бессознательных - не сознательных - глубин человеческой природы в новейшее время, что особенно выражается в тех вещах, которые теперь ощущает современный пролетариат, хотя ещё и не может это выразить сознательно, поскольку для этого у него нет образования, - в этом лежит тройное. В этом лежит тёмное чувство: Внешние институты правовой и экономической жизни приняли форму, в которую я зажат как человек так, что я просто ограничен, и что, по сути, нет никакого смысла говорить о свободе воли на современном конкурентном рынке, куда каждый должен попасть либо как капиталист, либо как работник, получающий заработную плату, где исчезла всякая связь того, что должен делать человек, то есть, того, что он работает, с тем, что затем является продуктом. Там не живёт чувство: Я стою, связанный с миром так, что моя воля свободна. Ощущается, как раз, подавление воли. А затем, если взглянуть на отношения с другими людьми, то становится ясно, что то, что в условиях современной капиталистической конкуренции, в условиях принудительного труда новейшего времени в наёмных отношениях, достигло своего пика, можно назвать исчезновением доверия человека к человеку. Вместо имеющихся раньше и до сих пор сохранившихся в старых формах социальных побуждений, выступили явно антисоциальные побуждения, которые в конечном итоге слились во взаимном непонимании современных

классов человечества, и которые в конце концов создали ту пропасть между пролетариатом и непролетариатом, которую так трудно преодолеть в новейшее время. Это вызвало второй вид переживаний внутреннего человека в новейшее время, - ограничения в отношении чувства права. И к этому добавляется третье, - то, на что я уже указывал в начале своей сегодняшней лекции: Было видно, как люди обмениваются своими хозяйственными товарами, как они записывают то, что жило в процессе обмена этими товарами в правой и левой частях бухгалтерских книг. Но было видно, - как должен признать даже господин фон Мёллендорф³², - что в этих институтах экономической жизни не было никакой мысли. Третье переживание души: возникало, как бы, потемнение мыслей от взгляда на этот хаотичный вихрь современных рынков, в котором для людей реальным было лишь то, что приобреталось капиталистическим путем. Это были три переживания новейшего времени: подавление свободной воли, поскольку не было ничего, где эта свободная воля могла развернуться; полное угнетение чувства права и затемнение мыслей в отношении внешних институтов правовой и экономической жизни.

Это были те ощущения, из которых вышло побуждение - оно могло быть слабым и неуправляемым, оно может быть слабым и неуправляемым и сегодня - поиска свободного человека, - человека, который чувствует себя вставленным в порядок человечества так, что он может себе сказать: Я веду образ жизни достойный человека. - Движущую силу, сущность этого свободного человека, сущность свободного духовного человека в том смысле, что все люди могут быть такими свободными духовными людьми надо искать в рамках институтов современной правовой и экономической жизни. Тут, прежде всего, стало ясно одно. Люди так легко спрашивают и постоянно спрашивали столетиями, и спекулировали философы, выдвигая бесконечные мнения, о том: Является ли человек свободным в отношении своей воли, или он не свободен? Является ли он просто природным существом, который может действовать только на основе механических побуждений своего нутра? - Этот вопрос всегда ставился неверно, поскольку на Западе всё больше и больше исчезало чувство действительности собственно духовной жизни. На Востоке вопрос о свободе или несвободе не имеет почти никакого значения, там он не играет никакой роли. На Западе он стал основой мировоззренческой и, наконец, даже политической жизни, да, уголовного права и так далее. И не поняли одного, - вы можете подробно ознакомиться с тем, что привело к этому ходу мыслей, к этому знанию, в моей книге «Философия свободы». - не поняли того, что вопрос: Свободен человек или нет? Собственно, не имеет никакого смысла, что он должен быть поставлен иначе, что он должен быть поставлен так: Может ли человек с рождения посредством образования, соответствующего его природе, в соответствии с принципами образования и школьного обучения, развиваться так, чтобы внутри него, не смотря на внешние правовые и экономические институты, поднималось переживание, которое делало бы его свободным существом? Да, чтобы это не только внутренне делало его свободным существом, а в нём формировалась бы сила свободы в той степени, чтобы он тогда мог по-своему организовывать также и внешнюю правовую и внешнюю экономическую жизнь? Это возникло как основная движущая сила современного развивающегося человечества: с одной стороны, демократическое стремление к равным правам для всех, а с другой - социальное стремление: Я помогу тебе, как ты должен помочь мне. Но чувствовалось, что такой социальный порядок с «равными правами для всех» и с «помоги мне так, как я хочу и должен помочь тебе» - такой социальный порядок может быть установлен только людьми, которые, как свободные люди, как свободные духовные люди, развивают подлинную связь со всей действительностью.

Надо иметь понимание того, что человек рождён ни для свободы, ни для несвободы, что он, однако, может быть воспитан и развит для свободы, для понимания свободы, для

³² Wichard von Moellendorff, 1881-1937, инженер, в 1919 году заместитель государственного секретаря в Рейхском экономическом бюро разработал план национальной социальной экономики. См. также: «Консервативный социализм», Сборник эссе 1913–1922 годов, Гамбург, 1932, стр. 71 и далее, и «Немецкая социальная экономика», Берлин, 1916.

переживания свободы, если его окружить той духовной жизнью, которая пропитает его силами, которые сделают его свободным в своём развитии как человека; что можно развиться до того пункта, где наши мысли больше не будут абстрактными, недействительными, идеологическими, а будут такими мыслями, которые контролируются волей. Это я пытался представить миру в качестве некоего познания в своей «Философии свободы»: Союз воли со ставшими внутренне свободными мыслями. И, благодаря этому союзу воли с внутренне освобожденными мыслями, можно надеяться, что возникнет человек, который также, живя вместе с другими, то есть в социальном сообществе, каждый для себя и каждый в обществе со всеми остальными, разовьет способности создавать такие правовые и экономические порядки, которые человек принимает в силу их необходимости, подобно тому как он принимает необходимость носить физическое тело, подчиняться его законам и не имеет права позволять расти правой руке слева и наоборот, или голову в середины груди. Против того, что уже разумно от природы, мы не боремся ради свободы. Против того, что является противочеловеческим и противоестественным в человеческих правовых и экономических институтах, мы боремся со своей свободой, если мы приходим к соответствующему сознанию, поскольку мы знаем, что это надо делать по-другому. И мы знаем и хотим знать как современные люди, что каждый человек должен демократически принимать участие в работе по этому преобразованию внешнего экономического и правового порядка до такой степени разумности, которая не ущемляет нашу свободу, - так же мало, как естественные закономерности нашего физического тела. Чтобы это понять надо иметь сердце и чувство для действительности духовной жизни, поскольку та духовная жизнь, которая является придатком государственной и экономической жизни, та духовная жизнь, которая просто наследуется, если вы являетесь сыном богатых людей или получили государственную стипендию, или по той причине, чтобы можно было получить предоставленное государством жилье, - эта духовная жизнь не делает свободным. Поставленная на саму себя духовная жизнь, духовная жизнь, действующая собственными силами, которая освобождает и которая, - в противовес этим трём настроениям: подавления воли, угнетения чувства справедливости, затемнения мыслей, которые присутствуют при несвободной воле, - порождает другое настроение: свободное образование воли в духовной жизни.

Если выступит то, что я описывал здесь в серии лекций как свободную духовную жизнь, духовную жизнь с самоуправлением педагогико-дидактического в трёхчленном социальном организме, то человек больше не будет чувствовать, что его воля скованна, а будет окружен атмосферой, порожденной этой свободной духовной жизнью, так что он скажет себе: эта свободная духовная жизнь воспринимает и мою волю как свободную. И из понимания самоуправляемой духовной жизни выйдет то, что является новыми социальными побуждениями, которые заключаются во взаимной, истинной, объективной терпимости и понимании одного человека другим в сфере второго члена социального организма, правового государства, где каждый человек, насколько он является зрелой личностью, равен каждому другому человеку. И в-третьих, - и мы увидим это подробнее послезавтра, - возникнет такая структура экономической жизни, при которой те, кто работает в этой экономической жизни, от самого высокого духовного работника, до последнего рабочего ручного труда, будут социально участвовать как независимые, свободные человеческие индивидуальности, так что время, когда взгляд людей затемнялся при мысли об экономической жизни, уступит место времени, когда будут регулировать экономику разумные действия производственных советов, транспортных советов и экономических советов, когда люди больше не будут зависеть от случайности спроса и предложения и подверженности кризисам спроса и предложения, капиталистической экономике, а когда отдельный человек, хозяйствуя, будет стоять в жизни наравне с другими людьми; когда справедливое распределение цен и труда будет определяться разумом, так что мы как свободные люди сможем поместить себя в то, что необходимо в экономической жизни. И подобно тому, как мы помещаем себя в тело в его естественной необходимости, так и человек обретёт свою свободу в современном демократическом социализме, в современной социальной демократии.

Для достижения этой истинной человечности необходимо преодолеть старые партийные шаблоны, старые партийные мнения, которые по отношению к сегодняшним требованиям человечества представляют собой ни что иное, как мумии мыслей и суждений. Поистине, те, кто постоянно говорит о том, что я использую то, что лежит в основе трёхчленного социального организма, как средство саморекламы, плохо меня знают. О, я гораздо больше хотел бы быть в тихом Дорнахе, где я работал до приезда сюда, над трудом, который мне очень близок, и я стою здесь только против своей субъективной воли, исходя из знания, что сегодня необходимо противостоять старым партийным программам и партийным идеям, которые являются мумиями и которые находятся в полной гармонии у всех, от крайне правых до крайне левых, что является долгом бороться против этих мумий, насколько это в моих силах. Я признаю, что это может быть слабым аргументом, тогда ему может быть объективно противопоставлено нечто лучшее, но, в отношении как старых, так и новых фактов, необходимо чувствовать это как долг - представить человечеству нечто новое. Мне совершенно не кажется, что человечество не желает этого нового, что человечество не хочет, чтобы пришло это новое. Поскольку, ведь, что, собственно, хочет эта идея, эта практика трёхчленного социального организма? Они хотят, чтобы человечество, наконец, научилось понимать, что мы живём во время великого подведения итогов, в котором пришли в движение три основных области жизни человечества: духовная жизнь, политическая или правовая жизнь, экономическая жизнь, что нам нужна новая форма, преобразование этих трёх областей нашей общей человеческой жизни.

Таким образом, чего хочет идея трёхчленности социального организма? - Возможно, слабыми, недостаточными, несовершенными силами, тогда их можно объективно улучшить, можно заниматься ими объективно. - Она хочет формулирования того, что должно стать практикой, чтобы вызвать необходимое преобразование политической, экономической, духовной жизни.

Как раз, теперь в Веймаре сейчас проходит съезд Социал-демократической партии, съезд той партии, которая, ведь, заявляет о своём стремлении к надлежащему преобразованию современной жизни. И министр, а точнее, рейхсминистр по социализации, обратился к этим социал-демократам в Веймаре со следующими словами: Нам нужна не только политическая революция, но и экономическая и духовная. Кто найдёт формулировку, которая также сделает действенными в народе духовные и нравственные силы, тот запечатлеет её на своих знаменах. - Это Союз для трёхчленности социального организма, возможно, делает ещё недостаточно, тогда он с радостью уступит место тем, кто сможет сделать это лучше, но то, что действия должны быть предприняты, по крайней мере, в том направлении, в котором действует Союз для трёхчленности социального организма, - это признаёт перед своими соратниками по партии даже нынешний рейхсминистр по социализации Виссейль³³. И из слов: «Нам нужна не только политическая, но и экономическая, и духовная революция», можно, вероятно, услышать, что мы, по крайней мере, даже если не можем сделать это в достаточной мере, хотим того же, чего, должно быть, хотят и эти люди, когда в момент духовного озарения они ясно поймут, каковы требования настоящего времени. Но тогда, если дело обстоит именно так, не должно произойти того, чего я больше всего опасаясь: чтобы такие люди, как господин Виссейль, получив в свои руки письма Союза для трёхчленного социального организма, поступили так, как поступают другие члены партии, говоря: «Мы полностью согласны, но будем бороться с этим изо всех сил. - Мы были бы с этим согласны, если бы появился кто-то, кто справился бы лучше, и мы могли бы отступить. Но речь идёт не о том, чтобы одержать победу над вещами, которые сам же должен обозначить как необходимое, а о том, чтобы, если хочешь что-то предпринять против, делать это лучше. И вы можете быть уверены, - я ещё скажу многое послезавтра из того, что можно сказать с точки зрения трёхчленности социального организма, - вы можете быть уверены, что в основе возникновения этой идеи трёхчленности социального организма лежит тот настрой, который

³³Rudolf Wisseil, рейхсминистр экономики в 1919 году, отстаивал идею общенациональной экономики, изложенную в «Меморандуме рейхсминистерства экономики» от 7 мая 1919 года.

исходит, во-первых, из необходимости этой трёхчленности в настоящем, а, во-вторых, из понимания того, что нечто должно произойти, прежде чем не будет слишком поздно. Поэтому я призываю всех, кто хочет противостоять этой трёхчленности социального организма: Хорошо, мы отступим, но вам будет лучше самим признать, что трёхчленность социального организма - это необходимость!

Заключительные слова.

Никто не проявляет желания участвовать в дискуссии. Поэтому Доктор Унгер предлагает взять слово господину Доктору Штайнеру.

ДОКТОР ШТАЙНЕР: Многоуважаемые присутствующие! Пожалуй, я хотел бы отметить лишь то, что, не смотря на некоторое сопротивление, исходящее как раз, из партийных кругов, - если это сопротивление не найдет слишком благосклонного внимания в более широких кругах участников экономической жизни, - можно считать успехом тот факт, что, Союз для трёхчленности социального организма, уже дал некоторые импульсы в области экономической жизни, и что уже достигнут определённый прогресс в установлении контроля над экономической жизнью и экономическими институтами лицами, вовлеченными в эту экономическую жизнь. О том, какого рода этот прогресс, каким он может и должен быть, будет сказано послезавтра. Но эти вещи нельзя воспринимать так, будто, если от этих трёх членов социального организма немного проявляется одно, то оно переходит в действительность, будто тогда другие [составляющие] могут спать. Если что-то мыслилось так серьёзно так реально, так практически, как эта трёхчленность, тогда односторонний успех одной из частей является провалом целого. Поскольку ничто так не вредит трёхчленности, как особенный успех в развитии какой-то одной области, например, экономической. Поэтому нынешняя и наиболее серьезная забота Союза для трёхчленности социального организма состоит в том, чтобы, помимо приобщённости к экономическому движению, в рамках которого мы, как Союз для трёхчленности, существуем, возникло течение духовной жизни - будь то «культурный совет», «духовный совет» или какой-либо ещё, это не имеет значения, - чтобы к нему присоединилось как можно больше людей, - мы когда-то распространяли здесь призыв «Ко всем людям», поскольку культура является, собственно, делом всех людей, - то есть, объединение людей, для которых реформа всей нашей школьной системы и системы воспитания близка настолько, что они понимают, как сдерживается в школьной системе, которая ограничена рамками государства, свободное развитие физических и духовных способностей человека. Поэтому Союз для трёхчленности борется за освобождение школьной системы, за её самоуправление снизу доверху. Для того чтобы это произошло правильно, необходимо, чтобы как можно больше людей публично потребовали этого самоуправления всей системы образования, и, по сути, всей духовной системы. Чтобы одностороннее преследование экономических сил не потерпело неудачу, этот Союз стремится объединить людей, которые будут участвовать в работе над освобождением школьной системы и духовной системы, системы воспитания. При этом не должно быть никакого догматизма. Чем больше мнений высказывается, чем больше появляется глубоких идей, тем лучше. Также и здесь мы не будем закостеневать в каких-либо самодельных догмах, а останемся открытыми для всего, что может получиться с точки зрения профессионального взгляда. Тот же, кто вообще считает, что под новыми образованиями сегодня понимаются и новые образования духовной жизни, должен почувствовать склонность, почувствовать необходимость, объединиться с другими в таком объединении людей, которое представляет собой некий род духовного или культурного совета, или как бы это ни называлось.

Мы ни в коем случае не упускали случая, насколько это для нас было возможно, направлять наши силы сразу же на позитивное. Здесь, в Штутгарте, у нас есть проект, который, вероятно, будет реализован уже этой осенью: с помощью преподавательского

состава, обладающего пониманием действительной, осмысленной в смысле некоей одухотворённой антропологии, идеи развития человечества, - с помощью такого преподавательского мы стремимся создать, но не на основе всемогущества государства, а направленную на развитие свободного человека, действительно единую школу. Мы надеемся, что сможем основать здесь, в Штутгарте³⁴, такую школу для избранного круга - это, однако, не должна быть «школа сословий», это будет, как раз, пролетарская школа, школа, - которая, насколько это возможно в нынешних условиях, будет строго отражать взгляды Союза для трёхчленности социального организма также и педагогически-дидактическим образом. Там будет сделана попытка развивать человека так, чтобы он вырос действительно свободным духовным существом. Там будет сделана попытка развить те силы, которые развиваются в человеке между седьмым и пятнадцатым годом жизни, таким образом, чтобы мышление, чувствование и воление были воспитаны так, как они могут быть воспитаны только в этом возрасте, чтобы последующая жизнь и судьба не смогли сломить эти силы снова. Поскольку тот, кто обладает для этого достаточными психологическими знаниями, заметит, как много вреда в наше время зависит от того, что мышление, чувствование и воление в соответствующие ранние годы были развиты так, что позднее могли быть сломлены ударами судьбы. Больше, чем мы думаем, оказываются сломленными недостаточно развитые душевные силы, благодаря нашим сегодняшним культурным обстоятельствам; и гораздо большее, чем мы думаем, в наших обстоятельствах в отношении нашего упадка зависит от этих вещей.

Я хочу указать на этот пример только для того, чтобы вы видели, что мы не мечтатели, не идеологи, а мы хотим, насколько позволят наши небольшие силы, также повсюду действовать практически. Но для того, чтобы подобные вещи не оставались изолированными, чтобы вся наша духовная жизнь постепенно стала свободной, необходимо, чтобы к нам в культурный совет или подобные организации присоединилось много людей с разными мнениями, взглядами, знаниями и практиками. Это то, что я хотя и не упомянул в сегодняшней лекции, но что лежало в её основе как стремление к тому, чтобы также и в этой духовной части трёхчленного социального организма могло найтись достаточно людей, которые, благодаря совместной работе в этой области, смогли бы совершить то, что необходимо в наше время - не по мелочам, а в общем. Поскольку, ведь, нам действительно необходимо преобразование условий в экономической, политической и духовной сферах. Если мы не сможем собраться с силами, пока не стало слишком поздно, чтобы активно участвовать в этом направлении, то будет действительно слишком поздно! И это было бы самым ужасным последствием катастрофы этой мировой войны. Но если урок, который извлекает из неё многие люди, заключается в том, что мы должны развить сильную волю к обновлению во всех трёх сферах жизни, тогда, если, возможно, и не в в полном смысле этого слова, для непосредственного настоящего, то всё же для будущего человечества, из этого воления возникнет нечто великое, и таким образом нечто великое возникнет даже из несчастья катастрофы мировой войны. И как немцы, зажатые между Востоком и Западом, мы имеем великую задачу понять, чему там или здесь больше всего грозит заснуть, и пробудить это из центра. И я полагаю, что сегодня лучшим патриотизмом является тот, который в конечном итоге выстоит также перед всем тем, что угрожает нам, исходя из мутных болот Версаля, когда то, что может выстоять посередине между Востоком и Западом, будет тем, чему мы позволим подняться из великого времени Германии - из нашего Лессинга, Гердера, Шиллера, Гёте, из великой эпохи, которая по-своему воплощает немецкую сущность, нашей немецкой философии Шеллинга, Фихте, Гегеля, из времени немецких романтиков, - что мы позволим проявиться, позволим засиять тому, что является нашей задачей после ужасных событий последних лет. Эта задача состоит в том, чтобы пробудить - в противоположность дремлющей духовной жизни Востока и дремлющей материальной жизни Запада - духовную жизнь, способную разумно и достойно

³⁴ После подготовительных курсов для учителей 7 сентября 1919 года в Штутгарте открылась «Свободная вальдорфская школа». Она была основана по инициативе доктора Эмиля Мольта, владельца сигаретной фабрики «Вальдорф-Астория» в Штутгарте, и находилась под руководством Рудольфа Штайнера.

человека формировать материальный мир, а также экономическую и материальную жизнь, способную даровать человеку свободу для свободной духовной жизни!

Х. Свобода для духа, равенство для права, братство для экономической жизни.

Публичная лекция, Штуттгарт, 18 июня 1919 года.

Вполне понятно, что в эти дни принятия самых сложных и важных решений³⁵ можно говорить, я бы сказал, лишь с некой глубокой подавленностью. Только, в то же время, в человеческой душе всё же поднимается идея, что для Центральной Европы на совершенно другой основе должно быть достигнуто то, что было предопределено для развития этой Центральной Европы столетиями, даже тысячелетиями, что лежит под поверхностью и в конечном итоге должно увенчаться успехом, даже если эту Центральную Европу будут вести к экономическому упадку такими значительными и весомыми внешними материальными средствами. Из этих подоснов, ведь, говорилось во всём этом ряду лекций, которые мне выпала честь здесь прочитать, и из них я снова буду говорить сегодня в эти трудные времена. Ибо только из этих глубин может пролить свет на вопрос, который так тяжело давит на наши сердца сегодня: можем ли мы еще надеяться? Поскольку только из этих подоснов может быть пролит свет на с такой тяжестью лежащий на наших сердцах вопрос: Можем ли мы ещё надеяться?

В человеческой жизни есть, казалось бы, незначительные события, которые, тем не менее, оставляют глубокий след в душе каждого, кто чувствует себя поставленными в эту жизнь со всеми своими человеческими силами, как внешние симптомы того, что происходит в глубине развития человечества. Я имел такое переживание, когда несколько месяцев назад на ту же тему, что и сейчас, я выступал в Базеле. Тогда, по приглашению базельских студентов, я говорил о том, что, собственно, лежит в основе нынешнего призыва к социализации человеческих институтов. И в ходе дискуссии до меня донеслись странные слова, говорящие о том, что не будет никакого спасения в отношении рушащихся внешних институтов, требующих полной перестройки, прежде чем Ленин станет мировым правителем!

Из этих слов, правда, для кого-то могло прозвучать то, что, с одной стороны, через человечество проходит призыв к социализации, а с другой стороны, в широких кругах господствуют самые антисоциальные воззрения на эту социализацию. Человек, который сделал это высказывание, очевидно, был приверженцем догм сегодняшнего общего коммунизма, и я мог ему лишь ответить, что это весьма характерно для нашего времени, что о социализации человечества можно говорить таким антисоциальным образом. Поскольку, если говорить с точки зрения того, что нужно человечеству сегодня, необходимо, по крайней мере, признать, что первым шагом в социализации является социализация властных отношений, и что истинная социализация, ведь, не может начинаться с установления древнейшей формы монархии на всей Земле в виде некоего экономического папства.

Есть над чем задуматься, что в наше время, как раз, те, кто считает, что говорит о чём-то самом прогрессивном, зачастую заблуждаются больше всего. Такое абсурдное утверждение, как то, что я услышал тогда, было для меня, я бы сказал, всего лишь звучащим из широких кругов призывом, высказанным отдельным человеком, для глубокого понимания того, с чем должно, действительно, рациональным и практическим образом, столкнуться то, что сейчас

³⁵ В июне 1919 года в Версале состоялись унизительные заключительные переговоры. Мирный договор был подписан 28 июня 1919 года.

провозглашается во всем мире как призыв к социализации. Поскольку то, что должно произойти ради блага тех, кто к этому призывает, должно произойти совсем не так, как эти призывающие себе представляют, или, собственно, не представляют, а внешним образом рисуют для себя расплывчатыми фразами, порожденными эмоциями. Тут должны быть объективно рассмотрены две вещи, которые тут высвечиваются из новейшего развития человечества, если мы вообще хотим понять то, что в наше время стремится к осуществлению. Из самого различного, что там или здесь понятным или непонятным образом появляется, всё же всегда слышатся два требования современности, - два требования, которые, правда, часто ошибочно высказываются, но основу которых необходимо понять в их истинном виде, если мы хотим дорасти до того, что стремится стать действительностью в наше так тяжело проверяющее человечество время. Эти два девиза новейшего времени являются, во-первых, демократией, и, во-вторых, социализмом. Те, кто этот призыв к преобразованию сегодня выдвигают больше, исходя из общих человеческих ощущений, облачают этот свой призыв в слово «демократия»; те же, кто мыслит и ощущает больше, исходя из действительной жизни и её нужд, облачают, в свою очередь, этот призыв к преобразованию в слово «социализм».

Одно при этом совершенно странным образом в новейшее время было полностью выброшено, как из призыва герольда (Heroldsruf)³⁶ в отношении общественной жизни. Одна партия оба импульса новейшего времени, демократию и социализм, объединила в своем названии «социал-демократия», и уже в своем названии упустила то, что, как я хотел бы сегодня доказать, должно, прежде всего, лежать в основе подлинного, серьезного и практического наших условий.

А именно, в обоих этих призывах осталась без внимания собственно духовная жизнь, духовная жизнь в самом широком смысле, в том смысле, в котором она распространяется не только на то, что человек усваивает в плане высших понятий и представлений по всевозможным научным и философским вопросам, по всевозможным художественным и религиозным вопросам, но и в том смысле, в котором она также распространяется на знания и взгляды как в отношении государственной жизни, так и в отношении экономической жизни, то есть, распространяется не только на теоретические, но и на практические возможности человечества.

Можно сказать, что новейшее человечество развивалось в последние столетия так, что оно имело сильное доверие в отношении публичной жизни к институтам, которые оно хотело формировать всё более и более демократическими. И в эти устремления, из переживаний современных экономических отношений, затем были включены требования, направленные на социальное оформление этой экономической жизни. Поэтому сегодня может возникнуть ощущение, что, хотя запутанные и хаотичные условия настоящего скрывают многое из того, что происходит под поверхностью, стремление к социализации человеческих институтов в демократическом смысле, к социально обоснованному демократическому институту нашей общественной жизни, всё же присутствует. Но что странным образом было потеряно, так это доверие к силам человеческой духовной жизни. Люди верят, что демократия может помочь, они верят, что может помочь социализм, но они не верят, что в самой духовной жизни лежат силы, которые, возможно, как раз, если будут поняты правильным образом, смогли бы высвободить из человеческого существа то, что должно быть высвобождено в этом человеческом существе для блага современности и ближайшего будущего.

³⁶ Heroldsruf - призыв, приглашающий к турниру (прим. пер.). В Средние века герольд был экспертом в вопросах церемоний, а также выполнял функции посланника, представляя собой, таким образом, предшественника дипломата. Помощником и предварительным этапом герольда был субгерольд, персевант или персефан. Слово «герольд» происходит от позднесредневерхненемецкого heralt, heralde, старофранцузского héraut, haraut, hiraute, hiraudie, все из которых, вероятно, происходят от древнефранкского hariwald (древневерхненемецкого heriwalto), означающего армейский управляющий, в смысле тот, кто правит или управляет в армии. Persevante или persevante происходит от французского poursuivant, означающего того, кто следует (герольду) (наследнику герба) или кандидату на должность (Википедия).

Оглядываясь сегодня вокруг, где так много людей тянется к социализму, можно сделать любопытное открытие. Можно почти сказать, что призыв к социализации становится и продолжает становиться тем сильнее и мощнее, чем более антисоциальными становятся человеческие инстинкты и чем более антисоциальной становится человеческая душевная жизнь. Хотелось бы даже сказать: Человек воспринимает из своей антисоциальной жизни то, как мало он был в состоянии формировать внешние институты в социальном смысле, и, поскольку он так антисоциален внутри себя, он призывает к приданию социального облика внешним условиям. Но тот, кто понимает человеческую природу, знает, что без определённой трансформации внутреннего в человеке социальная организация внешних институтов невозможна. Величайшая ошибка, из которой исходит человечество в лице своих ведущих умов, - и я касался этого позавчера, - заключается в том, что люди от природы имеют некие готовые свойства, на которые в человеческом обществе можно непосредственно рассчитывать. Хотя всегда верят в обратное, то, что я только что сказал, подтверждается всё же самым опытом человеческой жизни.

То, к чему я пытался привлечь внимание в начале девяностых годов своей книге «Философия свободы», было тем, что человек может достичь полноты своего существования только в том случае, если он действительно разовьёт эту полноту в своём становлении между рождением и смертью, а именно, если он высвободит то, что должна иметь какая-то душа, стремящаяся к жизни, достойной человека, - только если он высвободит сознание своей свободной человеческой природы путём развития заложенных в её внутреннем сил. Свободным можно лишь стать, а стать свободными люди смогут только тогда, когда они будут воспитаны свободными или воспитают себя свободными сами. Тот, кто проникнется этим, увидит то, что сегодня выглядит как призыв к социализму, в более глубоком смысле, чем это обычно делается. Он спросит: Не обстоит ли, возможно, дело так, что мы, как люди, не можем найти путь друг к другу социально и демократически, потому что наше воспитание должным образом не развивает в нас то, что предрасположено к демократии и социализму? Для интеграции в демократическое общество или для создания социального экономического сообщества необходимы совершенно определённые внутренние побуждения человеческой природы. И почти можно сказать, если бы это, хотя и являясь правдой, не шокировало сегодня так много людей: Таким, как человек рождается, - это отчётливо показывает развитие ребёнка, - у него изначально нет стремления ни к демократии, ни к социализму; они должны быть сначала погружены в его душу. Они там заложены, но не могут проявиться сами по себе. И пока наша система воспитания не предоставит основательное и соответствующее действительности знание человеческой природы, мы не сможем ожидать того, что человек сможет интегрироваться в социальное или демократическое общество, даже имея демократические и социальные убеждения. Пусть не осознавая этого, исходя из подсознательных движущих сил, он всегда будет пытаться разрушить демократию и социализм. И если не будут предприняты усилия по воспитанию как в демократическом, так и в социальном смысле, то люди будут продолжать жить вместе так, что демократия превратится в своего рода тиранию, а социализм - в нечто антисоциальное, как, ведь, совершенно определённо из социального, к которому стремятся в Восточной Европе, должно в относительно короткие сроки получиться самое что ни на есть антисоциальное, и оно, по сути, уже проявляется!

Из-за этого взгляд того, кто сегодня относится к развитию человечества серьёзно, прежде всего обращён на духовную жизнь, на воспитание. И выявляется необходимость делать ставку на действительно объективное человеческое познание, прежде всего, духовной жизни и её важнейшей составляющей, воспитания и обучения. На то, что здесь входит в рассмотрение, иногда обращается внимание инстинктивно, но этого инстинктивного наблюдения недостаточно; необходимо наполнить то, что лежит здесь в основании, глубоким педагогическим пониманием. Часто упускается из виду, что растущий человек в три следующих друг за другом жизненных эпохи проявляет три совершенно различные состояния развития. Первая жизненная эпоха - это та эпоха, которая завершается появлением

зубов, примерно в возрасте семи лет. Вторая, - та, что длится от смены зубов до полового созревания, и третья, - та, что длится от полового созревания до конца второго десятилетия. То, что эти три эпохи человеческой жизни по своей сути принципиально отличаются друг от друга, и что воспитание и обучение должны строиться на основе этого различия, - это нечто такое, что должно быть столь же очевидно для человечества, как и законы природы, если в человечестве должны появиться те социальные и демократические побуждения, которые необходимы для формирования новых условий развития человечества.

Тот, кто способен внутренне наблюдать за ребёнком в ту важную жизненную эпоху, когда жизнь протекает от рождения до появления зубов, знает, что вся деятельность, все направленные на что-то действия ребенка в этот совершенно бессознательный, инстинктивный период детства регулируются принципом подражания. В это время у ребёнка есть явное стремление говорить, корчить рожи, двигать руками и имитировать то, как действует, говорит, корчит рожи и двигает руками окружающая среда. В этом стремлении ребёнка к подражанию, которое необходимо встречать подлинно практическим воспитанием, лежит нечто в высшей степени значительное для человеческой жизни. Оно заключается в том, что человеческая природа бессознательно, инстинктивно пытается сделать то, чего она никогда не сможет сознательно осуществить в жизни позже: соединить себя как отдельного человека с другим человеком. Через подражательные действия и стремления должен сформироваться процесс интеграции в человеческий социум; должно развиваться действительно человеческое, идущее от человека к человеку сосуществование людей.

Предположим, что человечество могло бы уже сейчас радикально переосмыслить этот принцип подражания в раннем детстве. Тогда, при должном внимании, для дальнейшей жизни развилось бы нечто, что может быть осознанно и разумно развито, только если в бессознательном детском возрасте правильно происходит подражание. Это подражание не всегда воспринимается в правильной форме. Тогда родители приходят к вам и говорят: Мой ребёнок, о, это меня очень беспокоит, мой ребёнок совершил кражу, взял деньги из ящика стола! Вы спрашиваете: Сколько лет ребёнку? - Пять лет. - Тогда надо сказать: Если все остальные аспекты воспитания ребёнка в порядке, то нет необходимости особенно беспокоиться по этому поводу, потому что ребёнок - подражатель; он делает то, что делают в его окружении. Он видел, как каждый день берёт из этого ящика стола деньги, и делает то же самое. В этом возрасте слова, выражающие моральные заповеди, не оказывают никакого влияния на развитие ребенка; имеет значение только то, что вы сами делаете в окружении ребёнка.

Если мы будем помнить об этом, то при соответствующем воспитании, заложим то основание, что, если человек будет воспитан должным образом с ориентацией на естественную склонность к подражанию, то в его сознательном возрасте расцветёт то, что можно назвать истинным уважением, правильной оценкой других людей, - стремлением уважать других людей так, как они того заслуживают, просто потому, что они имеют человеческий облик. И это первое условие для правильного развития демократии! Демократии могут правильным образом возникать на правовой почве, только благодаря тому, что люди в демократических парламентах будут оформлять в законы то, что живёт как равное отношение человека к человеку. Это произойдет, если эти люди будут обладать такими жизненными импульсами, которые направлены на уважение к человеку и которые могут развиваться только в том случае, если они были правильно воспитаны в детстве в соответствии с принципом подражания.

И если мы теперь взглянем на экономическую жизнь: Новейшее время требует преобразования этой экономической жизни в том смысле, что больше не прибыль, не приобретение капитала и получение заработной платы будут являться решающими факторами, а потребление, учёт человеческих потребностей, который на основе свободных ассоциаций, товариществ и корпораций, должен исходить из потребностей человеческой экономической жизни, из тех жизненных потребностей, которые всегда присутствуют и в соответствии с которыми только и должны быть организованы торговля и производство. То,

что сейчас основано на слепом спросе и предложении рынка, должно основываться на понимании человеческих взаимоотношений, на понимании человеческих потребностей. Практический опыт, который, ведь, должен отвечать человеческим потребностям, может развиваться только в том случае, если люди в своём детстве были воспитаны в соответствии с принципом подражания, если они бессознательно научились приспосабливаться к другим людям. Если они развили уважение к человеческой жизни в публично-правовой жизни государства, то они смогут развить понимание человеческих потребностей в экономической жизни.

Сегодня необходимо требовать, чтобы в области экономической жизни коалиции, скажем, товарищества, создавались производственными советами. Эти производственные советы окажутся в трудном положении, когда в будущем от них потребуются делать то, что сегодня отдано на откуп случая спроса и предложения, с точки зрения производства и потребления. Но никакие производственные советы, никакие советы любого рода в экономической сфере, никогда не принесут пользы, если воспитание человека не будет организовано так, чтобы таланты для этих советов, то есть, для адаптивности людей, входящих в эти советы, - чтобы развитие этих советов было подготовлено посредством правильного воспитания в раннем детстве, основанном на принципе подражания.

Вторая эпоха жизни растущего человека проходит от смены зубов, - которое означает гораздо большее воздействие на весь организм в целом, нежели это полагают сегодняшние антропология и физиология, поскольку они исходят из внешнего, - до полового созревания. Это возраст, когда человеческая природа имеет склонность к доверию растущего человека к взрослому человеку, которое проявляется в чувстве авторитета. Сегодня, когда то, что действует в одной области жизни, по сути, абстрактным образом хотят распространить также и на другие области жизни, - сегодня, в том числе и для этого возраста, неохотно говорят о необходимости авторитета. Но если в процессе воспитания в этом возрасте пренебречь важностью развития здорового чувства авторитета, в котором бессознательно развиваются внутренние душевные побуждения, необходимые для дальнейшей жизни, то в сознательной и понимающей жизни не сможет появиться и то другое, что единственно и только и может сделать человека как социальным, так и демократическим существом. Человек определённым образом ориентирован в первые годы жизни на других людей через подражание. На втором этапе жизни, от смены зубов до полового созревания, он к тому же хочет больше приспособиться к внутреннему других людей. Тут он хочет научиться понимать других людей, хочет научиться верить тому, что передают ему другие. Тут он хочет в самом себе пережить, как своё собственное переживание то, что ему как переживание выражает другой, тут он хочет видеть рядом с собой человека, который уже обладает тем, что стремиться к бытию в нём. Тут один человек хочет инстинктивно приспособиться к другому социально. Когда этот человек взрослеет, обретает полное сознание, тогда, в свою очередь, расцветает то, что было пережито в детстве как переживание авторитета.

Поэтому невозможно правильным социальным образом интегрироваться в человеческое общество демократии, не найдя сначала ту приспособленность к человеческому внутреннему, которая изживается детским чувстве авторитета. Сегодня никто не может правильным образом стоять на фундаменте демократического общества, если в период между сменой зубов и половым созреванием он не научился уважать тех, кто его опережает. Поскольку только тогда, когда это произойдёт, в нём появится истинное, здоровое чувство: Как люди мы все равны, как люди мы должны жить друг с другом так, чтобы равенство в правовом отношении стало действительностью. - В конечном счете, в правовом или государственном парламенте, стоящем на почве на демократии, никогда не появятся какие-то законы, которые будут действительно демократическими, - то есть, такими, которые устанавливает равенство всех людей, - если те люди, кто принимают такие законы, не обладают тем, что зародилось в их душах в юности, когда они испытывали благотворное чувство уважения к другому человеку как к своему авторитету. В более поздней, понимающей и осознанной жизни человек никогда не научится признавать другого человека действительно равным себе, если

сначала не ощутит человеческую ценность в этом взгляде снизу вверх (Hinaufschauen) на другого человека. Торжество равенства, возможность демократии зависит от того, научимся ли мы воспитывать человеческую природу в соответствии с её внутренней сущностью. Поскольку только из чувства авторитета ребёнка, которое в различных формах изживается в школьные годы, может расцвести истинное правовое чувство равенства людей в дальнейшей жизни.

Если в экономической жизни, на основе экономической жизни, - на что, ведь, указывается и в призыве к социализации, - на место того распределения благ, в котором настоящее время господствует прирост капитала и заработной платы, действительно должно прийти распределение благ, которое управляется разумно, скажем, какой-то «системой советов», тогда сила, обеспечивающая это справедливое распределение благ, расцветёт - как чувство равенства в демократии - из той привязанности между человеком и человеком, которая может возникнуть только из чувства авторитета в детстве. Если наряду с производственными советами, транспортными советами, которыми сегодня владеют потребности капитала и заработной платы, мы создадим такие советы, которые хотят осуществлять распределение благ справедливым образом, то те, кто намеревается это сделать, должны быть внутренне пронизаны тем пониманием самого наивнутреннейшего человеческой природы, которое может возникнуть только из здорового чувства авторитета школьного времени ребёнка. В будущем никогда больше нельзя забывать о том, что должна быть человеческая душевная основа для всей демократической и социальной жизни.

Третий возраст, в котором большинство наших молодых людей уже считает себя полноценными - ведь, в этом возрасте они даже пишут фельетоны, - это возраст от полового созревания до примерно конца второго десятилетия жизни, до двадцати лет. Тут рождается не только половая любовь, тут также то, что раньше было чувством авторитета, преобразуется в то, что теперь действительно является проявляющей себя, ощущающей себя человеческой любовью. Тут, благодаря превращению способности приспособления через подражание и через чувство авторитета, в человеческую душу погружается то, что, собственно, даёт нам действительно социальные побуждения, что делает нас способными ставить себя как человека рядом с другим человеком наполненным братской любовью. Отношения половой любви являются только специальным случаем того, что в этом возрасте выступает как всеобщая человеческая любовь. Всем людям, независимо от того, занимаются ли они физическим или духовным трудом, на протяжении всего этого этапа жизни, наряду с подготовкой к практической профессии, необходимо также предоставлять возможность усваивать такие представления, такие понятия о мире и жизни, то есть, такое мировоззрение, такие знания о природной и духовной жизни, чтобы возникло понимание всего, что живёт и, прежде всего, любовь и братство по отношению к другим людям. То, что мы до сих пор не смогли дать ученику, который должен стремиться к практической жизни, возможность получить также общее мировоззрение, которое не отделяло бы его от привилегированных классов, а ставило бы его в равное положение с другими людьми, - это то, что в наше время ещё порождает антисоциальные импульсы.

И то, что расцветает в эту эпоху, благодаря правильному воспитанию и обучению всеобщей человеческой любви и братству на почве права, на почве демократии, - это то, что теперь можно назвать истинной, деятельной отдачей благополучию и бытию человека. Поскольку демократия также может развиваться, только благодаря тому, что наряду с чувством равенства всех людей, она развивает и то, что можно охарактеризовать следующим образом. Человек рассматривает другого человека как нечто такое, чему необходимо отдаться, чему он хочет служить. И на почве экономической жизни будет необходимым, чтобы - я скажу это ещё раз: если случайность спроса и предложения, основанная на капитале, наёмном труде и рынке, должна быть заменена разумными институтами сообществ и коалиций, - на этой почве экономической жизни будет необходимым, чтобы институт советов, назовём его так, который тогда возникнет, рассматривал, является ли тот или иной товар слишком дорогим или слишком дешёвым в соответствии с общими человеческими

условиями экономической сферы. Этот институт советов должен тогда обратиться к людям, которые производят какой-то артикль слишком дёшево, и через их советы сказать им, - ведь, должны быть советы, которые действуют не посредством силы, а посредством советов, - что это производство не необходимо и потому должно быть прекращено. Что эти люди должны посвятить себя другому производству, чтобы в соответствующей обособленной экономической области всегда производилось столько, чтобы никакой артикль не был ни слишком дорогим, ни слишком дешёвым! Тогда смогут быть установлены правильные взаимные ценовые отношения.

Это станет важным аспектом будущей экономической жизни, что к людям, к их взглядам и пониманию можно будет подходить так, чтобы посредством их собственных внутренних импульсов, которые можно пробудить, направлять их от производства, ориентированного исключительно на прибыль, к производству, которое служит необходимому потреблению, необходимым потребностям целого. Однако то, что необходимо для того, чтобы здесь дать правильный совет, чтобы вставить людей в экономическую жизнь разумным образом, так, чтобы ценовые отношения были сбалансированы, предотвращая как избыток труда, так и недоиспользование рабочей силы, - для этого необходимо, чтобы те, кто должен будет давать эти советы в экономической сфере, в своей юности взрастили в себе чувство человеческого братства, человеческой любви. Поскольку, если перестройка нашего человеческого развития должна основываться не на внешних институтах, которые были бы бесполезны, а на внутренней общности людей, и если необходимо подчиниться этим новым институтам, то в будущем мы должны ощущать то, что исходит от тех, кто советует, советуя, исходя из демократической доброжелательности, как братство! Тогда жизнь будет устроена таким образом, что каждый будет работать, не только для заработка в смысле капитала или заработной платы, а люди будут трудиться так, чтобы каждый мог получить для своей жизни и своей работы соответствующее удовлетворение своих потребностей.

Это показывает, что то, что, по сути, я бы сказал, «выпало», когда прозвучал призыв к демократии и социализму, а именно духовная жизнь, - как именно этой духовной жизни необходимо уделять особое внимание. Только благодаря тому, что юная душа (Gemüt) проходит через подражание, авторитет и любовь, человек становится полноценным человеком, так что то, что живет в его душе, может изжить себя в человеческом обществе демократически и социально. Только благодаря этому, люди достигают того, что я позавчера назвал истинной человеческой свободой, которая воспитывается посредством подражания, чувства авторитета и любви. Поэтому нельзя просто требовать свободы, а необходимо признать: Наша система воспитания должна быть пронизана теми силами, которые помещают человека, как свободного индивида, в демократию, в социальную экономическую жизнь. По сути, то, что мы, в рамках европейского культурного человечества и его американского придатка, не увидели этого принципа воспитания людей свободными, исходя из объективного знания, и привело нас к нынешнему положению. Человек не наполнен душевным содержанием, он смотрит только на внешнюю действительность. Он не хочет значить в жизни просто то, чем он стал, благодаря своему душевному содержанию, он хочет иметь значение, благодаря тому, что государство поставит его на определённое место. Он хочет иметь значение, благодаря тому, что делает для него возможным получать прибыль, - капиталистическим путём или, получая заработную плату. В результате мы скатились к тому, чему уделяется слишком мало внимания, но что вызвало худшее сопротивление нашей человеческой культуры, так отчаянно нуждающейся в прогрессе: мы докатились до жизни, которая из-за безжизненного развития духовной жизни, собственно, утратила живую идею, живой внутренний идейный импульс. Мы скатились в мир фраз. Наша духовная жизнь стала подобной фразе, и под этой фразой развивается наша общественная жизнь. Эта фраза, не содержащая в себе идей, отделяет нас от действительности.

И в той области, где должна развиваться, мы скатились в нечто другое. Вместо того чтобы всё больше оказываться в состоянии - это не историческая критика, а лишь изложение фактов - приобретать себе для демократии то, что единственно может привести к

демократическим законам, таким как внимание к человеку, вера в человека как равного и отдача человеку, - вместо этого мы развили в себе повиновение закону и стремление сделать себя пригодными для какой-либо должности в государстве. В эпоху, когда должна была развиваться общая человеческая любовь, от полового созревания до двадцати лет, важнее, чем это развитие душевного фонда, который тогда живёт полностью в атмосфере всеобщей любви, стало то, что можно называть системой правомочий (Berechtigungswesen). Вместо того чтобы делать человека полным человеком, он должен был стать каким-либо чиновником в каком-либо государстве, тем, кто капиталистически или через получение заработной платы соответствующим образом может продвигаться, как в чисто коммерческом предприятии. Повиновение закону и внешнее положение, - вот что стало с человечеством из-за того, что духовная жизнь оказалась поглощённой государством, из-за того, что государство стало движущей силой духовной жизни.

Если мы хотим внутренне понять, что может привести к действительно демократическому равенству всех людей в действительно правовом государстве, то необходимо обратиться к внутренней природе и сущности человека. Это стремление - снова переориентировать духовную жизнь, а особенно систему воспитания и школьного обучения, только на человека, и не позволять ей формироваться так, чтобы государство оставляло на ней свой внешний штамп, - должно стать в наше время стремлением самых широких кругов, которые имеют интерес в действительном прогрессе нашей культуры и вдохновение для этого. Поэтому «Союз для трёхчленности социального организма» поставил себе задачу собрать людей, имеющих такой интерес, в некий культурный совет, или можете назвать его, как угодно, чтобы из него могло вырасти освобождение нашей духовной жизни, а именно, нашей системы воспитания и школьного обучения, могло вырасти отделение этой системы воспитания и школьного обучения от государства и экономики. Ведь, можно понять, что те, кто как обучающие или воспитывающие личности стоят внутри этой духовной жизни, будут иметь определённый страх, если государство больше не будет платить им зарплату. Что же им тогда делать? Да, это принадлежит к тому опыту, который, к сожалению, так часто переживаются в наши дни, что люди иногда осознают необходимость перестройки наших социальных условий, но не могут подвигнуть себя к тому, чтобы действительно хотеть того, что могло бы привести к такой перестройке. Когда в последнее время с людьми много говорилось о необходимом преобразовании, - также и с теми, кто в целом убежден в его неизбежности, - тогда эти люди спрашивали: Да, но ты должен всё же как-то определённо сказать, что произойдет с отдельным человеком, что произойдет с отдельной профессией в будущем! - Почтовые работники спрашивали, когда речь заходила о социализации: Как будет социализирован почтовый работник, каким будет его положение? - В основе этих разговоров лежит нечто в высшей степени своеобразное. Люди не смотрят на нынешнюю жизнь; у них всё ещё есть иллюзии относительно устойчивости нынешних условий; они не хотят подниматься до представлений о действительном преобразовании, и тогда они спрашивают: Хорошо, скажите мне, как то, к чему я привык как к старому, будет выглядеть при новом порядке?

В таком вопросе лежит, собственно, ни что иное, как требование: Мы революционизируем мир так, что в нём всё останется по-прежнему. И если на вопрос: Как будет выглядеть старое при новом порядке? не даётся никакого ответа, то эти люди говорят: То, что ты тут говоришь, мне совершенно непонятно! - Примерно то же самое происходит, когда те, кто занят в сферы воспитания и преподавания, беспокоятся о том, как должна выглядеть их экономическая позиция. Насколько эти люди стоят в духовной жизни как обучающие и воспитывающие, эта духовная жизнь будет организована изнутри, независимо от государственной и экономической жизни, в соответствии с чисто педагогическими и дидактическими принципами и внутренними духовными идеями; в противном случае, поскольку им тоже надо жить, они будут экономическим сообществом в экономическом организме в рамках трёхчленного социального организма. И точно так же, как производство фабричных рабочих естественным образом понимает, что получит от экономической жизни

всё необходимое для удовлетворения своих потребностей, так и институт советов экономической жизни должен заботиться о том, чтобы обеспечить надлежащие экономические отношения между экономическим телом, который является самостоятельным в трёхчленном социальном организме, и другим экономическим телом, который должен заботиться о духовной жизни. А то, что остаётся между ними в качестве третьего члена социального организма, правовое государство, - оно должно будет заботиться о том, чтобы то, что содержится в свободном экономическом договоре между экономическим телом и духовным телом, было действительно выполнено. Кто действительно хочет внутренне понять - и имеет мужество для этого понимания - то, что духовная жизнь должна стать свободной, что то, что в нём является духовным, должно быть поставлено на собственное основание духа, тот сможет также призвать себя к пониманию того, как будет формироваться экономическое этой духовной части трёхчленного социального организма в будущем.

Таким образом, видно, что в духовной жизни непременно должна господствовать свобода. Поскольку эта свобода в духовной жизни является основой равенства в правовой жизни, а также основой братства в экономической жизни. И эту основу, когда речь идёт о социализации, необходимо учитывать прежде всего. В противном случае - да, в противном случае можно будет столкнуться с внешними учреждениями всякого рода, но если эти внешние учреждения немного разовьются, то окажется, например, как в России при ленинизме, где одно и то же право существует для всех, - что это фраза! Там же, где уже сегодня зашли так далеко, что один работник зарабатывает в шесть раз больше другого, и где некоторые духовные работники получают до 200 000 рублей, уже наблюдается очень сильная тенденция к старому капитализму.

Для того, чтобы социализировать общество, необходимо входить в действительные условия жизни здорового социального организма, а не просто выкрикивать в мир партийные лозунги и марксистские папские догмы как единственно практическое. Братство и истинный социализм могут изживать себя только в том случае, если, исходя из действительного социального воспитания, смогут появиться такие люди, которые заменят антисоциальные импульсы социальными, поскольку внешние институты не создадут социализм. Как раз, в сфере экономической жизни очень скоро проявится то, что все внешние институты не могут создать социализм, если люди, вовлеченные в эту экономическую жизнь, не поймут, как упорядочить, в соответствии с разумом и братством, то, что до сих пор делалось согласно абстрактным принципам прибыли капитала и заработной платы, спроса и предложения. Поскольку из запутанных представлений о том, что производственные отношения будут развиваться сами по себе так, что люди смогут жить в них социально, - из этих запутанных представлений уже сегодня достаточно ясно, что социальная жизнь должна создаваться самими людьми, социальными людьми. Институты и социально сообща действующие люди, - вот, что приведёт к тому, что я описал в своей книге «Основные пункты социального вопроса в жизненных necessities, настоящего и будущего» как замена капитала.

Если мы взглянем на то, как действует капитал, то нам должно быть прежде всего ясно, что этот капитал оторвал человека от действительно объективного интереса к производству.

Вместо отдачи тому, что производится, производство осуществляется таким образом, чтобы оно пронизано отношением: «То, как я тебя создаю, ты будешь служить другим людям, моим ближним, которых я считаю братьями», - вместо того чтобы наделять этим человеческую продукцию, сегодня смотрят на то, что как продажную цену продукта можно записать в бухгалтерскую книгу. В этом отрыве человечности от ценности человечности кроется реальный вред капиталистической системы, основанной на наёмном труде. В этом отделе человека от интереса к человеку лежит цена вреда капиталистических отношений и условия заработной платы. Именно поэтому капитал стал рассматриваться как нечто, что может полностью отделиться от действительно участия, от непосредственного активного участия в человеческих делах в рамках человеческого общества, и как нечто, что растёт само по себе, причём растёт и для тех, кто не приобретает его своим трудом сам.

Вред радикальной капиталистической системы, можно выразить самым простым способом. По сути, любой капитал справедливым образом создается посредством того, что какая-то духовная работа производит нечто такое, что служит другим людям, что служит производству товаров. Но на место этой связи духовной работы человека с капиталом выступило нечто иное, - выступила личная частная собственность на землю, личная частная собственность на средства производства. В действительно правовом государстве, никогда не может быть права на землю как на частную собственность. Распределение земли должно осуществляться демократически, а использование капитала - как я представлял в своей книге «основные вопросы социального вопроса, - может в правильном смысле происходить, только если готовые средства производства больше не продаются и становятся свободным товаром. Тогда то, что сегодня даётся капиталу, снова отдаётся духовному труду.

Это то, к чему мы должны стремиться, но к чему мы можем стремиться только в том случае, если поймем, как воспитывать людей таким образом, чтобы они могли стоять перед своими собратьями со свободным духом, чтобы они интегрировались в человеческое общество с равными правами, не требуя никаких привилегий, и чтобы они создавали для экономической жизни, которая должна быть ориентирована исключительно на производство и потребление, организации, которые включаются в свободные ассоциации, корпорации, товарищества, построенные на принципе истинного братства с пониманием потребительских нужд людей. Тот, кто хочет получать проценты на капитал, не будучи связанным с каким-либо духовным трудом, может приобрести этот капитал только по наследству или иным образом от человека, который через свой духовный труд был связан с этим капиталом. Однако, связь между капиталом и человеком оправдана лишь до тех пор, пока способности, духовный труд людей, оправдывают эту связь со средствами производства, которые, собственно, и являются капиталом. Социально владение капиталом тем, кто сам не производит, такова, как если бы человек хотел заплатить на судно, которое затонуло в океане. Затонувший в океане корабль больше ничего не может принести людям. Его больше нет, и на его месте должно выступить другое судно. Тот, кто получает проценты на капитал, не работая, подобен тому, кто хочет окупить то, что касается затонувшего корабля. С тем, что больше нет человеческих способностей и со смертью человека, связь между ним и средствами производства, то есть, капиталом, может прекратиться.

Сегодня людям ещё так трудно понять эти вещи только потому, что они противоречат современным традициям и современным институтам. Непонимание проистекает исключительно из привычки к старым условиям, а не из того, что непонятны сами эти вещи.

Ну, можно сказать: Ты утверждаешь, что высказываемые тобой вещи очень практические, в то время как они всё же являются идеалистическими! Да, тот кто сегодня не видит, что это идеалистическое должно стать практическим, и что мы пришли к сегодняшнему положению, как раз, только потому, что всегда считали, что практическое состоит в рутине пребывания в единстве со внешними институтами, кто не видит, что эта вера была иллюзорной и что сегодня практическим являются идеи, - тот действительно не может принимать участие в том, что необходимо для преобразования нашего человеческого развития. Мы живём во время, когда идеализм - если вы хотите назвать так то, что здесь выходит из практики жизни, - является самым что ни на есть практическим.

Позавчера я указывал на большую разницу, имеющуюся в душевной конституции людей Востока и Запада. Мы здесь в центральной Европе вставлены между этими душевными конституциями Востока и Запада. Признав, что перед нами, как срединным народом, стоит задача, исходя из немецкого народа, посредством равномерного и самостоятельного формирования духовной жизни, правовой государственной или политической жизни, и экономической жизни, обеспечить баланс между Востоком и Западом, мы ставим себя на почву, из которой должно возникнуть нечто надёжное для будущего, даже если люди сегодня со всех сторон хотят вырвать почву из-под наших ног. До определённой степени они могут это сделать, поскольку мы как народ Центральной Европы десятилетиями упускали возможность поставить себя на почву, из которой, как из источника, бьёт наша собственная

сила, как сила центрально-европейского народа. Но нельзя забывать о связях с теми силами нашего народа, из которых расцветают великие идеалистические и в то же время величайшие достижения человечества: Лессинга, Гердера, Гёте, Шиллера и так далее. Нельзя забывать те центрально-европейские импульсы, из которых в другое тяжёлое время вливал в сердца людей центрально-европейского народа огонь Иоганн Готлиб Фихте. То, что, собственно, лежит в основе этого факта, догадываются и другие народы. Но мы должны не только догадываться об этом, но и знать. Мы должны сказать себе, что если другие нас ненавидят, конкурируют с нами и хотят нас каким-то образом уничтожить, то это то, что мы в последние десятилетия образовали, не исходя из своего внутреннего существа, а как то, что слишком сильно делает нас похожим на других, что мы переняли в виде не немецкого индустриализма. Если же мы познаем, где находятся корни нашей силы, то у нас ещё есть надежда! Мы, немцы, не должны ставить себя на ту почву, на которую нас поставила только внешняя капиталистическая жизнь последних десятилетий в конкурентной борьбе с другими. Мы должны поставить себя на духовную почву. Мы должны понимать, что патриотизм, который заключался лишь в надежде на то, что Германия, одержав победу, привлечёт ещё больше капитала в предпринимательство, что тот патриотизм, который теперь сменился другим: Давайте перейдём к другим, давайте станем теперь патриотами там, поскольку там капитал может приносить проценты, - мы должны понимать, что этот патриотизм не является немецким патриотизмом!

Мы должны быть способными поставить себя на эту почву. Мы должны быть способными понять как народ, что поставлены между Востоком и Западом для нового строительства на основе свободы для духа, равенства для права и братства для экономики. Там, на Востоке, когда-то сильнее всего засветил духовный свет, на Западе производится топливо для этой духовной жизни. Духовный свет Востока угасает, впадает в нирвану. Топливо Запады не сможет сиять, если оно просто погрузится во тьму капиталистических отношений и отношений, связанных с заработной платой. Мы, в Центральной Европе, должны черпать надежду исключительно из того, что мы можем пробудить топливо Запады, светом Востока, превратив его в огонь, способный воспламенить человечество.

Эта наша идеалистическая, но в высшей степени практическая задача. Это то, о чём хотелось бы думать в эти дни, которые так ужасно угнетают сердца и души, когда топливо Запады хочет отнять у нас то небольшое, что у нас еще осталось, когда нам приходится погружаться в материальные лишения и нищету. Многие до сих пор этого не понимают, но это так. Эти дни громко заявляют: Речь идёт о том, чтобы быть или не быть! И то, что должно истечь из этого осознания того, что речь идёт о том, чтобы быть или не быть, - это то, что мы призваны разжечь топливо Запады светом Востока. Сегодня, придавленные глубочайшими лишениями, мы можем вспомнить слова Фихте³⁷, которые также были произнесены в тяжёлое время, когда он, говоря как немец немцам, сказал: Если вы не познаете самих себя, не найдёте себя в себе самих, то мир потеряет то, что он может иметь только благодаря вам! - Не смотря на всё, что нас угнетает, несмотря на все трудности и страдания, которые нас ожидают, если у нас есть вера в дух, мы все же можем поднять головы перед теми, кто хочет нас уничтожить, и воскликнуть: «Если вы нас уничтожите, вы уничтожите то, что вам нужно, - то, что вы не можете получить нигде, кроме этой Центральной Европы, которую вы сейчас хотите растоптать в прах. Вы научились кричать: «Свобода, равенство, братство», но мы хотим дать смысл тому, что давно стало в этих трёх словах всего лишь фразой, дать смысл из головы, говоря полностью, а не наполовину: Свобода для духа! Мы хотим дать смысл из сердца, говоря полностью, а не наполовину: Равенство для права! И мы хотим дать смысл из всего целого человека, понимаемого духовно и телесно, говоря не наполовину, а полностью: Братство для экономики! Братство для всей совместной человеческой жизни!

³⁷ «Речи к немецкому народу», лекции, прочитанные зимой 1807/08 года в оккупированном французами Берлине, в частности, первая и четырнадцатая речи.

XI. Задача школ и трёхчленного социального организма.

Лекция для союза молодых учителей.

Штуттгарт, 19 июня 1919 года.

Я испытываю огромное удовлетворение, имея возможность выступать также и перед представителями педагогического сообщества. Поскольку, чувствуя себя, благодаря своей судьбе, погружённым в различные профессии, я стараюсь также понять, как раз, в нынешние беспокойные и хаотичные времена, что живёт в этих различных профессиях и классах, а, с другой стороны, я также чувствую себя, пожалуй, особенно, я бы сказал, по-домашнему, в отношении педагогической профессии, к которой, хотя и в частном порядке, и поэтому не при самых простых условиях, я сам принадлежал много лет своей жизни. Но, благодаря этому, я чувствую себя, возможно, как раз, призванным, то, что я сейчас должен сказать в отношении преобразования условий в рамках человеческого развития, специализировать для этой профессии. Можно сказать, особенно если посмотреть на то, что живёт в нашем времени в качестве требований, в качестве взглядов, более или менее светлых или тёмных взглядах относительно того, что должно произойти, - можно сказать: Если бы к мнению учителя, - при том, что пронизывает звучанием весь мир, весь цивилизованный мир как требование нашего времени, - не прислушивались, то это, безусловно, стало бы для преобразования нашей жизни такой огромной потерей, которую только можно себе представить. И если предположить, что педагогический состав не будет уделять должного внимания работе по реорганизации условий жизни людей, то из этой реорганизации человеческих институтов непременно возникнет нечто, что, с одной стороны, очень скоро потребует улучшения, а, с другой стороны, никак не сможет способствовать спасению человечества.

Из моих последующих рассуждений вы, возможно, предположите, что у меня есть немало возражений против сегодняшних школьных учреждений; но я прошу вас не воспринимать это как нападки против самих сегодняшних учителей. Я прекрасно понимаю, как сильно страдают, а иногда даже, вероятно, стонут, сегодня учителя в условиях нынешней системы образования, - даже если в суете жизни они не всегда это в полной мере осознают. Но, как раз, по этой причине, вероятно, будет возможно наиболее глубоко и значимо прояснить в кругу учителей то, что сегодня называется социальным вопросом. Ведь, учитель, собственно, также крайне заинтересован - пусть от этого и немного зависит - лично в том, что должно выйти из этого призыва к социализации человеческого общества в настоящем и ближайшем будущем! Поскольку к партийным программам, которые сегодня в той или иной степени радикально распространяются по всему миру, можно предъявить множество возражений, и мы не хотим сегодня слишком много об этом говорить; но из этих радикальных или менее радикальных социалистических партийных программ также возникают всевозможные программы, касающиеся, так называемой, «социализации школьной системы». Если бы и школьная система была социализирована в смысле этих социалистических программ, то результатом стало бы не только то, чего сегодня опасаются многие тревожные умы: преобразования условий жизни людей в духе партийного социализма, но и, вполне вероятно, - хотя это сегодня понимают ещё недостаточно, - реализация программы социалистической партии для школы привела бы к чистому педагогическому безумию. Если это снова прозвучит несколько радикально, то прошу меня простить за то, что я не склонен развивать что-то иное, кроме объективной практической идеи, и уж точно не с какой-либо партийной позиции.

После этого вступления вы поймёте, почему, как раз, в отношении нашей нынешней школьной системы ставится вопрос: Как проявляются плоды этой школьной системы в практической жизни, в той самой практической жизни, из которой сегодня повсюду исходит призыв к преобразованиям?

Если мы не просто внешне-теоретически, а всем сердцем и умом привержены этой школьной системе как важнейшему фактору развития человечества, то мы должны сказать

себе следующее. Мы видим, как сегодня, зачастую весьма сомнительным образом, людьми, совершенно неспособными постичь жизнь со всеми её действительными требованиями и возможностями, составляются партийные программы. Мы видим, как внедряется вера в то, что хотят реформировать и революционизировать жизнь люди, которые могут реформировать или революционизировать только самое плохое. В ответ на это мы всё же должны выдвинуть вопрос: А не прошли ли души всех тех, кто приносит сегодня так много страхов, через наши школы? Мы смотрим сегодня со страхом на пролетариат, и надо даже признать, что этот страх не совсем необоснованный, совсем не необоснованный. Но этот пролетариат прошёл через наши школы, и мы должны всё же сказать, если мы думаем не близоруко, что этот пролетариат воспитали и наши школы. И по тому, что пролетариат хочет, как и по тому, в чём он ошибается, мы всё же должны узнать тех, кто имеется в виду в изречении: «По плодам их узнаете их». Это не должно быть поверхностной агитационной фразой, а должно просто обращать внимание на культурно-историческую проблему сегодняшней системы воспитания и обучения. При этом нам должно быть ясно следующее.

С пролетариатом в последние три-четыре столетия, а особенно в 19-ом столетии, появился новый человек, - человек, который в прошлых столетиях с такой телесной и душевной конституцией ещё не существовал. Сегодняшний пролетария отличает то, что, в отличие от других членов человеческого общества, вся его жизнь в гораздо большей степени, чем раньше, висит в воздухе. И это должно нас интересовать особенно с педагогической точки зрения: сегодняшней пролетарий - это тот человек, который в отношении своей жизни, должен себе сказать: Если он сам или его вынудят оставить своё место, то он окажется перед пустотой. Тогда он, как бы, не чувствует себя больше в связи с тем, что скрепляет человеческое общество. Напротив, надо сказать, что воспитание посредством школы, как раз, в тот период, когда пролетариат развивался таким образом, было таким, что это воспитание не могло воспитать человека в полного человека. Определённо не по вине учителей, а из-за зависимости школы от государства и экономических сил! Даже если в непосредственно предшествующее время учитель мог ещё заниматься с растущим ребёнком объективным образом, основываясь на подлинном понимании человеческого развития, он всё равно оказывался зажатым между двумя силами, которые, по сути, не всегда действовали в соответствии с тем, что учитель должен был считать своей задачей в отношении воспитания человека в школе.

Сегодня, когда мы, как раз, имеем более продвинутую школу, которая, однако, всё же была развита из более ранних состояний, - сегодня учитель зажат между родительским домом и государством. Но, конечно, во всех областях есть исключения, и, разумеется, слова, которыми можно что-то характеризовать, не всегда применимы ко всем отдельным случаям, но в целом, если выражаться радикально, действительно всё же следующее: Сегодня учителям приходится работать с детьми, избалованными родителями, и когда они их выпускают из школы и передают их государству, то это государство как можно быстрее высасывает из их душ то, что в эти души старался вложить учитель. Учитель, по сути, зажат между этими двумя крайностями, ни одна из которых не действует в смысле воспитания школы. И если он полностью сознателен относительно своей профессии, он стонет, собственно, между обоими этими деформациями своих учеников, - деформацией посредством родительского дома и деформацией посредством государства. Это выражено, как и было сказано, радикально. Но разве в конечном итоге мы получаем от родителей других детей, нежели тех, кто сначала вырос в тесной связи с ними, вырос так, что поступает в школу со всеми предрассудками своих родителей, так, что на них отпечатано всё, что в своих умах и в своей душевной конституции несут сами родители, - из тех слоёв и классов, в которых они находятся? А с другой стороны, мы выпускаем этих детей из школы, выпускаем в человеческую жизнь, мы должны посылать их в государственное общество. Что это значит, как раз, в наше время, показывает нам всё ужасное положение человечества в это время.

Безусловно, мы пережили много несчастий, и нам предстоит пережить ещё больше. Но разве мы, как раз, в несчастьях не видели то, что, если бы обладали достаточно

проницательным взглядом, могли бы увидеть уже в удаче, - разве мы не видели в качестве фундаментальной характеристики современного человека то, что он, собственно, не развил в детстве ту внутреннюю душевную крепость, благодаря которой, он смог бы поставить себя в жизни так, чтобы жизненная судьба не могла сломить его мышление, его чувствование, его воление? Больше, чем кажется, во всех слоях сегодня представлены сломленные характеры, сломленные натуры. Это видно из тёмных, туманных мыслей и представлений, которые люди сегодня выдвигают относительно всего цивилизованного мира, относительно ужасных событий, которые происходят. Может ли сегодня кто-либо представить себе, как это произошло? Может ли он вообще что-либо понять в этой жизни? Чувствует ли он себя ещё достаточно сильным для того, чтобы действительно активно действовать в жизни? Сломленные человеческие натуры, больше, чем мы думаем, - это, собственно, наши сегодняшние современники! И мы должны также спросить о причинах, почему школа не могла действовать так, чтобы в человеке была создана твёрдая опора, чтобы он не мог быть сломлен жизнью?

Если бы школе уже долгое время позволили обучать людей так, чтобы, благодаря тому, что ему давала бы школа, он смог бы интегрировать себя в жизнь, то сегодня положение было бы иным. Но это, ведь, было не так. Школы могли что-то дать людям. Однако те, кто принадлежал к привилегированным, руководящим, правящим кругам, всё же интегрировали людей в жизнь не через школу, а через семью, родственные связи, покровительство и тому подобное. Заботились о том, чтобы молодой человек получал то или иное положение в жизни, как раз, через те взаимосвязи, в которых они сами стояли в жизни. Единственным исключением из этого правила является пролетарий. Поэтому и для школы пролетарий является, собственно, человеком «нового времени». Пролетарский ребёнок не может быть слишком сильно разбалованным, - разумеется мог бы, но через другие вещи, не через родителей, - поскольку у родителей просто нет на это времени. И ребёнок-пролетарий, окончив школу, не интегрируется в человеческое общество посредством семейных связей, покровительству и тому подобному, а он должен интегрировать себя в жизнь в соответствии с тем, кем он является по своей собственной внутренней душевной конституции. Поэтому пролетарий, выпущенный в человечество, может полагаться только на самого себя, и в этом отношении находится в совершенно ином положении, чем люди руководящих, правящих кругов. Это, как раз, то, что придало нашей школе её неповторимый характер, выразило её характер; это то, что необходимо учитывать в настоящее время. И это также то, что порождает вопросы, исходя из которых учительский состав должен участвовать в решении важнейших социальных проблем нашего времени.

Совершенно по-другому звучит вопрос: Как мы должны готовить человека к жизни? Как мы должны воспитывать в школе, чтобы человек, проходящий обучение в этой школе, формировал силы, которые заложены внутри него - силы мышления, чувствования, воления и действия - так, чтобы они затем присутствовали в более поздней жизни в такой степени, чтобы жизненная судьба не смогла их сломить? Этот вопрос появляется вместе с основными вопросами пролетариата с ещё никогда так не проявляющейся силой. Как надо воспитывать, воспитывать посредством школы, - этот вопрос получает сегодня этим новое лицо. И именно поэтому необходимо, чтобы прежде всего учитель выносил суждение о том, как должен развиваться в школе человек, который должен быть интегрирован в жизнь.

То, что сейчас, собственно, требуют, о форме чего, однако, в различных партийных программах стоят весьма неясные понятия, и то, как, собственно, такие вопросы сегодня рассматриваются, - это видно, ведь, как раз, по выдвигаемым социалистическим школьным программам и школьным идеям. Достаточно взглянуть лишь на пару базисных пунктов этих социалистических идей и школьных программ. Там определённые социалистические личности подчёркивают, например, необходимость единой школы. Она не должна стать унифицированной, она должна стать, насколько это возможно, дифференцированной, так, чтобы учитывались отдельные человеческие способности и задатки. Социалисты выражают это требование так, что они говорят: Мы требуем дифференциации учебного плана для

единой школы, но мы требуем единство «организации». Это значит, что единая школа должна быть организована неким унифицированным образом. Нельзя через организационную структуру каким-то образом учитывать, каковы человеческие индивидуальности, а это должно быть внесено позднее, - хорошо, каким образом? Очень странно, что такая школьная программа вообще может возникнуть в социалистических кругах, по той простой причине, что социалисты, ведь, исходя из своего материалистического взгляда на историю, всегда подчеркивают, что человек целиком является продуктом внешних условий, что он вовсе не является продуктом моральных, правовых, эстетических или религиозных воззрений. Всё это, - право, мораль, религиозные, эстетические воззрения, а также наука, - социализм называет в своём марксистском папстве просто «идеологической надстройкой». Действительностью для него является то, как организованы экономические отношения. Это, собственно, делает человека, а всё другое поднимается в человеческой душе как идеологическая надстройка. И вот теперь социализм разрабатывает школьную программу, в которой требует униформирования организации и специализации учебной программы. Учебная программа тогда приносила бы нечто такое, что более или менее должно быть идеологической надстройкой, а организация предлагает то, что имеется в виде условий, в которые должен быть помещен ребенок, и посредством которых человек должен формироваться и обретать свой облик.

Если требуют униформирования (унификации) организации, то, согласно основным идеям социализма, требуют, собственно, униформирования всей человеческой природы, поскольку дифференциация учебного плана не делает того, что объектом этой дифференциации не будет просто «идеологическая надстройка». Как раз, на примере этой программы вы можете изучить, какие противоречия возникают из сегодняшних требований времени и что должно произойти, если потом представить, что из сегодняшних требований времени эти противоречия должны каким-то образом стать реальностью!

Но сами эти требования времени, - можем ли мы что-то сделать против них? Против них мы, собственно, сделать ничего не можем. Они здесь. Человечество однажды на сегодняшней ступени своего развития достигло определённой ступени своего сознания, достигло определённой душевной конституции, которая, в частности, выражается в пролетарских требованиях, которые, ведь, могут быть только сигналом для преобразования, которое произойдёт совсем в другом смысле, нежели представляет себе пролетарий. Однако в развивающееся человечество проник некий внутренний силовой импульс, и этот силовой импульс уже долго выражается в двух словах - в наше время они во многом стали избитой фразой, лозунгом, - демократия и социализм. Эти два слова выходят из глубин человеческого развития со всё большей и большей силой. И в наше время, хотя о демократии, а также о социализме, и говорят много глупостей, надо всё же сказать, что в наше время и то, и другое звучит из этих недр человечества с возрастающей силой. Требуют большей степени демократизации института государства, а также - большей степени социализации экономической жизни. Против этих требований нельзя сделать абсолютно ничего, - они определённо являются стихийными требованиями человеческого развития. Но задачей по отношению к ним является то, что человек занимает по отношению к ним разумную позицию. Что же означают, как раз, эти два требования: «демократии» и «социализма»?

По сути, это всё же означает, что в гораздо большей степени, чем прежде, то, что происходит в государственном и экономическом обществе, отдано на волю отдельных людей. В демократии отдельный человек стремится к большей степени участия в государственных институтах, вплоть до самых низко оцениваемых пролетарских кругов, чем это было раньше. При социализации человек хочет снова иметь индивидуальное, личное влияние, далеко идущее влияние на экономическую жизнь. Достаточно лишь поверхностно вспомнить, какими были условия в прежние времена, и придётся признать, что человеческое общество было гораздо более связанным. Отдельный человек был гораздо более склонен подчиниться традиции, обычаям и правилам, всему, что навязывали ему власти и прочие авторитеты. От этого почтения к власти, от этого чувства авторитета, человек стремится освободиться

посредством демократии и социализации. И отвечая на эти требования, особенно требования со стороны социалистов, что, собственно, он требует теперь от школы? Он требует социализации также и для школы. Ему представляется, что то, что должно проявляться среди взрослых в государственной и экономической жизни, - возможно, в несколько более мягкой форме, но всё же в определённой степени, - должно также распространяться и на школу. В программе, написанной одним из социалистических мыслителей, говорится также, что в будущем следует упразднить, - ведь, сегодня хотят «упразднить» всё; это главная забота людей, а то, как это реорганизовать, их заботит меньше, - упразднить авторитет ректора, директора. Хотят также до некоторой степени упразднить и авторитет самого учителя, и говорят о школьном сообществе с определённым самоуправлением учеников, где учитель должен быть включён в это школьное сообществе на правах сотоварища. И с упразднением ректора или директора должны тогда вырасти те люди, которые будут тогда особенно пригодны для демократии и социализма. Это означает, таким образом, что то, что выступает в качестве требований человечества для общественных условий взрослых, хотят устроить уже для детей. Но при этом кое-что забывают. И то, что это забывают, показывает, насколько плохи психологи, насколько, собственно, плохи исследователи души в наше время. Ведь, хороший исследователь души никогда не смог бы подумать: Если связи между взрослыми будут слабее, то надо делать слабее и связи между растущими детьми. - Поскольку хороший исследователь души сказал бы прямо противоположное. Он сказал бы: Ну, хорошо, если требование нашего времени состоит в том, чтобы связи между взрослыми в человеческом обществе слабели для того, чтобы могло быть больше демократии и социализма, то тем более важно воспитывать детей таким образом, чтобы они были способны к демократии и социализму в более позднем возрасте. Поскольку, если они уже как дети будут воспитаны так, что среди них в организации школы будет царить демократия и социализм, то в последующей жизни они совершенно точно не будут больше годными для демократии и социализма.

Это то, что, как я убеждён, должны сказать хорошие психологи, которые честно воспринимают социализм и демократию для растущего человечества. Они должны были бы сказать: Таким образом, особенно важно заложить в умы (*Gemüter*) детей такие основы, которые невозможно будет искоренить демократией и социализмом во взрослой жизни! Но тогда, это приводит нас к фундаментальному вопросу школьной методики, к фундаментальным вопросам педагогики, поскольку эта педагогика в будущем должна будет принять иную форму, нежели она была в прошлом. Прежде всего, она должна будет исходить из глубокого рассмотрения человеческой сущности, самой человеческой природы. Чтобы в качестве обучающего иметь возможность быть действенным среди детей, необходимо изучать человеческую природу гораздо глубже, чем это может учитель в настоящее время. Наши естествознание достигло величайшего триумфа за последние четыре столетия. Тот, кто знаком с методами и добросовестным характером естественно-научных исследований, также знает, чему человечество обязано этому естественно-научному направлению и его исследовательскому настрою за последние четыре столетия. Но, как раз, когда естествознание воплощает свой идеал, с его помощью невозможно познать человека. Никогда естествознание не сможет познать человека! Поскольку, со всеми понятиями, возникающими у него в результате рассмотрения природы, человек никогда не сможет познать в себе то, что в нём превосходит всю природу, то, что в нём является душевно-духовным. Поэтому даже понятно, почему в эпоху, когда естественные науки достигли своего апогея, понимание человека, как раз, в нашей европейской цивилизации - в чём нас так упрекает Восток - неуклонно снижалось. Тот, кто освоил естествознание в современном понимании, знает, как распадается под руками сама сущность человека, особенно когда он досконально следует естествознанию. Но дело обстоит не совсем так, что только естествознание позволяет распасться под руками человеческой сущности, а в том, что то, что стало естественно-научным образом мышления, естественно-научным способом представления, захватило всё сознание нашего времени. Это, ведь, живёт в каждой ведущей газетной статье и это

господствует в самых широких кругах, участвующих в требованиях новейшего времени. И это показывает нам очень существенное противоречие. Я мог бы привести множество примеров, которые могли бы служить доказательством этого. Я хочу привести только один.

Сегодня есть такой очень значительный натуралист, Оскар Хертвиг³⁸, выдающийся специалист в своей области, биологии, возможно, один из величайших и значительных биологов нашего времени. Несколько лет назад он написал книгу: «Становление организмов, опровержение теории случайности Дарвина», очень ценную и значимую с естественно-научной точки зрения. Теперь же этот несчастный решил написать книгу о социальных проблемах, о вопросах социального права. И эта книга - полная бессмыслица, чушь. Это очень характерное явление. Сегодня можно проникательно естественно-научно мыслить, прекрасно владеть естественно-научными методами, и совершенно ничего не знать обо всём социальном, правовом и о том, чем человек выходит за рамки природы. Именно потому, что наше педагогическое мышление так разносторонне было захвачено естественно-научным мышлением, оно упустило из виду действительное рассмотрение становящегося, развивающегося человека. Однако, этот становящийся, развивающийся человек станет величайшей проблемой для будущей педагогики. Я прекрасно понимаю, что относительно того, что я собираюсь представить в последующих предложениях, многие скажут, что это нечто само собой разумеющееся. Но такое само собой разумеющееся, как раз, и упускают в наше время. Есть одно высказывание, - как много есть высказываний, которые верны при правильном применении и совершенно ложны при неправильном, - которое гласит: Природа не совершает скачков. Да, природа совершает скачки повсюду. Когда она переходит от зелёного листа к цветному лепестку цветка, она совершает скачок, и когда она переходит от цветного лепестка к пестику, она снова делает скачок. Природа совершает сплошные скачки. То же самое происходит и в человеческой жизни, если только присмотреться к ней достаточно внимательно.

Тут у нас есть для юного возраста человека три строго отделяющиеся друг от друга эпохи жизни. Первая охватывает детский возраст до смены зубов. Эта смена зубов сопровождается гораздо более интенсивными изменениями в человеческом организме, нежели предполагает современная физиология. Всё существо человека, как оно развивается от рождения до смены зубов, после завершения этого процесса становится совершенно иной духовно-душевно и в определённой степени телесно. Вторая эпоха жизни - это время от смены зубов до полового созревания. Третья начинается с полового созревания и длится до конца второго и начала третьего десятилетия, до двадцати с лишним лет. Более точное изучение, основанное на внутренних качествах человека, развивающегося человека, должно стать фундаментом действительной педагогики в будущей антропологии.

В первую эпоху жизни у развивающегося ребенка происходит определённый скачок роста, который доминирует над всем остальным: ребенок - подражатель. Ребёнок предрасположен к тому, что вплоть до жестов, которые он делает, вплоть до хваток, вплоть до степени ловкости, как природное подражающее существо, он перенимает всё от того человека, который действует в его окружении. Но это заходит гораздо дальше, чем можно подумать. Влияние, которое мы оказываем друг на друга, на самом деле гораздо глубже, чем обычно предполагается. Если мы в окружении ребёнка являемся хорошими людьми, то вместе с нашими внешними жестами ребёнку передаются и наша доброта, наша способность любить и наша доброжелательность. И особенно когда мы начинаем изучать язык из нашего окружения, происходит переток в растущую личность того, что родители и окружающая среда обычно хранили в своих душах. Ребёнок полностью приспособляется к своему окружению; он становится похожим на это окружение, поскольку в человеческой природе до смены зубов господствует принцип подражания. Это можно наблюдать на примере отдельных случаев.

³⁸ Оскар Хертвиг (1849-1922), ученик Эрнста Геккеля, «Развитие организмов: опровержение теории случайности Дарвина» (1916), «В защиту этического, социального и политического дарвинизма» (1918), «Государство как организм» (1922).

К вам приходят родители и говорят: «Ах, мы пережили ужасный случай с нашим ребёнком, наш мальчик нас обворовал!» - Надо сказать сказать: «Послушайте, может быть, то, что сделал ваш ребёнок, вовсе не было кражей. Сколько ребенку лет?» - «Пять». - Вы спрашиваете дальше: «Как это произошло?» - «Ну, он открыл ящик стола, достал оттуда золотую монетку, - я рассказываю об определённом, конкретном случае, - он даже поделился купленными на эти деньги сладостями с другими детьми». Тогда можно сказать родителям: Конечно, не обязательно допускать подобные вещи, но это происходило просто потому, что ребёнок видел каждый день: мать подходит к ящику стола, достаёт деньги, чтобы что-то купить. Ребенок подражает, делает то же самое, не как что-то неправомерное, а как нечто, что, исходя из принципа подражания, должно происходить естественным образом. - Поэтому до смены зубов, родителям следует меньше уделять внимания тому, чтобы воздействовать на ребёнка посредством проповедей и наставлений, которые совершенно не имеют значения, поскольку в это время учения для него, собственно, просто звук, а вместо этого, родителям надо думать о том, чтобы быть такими, чтобы ребёнок мог всему подражать. Это было бы в это время наилучшим воспитательным принципом.

Если немного поразмыслить над нынешними условиями, то утверждение о том, что школы очень часто получают плохо воспитанных детей, может показаться не таким уж радикальным. Поскольку этот принцип, ничего не делать, ничего не говорить, и даже ничего не думать такого, что могло бы принести вред ребёнку посредством подражания, - этот принцип ещё не получил широкого распространения. Но что именно лежит в основе этого принципа подражания? Да, если этот принцип подражания учитывается в первые годы детства, если в душевных силах особенно укрепляется то, что должно укрепляться, благодаря правильно соблюдаемому принципу подражания, то в ребёнке возникает нечто такое, что впоследствии, - поскольку расцвет того, что посеяно, часто происходит в жизни довольно поздно, - позднее позволяет ему стать по-настоящему свободным человеком. Тот, кто никогда не имел в своём окружении с таких людей, которым он мог бы отдаться настолько, что мог бы им подражать, чтобы он мог принять в себя то, что они делают, не будет готов к демократической жизни; он никогда не будет способен наслаждаться свободой в жизни. Это то, что следует рассматривать как касающееся жизни. Должно быть ясно, как я уже сказал, что цветы и плоды того, что засеяно в человеческую жизнь, иногда восходит гораздо позже, чем полагают. То, что посеяно в первые семь лет жизни, благодаря правильному принципу подражания, отпечатывается глубоко в душе ребёнка и восходит только в двадцатых годах жизни и в продолжении всей остальной жизни. Как и вообще в жизни: никто не приобретает в более поздней жизни способность благословлять, если в детстве его не учили просить об этом. То, что воспитано в детстве, в жизни часто превращается в свою противоположность: прошение превращается в благословение, и тому подобное.

Затем начинается время, которое имеет значение преимущественно для школы, время от смены зубов до полового созревания. Это время снова имеет в развивающемся человеке основополагающий характерный принцип развития. Это - если действительно изучать человека, приходишь к этому, - чувство авторитета. Нет никакой возможности развить в растущем человеке между шестым-седьмым годом и пятнадцатью годами жизни определённые силы мышления, чувства и воли, которые должны развиться, если в эти годы воспитывать ребёнка без чувства авторитета. В эти годы человек должен пройти через то, чтобы смотреть на какого-то человека или на многих других людей так, чтобы иметь возможность сказать себе, - пусть высказывая это и не как ребёнок, -: То, что говорит этот человек, - правда. Вообще нельзя научиться искать истину в жизни, если сначала не искать её в каком-то человеке, который был для тебя авторитетом. Невозможно развить определённые способности человеческой природы, если мы, как учителя и педагоги, не дадим ребёнку возможность стать для него абсолютным авторитетом. В этом отношении в школе должно царить своего рода священное чувство авторитета. И если кто-то считает, что что-то другое, кроме этого священного чувства авторитета, может воспитать к демократии и социализму, если кто-то считает, что к этому воспитают какое-то демократически-социалистическое

школьное сообщество, то он сильно ошибается. Если мы желаем для взрослых людей некой внутренней зрелости, если так можно выразиться, по отношению к демократической и социалистической жизни, то как дети они должны научиться смотреть на своих учителей как на авторитетов. Это то, что мы как некую атмосферу должны вносить в школы, если хотим правильно воспитывать в соответствии с требованиями нашего времени. Только тогда, когда человек в возрасте от семи до четырнадцати лет растёт так, что он, как бы дотягивается до другого человека, который является для него авторитетом, развивается тот полный человек, который должен развиваться. И этот полный человек может развиваться только в том случае, если в это время мы некоторые вещи очень тщательным образом рассмотрим педагогически. Тут надо сказать, что, как раз, в это время особенно характерна одна вещь, непосредственно связанная с авторитетом.

Все вы знаете высказывание Жана Поля³⁹ о том, что в первые три года детства мы узнаём от своей кормилицы о жизни, собственно, больше, чем позднее за три академических года. Так ещё было в те времена, когда жил Жан Поль. Это высказывание совершенно верно, возразить абсолютно нечего. Но вы знаете, что некоторые вещи определяются физиологией ребёнка. Не нужно злоупотреблять его памятью. В этом возрасте до смены зубов он запоминает и сохраняет столько, сколько ему нужно. Со сменой зубов, однако, возникает необходимость тщательно учитывать память ребёнка. Тогда речь идёт прежде всего о том, чтобы не перегружать память в этот период, то есть, не следует насильно впрессовывать в памяти вещи, которые потом снова выпадут сами по себе. Трудно поверить, - и то, что мы этого не знаем, является, в свою очередь, следствием ошибок современной психологии, - как вредно для человека, когда его память настолько перегружается в это время, что ему приходится воплощать в ней вещи, которые потом снова выпадут сами по себе. Поэтому необходимо заботиться о том, чтобы по возможности посредством повторений и тому подобного, - повторения должны составлять основу для периода между седьмым и четырнадцатым, пятнадцатым годами, - те вещи, которые сначала изложенные подробно, представлялись памяти в как можно более коротких обобщающих предложениях, так чтобы ребёнок действительно сохранял в себе определённые вещи, по крайней мере, в определённой степени, - сохранял в себе определённые вещи из жизни этих лет, как христианин сохраняет Отче Наш - пусть и в меньшей степени, - чтобы они всплывала снова и снова, составляя часть внутренней жизни души. В это время нельзя забывать делать акцент на развитии душевных сил. Но в этом отношении много грешат. Поскольку в это время больше внимания уделяется школьным предметам, которые требуются жизнью и государством, чем самому растущему человеку. Ведь, дела обстоят так, что всё, что является таким конвенциональным для жизни как чтение и письмо, не так внутренне обосновано, как, например, геометрия или арифметика. То, что мы имеем именно этот язык, - это, опять же, нечто такое, что менее фундаментально связано с внешним миром, а также с миром в целом. То, что у нас есть такие буквы для письма, меньше связано с общими условиями в мире, чем, например, то, что у треугольника есть три стороны или что сумма его углов равна 180 градусам, или тому подобное. Всё, что так же конвенционально как чтение и письмо, мы можем использовать преимущественно для развития интеллекта; это особенно способствует формированию понимания (Verstand). Нас завело бы слишком далеко, если бы мы сейчас подробно остановились на этом предложении истинной психологии, но любой, кто рассматривает жизнь со всех сторон, подтвердит его.

С другой стороны, всё, что больше связано с общими мировыми условиями или то, что обращается к человеческой памяти, как, например, уроки истории или географии, опять-таки более связано, хотя это и может показаться парадоксальным, с силами чувства, формирует чувство. А всё, чему мы учим ребенка в плане искусства, формирует жизнь воли, и мы должны, собственно, организовать отдельные школьные предметы так, чтобы иметь в виду развивающегося человека и всегда знать: Этим мы формируем мышление, этим мы

³⁹ Jean Paul Friedrich Richter по прозвищу Жан Поль (Jean Paul), 1763-1825, «Levana oder Erziehungslehre» («Левана или учение о воспитании»), 1806.

формируем чувство, а этим мы формируем волю. Важно развитие человека, а не определённая сумма знаний.

Если мы имеем эти основные принципы, то мы учим ребёнка чему-то такому, чему сегодня почти не учат. Сегодня учат многому: географии, счёту, рисованию и та далее. Об этом я говорить не хочу. Но всё же надо учить так, как я сейчас сказал; но тому, как учить, учат мало. Однако, жизнь сама по себе является великой школой жизни, и из школы может выйти что-то правильное только в том случае, если человек в себе самом приобретет способность учиться у жизни на протяжении всей своей жизни. Но этого сделать нельзя, если в эти годы ваша голова забита знаниями. Это можно сделать только в том случае, если школа будет использоваться для того, чтобы формировать в душе человека эти силы мышления, чувствования и воления. Тогда учатся учиться у жизни. Если мы хотим демократии и социализма, нам не нужна надменность, чтобы всё определять и всё знать. Нам нужно преодолеть огромное заблуждение, что достаточно быть двадцатилетним, разумным, совершеннолетним человеком, чтобы быть избранным во все государственные парламенты, чтобы говорить так, как говорят люди, имеющие жизненный опыт. А надо воспитать в себе глубочайшую человеческую скромность, понимая, что мы не являемся в какой-то момент абсолютно законченными людьми, а являемся развивающимися людьми от рождения до смерти. Что каждый день жизни имеет определённую ценность, и что мы не просто живаемся в свои тридцать лет, пройдя свои двадцатые года, что каждый новый день и каждый новый год приносит нам новые откровения. Но это должно быть заложено в школе как действительный импульс жизни, как я только что указал. В век естествознания этим вещам не всегда можно было отдать должное. В век естествознания, например, в школу закрался принцип, который, с одной стороны, является чрезвычайно правильным, но, с другой стороны крайне сомнительный: это наглядность (*Anschaulichkeit*). Меня всегда немного охватывает ужас, когда захожу в школьный класс и вижу арифмометр (счёты), на чём дети должны «наглядно» учиться считать и складывать. В арифметике это еще возможно. Но если этот принцип наглядности расширить радикально, то надо возразить, что, ведь, принцип наглядности оправдан в педагогике только в том случае, если все в мире действительно наглядно. Но считаете ли вы, что в мире всё действительно наглядно? Ведь, есть многое, что в мире не может быть наглядным, а именно, все чувственные и волевые оценки, симпатия, антипатия и так далее. Их нельзя отнести к наглядному, они должны быть, как раз, посредством неопределённых флюидов, если можно так выразиться, переходить от учителя к ученику в согласии с принципом авторитета. Это имеет огромное культурно-историческое значение.

Мы видим, как чрезмерно люди сегодня образованы интеллектуально, особенно в нашей европейской цивилизации, и как всё, что они ставят как требования к жизни, они всегда переводят в принципы разума. То, что теперь самое соответствующее разуму, что полностью является разумом (*Verstande*), - это марксистская программа. А именно, это, как раз, основная характеристика марксистской программы, что она получила свою структуру только от разума. Собственно, то, что заложено в этой марксистской программе, понятно настоящему только тогда, когда знаешь, что всё в ней продиктовано только разумом, - часто очень острым разумом, сверх острым, гениальным разумом, но только разумом. В человеческой природе, в человеческой душе отдельные душевные силы находятся во взаимодействии друг с другом. Когда одна одна сила сформирована чрезмерно, остальные отступают, - одни силы формируются больше, другие меньше. Если чрезмерно развиты силы разума, то эмоции остаются на более низкой ступени. Они становятся, хотя и сильными, но элементарными (стихийными), дикими. Поэтому мы видим, что в наше время интеллекта самые дикие эмоции, самые ужасные инстинкты возникают как «исторические требования». Поскольку именно это приходит из Восточной Европы и начинает наводнять Центральную Европу: элементарные (стихийные), инстинктивные требования, являющиеся противоположным полюсом интеллекта. Хотелось бы, чтобы люди в этом отношении начали задумываться о действительных связях.

Тут есть, например, два действительно бравых буржуазных философа. Один является в мире девятнадцатого столетия более естествоиспытателем, это Авенариус⁴⁰, а другой - Мах⁴¹. Один находится в Цюрихе, где он также преподавал, другой - в Вене. Оба эти человека, Авенариус и Мах, выработали в себе в высшей степени естественно-научный настрой. Этот настрой они превратили в философскую доктрину. Почему? Потому что этот принцип, сделать действенным для человеческой науки только наглядное естествознания, было для них всем.

Эти люди были действительно очень brave, хорошие бюргеры, в величайшей степени brave люди, в этом я могу вас заверить. И теперь эта философия Авенариуса и Маха стала государственной философией большевиков в России! Эта взаимосвязь могла бы показаться необъяснимой. Внешне это можно было, вероятно, объяснить тем, что многие большевики учились в Цюрихе. Но это не имеет значения, поскольку никому не нравится философ, который не был бы родственен внутренне. А эта внутренняя связь состоит в том, что действительно то, что нашло выражение в таком чисто естественно-научном наглядном мышлении, является настолько односторонним, что, благодаря тайне человеческой природы, пробуждает те эмоции, те стихийные инстинкты, которые затем изживаются в большевизме. Это не случайность, за этим стоит внутренняя закономерность. И о таких вещах никто не задумывался больше, чем учителя, поскольку эти вещи принадлежат к самым интенсивным вещам в культурной педагогике.

Нам надо просто себя спросить, как нам воспитывать ребёнка? В наше время, когда восстаёт всё, мы не должны полагаться только на формалистическую методичку, педагогику и дидактику; для того, чтобы построить здоровую педагогику, мы должны привлекать историю культуры. Поэтому принципу наглядности мы снова должны противопоставить нечто такое, что будет формировать волю. В нашем круге мы попробовали - в отношении многого можно было бы возразить, но речь идёт о направлении которое я сейчас указал, - мы попробовали заменить простую физиологическую гимнастику, где, собственно, рассматриваются только движения конечностей по отношению к физиологии, эвритмией, которая является одушевлённым искусством движения человека, и в отношении которой уже установлено, что, так же как она является искусством, с другой стороны, она является одушевлённой гимнастикой, и что, как раз, благодаря этому, она может привести нечто значительное в воспитании воли. И так надо преобразовать многие вещи, в которые вы сейчас твёрдо верите, если вы действительно хотите рассчитывать на такое воспитание человека, благодаря которому он сможет правильно интегрироваться в демократию и социализм. Иначе демократия и социализм станут самой страшной чумой для цивилизованного человечества будущего. Что нужно будет учитывать больше всего, так это то, чтобы в то время, когда люди хотят участвовать, во-первых, в государственной жизни, а во-вторых, в экономической жизни через всякого рода «советы», где даже то, что достигнуто капиталом, должно быть заменено разумностью различных производственных советов, транспортных советов, экономических советов, - чтобы в это время люди, как раз, посредством воспитания проделывали то, что делало бы их способными практиковать вещи, которые требуют от них демократия и социализм. Поскольку демократия и социализм должны быть не просто человеческим требованием, они также должны представлять собой систему человеческих обязанностей и обязательств.

Так серьезно нужно сегодня относиться к вещам, и, в частности, мы должны то, что лежит в современных требованиях демократии и социализма, привести в педагогику и систему воспитания. И если человек хочет развить в себе действительно понимание

⁴⁰ Richard Avenarius, Париж 1843-1896 Цюрих, искал свободное от метафизики «естественное понятие мира», которое обосновало бы «чистый опыт» (Эмпириокритицизм). «Kritik der reinen Erfahrung» («Критика чистого опыта»), 1888-90; «Der menschliche Weltbegriff» («Человеческое понятие мира»). 1891.

⁴¹ Ernst Mach, Тупас/Мэрен 1838-1916 Хаар/Мюнхен, «Die Analyse der Empfindungen und das Verhältnis des Physischen zum Psychischen» («Анализ ощущений и отношение физического к психическому»), 1886; «Erkenntnis und Irrtum» («Познание и заблуждение»), 1905; «Die Leitgedanken meiner naturwissenschaftlichen Erkenntnislehre» («Ведущие мысли моего естественно-научного учения познания»), 1919.

потребностей и способностей других людей, то есть, если он хочет социализироваться, то через принцип подражания, через принцип авторитета он должен воспитать в себе ту способность к любви, которая приводит его к действительному братству в жизни. Поскольку социализм без людей, склонных к братству, - это уют без ручки! Поэтому можно сказать: Было бы плохо, если бы, прежде всего, не спрашивали учителей, когда дело касается преобразования нашего общественного будущего, поскольку только с этой стороны может дуть тот ветер, который действует действительно оздоравливающим образом по отношению к охарактеризованным требованиям времени.

Я легко могу поверить, что сегодня, а также в переходное время, как раз, у педагогического сообщества могут быть значительные сомнения относительно того, что должно произойти, чтобы стало возможным создание такой школы и такого воспитания, как они здесь охарактеризованы, благодаря стремлениям «Союза для трёхчленности социального организма». Этот Союз для трёхчленности видит в зависимости школы от государства, в проникновении в школу государственных принципов невозможность для будущего культивировать в этой школе то, о чём здесь сегодня говорилось. Социалисты могли бы немного подумать об этом. Они хотят всё определённым образом сделать государственным или обобществить. Человеческий класс, им предшествующий, эту школу сделал государственной. Школа является полностью и совершенно огосударственной, на её примере можно изучать, что такое огосударствление. И сегодня, под призывом к социализации, тот, кто относится к делу серьезно, кто способен взглянуть на вещи с культурно-исторической точки зрения, должен сказать: разгосударствление школ - это то, что действительно важно. Поэтому «Союз для трёхчленности социального организма» имеет принцип, поставить институт школы на самого себя, дать институту школы самоуправление, так чтобы со стороны государства не было никакого контроля, чтобы то, что в школе действует как самоуправление, выросло само по себе только из потребностей духовной жизни. Тогда что-то вырастет. Я хочу вам в качестве примера сказать только одно, поскольку через пример, мы, возможно, сможем легче понять эту обширную тему.

Мы различаем сегодня школы начальных классов, средние школы и высшие школы. В высших школах обучают также педагогике. Этой педагогике хотят сегодня дать лучшее место, но она всегда, собственно, оставалась «второстепенным предметом». До сих пор было так: приглашался какой-нибудь философ, чтобы он читал философию, а затем ему в качестве дополнительного предмета добавлялась ещё и педагогика. Это в большинстве случаев была также нагрузка, которая принималась без особого удовольствия. В будущем должно быть иначе. Поскольку в будущем всё, что является духовной жизнью, должно быть связано с общей жизнью человека. В будущем, если такой идеал действительно может быть реализован так, как я изложил вам сегодня, в будущем учитель будет настоящим психологом. Он должен будет воспитывать растущего человека, исходя из своего углублённого знания человеческой природы, тогда он будет лучше всего знать, что такое педагогическая истина. Тогда учитель, который обычно учит детей, будет приглашаться в университет преподавать педагогику. И после того, как он некоторое время, будет это делать, он снова будет возвращаться в школу, будет снова учить детей, приобретать новый опыт, а затем снова будет преподавать педагогику. Тогда это будет действительно «республикой учёных», как об этом мечтал Клопшток⁴². Мы не продвинемся вперёд, если не будем принимать эти вещи так основательно и глубоко. Сегодняшнее время предназначено для того, чтобы сообщить эти вещи внешней жизни.

Но чтобы всё это осуществить, всё, что является духовной областью, должно быть царством для себя. Самое большее это может пробудить мысли: Если государство перестанет посредством своих принудительных мер обеспечивать кошелек учителя тем, что должно туда попасть, то ситуация учителя окажется в крайне тяжелом положении. Теперь же учитель будет принадлежать некой экономической корпорации, как есть и другие экономические

⁴² Friedrich Gottlieb Klopstock, 1724-1803, «Die deutsche Gelehrtenrepublik» («Немецкая республика учёных»), 1774.

корпорации. Наряду с тем, что он является учителем, он окажется перед третьим членом трёхчленного социального организма, экономическим, и будет получать средства к существованию от этого независимого экономического образования. Поскольку у трёхчленного социального организма будет самостоятельное экономическое образование, как и самостоятельное государственное образование, где на демократической основе будут заботиться о праве, и как у него будет собственная свободная духовная область. И то, что сегодня обходным путём через налоги приходит в кошелек учителя, будет приходиться напрямую из экономической жизни, а кроме того, благодаря поставленной на саму себя духовной жизни, будет создана правильная атмосфера для школы и процесса обучения.

Здоровый социальный организм также включает в себя правильная, исходящая от целостного полного человека оценка различных благ (Güter) и достижений (Leistungen) жизни. Такая оценка благ и достижений должна присутствовать. Но относительно того, что, собственно, учитель делает для подрастающего поколения, в здоровом социальном организме совершенно не должен господствовать взгляд, что за это можно «заплатить». Это подарок, который учитель передаёт человечеству из духовной сферы! Здоровый социальный организм должен охватить этот настрой, что учитель является посредником, через которого из тёмных глубин поднимаются способности человека, индивидуальные способности человека, как они заложены в человеческой природе. Это просто огромное заблуждение, свойственная филистерству, когда считают, что за то, чего можно достичь в сфере образования, нужно платить. То, что должно делать экономическое тело здорового трёхчленного социального организма, должно состоять только в том, чтобы предоставлять учителю возможность жить так же, как и все другие люди. Надо будет полностью разделять в сознании это предоставление возможности жизни и оценку преподавания; это будет тот здоровый импульс, без которого, в свою очередь, не может быть никакой демократии. Поскольку та демократия, которая всё нивелирует, которая больше не способна оценивать эти вещи, будет только разрушать их, и тот социализм, который считает, что можно за всё заплатить, также будет разрушать жизнь. Необходимо, чтобы не только сам учитель был фактором, который будет услышан, когда звучит призыв к демократии и социализации, но, и чтобы оценка деятельности учителя само снова прорастало из структуры здорового социального организма. Союз для трёхчленности социального организма стремится к тому, чтобы каждый из этих трёх сфер жизни обрёл самостоятельность. Поэтому он хочет, чтобы то, что до сих пор смешано в неорганическом, хаотическом единстве, - экономическая жизнь, духовная жизнь и государственная жизнь, - было поставлена на три здоровых основания: самостоятельную духовную жизнь, самостоятельную демократическую государственную или правовую жизнь и самостоятельную социальную экономическую жизнь. А человек образует в этих трёх более высокое единство. Он будет принимать участие во всех трёх областях. Не надо бояться, что это единство будет утеряно. Тот, кто считает, что посредством идеи трёхчленности мы стремимся разделить лошадь на три части, имеет слабое представление, о чём тут идёт речь. Мы не хотим делить лошадь на три части; мы просто не хотим, чтобы считали, что лошадь является настоящей лошадью только в том случае, если она стоит на одной ноге. Здоровый социальный организм стоит на своих трёх здоровых ногах. Это, во-первых, самостоятельная духовная жизнь, к которой относятся воспитание и школьная система; во-вторых, самостоятельная правовая система, к которой относится демократическое государство; и в-третьих, самостоятельная экономическая жизнь, которая единственно и может быть социализирована. Если вы захотите социализировать также и правовую жизнь, и, тем более, духовную жизнь, то из этого не выйдет ни социализма духовной жизни, ни социализма правовой жизни, ни социализма экономической жизни, а выйдет ни что иное, как то, что всё ввергает в униформность экономической жизни, чтобы людей одевать и кормить, и что постепенно иссякнет всё, что могло развиваться только самостоятельно: государственная или правовая жизнь и духовная жизнь.

Это серьезный вопрос, особенно также как народно-педагогический и культурно-педагогический вопрос, который в самом широком смысле является фундаментальным

вопросом нашего времени. Насколько мне это удалось в этих уже и без того пространных размышлениях, я попытался вызвать понимание того, что в действительности хочет импульс трёхчленного социального организма, и что в особенности он хочет для освобождения духовной жизни, школьных и воспитательных институтов от многочисленных ограничений, которые их сковывают. Я получил бы особое удовлетворение, если бы то, к чему стремятся, исходя из таких оснований, нашло интерес и внимание, особенно среди учителей, педагогов и воспитателей.

Заключительные слова после дискуссии.

В ходе последовавшей оживленной дискуссии было высказано мнение, что дети пролетариата испорчены плохими примерами для подражания и непригодны для того, чтобы представлять собой «новых людей». - Также было высказано предположение, что авторитет лучше заменить руководством и следованием ему, как к этому стремятся в школьных сообществах. - Воспитание всё же должно определяться личностью учителя, всё равно в каком политическом контексте это происходит. - Только новая программа подготовки учителей могла бы развить независимость в учителях; сегодня же им требуется авторитет государства. - Государство, как утверждалось, наделило учителей авторитетом и в дальнейшем этому не мешало; оно, якобы, незаменимо.

ДОКТОР ШТАЙНЕР: Сначала я попрошу позволить мне заняться отдельными вопросами, которые были поставлены. Сначала вопросом председательствующего относительно детей пролетариата.

Если я сказал, или если кому-то послышалось из моих слов, что я обозначил пролетариев «типом нового человека», то я прошу вас не понимать это так, будто под «новым человеком» надо подразумевать, своего рода, ангела. Это заблуждение, которому очень часто предаются, что, когда говорится о новом особенно в прогрессе человечества, предполагается, что новое всегда является также и лучшим. Это влияние фундаментальной ошибки шаблонных партий. У них новое всегда было лучшим. В этом смысле я не обозначал пролетария как «тип лучшего человека», а лишь хотел сказать, что это тип человека, который сформировался в последнее время, за последние три-четыре столетия, особенно в девятнадцатом столетии. Когда я затем сказал, что буржуазный ребенок избалован своими родителями, я также сказал, что пролетарский ребенок тоже избалован, - вспомните, пожалуйста, что я добавил это, - но он избалован не родителями, у которых на него нет времени. Дело обстоит так: пролетарский ребёнок сегодня является, как правило, большим плутом, чем буржуазный. С этим, безусловно, можно согласиться. И то, что уважаемый председательствующий, который является учителем пролетарских детей, может тут пережить, я представляю себе так же, как и он. Я мог бы предположить, что именно потому, что пролетарий представляет собой тип нового человека, пролетарский ребёнок несомненно является большим плутом. Но он является большим плутом по-другому. Он подражает всему, чему только возможно, не потому, что он подражает своим родителям, которые принадлежат к определённому социальному слою, а, следовательно, и свойствам класса, а потому, что - выражаясь радикально - будучи предоставленным самому себе, он воспитан улицей. Поэтому в общем он хуже. Он вырос из человечества, в котором сегодня невозможно подражать чему-то особенно хорошему. Он вырос больше из общего человечества, так что в этом отношении он стоит в жизни так, как позднее стоит в жизни пролетарий. Он вырос больше из самой жизни. Буржуазный ребенок, напротив, помещён скорее в определённую теплицу. В этом различие. Нет сомнений, что пролетарский ребенок подражает всему, чему только возможно, и приходит в школу с результатами этого подражания, которые весьма нежелательны. Но мне важно было показать, как перед пролетарским ребёнком вырастают новые вызовы, поскольку он происходит не от родителей с совершенно определёнными классовыми характеристиками и не выпускается в жизнь под защитой отца, матери, брата, сестры, дяди, тёти и других, кто его составляет ему протекцию, и поскольку ему приходится полагаться только на то, что было воспитано в его душе, во всем его существе. Люди часто повторяли за человеком, который, как раз, не отличался особыми достоинствами на своем посту: «Свободный путь для самых

способных». Но эти вещи стали сейчас фразой. Поскольку легко можно сказать «Свободный путь для самых способных», если при этом иметь в виду только собственного племянника или сына брата или сестры. Таким образом, эти вещи надо воспринимать в соответствии с реальностью, а не образно. Мы очень сильно живём во фразе, поскольку не можем воспринимать вещи буквально. Я прошу вас это учитывать. То есть, это в отношении подражания. Что касается авторитета, то естественно, что пролетарские дети, как правило, не очень склонны к обладанию чувством авторитета. Но первостепенной задачей, посредством подготовки педагогов, как раз, и должно быть развитие этого чувства авторитета, особенно у детей из пролетарских семей.

Затем говорилось о том, что важно не то, где какая-то личность заботится об образовании мышления, чувствования и воления, внутри или за пределами государства. Я не мог действительно понять этот вопрос, хотя он и прозвучал дважды. Здесь важно то, чтобы у личности не забирались силы из-за ограничений, обусловленных государственными предписаниями. Надо просто учитывать, что это значит, когда через голову проходит не то, что выходит из свободной личности самого учителя, а то, что навязывается ему посредством предписаний, учебных планов и целей государства; когда человек формируется не как полный человек, а как человек, который затем должен надлежащим образом выполнять указания государства на той или иной должности.

Затем – ведь, об этом всегда спрашивают, когда обсуждается этот вопрос, - прозвучало возражение, что интерес к образованию и потребность в образовании в наши дни не так уж и велики, что большинство родителей были бы рады вообще не отправлять своих детей в школу. - Было даже сказано, что никто больше не отправлял бы своих детей в школу. - Но то, что я сказал, ведь, совершенно не касалось этого внешнего вопроса о том, следует отправлять детей в школу или нет. В своей книге «Основные пункты социального вопроса» я говорю о праве на воспитание, которое имеет ребёнок, и в отношении которого в будущем государстве будущая экономическая жизнь даже должна будет внести соответствующий воспитательный вклад. Таким образом, я говорю не о том, что «обязательное школьное образование» воспринимается как неудобство теми родителями, которые не хотят отправлять своих детей в школу, а лучше в поле; а я говорю о том, что в здоровом социальном организме ребёнок имеет право на воспитание. Теперь можно было бы сказать: Если он имеет это право, то государство - почему сегодня государство подверглось нападкам, как выразился один из выступающих, я не знаю - будет по-прежнему существовать как юридический институт, - но сегодня я должен был говорить только о духовных институтах. И тут можно было бы возразить: Если будет осуществлено это право на воспитание ребёнка, то родители будут обязаны отправлять своих детей в школу; тогда, на мой взгляд, можно оставить (lassen) и школьное принуждение. Но это не имеет никакого дела с постановкой на саму себя духовной жизни, не имеет дела с тем, что будет делаться в школах, с управлением школ. Недавно я ответил на этот вопрос следующим образом: Если не будет школьного принуждения, если будет право на воспитание, то можно будет даже пригрозить назначением опекуна, который будет представлять право ребёнка на воспитание, для детей тех родителей, которые отказываются отправлять своих детей в школу; тогда они будут прекрасно их туда отправлять. На все эти второстепенные вопросы можно ответить, только если иметь добрую волю, чтобы действительно понять главный вопрос: Насколько всё будет зависеть от того, что духовная жизнь свободным образом будет поставлена на саму себя?

Затем была упомянута дилемма, возникающая, когда позднее государство, или сама жизнь, отвергает то, что учитель как авторитет привил детям. Но, ведь, как раз, из осознания этой дилеммы и возникает требование отделения школьной системы от государства. Как раз, для того, чтобы ни одно государство впоследствии не отвергло то, что было в школе заложено в душу ребенка посредством авторитета, система школьного воспитания и образования должна быть поставлена на своё собственное основание. Если государство не будет одновременно являться авторитетом для учителя и человек впоследствии будет вынужден заниматься в жизни чем-то другим, то он не будет думать о своём учителе так,

будто тот теперь для него ничего не стоит, если государство скажет что-то другое, а он будет ощущать это, как тяжелую судьбу, что он не может выполнить то, что заложил в его душе учитель как авторитет. Если вы поразмышляете над этим в деталях, то увидите, что разрешение этой дилеммы уже было весьма успешным. Но именно потому, что эта дилемма долгое время лежала на душах людей, на основе наблюдений за жизнью и возникло требование автономии духовной жизни, и особенно школы и системы образования. Все подобные вещи - а их много, как и дилемма, столь удачно представленная здесь, - возможны только в том случае, если школьная система помещена в то, что лежит на демократическом основании, интегрировано в правовую жизнь государства.

То, что об авторитете говорила Фрау Б., прозвучала для меня настолько абстрактно и теоретически, что я не думаю, что такие вещи действительно могут иметь какое-то значение для жизни, для практической жизни. Из того, что я сказал, никто не мог услышать, что я предполагаю, что ребёнок мог бы сформировать себе «суждение» о том, что учитель является авторитетом. Это вещи, которые в атмосфере жизни складываются сами собой.

Что касается вопроса об учителях, то, исходя из различных предпосылок, получится так, что в будущем речь будет идти о селекции, выборе учителей, и допуск к учительству будет осуществляться не просто на основании экзамена, или обладания определённого объема знаний. Эти знания при определённых обстоятельствах можно будет приобрести позже за несколько часов; их можно будет восполнить с помощью различных учебников. Важна личность учителя, его внутренние способности. Конечно, я не имею в виду, что, если человек раньше не стоял внутри этого знания, он легко сможет усвоить его позже за пару часов. А, если это необходимо, - конечно, в этом надо быть и раньше, - позднее, там, где это нужно, он смог бы легко освежить их в памяти. Важно, чтобы была создана определенная гарантия того, что должно определять учителя как такового, гарантию того, что, благодаря всей своей личности, он стоит в человеческой культуре так, что от него может перейти к ученику нечто такое, что затем может действовать авторитетным образом. - Эти вещи необходимо рассматривать гораздо глубже и тщательнее, чем это часто делается сегодня, когда приводятся такие абстрактные вещи, как «лидерство» и «следование» или «школьное сообщество». - Я прошу ещё учесть то, что я говорил о «школьных сообществах». - Важно воспринимать вещи так, как они сказаны, а не переводить их сначала в созданную самим абстрактную программу.

Затем много говорилось о вопросе отделения церкви от государства. Ведь, исторически дело обстоит так, что долгое время просто не могло быть иначе, чем таким образом, что школа в определённом смысле была неким придатком церкви. Положительная задача государства в новейшее время состояла в том, чтобы отделить систему воспитания от церкви и поставить её на собственное основание. Сейчас, однако, мы снова оказались перед необходимостью оздоровить то, что касается школы, ставшей зависимой от государства, посредством постановления её на собственное основание. То, что эти вещи легко могут рассматриваться в агитационном ключе, сегодня упускать из виду, собственно, не следует. И всё же во многом из того, что сегодня говорится по этим вопросам, я слышу не совсем объективные вещи. Необходимо также чётко понимать следующее: Посредством никакого вида будущей педагогики или будущей школьной конституции мы не должны прийти к какому-либо униформированию человеческой душевной жизни. Мы не должны считать что-либо единственно верным воззрением на душевно-духовное, и требовать, чтобы этому учили детей. Мы должны быть в состоянии также поставить себя в положение других мыслящих и чувствующих людей. Тут речь идёт о том, чтобы мы не боялись требований, например, католических родителей, чтобы их дети получали также католическое религиозное обучение. Не надо этого бояться, если сам твёрдо стоишь на собственных ногах. Также не надо бояться и какого-либо другого мировоззрения, если у вас есть собственный энтузиазм и сила для своего собственного мировоззрения. Эти вещи должны иметь возможность развиваться в условиях свободной духовной конкуренции, но, в любом случае, не посредством государственного законодательства. Как вредно, когда церковь согласно государственному

законодательству становится государственной церковью и тем самым получает преференции, точно так же вредно, и когда церковь подвергается преследованиям. Никакая душевная ориентация не должна подвергаться преследованиям или защите со стороны государственного законодательства. И тот, кто начнёт с этой мысли и достаточно её обдумает, обнаружит, что действительно необходимо строить духовную жизнь, и особенно школу и систему образования, на собственном основании.

То, что было сказано относительно того, что авторитет учителя не должен сохраняться всю жизни, что молодой человек должен от него освободиться, - это либо нечто само собой разумеющееся, либо что-то было понято неверно. Поскольку само собой разумеется, что человек не может быть подчинен авторитету учителя всю свою жизнь. Этот авторитет должен работать в том направлении, чтобы человек мог сказать себе: А что сделал бы в этом случае учитель? - Тогда, благодаря тому, что этот авторитет учителя вселил в душу человека, этот человек сам мог бы стать авторитетом. Но нужно осмысливать эти вещи гораздо более основательно и глубоко, поскольку авторитет учителя действительно может сохраняться на протяжении всей жизни. Я уже говорил, что за то, что учитель даёт в воспитании, действительно нельзя «заплатить». Оплата при этом означает нечто совершенно другое. Но то, что может быть сделано посредством воспитания, так это формирование таких взаимоотношений между учителем и учеником, чтобы учитель на всю жизнь мог остаться для ученика авторитетом. И я хотел бы спросить, что может быть прекраснее, если позже, когда человеку исполнится шестьдесят, он, оглядываясь на свою молодость и вспоминая учителя, скажет: «Этот учитель был для меня авторитетом; я до сих благодарен ему за то, кем я стал!» - Этот авторитет действительно может сохраняться и жить дальше, посредством благодарности учителю, которая длится всю жизнь. Это те вещи, с которыми психология, доросшая до сегодняшних задач, должна считаться.

Когда затем говорилось, что государство всё же необходимо необходимо, или что его можно заменить неким духовным сенатом или чем-то подобным, то об этом уже было сказано: Тот, кто не ощутил принуждения государства, просто его не видел. И видите ли, дело действительно обстоит так, что быть государственным учителем для людей во многом стало чем-то вроде второй природы. И когда это стало для них второй натурой, они перестали понимать, что учит, собственно, не их свободная личность из источников духовной жизни, а что они привыкли к государству, привыкли продолжать в своём преподавании то, что им предлагает государство. Они чувствуют себя «свободными». Но чувствование себя свободным, особенно в нынешнем духовном состоянии человечества, не является доказательством того, что человек действительно свободен.

Я хотел бы обратить ваше внимание на то, что человек, которого многие считают «великим учителем мира», Вудро Вильсон, даёт в своей работе «О свободе» настолько своеобразное определение того, что он считает свободой, что от него хочется лезть на стену. Он говорит примерно следующее: «Свободным можно назвать механизм, который не имеет никаких препятствий и функционирует согласно различным, применённым к нему мерам; в или свободным может быть корабль, который движется согласно тому же принципу, тем же определённым образом. - Но эта механическая свобода - не та действительная свобода, которую мы имеем в виду: её нужно чувствовать».

Затем, ведь, было также сказано много о том, что я действительно совсем никак не говорил. Особенно всякие такие вещи были сказаны тем господином, который защищал государство. Я совсем не нападал на сегодняшнее государство, а тот, кто меня правильно понял, знает, что я сказал: Из того, к чему стремятся сегодняшние социалисты, грозит получиться то-то и то-то, - тогда случилось бы то, что, как раз, не должно случиться, поэтому надо делать то-то и то-то. - Теперь, мои многоуважаемые присутствующие, я не могу вникать в вещи, которые были сначала сконструированы из моих слов, и против которых затем затевается полемика. Но одного я всё же хотел бы ещё коснуться. Было сказано: Также и для учителя, в свою очередь, необходим авторитет. Я, ведь, ничего не сказал об авторитете, который необходим учителю, а я говорил о том, что учитель должен быть авторитетом для

ребёнка! Необходим ли авторитет для учителя, - это совсем другой вопрос, ответ на который состоит в том, что, в конце концов, об этом позаботится сама жизнь. Если вы просто наблюдаете за жизнью, как она есть, то этого сегодня слишком мало. Если вы делаете это только в соответствии с жизнью и действительностью, вы скажете себе: Да, люди настолько разные, что, в конце концов, даже тот, кто может быть авторитетом в самых разных областях, всё равно найдёт себе другого авторитета. Об этом уже позаботятся, что всегда можно найти себе другого авторитета. Но это, не правда ли, не обязательно доводить до крайности. Кто-то может быть авторитетом просто потому, что он в чем-то превосходит другого.

Когда я говорил о «Республике учёных» Клопштока, это не значит, что теперь каждый будет делать то, что хочет: Он, как раз, скорее будет делать не то, что хочет, а действовать, исходя из потребностей духовной жизни, чтобы формировать её максимально плодотворно, будет снова склоняться к тем, кто является авторитетом, кто обладает свободной волей. Некую «конституцию», которая, однако, не основана на застывших законах, на государственных костных предписаниях, - такую конституцию в свободной духовной жизни представить можно; только она будет связана с реальными живыми отношениями людей, принимающих участие в этой духовной жизни. «Закон», правда, на этой основе, должен быть сначала заменен свободными человеческими отношениями, которые, ведь, индивидуальны, и всегда могут меняться от недели к неделе, и поэтому не могут быть связаны жёсткими законами или быть увековеченными в какой-либо фиксированной форме. Поэтому важно, чтобы духовной жизни была предоставлена возможность жить в той форме, которая для неё возможна согласно её силам, чтобы школьный учитель никоим образом не зависел от государственного чиновника, а зависел бы человеческим образом, - как это следует из самой духовной жизни, - от кого-то другого, кто также стоит непосредственно внутри духовной жизни, и в этой духовной жизни с ним работает. Вот что важно. Ведь, заметно, как сегодня ещё существует определённый страх перед самостоятельностью духовной жизни, как многие чувствуют себя комфортно под защитой государства. Но именно поэтому многие чувствуют себя комфортно под этой государственной защитой. Эта государственная защита, однако, ещё больше будет требоваться тем, кто стремится прийти в будущем.

Развитие событий последних столетий всё же было таково, что государство имело власть, на основе более ранних завоеваний и подобных обстоятельств, а затем получить доступ к этой власти постепенно стали стремиться отдельные люди, чтобы быть защищенными ею. Некоторое время это была власть Церкви. Ей хотелось, чтобы не только живое слово, исходящее от Духа, влияло на людей и убеждало их, но и чтобы немного помогала полиция. Затем пришли другие, пришла вся «школьная система». Ей хотелось, чтобы на ребёнка действовало не то, что исходит из духа, а чтобы за этим стояло государственное принуждение. Затем пришли, в конце концов, также различные экономические классы и экономические корпорации, пока мы, наконец, не получили те экономические корпорации, - в Германии в этом направлении были созданы в основном индустриальные корпорации и корпорации тяжёлой индустрии, - которые также хотели получить что-то от власти государства. А затем на заднем плане появились ещё и социал-демократы, которые также, в свою очередь, хотели подчинить государство себе. Так государственная власть была пристанищем для всех. В будущем необходимо стремиться к тому, чтобы государственная власть не была пристанищем для всего, что пытается укрыться под её крылом, а была поставлена на демократическую почву. Но важно то, чтобы на этой государственной почве реализовывалось то, о чём ставший совершеннолетним человек должен договориться с каждым другим совершеннолетним человеком; тогда мы имеем дело с тем, что является только правовым государством. Странно, что люди до сих пор не хотят понять этого правового государства, хотя они и были очень близки к этому, когда прусский министр культуры однажды пришёл к осознанию этих обстоятельств. В работе Гумбольдта «О

пределах действительности государства»⁴³ вы найдете прекрасные начала к тому, каким на самом деле должно быть государство. Но если оно должно быть «демократическим», то в нём может происходить только то, что каждый совершеннолетний человек может иметь дело с каждым другим совершеннолетним человеком. Тогда то, что может происходить в духовной жизни, должно быть вынесено за пределы собственно государственной жизни, и тогда в государстве не должна стоять и экономическая жизнь, где важен экономический опыт, имеющийся кредит и так далее. Это значит, что если кто-то серьёзно желает демократии, то он не может желать иметь в государстве и социализм, и духовную жизнь, а он должен себе сказать: Если должна быть осуществлена демократия, то единственным здоровым вариантом будет, с одной стороны, постановка духовной жизни на собственное свободное основание, а, с другой стороны, - экономический кругооборот. Следствием того, что это не понимают, - в России это не поняли! - является то, что в экономической жизни стремятся сегодня к чему-то в высшей степени недемократическому, даже антидемократическому: к, так называемой, диктатуре пролетариата. Я столкнулся с этим в самой разительной форме несколько месяцев назад в Базеле, когда после лекции кто-то встал, по-видимому, коммунист, и сказал: «Если должно произойти спасение будущего, то Ленин должен стать мировым правителем!» - Эти люди призывают к «социализации», но они даже не понимают самого первого шага социализации, а именно, что сначала нужно социализировать властные структуры (*Herrschaftsverhältnisse*); что социализация состоит не в монархизации властных структур и не в империализации социализма. Они думают, что хотят социализировать, но не хотят даже начать социализировать властные структуры; вместо этого они устанавливают над всем миром «экономическое папство». Вот как они мыслят.

Вот какие противоречия возникают сегодня. Поэтому хотелось бы, чтобы возникло какое-то чувство относительно того, что вещи, проявляющиеся в трёхчленном социальном организме, основаны всё же на чём-то более глубоком. Мы пришли к идее трёхчленности не посредством того, что, исходя из произвольных, абстрактных принципов и жизненных привычек, смогли сказать: Я верю в эти вещи или не верю. - Безусловно, многие вещи надо серьёзно поставить на их правильное основание. Однако, импульс трёхчленности социального организма проистекает из действительно строгого наблюдения за жизнью и глубокого чувства серьёзности в отношении великих культурных задач нашего времени. Если мы честно хотим социализма и демократии, то нельзя просто хотеть того, что многие объединяют под названием «социал-демократия»; поскольку это не учитывает должным образом духовную жизнь. А тот, кто честно желает демократии и честно желает социализма, прежде всего нуждается в действительно свободной духовной жизни, которая не может быть произвольной духовной жизнью. Импульс трёхчленности социального организма возник из познания реальности и ощущения серьёзности современных условий. В эти дни мы, в Центральной Европе, должны особенно чувствовать серьёзность времени. В это время, когда мы должны сказать себе: Речь идёт о вопросе «быть или не быть!» - мы должны чувствовать, что в отношении многого старого надо мыслить иначе, надо переучиваться, и что в будущем речь пойдёт не о незначительных изменениях в каких-либо институтах, а о действительном изменении мыслей, чувств, о переучивании всей личности. Только так мы поймем наше время, и только так мы сможем по-настоящему двигаться вперед!

⁴³ *Wilhelm von Humboldt*, Вильгельм фон Гумбольдт, 1767–1835, «Идеи для попытки определить пределы действительности государства» («*Ideen zu einem Versuch, die Grenzen der Wirksamkeit des Staates zu bestimmen*»), 1794, переиздание Штутгарт, 1962.

ХII. Путь к сверхчувственному опыту и знаниям как основа действительного понимания человека.

*Публичная лекция,
Штуттгарт, 9 июля 1919 года.*

Для меня не было бы чем-то целым то, что я хотел бы сказать относительно некоторых вещей, если бы я не дополнил лекции, которые я прочёл здесь по социальному вопросу, тем, что я буду читать сегодня и в следующую пятницу, поскольку то, что, казалось бы, было здесь развито по социальному вопросу с совершенно иными целями из, казалось бы, совершенно другого мира, всё же в конце концов, исходит из глубин стремлений человеческого духа, о которых я должен буду говорить вам в этих двух лекциях.

Те, из многоуважаемых присутствующих, кто прочёл мою книгу о социальном вопросе в жизненных необходимостях современности и будущего, уже из первых её страниц видели, что там этот социальный вопрос рассматривается с точки зрения, которая решительным образом фокусируется на духовных культурных условиях человечества.

В качестве одного из явлений, приведших человечество к нынешнему положению, и без объективного понимания которого это человечество не сможет выйти из хаоса и смятения, как раз, посредством этой книги была рассмотрена связь человечества, культурного человечества, с духовным миром, в последние три-четыре столетия. Было подчеркнуто, как некая, я бы сказал, негативная связь человечества с духовным миром выражается в том, что в широких кругах выступило сегодня как обозначение этого духовного мира, в выражении: Этот духовный мир - всего лишь идеология. То есть, духовный мир - это нечто такое, что, возникает лишь как надстройка над основой, которая, подобно дыму, поднимается из материальной или экономической действительности. Это, однако, совершенно верно, что за последние три-четыре столетия человечество неоднократно втягивалось в это воззрение, будто вся духовная жизнь - это всего лишь дым, который поднимается из материальной жизни, лишь некая надстройка на некоем основании. Однако тому, кто способен проследить культурное развитие последних трех-четырёх столетий до наших дней, также ясно, что вся душевная конституция современного человека, стоящая под впечатлением этого отношения к духовному миру, привела к той путанице и хаосу, в которых мы сейчас находимся. С одной стороны, мы имеем позади себя ужасные результаты катастрофы мировой войны, с другой стороны, проникающее к нам революционное движение. Когда мы оглядываемся назад, мы видим, как получилось то, что люди больше не были в состоянии справиться с внешней социальной жизнью с помощью своих практических идей. Факты ускользнули от этих идей, они вырвались на свободу и пошли своим собственным путём. Они бежали, не удерживаемые сильными человеческими идеями. И они бежали в то, что привело их к абсурду, и что привело к абсурду социальную жизнь последних трех-четырёх столетий. Это привело к катастрофе. Были исследованы различные причины этой катастрофы. Мы не придём к ясности в этом пункте до тех пор, пока не увидим, что, как раз, благодаря тому воззрению на дух, которого человек, как он считал, по праву достиг, он утратил это господство над фактами внешнего мира, и что это господство можно вернуть, только достигнув какого-то иного отношения к духовному миру. Поэтому все те, кто стоит на позиции нынешнего революционного движения, и считает, что духовный мир - это ни что иное, как идеология, и кто на этом взгляде основывает свои реформы или революции, не приведут человечество к спасению, а, наоборот, будут всё глубже погружать его в пропасть.

Поэтому говорить в связи с социальным вопросом о том, о чём также и здесь, в Штуттгарте, я каждый год неоднократно говорил как об антропософски ориентированной духовной науке, - это не просто какая-то субъективная склонность. Это духовно-научное движение, которое, как раз, должно доказать, что духовное внутри и вне человечества - это не идеология. Оно должно доказать, что человек также и для своей деятельности, также и для своей практики жизни, может найти необходимую силу только тогда, когда он достаёт её из тех познаний, которые поначалу, кажется, очень отдалены от практических путей, но которые

воспитывают человеческую душу таким образом, что она затем оказывается подготовлена также и к ведению практической жизни. И если сегодня многие считают, что то, что нам предстоит, будет разворачиваться только в экономической борьбе, то они ошибаются. Мы просто ещё не замечаем этого, но мы стоим внутри интенсивных духовных баталий, и то, что коренным образом волнует и будоражит человечество, что проявляется внешне через материальные и военные конфликты, - это ни что иное, как волна, которая выброшена на поверхность из взволнованных человеческих душ, которые борются за новые истины, за новые познания.

Тот, кто сегодня способен хотя бы в какой-то степени проанализировать свой внутренний мир, поймёт, что воспитание, которое получило всё культурное человечество за последние четыре-три столетия, больше не позволяет, чтобы человек обучался относительно своих высших, своих душевных и духовных дел так, как это необходимым образом было возможно в прошлый период развития человечества.

В ходе последних трех-четырех столетий и до сегодняшнего дня человек прошёл естественно-научное обучение, вообще научную обучение. Это привело его к поиску пути к сверхчувственным мирам, о котором ему до этого говорили только религиозные конфессии, - к поиску пути, который дорос до научного пути, который хочет представить себя не просто как путь религиозных чувств, а как путь познания сверхчувственного мира, духовного мира, наряду с путём исследования физического мира посредством естественных наук. Даже если сегодня ещё мало людей признаёт этот факт, он всё же бессознательно живёт в большей части современного культурного человечества, и то, что люди сегодня часто осознают, - это лишь сокрытие фактов, которые можно выразить словами: В глубине своего существа мы всё же стремимся к познанию духовного мира, и несём в себе множество неудовлетворённостей и неудовлетворённостей жизнью, поскольку это стремление к познанию сверхчувственного царит в нашей душе, царит инстинктивно и ещё не удовлетворено не чем, что есть в культурных устремлениях нашего непосредственного окружения, всей нашей духовной жизни.

Таким образом, исходя из таких точек зрения, сегодня я буду говорить о путях к сверхчувственному знанию и наблюдению, а послезавтра - о собственном сверхчувственном существе человека, то есть, об истинном существе человека, которое выходит за пределы своей жизни, которую он проводит между рождением и смертью. И я хотел бы показать, как это знание должно стать реальным социальным фактором, способствующим перестройке нашего человеческого общества. И я хотел бы показать, как это знание должно стать реальным социальным фактором, который должен участвовать в новом строительстве нашего человеческого общества. Сегодня многие люди уже, определённо, не будут отрицать, что определённый взгляд на человеческие устремления вообще, что то, что в самом широком смысле можно было бы назвать самопознанием, даётся сегодня человеку сложнее, чем это было для человека прошлых столетий. Тот, кто объективно оглянется на прошлые столетия, не сможет не признать, что тогда, исходя из элементарных требований человеческой природы, человек легче приходил к определённому пониманию собственной сущности, чем сегодня. Но существует ещё и другой факт, который добавляется к только-что обозначенному, - это следующее: Как раз, это самопознание, которое, таким образом, для человека сложнее, нежели для человека прошлого, сегодня необходимо для него, как никогда прежде. Это выражается в стремлении к такому самопознанию, которое, тем не менее, присутствует, даже если оно, благодаря сложным жизненным обстоятельствам, и скрыто за той или иной маской. Но сегодня, согласно всему своему воспитанию, своему чувству, своим жизненным обстоятельствам, человек хотел бы спросить те инстанции, которые он знает как научные, о том, как обстоит дело с душевной и духовной жизнью. Поскольку он привык считать науку руководящим принципом своей жизни. Поэтому и в области самопознания, в области знания о человеке, он хотел бы обратиться к научному форуму. Однако, надо сказать, что, обращаясь, как раз, к этому форуму, он поначалу может получить лишь неудовлетворительный ответ.

Поэтому в отношении вопросов о душе и духе в публичное сознание постепенно проникло нечто такое, что, по сути, может привести только к сомнению и неопределённости.

Из того, что получается обычно, так сказать, как конденсат из различных естественных наук, из прочей жизни, мы сталкиваемся с тем, что современный человек, собственно, понятия не имеет, сколько всего происходит в его внутренне-человеческом, оставаясь при этом вне поля зрения его обычного сознания. Во что, по сути, верит современный человек относительно себя? Он верит в то, что, с одной стороны, он - тело; и многие, если в них поднимается нечто высокое, говорят себе, что, с другой стороны, человек - душа. Но когда речь заходит о важном вопросе взаимосвязи тела и души, души и тела, тогда возникают сомнения, тогда начинаются неопределённости. Поскольку, с одной стороны, он верит, что тело исчерпывается тем, что можно охватить взглядом посредством чувственного наблюдения человека, что можно препарировать и понять с помощью анатомии, физиологии, - короче говоря, с помощью всего того, что предоставляет о человеке естественно-научное знание. Благодаря этому, мы получаем сегодня определённое понимание того, что представляет собой человеческое тело. Затем человек знает, что он развивает представления, что он имеет какие-то душевные движения, что он имеет волю, которая побуждает его к поступкам, - короче говоря, человек знает, что в его сознании живёт нечто, что лежит в основе этой воли, этих движений души или чувств, в основе представлений. Но если он затем обдумает это: Хорошо, но как же относится то, что является моим мышлением, моим чувствованием, моим волеием, что является содержанием моей внутренней душевной жизни, к моей внешней жизни? - то он не получает никакого ответа. Поскольку то, что предоставляет ему естествознание, чувственное восприятие человеческого тела, так основательно отличается от того, что живёт в волеии, чувствовании и мышлении, что нельзя навести никакого моста между телом и душой. И не только обыденное сознание сталкивается с невозможностью построить такой мост; если мы переберём различные естественно-научные просвещённые взгляды современности, то они обычно приходят к выводу: Ничего достоверного об этой взаимосвязи между телом и душой сказать нельзя.

Тот же, кто говорит об этом вопросе с точки зрения имеющейся здесь в виду антропософски ориентированной духовной науки, считает необходимым до определённой степени очень серьёзно взглянуть на эти сомнения и неопределённости, которым таким образом подпали человечество и наука. И, исходя из своих познавательных оснований, он должен сказать: Да, для научного знания, для того рода знания, которое привело нас к великим триумфам, особенно в естественных науках, - для этого рода знания верно, что при рассмотрении соответствующих вопросов возникают лишь сомнения и противоречия. Естественно-научное познание непригодно для освещения тех основ человеческой природы, из которых единственно и могут прийти ответы на эти жгучие вопросы. Однако, теперь и сам этот духовный учёный находится в особом положении в отношении мыслительных привычек современности. Когда он представляет свои познания совершенно с другой точки зрения, по сравнению с этими мыслительными привычками, естественно, что он сталкивается с враждебными нападками и враждебными оценками со всех сторон. Поскольку он должен не только войти в другую область познания, нежели та, что является повседневной и обычно-научной, но и должен обратить внимание на совершенно другой род познания. Он должен указать на то, что на поставленные вопросы вообще нельзя ответить способом познания обычной жизни и обычной науки, и что если человек остановится на этом обычном научном познании, он никогда не придёт к ответу на эти вопросы. Духовный учёный должен показать, что человек, благодаря предпринятому им самим развитию, выходит за пределы этого обычного способа познания к совершенно другому познанию, которое обычному познанию поначалу представляется как, своего рода, фантазирование. Всё же тот, кто, исходя из предпосылок, о которых вам говорится сегодня, говорит об антропософски ориентированной духовной науке, знает, что он опирается на ту же научную строгость, ту же научную дисциплину, что и самый строгий естественно-научный метод современности. Только то, к чему, например, стремится естествоиспытатель, - получение достоверных доказательств этих

фактов и законов, - образует для духовного исследователя, как он здесь понимается, предпосылку; это образует то, к чему он подтягивается. Он проделал это до того, как занялся духовной наукой. И в сегодняшнее время никакая духовная наука не должна представлять публичности, если она не опирается на эти принципы, если она не проявляет и перед исследованием в духовном мире по-настоящему не познакомилась с тем, что привело естествознание к триумфу. Духовный исследователь должен поставить себя в положение того, кто и в строгом естественно-научном смысле слова является исследователем. Только духовный исследователь начинает там, где заканчивает естествоиспытатель. В то время как естествоиспытатель ищет определённых результатов для жизни своих представлений, для своего мышления, духовный исследователь стремится к тому, чтобы то, что он проделывает в естественном исследовании как строго методичный, добросовестный научный опыт, относилось к его образованию, и только на его основе подниматься к тем высшим познаниям, о которых я буду говорить вам сегодня и послезавтра. Поэтому для духовного исследователя дело обстоит так, что он не может в обычном смысле сообщить: Тут я наблюдал то или иное внешнее явление; на основе того или иного внешнего наблюдения я вывел тот или иной закон. - А духовный исследователь должен всё, что таким образом высказывает естествоиспытатель, проделать как подготовку; и, благодаря такой подготовке, привести свою душу в такое состояние, чтобы подняться к новым фактам, к новым наблюдениям, о которых он тогда может только рассказать, и которые единственно и только могут составлять содержание действительно духовного мира. Поэтому духовный исследователь, как он здесь имеется в виду, может говорить о своих путях познания совершенно по-другому, нежели тот, кто, например, проделал только естественно-научный путь познания, кто вообще проделал только то, что в нашей сегодняшней культурной жизни, сегодняшней духовной жизни, часто называют путём познания, путём к науке.

Спросите тех, кто проделал сегодня какой-то путь в науке, как они, я бы сказал, с определённым внутренним покоем, проделали этот путь. Как они могут рассказать о том, как они там или здесь работали лабораториях, о том, как они слышали то или иное о процессах человеческого исторического развития, включали в свои понятия то, что собирали в виде статистических данных, чтобы обрести те или иные социальные знания? Но от всех них вы услышите, как они проделали всё это в состоянии определённого внутреннего душевного спокойствия, а затем, в некотором смысле, овладели научными понятиями, к которым стремились. Духовный исследователь, особенно антропософски ориентированный духовный исследователь, находится не в таком положении. Если он действительно серьёзно к этому относится, он не сможет говорить о таком же внутреннем покое и безразличии, как это говорится сегодня о путях познания внешней науки. Духовный исследователь, если он говорит правду о своём пути к знанию, расскажет вам о внутренней борьбе и преодолениях. Он будет говорить вам о том, какие душевные пропасти он должен был преодолеть до того, как ему открылись те знания, которые являются воистину сверхчувственными. Он должен будет говорить вам о том, как сильно его собственная человеческая природа, - то, что является ценным и любимым для человека во внешней жизни, - часто становится внутренним врагом того, чем являются его устремления к познанию. Он должен будет рассказывать о мужестве, которое ему потребовалось для противостояния враждебным силам, лежащим в человеческой природе и уводящим от путей познания. Таким образом, за тем, что духовный исследователь может сказать о душе и духе, будет стоять результат тех душевных настроений, которые разворачивались не во внутреннем покое, а во внутренних движениях, среди самых серьёзных внутренних баталий. И этот духовный исследователь должен будет сказать, что именно через внутренние страдания, через внутреннюю боль и ее преодоление пришло то, что, по его мнению, он по праву может назвать: прозрением в сверхчувственные миры. И этот духовный исследователь должен будет сказать, что, как раз, благодаря внутренним страданиям, внутренней боли и их преодолению, возникло то, что, как он полагает, справедливо, он может назвать: Видение сверхчувственных миров.

О тех баталиях, которые он должен был проделать, духовный исследователь должен говорить в двух направлениях. О баталиях, которые для многих людей сегодня проходят, словно в некоем абстрактном мире, - но только для веры этих многих людей. Сознательно проходя через баталии, духовный исследователь учится понимать, что в прохождении этих баталий он действительно не одинок в этом мире. Он обычно не настолько нескромен, чтобы говорить себе, что в его душе разыгрывается нечто такое, к чему другие люди не имеют отношения. Он приходит к тому, чтобы сказать себе, что он лишь поднимает в сознание то, что бессознательно, как внутренняя борьба, происходит в глубинах каждой человеческой души. И духовный исследователь знает, как эта борьба, я бы сказал, между тем сознанием, которое живёт в мышлении, чувствовании и волеии, и телом, которое показывают внешние чувственное восприятие, физиология и анатомия, - как между ними разыгрываются эти сражения, и что они поднимаются волнами в человеческое сознание как нечто такое, с чем многие люди современности не справляются. Что проявляется в их инстинктах и часто в болезнях тела и души, в их удовлетворении и неудовлетворении, что проявляется в их нервозности, без знания о том, где в глубине человеческого существа, собственно, лежат причины такой душевной конституции.

Духовный исследователь должен вести свою борьбу в двух направлениях, во-первых, борьбу с внешним миром, во-вторых, борьбу с собственным внутренним. Естествознание, и то, что сегодня проникает в мыслительные привычки людей как популяризация естествознания, зачастую является лишь поводом для радости по поводу великого прогресса человечества, и радоваться по праву. Для духовного исследователя переживания с этим естествознанием является интенсивной жизненной борьбой. Погружаясь в то, чем сегодня является естествознание, пробиваясь к обычным естественно-научным знаниям не только понятийно, но и стремясь пережить то, что содержится в естествознании, духовный исследователь может испытывать жизнь с естествознанием только как борьбу. Да, посредством чувственного восприятия, посредством комбинаций чувственных восприятий, посредством того, как человеческий разум производит их в естественно-научных законах, человек что-то узнаёт о природе. Но вы, ведь, знаете, и в предыдущие годы я в своих лекциях часто рассматривал эти факты в другом контексте, - вы знаете, что именно самые добросовестные учёные и исследователи природы говорили о том, что это познание природы имеет свои границы. Самые добросовестные естествоиспытатели, как раз, из-за своего определённого глубокого понимания, высказывают свой «*ignorabimus*»⁴⁴, имея в виду, что мы не можем проникнуть в сущность вещей через природу. И в человеческой природе дело обстоит просто так, что когда вздымается такой предел, как он по праву вздымается перед познанием природы, человек говорит себе: Ну, да, это действительно предел познания; на этом нужно остановиться. Тогда он говорит о непреодолимых границах человеческого познания.

Тот, кто, уже чувствуя духовно-исследовательское призвание внутри себя, позволяет полностью действовать тому, что присутствует в душе как полная сила, не может просто оставаться спокойным, когда естествознание констатирует такие границы. Такие границы становятся тогда для него поводом для борьбы познания с тем, что в естествознании включено как сила и вещество, например, или что-то другое. С тем, что само естествознание познать не хочет, должен сражаться духовный исследователь. Только тогда начинается то, что является для него началом своего пути познания и своих наблюдений; наблюдений, которые он не может проводить с тем же спокойствием, что и лабораторные исследования, наблюдений, которые он должен проводить с постоянным внутренним призывом новых духовно-душевных познавательных сил. И тогда, когда человек приходит к этим границам и вступает в свою борьбу, - тогда он знакомится с взаимодействием своего собственного

⁴⁴ «*Ignorabimus*» («невежество»): «Мы не узнаем», заключительное замечание речи Дю Буа-Реймона «Пределы понимания природы», перепечатанное в сборнике «Речи Э. Дю Буа-Реймона», Лейпциг, 1886. Заключение речи гласит: «Столкнувшись с загадками... естествоиспытатель... привык объявлять себя невежественным...» «...он должен раз и навсегда признать гораздо более трудную истину: Невежество!»

познающего внутреннего с внешним миром. Тогда он переживает факт духовного наблюдения, который предстаёт ему в виде основной характеристики всей человеческой жизни. В ходе этой борьбы с внешними границами познания природы, он осознаёт, что в этой борьбе он должен извлечь из своего внутреннего душевного нечто такое, что иначе, как раз, в познании природы играет очень малую роль, - он должен извлечь те силы своей души, которые иначе разыгрываются только во взаимоотношениях людей или также, в более слабой форме, во взаимодействии с природными существами, с живыми существами. Он должен извлечь из своего внутреннего силу жизни, ту силу, которую мы проявляем, когда стоим как человек перед другим человеком и передаём внутреннюю симпатию от нашей души к душе другого человека. И сливаются воедино, - не как нечто субъективное, а как объективный факт, - совершенно трезвое познание природы, и борьба с границами познания и то, что играет огромную роль в человеческом существе и человеческой жизни: симпатия, любовь, основополагающий принцип всего человеческого социального взаимодействия. И человек знакомится теперь на опыте со связью между природными границами, стоящими перед его познанием, и силой любви. Благодаря непосредственному наблюдению, которое он вызывает мощным призывом своих внутренних сил души, он учится понимать, что в тот момент, когда он все глубже погружается в борьбу с ограничениями природы, он должен расходовать свою силу любви. Это так, будто его сила любви отделяется от души и вливается в те области природы, которые лежат по ту сторону границ. И вот теперь духовный исследователь приходит к тому значимому, потрясающему его факту, что человеческая природа приспособлена к окружающей её среде таким образом, что ей отказано в способности проникнуть в свое внутреннее с помощью обычного познания. Это внутреннее находится по ту сторону границ природы. Если бы у нас не было таких границ, мы не могли бы в обычной жизни быть наделены силой самоотверженной любви.

Глубокий смысл входит в эту человеческую жизнь, благодаря познанию связи между познанием и любовью. Человек учиться знанию о том, что в обычной жизни можно любить только благодаря тому, что эта сила любви отделена от нашей практикуемой посредством разума познавательной деятельности. Этот факт, это наблюдение должно учитываться не только понимающим образом, оно должно оказывать глубочайшее впечатление на человека, когда он к нему однажды приходит, поскольку, благодаря этому, он знакомится с совершенно особым родом своего положения в мире. И он знает, что надо делать, если он действительно является духовным исследователем. Он знает, что не сможет двигаться дальше с пониманием того, что лежит по ту сторону границ, если до этого он не укрепит в силе любви к человеку и любви к другим вещам больше, чем он укреплен в этой силе любви в обычной жизни. Человек должен быть оснащён такой сильной любовью ко всем вещам. Такое оснащение должно быть приготовлением самого внутреннего душевного существа, если человек хочет идти дальше в борьбе с внешним миром, как я вам это показывал. Этот путь, который должна проделать душа, чтобы не утратить силу любви, чтобы она, была, как бы, не высосана этой силой, а могла беспрепятственно продвигаться по пути к сверхчувственным мирам, - этот путь я попытался описать в своей книге «Как достичь познаний высших миров?»⁴⁵. И я хочу здесь подчеркнуть, что такие описания правильного пути познания в основном имеют цель подготовить душу человека так, чтобы она беспрепятственно могла идти путём более высокого познания. Этого более высокого пути познания, начиная с сегодняшнего дня и в ближайшем будущем, человечество будет требовать, как раз, благодаря естественно-научному образованию. Человечество - оно находится в развитии, о чём я буду ещё говорить послезавтра, - придёт к некому пункту, когда оно больше не сможет существовать без такого видения духовных миров, как я описал. Человечество придёт к некому пункту, когда оно будет чувствовать себя душевно несчастным и потерянным, если для него не будет открыт путь в духовные, сверхчувственные миры. Этот путь начнётся, благодаря внутренне непреодолимому импульсу.

⁴⁵ «Wie erlangt man Erkenntnisse der höheren Welten?» (1904), GA 10.

Но надо будет всё более и более точно показывать, как человеческая природа должна подготавливаться, чтобы она беспрепятственно могла идти этим путём, чтобы именно для практической и социальной жизни человека у неё не забирались такие важные человеческие силы, как, например, любовь. Тогда, если человек делает такие внутренние мыслительные упражнения, благодаря которым он постоянно усиливает своё мышление, которое иначе делает остановку у границ природных явлений, - в моей книге «Как достичь познаний высших миров» вы найдёте такие мыслительные упражнения, такие медитации и мыслительные концентрации, благодаря которым мышление становится всё более и более сильным, - если человек делает такие упражнения, то он приходит тогда к точке своего развития, в которой он видит поставленными перед его душой те опыты и наблюдения, которые отсутствовали в его обычной жизни. Тогда он получает ясность, прежде всего, относительно одного вопроса, основного вопроса душевной жизни: Чем является, собственно, то, что я воспринимаю своими чувствами в мире, что я создаю в себе в виде мира представлений? Что это, собственно, такое? И он приходит за кулисы в высшей степени странного факта. Говоря абстрактно, он кажется не таким уж и странным, но в своём воздействии на целостного полного человека он оказывает в высшей степени значительное и шокирующее влияние на человеческую душу. Как раз, усилив своё мышление настолько, что возникает чувство: Я мыслю, не только пассивно отдаваясь миру, а мыслю так, что в моём мышлении живет воля, управляемая не мной, а самими мировыми существами, - человек начинает осознавать, - как раз, тогда, когда он усиливает это мышление, когда делает его более сильным, чем в обычной жизни, - что все мышление и все чувственные представления обычной жизни, являются всё же не чем иным, как образом, что они имеют образный характер.

Это сильнейшее впечатление, которое получает человек, когда, как раз, благодаря усилению мышления он понимает: Это обычное мышление, которое он развивает, наблюдая за внешним миром, которое он развивает, когда снова размышляет над тем, что он испытал во внешнем мире, - это обычное мышление, по сути, является лишь чем-то таким, что проходит полностью и только в образах, в картинах. Это нечто такое, что непосредственно, как оно выступает, не является действительностью. Тогда приходит момент, когда, если проследить духовное развитие новейшего цивилизованного человечества, в душу помещается нечто такое, что, в свою очередь, действует шокирующим образом. Для того, кто действительно проделал такой опыт, как я только-что описал, странно слышать, что один из величайших умов человечества, один из величайших мыслителей этого человечества, первый носитель новейшего исторического мировоззрения, Картезий⁴⁶, Декарт, высказал странное утверждение: «Я мыслю, следовательно, я существую. *Cogito ergo sum*». Для истинного исследователя духовности тот факт, что Декарт высказал это утверждение, является доказательством того, что он по-настоящему не заглядывал в духовный мир, что он не достиг усиленного мышления, основанного на упражнениях, которые я описал в своей книге «Как достичь познаний высших миров»? Поскольку, если вы это понимаете, вы скажете по-другому: Я мыслю, значит я не существую. - Поскольку, пока вы остаётесь со своей душой погружённым в обычное мышление, вы - ничто. Это мышление - образ, и то, что в нём отражено, осознаётся только тогда, когда это мышление усиливается настолько, что вы переживаете его не таким подобным тени, как переживается обычное мышление, а вы переживаете его, словно пронизанным волей; что вы переживаете его так, как я представил его в 1892-ом году в своей «Философии свободы» как чистое мышление.

Когда это мышление переживается как нечто активное, деятельное в себе, тогда становится ясно, что обычное мышление является теньным образом действительности, что в движении такого мышления вы - ничто. Поэтому для истинного духовного исследователя получается так, что, постоянно укрепляя это мышление посредством спокойного

⁴⁶ *Cartesius*: Рене Декарт, Ла Хэ 1596-1650 Стокгольм, «Discours de la Methode, pour bien conduire la raison et chercher la verite dans les Sciences» («Рассуждение о методе, как правильно направлять разум и искать истину в науках»), 1637, «Meditationes de prima philosophia» («Размышление о первой философии»), 1641.

переживания мыслей, которыми он сам медитативно наполняет своё сознание, он этим мышлением словно вырастает в действительность. В то время как раньше он чувствовал себя свободным в своём теновом мышлении, то теперь ощущает нечто вроде духовного утопления. И именно поэтому он должен душевно-духовно укреплять всего своего полного человека, чтобы быть вооруженным против того, что противостоит этому усиленному мышлению, которое внутренне душевно подобно утоплению, подобно стиранию сознания. Необходимо вжиться этим сильным сознанием в это усиленное мышление. Таким образом, благодаря непосредственно духовному восприятию, усилению мышления, действительно переживается теневая природа обычного мышления. А затем, наступает тот момент в жизни, который, в свою очередь, причём ещё больше, чем всё то, что я мог упомянуть раньше, подобно молнии, потрясая, врывается в эту человеческую жизнь. Это момент, когда человек узнаёт, ем, собственно, является обычное мышление и представление в своей тенеподобности, в своей образности. Человек узнаёт, что это тень того, что он пережил в чисто духовном мире до рождения, или, скажем, до зачатия, тень действительности, которую называют действительностью до рождения. Жизнь человека в духе, до рождения, до зачатия, - это переживается, это чувствуется в этом усиленном мышлении. И тогда становится ясно, благодаря чему, собственно, мы имеем силу мышления, обычного мышления. Мы имеем силу обычного мышления, благодаря тому, что до рождения, или до зачатия, мы вели другого рода жизнь в духовном мире. И эта жизнь другого рода парализуется этой действительностью, становится простой тенью, и мы переживаем эту тень в своём представлении, в своём мышлении. Время становится подобным пространству. Человек оглядывается назад, во время до рождения, во время до зачатия. Он оглядывается назад, в духовный мир, и видит ту действительность, которую он там пережил. И подобно тому, как одно пространственное явление воздействует на другое пространственное явление, которое от него отдалено, так, подобно пространству, действует и время. В этом видении, на которое я указал, жизнь до рождения ещё присутствует. И становится ясно: когда я мыслю, на мою теперешнюю жизнь воздействует эта жизнь до рождения. Она светит в существо моей души и, благодаря этому, я могу мыслить.

Короче, то, что называют человеческим духом, независимым от жизни тела, становится видением, но таким видением, к которому человек пробивается только посредством внутренней душевной борьбы. И теперь, теперь проливается свет на обычное представление о душе. Теперь мы знаем, что когда в обычной жизни мы считаем, что мышление, чувствование и воление не связаны с телом, - то так и должно быть, поскольку, ведь, в этой обычной душевной жизни, в этом представлении, мы имеем лишь некий отблеск действительности, которая была парализована при нашем рождении. Теперь мы знаем, что душа, собственно, - это нечто иное, чем то, что живёт с нами с момента нашего рождения. И теперь, теперь, когда человек выходит в мир с этим усиленным мышлением, он видит ещё нечто другое, нежели обычный чувственный мир. Можно поддержать себя уже и в этом чувственном мире, но это всё же обычно не рекомендуется, и я не рекомендую этого и здесь; я хотел бы упомянуть об этом специально только для пояснения: В тот момент, когда вы стараетесь развить внутреннюю душевную силу представления, благодаря которой вы оказываетесь в состоянии, например, представить себе зеленый луг, исключительно посредством внутренней силы вашей души, совершенно иначе, чем просто зеленый, - а именно, скажем, цветом персика, - это требует сильных внутренних усилий, - тогда эти внутренние усилия, которые вы прилагаете, чтобы не видеть зеленого цвета, чтобы видеть душевный противоположный цвет, а не физический цвет, - тогда эти внутренние усилия действуют так, что они поддерживают вас в создании того усиленного мышления, о котором я только-что говорил. Однако, тогда вы сможете оценивать также и другой внешний опыт иначе, чем посредством обычного мышления.

Затем вы сталкиваетесь лицом к лицу с другим человеком, вступаете с ним в какие-то отношения и говорите себе, - не при всех, но при определённых отношениях с другим человеком, а также при определённых отношениях с другими существами природы, с миром

вообще, - вы говорите себе: О, я не зря пришёл к тому, чтобы укрепить своё мышление, в этом укрепленном мышлении я стал способен выходить за пределы природы, заглядывать за её пределы. Но тогда я смотрю на то, что касается меня в жизни также по-другому, чем когда я стоял у этих границ, словно у границ познания. Тогда я вижу то, что вторгается в мою жизнь, как судьба, как судьбоносные события, как следствие предыдущих земных жизней, которые я проделал, прежде чем прийти к той жизни в духовном мире между смертью и новым рождением, которая, как я только что сказал, отражается в обычном представлении и мышлении. Короче, то, что антропософски ориентированная духовная наука должна сказать о жизни человеческой души в духовном мире, должна сказать о повторяющихся земных жизнях, - это не серая теория, не гипотеза, не нечто выдуманное, а результат того познания и наблюдения, который достигается только тогда, когда человек к ним подготавливается так, как изложено в моей книге «Как достичь познаний высших миров?».

Сегодня я указал на этот путь в сверхчувственные миры пока с одной стороны. К рассмотрению всего контекста сверхчувственного человека я вернусь послезавтра. Поскольку сегодня я должен ещё прояснить другую границу, к которой подходит духовно познающий человек, ту другую границу, у которой ему приходится вести столь же напряженную внутреннюю борьбу, как и у границы природных явлений. Этой другой границей является та граница, которую я хотел бы назвать границей перед собственным человеческим внутренним. Это та граница, относительно которой человек часто пытается обмануть себя тем, что он становится в обычном смысле этого слова мистиком. Как духовный исследователь должен намного интенсивнее жить с естественной наукой, чем сам естествоиспытатель, поскольку естествоиспытатель приходит, опять же, только к своим обычным результатам и познаниям, а духовный исследователь должен иметь переживания, переживания борьбы с естественной наукой, точно так же духовный исследователь должен также действительно проделать всё то, на чём строит мистик, в чём мистик часто находит для себя внутреннюю радость. Но в то же время ему предстоит вести внутреннюю борьбу именно с этой радостью, с этим строительством. В то время как обычный мистик считает, что к вопросам вечности он может прийти прежде всего через погружение в собственное внутреннее, у истинного духовного исследователя, когда он добирается до этого внутреннего человека на примере обычного мистика, как раз, здесь остаётся царить самое глубокое сомнение, самая ужасная неуверенность. Точно так же, как и с естественной наукой, духовный исследователь должен бороться с мистицизмом, но теперь - в направлении вовнутрь. Так же, как духовный исследователь не должен останавливаться на обычном естествознании и его границах, так же он не должен останавливаться и на обычной мистике. Поскольку, как раз, тогда, когда он добросовестно и без иллюзий погружается в человеческое внутреннее, у него, по отношению к обычной мистике, возникают сомнение и неопределённость. Именно потому, что он развивает то, что я только что охарактеризовал: усиленное мышление; потому, что он ясно видит то, что возникает посредством мистицизма, когда многие люди чувствуют себя настолько комфортно, что, внутренне погружаясь в мистицизм, считают себя покоящимися в самой божественной субстанции, - поэтому духовный исследователь не может останавливаться на этом мистицизме, поскольку при этом наблюдении он научился не предаваться иллюзиям. Он научился по-настоящему бороться со всякими фантазиями. Он научился строгому дисциплинированному, научному мышлению. Поэтому он скоро видит, что то, что мистик называет жизнью со своим божественным внутренним, со своим более высоким человеком, является не чем иным, как переживанием всяческих бессознательных реминисценций, которые он просто неверно интерпретирует, потому что они плохо воплощены в душе или потому что они слишком перегружают память.

Видите ли, я хотел вызвать некое представление о том, что духовный исследователь не позволяет себе быть ослепленным какими-либо иллюзиями; что сама суть духовного исследования, благодаря внутренней дисциплине, благодаря строгому внутреннему обучению, превосходит всякую фантазию. Следовательно, духовный исследователь также не способен найти утешение в том, в чем находит утешение обычный мистик. Он видит это как

субъективные воспоминания; он видит это как нечто, чему обычный человек, погруженный в свою мистическую практику, предаётся всевозможным иллюзиям. Поэтому духовный исследователь также не может успокоиться на том, в чём находит утешение обычный мистик. Он видит это как субъективные реминисценции; он видит это как нечто такое, относительно чего обычный человек, погруженный в мистическое, предаётся всевозможным иллюзиям. Но духовному исследователю становится ясно одно: что на пути этого обычного внутреннего погружения он совсем не может проникнуть в то, что действительно является человеческой душой. Тут истинная действительность достигается так же мало, как она достигается посредством обычного не усиленного мышления. Достигается лишь усиление определённого рафинированного душевного эгоизма. Внутренне человек чувствует себя настолько комфортно и спокойно, когда может сказать себе, что душа погружается в божественного человека, и так далее. В этом комфорте, в этом рафинированном эгоизме живут, как раз, многие из тех, кого почитают как мистика. Духовный исследователь должен увидеть здесь истинное положение дел, поскольку именно, благодаря тому, что он обладает усиленным мышлением, ему становится ясно, что, собственно, скрывается за этим внутренним мистицизмом. Ему становится ясно, что если бы можно было обычным путем проникнуть в человеческое внутреннее, в божественно-душевное ядро человека, то у него тогда, в свою очередь, не было бы силы души, столь необходимой для обычной практической и социальной жизни: у него не было бы силы воспоминания, силы памяти. Силе памяти, силе воспоминания, человек обязан только тому, что посредством внутреннего переживания он не может в обычном смысле погрузиться в полное человеческое существо. Духовный исследователь тогда приходит к тому, что он обретает внутреннее понимание того, как действительно погрузиться во внутреннее человека, опять же, посредством, своего рода, укрепления обычной душевной жизни.

Видите ли, эта обычная душевная жизнь, ведь, протекает в самом широком охвате очень и очень бессознательно. Поскольку, разве мы в жизни каждый день не разные? Человек, который поднимается пусть даже до только поверхностного самонаблюдения, уже замечает нечто из того, что его внутренне очень сильно касаются переживания каждого дня. Только подумайте, как меняется душа, переживая то или это изо дня в день, из недели в неделю, из года в год. Подумайте, как мы меняемся, проживая свою жизнь между рождением и смертью, как мы постоянно становимся другими. Только человек проделывает это становление очень бессознательно, он не наблюдает при этом за собой, и, прежде всего, не развивают волю, чтобы постоянно делать себя другим. В обычной жизни он развивает лишь небольшую степень самодисциплины, самовоспитания. Посредством повышения самодисциплины, самовоспитания, посредством сознательного взятия себя в свои руки, человек достигает того, что он познаёт себя действительно как становящегося в жизни. Если мы оставляем себя жизни не просто так, как она нас в себя включает, позволяя себе быть пассивно обучаемым жизнью, а активно начинаем формировать и воспитывать себя, так что мы часто говорим себе: «Сегодня ты не можешь этого сделать, ты сделаешь то и это, чтобы достичь того или иного», - короче говоря, если человек включает в свою волю то, что является самовоспитанием, становится в этом всё более осознанным и делает это упражнением; если он проделывает это систематически, то к усиленному мышлению добавляется ещё одна сила. Детали к этому, которых есть множество, вы найдёте в представленной выше книге. Если это осуществить, то воля превратится в нечто другое, нежели она есть. Тогда воля окажется пронизанной мыслями. В то время как иначе воля остаётся для нас чем-то очень тёмным, лишь стимулированным мыслями головы, когда мы тренируем себя так, как я указал, из этих усилий воли навстречу нам высвечиваются мысли. Мир, в котором мы движемся волевым образом, становится полностью пронизанным мыслями. Мир становится не просто чувственным образом, а огромной сплетением мировых мыслей, благодаря тому, что наша воля таким образом становится активной. И затем из этих мировых мыслей для нас получают знания, которые можно добавить к тем другим, которые я упомянул.

Если человек выдержал эту другую борьбу с мистицизмом, если он познал волю как наполненную мировыми мыслями, то жизнь расширяется в другом направлении, правда, так, что теперь выступает нечто такое, к чему снова надо соответствующим образом подготовиться, чтобы не причинить вреда жизни души. Детали также и об этом вы найдёте в названной выше книге. В душе могут возникнуть повреждения, поскольку в моменты, когда смотрят в духовный мир посредством этой другой, этой пронизанной светом мировых мыслей силы воли, необходимо отказываться от памяти, от способности вспоминать. То, что таким образом увидено духовно, нельзя вспомнить снова. Если сегодня, благодаря описанным мною методам тренировки воли, я исследовал нечто духовное и хочу рассказать вам об этом завтра, то я просто не смогу вытащить это из памяти, а я смогу рассказать вам об этом, только повторив все процессы, которые привели к этому опыту, так что он предстанет перед моей душой заново. От собственно памяти придётся отказаться. Но зато перед душой предстаёт теперь человеческое внутреннее, - то человеческое внутреннее, которое невозможно пережить посредством обычной мистики. Человек переживает это после того, как он выстоял в борьбе с обычным мистицизмом, после того, как он преодолел то, что приспособливает его в жизни к способности воспоминания. Тогда, подобно тому, как обычный мир мыслей или представлений является тенью жизни до рождения, человек видит то, что живёт в воле, которая иначе остается таким тёмным, - то, что живёт под памятью, что духовно скрыто в человеческом теле, но что нельзя увидеть, поскольку иначе у нас бы не было никаких воспоминаний в обыденной жизни, - он видит это тогда как то, что остается в виде зародыша после того, как человек прошёл через врата смерти. Тогда, посредством видения, посредством восприятия, человек знакомится с тем, что возникает как предчувствие бессмертия души. Тогда человек учится познавать и объединять духовно живое в человеке после смерти, с духовно живым в человеке до рождения; тогда он знакомится с вечным в человеческой природе.

Сегодня я описал вам пути, ведущие к сверхчувственным познаниям и наблюдениям, к тому, что даёт человеку сознание бессмертия его души. Я показал вам, что восхождение к действительному познанию сверхчувственного мира должно стать современным путём для развития человечества, по причине всего того, что человечество приобрело в виде религиозного и научного развития. Послезавтра я буду говорить о том, как этот человек как сверхчувственное существо, предстает перед нашей душой.

Сегодня в заключение я хотел бы ещё парой предложений охарактеризовать то, что, как мне кажется, является связующим звеном между лекциями, которые я читал здесь в этом году на, казалось бы, относительно совершенно другой области, и лекциями, которые я читаю сейчас.

Видите ли, в периоды, предшествовавшие ужасным социальным событиям ещё до катастрофы Первой мировой войны, затем ужасающим событиям во время катастрофы Первой мировой войны, и теперь уже после нее, мне часто приходилось задавать себе вопрос: Как, собственно, обстоит дело с теми представлениями и идеями, с теми импульсами, которые необходимы людям, чтобы действительно по собственной воле формировать социальную жизнь? Поскольку человеку необходимо, ориентируясь на будущее, формировать эту социальную жизнь. И я добросовестно, воистину добросовестно, в литературе и везде, где только можно, искал ответ на вопрос, какие представления о социальной воле есть у экономистов, людей, которые думают об экономике и занимаются ею, и на каких основаниях они формируют такие представления.

И, как раз, при этом я получил странный результат. При этом я воистину никак не облегчал себе задачу, я также не исходил из желания от нескромности повсюду высказывать легкомысленную критику. Ведь, тот, кто становится духовным исследователем, далёк от подобной легкомысленности. Он очень склонен, как раз, по причинам, которые вы можете понять из сегодняшней лекции, с любовью откликаться на то, что в виде идей и волевых импульсов приносят люди. Но всё же я не мог игнорировать тот факт, что, как раз, социальные науки, да и этические науки в целом, сегодня повсеместно страдают от

определённого несовершенства, от определённой неясности понятий. Это можно увидеть на практике, если посмотреть на экономистов с разных сторон, на то, что говорит о товарах, о труде, о капитале один, и что говорит о них другой, и так далее. Но то, что говорят эти люди, живёт в ужасных сражениях настоящего, оно изживается, оно хочет обрести форму. Люди сражаются, сражаются, исходя из инстинктов. Они выдвигают требования, не понимая, о чём говорят. Это то, что давит на душу. И тогда мне стало ясно, - я говорю это совершенно неприкрыто, - где, собственно, кроется вред. Мне стало ясно, что в тех представлениях, которые хотят получить о том, что живёт в человеческих поступках, в человеческом производстве, в том, что один человек делает в социальном порядке для другого, не может жить то, что дают только естественно-научные мыслительные привычки.

Это, например, то, что так ужасно в национальной экономике Карла Маркса, что она исходит из модели естественно-научных мыслительных привычек, и что из-за этого она приводит не к соответствующему действительности пониманию внешнего социального положения человечества, а лишь к убийственной критике и инициированию бесплодных революционных движений. В этом трагика современного мышления. И когда есть возможность иметь, на одной стороне, духовную науку, пути которой я вам сегодня охарактеризовал, и важнейшие социальные вопросы, на другой стороне, приходишь к тому, чтобы сказать себе: Для понимания социальной жизни этот образ мышления, который люди развивали в течение последних трёх-четырёх столетий под влиянием идеологического мышления, которое повлекло за собой недействительность духовной жизни, недостаточен. Для истинного понимания этой социальной жизни необходимо духовное обучение, которое можно получить только посредством взаимодействия с самим духовным миром. То, как в товарах, в том, что живёт на рынке товаров как циркуляция товаров, скрыто включено то, что в них вложено человеком посредством его труда, непонятно, если не связать это с духовными мирами, к которым принадлежит человеческая душа. И то, что содержится в труде одного человека для другого в социальной жизни, нельзя понять, если не тренировать своё мышление посредством мыслей, достигающих духовного мира. И то, что является капиталом, невозможно постичь правильно, если его способ действия, в его чисто материальном виде, не будет соотнесен с тем, чем являются человек как духовное существо.

Короче, нельзя получить никаких социальных знаний, не имея до этого духовной науки. Это факт, который мне открылся, и, исходя из этого факта, я попытался построить мост между духовной наукой и импульсами для трёхчленного социального организма. Как этот мост повлияет на будущее развитие человечества, я также расскажу послезавтра. Я буду говорить о том, что, как раз, на основе такой душевной жизни, которая в состоянии, исходя из здравого смысла, видеть, что то, что я сегодня говорил, основано на истине, возникает необходимость для социального развития в настоящем и ближайшем будущем.

Уже десятилетия, исходя из нынешнего сознания, мы в некотором смысле по праву постоянно слышим призыв: Угнетённая часть человечества⁴⁷ должна себя спасти, должна себя освободить. Поскольку, - что может также и произойти в борьбе за это спасение, за это освобождение, - этой угнетённой части человечества при этом нечего терять, кроме своих цепей. - Однако, как бы это ни было верно с одной стороны, это всё же является слишком односторонним для того, кто способен видеть весь мир, - мир, который предстаёт человеку, способному видеть в свете духа. Поскольку как бы ни было тяжело нести цепи материального мира, подобные тем, о которых говорится в вышеупомянутом высказывании, как бы ни было оправдано стремление сбросить эти цепи, которые можно потерять только посредством борьбы, - есть всё же ещё нечто, о чём надо сказать, что потерять это было бы страшнее, чем потерять все материальные цепи человечества: это наполненность души знанием истинного духовного человека. Если мы продолжим развиваться в рамках тех отношений с духом, которые сформировались за последние три-четыре столетия, и которые

⁴⁷ Это ссылка на «Коммунистический манифест», заключительные слова которого гласят: «...Пусть правящие классы трепещут перед коммунистической революцией. Пролетариям нечего терять, кроме своих цепей...

можно считать идеологией, мы можем потерять то, чего терять нельзя: сознание духовной природы человечества, его вечного значения. И обеспечение того, что это осознание не будет утрачено, что человечество вновь завоюет себе духовную жизнь, в которой он явится самому себе в своей истинной форме, - это будет задачей современной духовной науки. Тогда, если человечество возьмётся за эту задачу, она внесёт решающий вклад в образование новой социальной структуры человеческой жизни. Но тогда, когда это будет понято, человек скажет себе: Это не только экономическая борьба, в которую мы должны вступить с мужеством, в будущем будут и духовные битвы. Пусть человечество окажется достаточно сильным и мужественным, чтобы выдержать эти духовные битвы, тогда оно не потеряет того, что не должно быть потерянным, чтобы постоянно не погружаться в пропасть: сознания духовности, вечности человечества.

ХIII. Сверхчувственное существо человека и развитие человечества.

Духовно-научные наблюдения и познания.

Публичная лекция, Штуттгарт,

11 июля 1919 года.

То, что в пределах человеческого существа есть что-то вроде сверхчувственного человека, об этом догадывается каждый человек, каким бы образом он ни измерял свою душевную жизнь. О том, как эту догадку в сознании современного человечества довести до внутренней научной определённости, - об этом хочет поговорить с сегодняшними современниками то, что я уже много лет представляю здесь, в этом городе, под именем антропософско-ориентированной духовной науки. Правда, против того, каким образом эта антропософско-ориентированная духовная наука ищет познания сверхчувственного человека и сверхчувственного мира вообще, сегодня ещё возникают самые разнообразные предубеждения. Антропософия не может говорить о сверхчувственном существе человека так, как это до сих пор ещё желают обсуждать во многих кругах. Ведь она считает, и, более того, знает, что это не затронет, сегодня ещё, возможно, бессознательную, но из-за этого не менее сильную, тоску людей к знанию. Действительно, всякий раз, ведь, когда сегодня с той или иной стороны оценивают антропософию, снова и снова слышишь, что эта антропософия трудна для понимания, что она черпает свои идеи из тех областей, в которые даже не нужно входить, чтобы проникнуть в сущность сверхчувственного. Подчеркивается различие между стремлением к знаниям антропософии и «простой верой», которая основывается только на веровании и Библии. При этом со всех сторон постоянно подчеркивается, что тот, кто нашёл эту простую веру как внутреннюю силу, не нуждается в антропософски ориентированной духовной науке. Но, как раз, если бы антропософски ориентированная духовная наука говорила лишь о такой простой вере, ей пришлось бы признать, что она не учитывает собственные, более глубокие потребности нашего времени. Ей пришлось бы себе сказать, что, хотя она (эта простая вера) и представляет собой точку зрения, которая сегодня ещё нравится многим людям и по сравнению они находят антропософию трудно понимаемой, эта точка зрения всё же больше не соответствует собственным, более глубоким требованиям душевной жизни современного человечества. Я хотел бы начать с этого по той причине, что именно с этой стороны постоянно высказываются возражения против взглядов, взятых из полностью обоснованного рассмотрения требований современного человечества духовной наукой, о которой здесь говорится. А именно, эта духовная наука считает, что ясно понимает, как работают определённые связи, в отношении которых многие люди сегодня предаются самым пагубным иллюзиям.

Сегодня мы живём во времена, характеризующиеся смятением и хаосом, которые ещё далеки от завершения. Мы переживаем трудные времена в развитии человечества. И тот, кто глубже вникает в развитие человечества, знает, что то, что сейчас распространяется по всему цивилизованному миру как стихийное беспокойство, и внутренние баталии которого

являются лишь достигающими поверхности волнами, имеет таинственную связь именно с упорным следованием точке зрения, называемой «простой верой», которая хочет опираться только на веру и Библию. То, что привлекается в человеческое существо, благодаря этой, так называемой, «вере», закрывается от тех сил, которые сегодня на данном этапе развития человечества могли бы, как раз, внести порядок в смятение и хаос. Если бы те, кто говорит так, как я упоминал, хоть немного углубили бы свое понимание, им пришлось бы взглянуть, с одной стороны, на всё то, что ввергает человечество в ужасные конфликты и ужасный беспорядок, а с другой стороны, им пришлось бы сказать себе: То, что мы не привлекли, поскольку всегда упорно настаивали на том, чтобы оставаться на позиции, так называемой, простой веры, удобной для нас и для других, - это то, чего нам сегодня не хватает, и существует внутренняя связь между сегодняшними беспорядками и стремлением к простой вере. Тут присутствует причинно-следственная связь, и семена этого упорного стремления прорастают в стихийных движениях сегодняшнего мира.

Это, исходя не из субъективных ощущений, а, как раз, из того, о чём я хотел бы вам и сегодня снова дать отдельные указания, исходя из внутреннего научного познания, которое движет антропософски ориентированной духовной наукой, должно спустить с духовных высот это знание о сверхчувственном, которое также, - насколько приверженцы этой, так называемой, простой веры указывают на сверхчувственное, - пришло к ним из этих высот. Только они не хотят каким-либо образом подниматься на эти высоты.

Я позволил себе сделать такое вступление, поскольку, как раз, сегодня мне придётся связать то, что я должен буду сказать о сверхчувственном существе человека, с некоторыми духовно-научными знаниями, которые, с одной стороны, люди находят ещё довольно непонятными, хотя, если взглянуть на них внимательнее, окажется, что они, как раз, вполне соответствуют здравому смыслу; и которые, с другой стороны, считают ненужными, поскольку люди находят их не соответствующими тому, что считается простой верой. Пути, на которых духовная наука, в том смысле, в котором она здесь понимается, приходит к своим познаниям, я попытался охарактеризовать здесь позавчера. Тогда я исходил из того, что сегодняшний человек, по сути, хочет знать очень мало о том, что бессознательно происходит в самых сокровенных глубинах человеческой природы.

С одной стороны человек верит в то, что он внешним образом носит на себе тело, и он верит в то, что это тело можно познать, рассматривая его посредством чувств, или рассматривая его руководствуясь естественно-научным взглядом на мир. С другой стороны, человек верит, что то, что он может называть своим внутренним, полностью для него открыто, когда он охватывает взглядом то, что выступает как его душа в виде мышления, чувственного восприятия, чувствования и воления. То, что посредством этой жизни, с одной стороны, по отношению к внешнему телу, а с другой - по отношению к тому, что человек переживает в обычном сознании в мышлении, чувствовании и волении, полная человеческая сущность не исчерпывается, - это показывает путь познания, на который я уже указывал здесь позавчера и который, по сути, состоит в том, что человек как духовный исследователь, не останавливается на том, что ему подсказывает обычное сознание, а, как бы, берёт своё духовное развитие в свои руки. А именно, что он, с одной стороны, сознательно поднимает мир мысли, само мышление, на более высокую ступень, нежели та, на которой он стоит в обычной жизни, а с другой стороны, он также сознательно делает объектом своего самовоспитания то, что мы называем природой воли. Таким образом, дальнейшее развитие тех сил душевной жизни, которыми мы обладаем в обычной жизни, - это то, что в духовно-научном смысле только и может привести к познаниям сверхчувственного мира.

И в чём же, с одной стороны, состоит то, чему должно быть позволено распространяться как развитие мышления? Оно состоит в том, что совершенно систематическим образом, таким образом, который основывается на опыте внутренней душевной природы человека, это человеческое мышление или представление делается сильнее, чем в обычной жизни. В обычной жизни мышление, представление, является, как бы, простым зрителем, и человек осознаёт, что для этой обычной жизни он, собственно, лучше всего думает, когда позволяет

действовать на себя опыту этой жизни или внешней природы, и ведёт себя в этом представлении как пассивный зритель. Посредством методов, которые вы найдёте описанными в моей книге «Как достичь познаний высших миров?», в мыслительный мир вносится активность. Такая активность вносится в мыслительный мир так, что человек осознаёт: В процессе мышления он не просто пассивен, но вовлечен в деятельность, пусть и внутреннюю, подобную той, которая происходит при внешней активности в мире, движении конечностей. В мышление необходимо внести волю, но такую волю, которая не делает это мышление произвольным, а которая приспособливает его к явлениям мира. Поэтому хорошей подготовкой, особенно для духовного исследователя, является предварительная хорошо дисциплинированная работа методами исследования естественных наук; когда при таком естественно-научном методе исследования он привыкает мыслить не произвольно, а направлять своё мышление в соответствии с явлениями, которые представляет сама природа. Но затем он должен отстраниться от этого простого рассмотрения природы. Он должен ту строгость мышления, которая была приобретена при наблюдении за природными явлениями, самостоятельно и отдельно от этих природных явлений развернуть только в мышлении. Активация мышления - это то, что в отношении мыслительной культуры важно в рамках духовно-научного исследования. Это то, относительно чего многие люди сегодня ещё не верят, - мы стоим ещё в начале духовно-научного познания, - что, благодаря этому, мышление человека, вся деятельность представления, действительно принимает другой характер, нежели он имеет в обычной жизни. Если мы оглянемся назад на смутный мир представлений, на более или менее сновидческое существо раннего детства, и сравним затем это сновидческое существо с ясным в себе и светлым мышлением взрослого, то мы увидим разницу в развитии внутренней душевной человеческой жизни. Такая же разница выступает для того, кто указанным выше образом развивает своё мышление, поднимаясь от обычного мышления к активированному мышлению. Он чувствует себя будто пробуждённым из обычного состояния жизни, и, если не понимать это слово в плохом мистическом смысле, можно говорить даже о некоем возрождении (Erweckung) человека посредством этого активированного мышления. Но, благодаря тому, что человек учится владеть этим активированным мышлением, он обретает совершенно новое «видение», - так я хотел бы это назвать, - существа, поначалу, человеческого тела.

Это человеческое тело, представляется этому видению, к которому поднимается активированное мышление, совершенно новым образом. Прежде всего, выявляется огромная разница в отношении формы человеческого тела между организацией нашей головы и организацией, которая выражается в наших подвижных конечностях и всем тем, что связано с этими подвижными конечностями. И, благодаря видению, открывающемуся этому активированному мышлению, человек знакомится с тем, что, по сути, человеческая голова, также и телесно, имеет совершенно другую сущность, нежели прочая, а именно, несущая конечности телесность. Человек внутренним образом учится познавать родство всего мышления, а именно, этого активированного мышления со всем существом человеческой головы. Он учится совершенно новым способом познавать, что такое, собственно, это физическое тело. Поскольку, когда человек продвигается в душевном развитии всё дальше и дальше посредством этого активированного мышления, в это активированное мышление вступает не только такой жизненный опыт, который вступает в обычное мышление и представление. Жизненный опыт, вступающий в обычное мышление или представление, имеет определённую особенность. В пределах этого обычного представления мы узнаём мир, благодаря нашим чувственным наблюдениям и благодаря примыкающему к ним мышлению. Но от этого опыта нам также нечто остается. Мы не носили бы в себе полноценную человеческую сущность, если бы каждый внешний опыт не оставлял нам возможности, его снова вспоминать. Как раз, это воспоминание держит вместе всю нашу человеческую личность, и достаточно подумать о том, что какое-то заболевание способности воспоминания может разрушить человеческую личность, и становится ясно, что означает сила воспоминания для сохранения всей человеческой личности в обычной жизни. Но то, что

заставляет нас, - когда мы отдаёмся внешнему миру и посредством наших чувственных восприятий формируем о нём представления, - впоследствии сохранять эти представления живыми в виде воспоминаний в нашей душе, остается в бессознательном. Это нечто такое, что человек делает в бессознательном.

Что касается того, что переживает активированное, сверхчувственное мышление, то здесь дело обстоит иначе. Никогда не удалось бы, - это также должно быть вам ясно из сказанного позавчера, - каким-либо образом связать с человеческой личностью то, что человек действительно сверхчувственно переживает в активированном мышлении, если бы он зависел от деятельности, которая бессознательно воздействует на внутреннее. Это нечто такое, чему необходимо учиться при сверхчувственном познании, - что человек не бессознательно привносит в своё тело нечто, из чего затем можно пробудить память, а что запечатление в человеческом теле, привнесение, которое иначе происходит посредством бессознательной деятельности и продолжает действовать как память, должно практиковаться духовным исследователем сознательно. Никогда из какого-то совершенно смутного переживания не возникнет более высокий сверхчувственный опыт посредством активированного мышления, если человек не обретёт способность сознательно переносить этот сверхчувственный опыт в тело. Но его можно перенести только в человеческую головную организацию. И теперь на этой человеческой головной организации учатся познавать нечто такое, что ускользает от обычной науки, но что бросает глубокий свет на тайну человеческого существа. Сознательно запечатлевая то, что человек духовно переживает в активированном мышлении, учатся познавать, что этим в человеческой голове постоянно вызывается процесс, который является не повышением жизни, а её убыванием, который является частичной смертью. Это является, в свою очередь, значительным, потрясающим опытом, который приобретается на пути духовной науки. Для того чтобы мы могли извлечь личную долю из наших сверхчувственных познаний, мы должны запечатлеть их в своей головной природе, и сразу становится очевидным, что это запечатление не вызывает процесса оживления, процесса повышения жизни, а вызывает процесс частичного умирания, разрушения жизненных процессов головной организации. И тогда учатся познавать, как, собственно, эта телесная головная организация действует в человеке. Учатся познавать то, что остаётся в бессознательном: что вся наша мыслительная деятельность или деятельность представления является не тем, что, как считает материалист, бьёт ключом из жизни, а приходит в головную природу, как раз, из-за выпаривания жизни, приходит от того, что наша голова, когда мы душевно активны, постоянно находится в процессе частичного умирания. И ещё учатся познавать тот для сегодняшнего человека ещё гротескный факт, что если бы то, что разыгрывается в голове, в мыслительной деятельности, распространилось бы во всём человеке, то в этот момент весь человек бы умер. Так с помощью духовной науки человек переживает в отношении части человеческой природы постоянно действующее влияние приносящего смерть принципа. Учатся познавать, как, благодаря тому, что мы некоторым образом организовали голову, в нас в продолжении всей жизни постоянно действует смерть.

Видите ли, к таким, так жёстко противоречащим обычным мнениям воззрениям ведёт то, о чём во многих кругах ещё считается, что это не может привести человека ни к чему такому, что ему необходимо. И тогда учатся познавать, что, собственно, это запечатление, которое я сейчас представил как сознательное и которое должно осуществляться, благодаря активированному мышлению, не может непосредственно запечатлеть сверхчувственный мир, где получен опыт, в человеческой физической организации. Тогда как реальный факт учатся познавать то, что ускользает от внешнего чувственного наблюдения. Тогда учатся познавать, что в обычном физическом теле включено то, что я позволил себе в своих работах о духовной науке назвать эфирным телом или телом образующих сил. Человек открывает в себе тонкое световое тело, лежащее между деятельностью активированного мышления и человеческим физическим телом, а именно, в головной организации. На этом пути посредством сверхчувственного видения, которое на этой ступени можно назвать имажинацией, познаётся то, что есть более тонкое тело, лежащее в основе физического тела

как строящая сила, относительно которой сегодняшнее естествознание имеет некое негативное суеверие. Знакомятся с более высоким, сверхчувственным членом человеческого существа. И как некое, я бы сказал, поначалу чрезвычайно угнетающее явление, которое должно быть преодолено тем, что наряду с активированным мышлением вы делаете другие внутренние душевные упражнения, выступает то странное явление, что, запечатлевая теперь эфирному телу и, тем самым, также физическому телу то, что вы пережили сверхчувственно, вы чувствуете, будто вы больше не являетесь господином своего Я, будто это Я, относительно которого вы так верили, что оно пронизывает все душевные явления, все душевные переживания, будто это Я утонуло в теле. Запечатлевая телу сверхчувственный опыт, получается так, будто Я утонуло.

Вот тут-то и пригодятся упражнения на самодисциплину воли. Я уже описывал их позавчера, но хотел бы кратко упомянуть ещё раз. Я говорил, как человек становится другим от недели к неделе, от часа к часу, от года к году, и как можно понять, ты становишься другим человеком. Наш опыт действует не просто так, что мы его имеем; он постоянно делает из нас других людей. Но даже тут в сегодняшнем человеке происходит бессознательная деятельность. Он отдаётся внешним переживаниям. Он может заметить, если уж уделяет столько внимания своему внутреннему миру, что от недели к неделе, от года к году, от десятилетия к десятилетию он становится, по сути, другим человеком, что у него другая душевная конституция. Но развитие этой душевной конституции он не берет в свои руки. Это должен сделать духовный исследователь. Он должен работать над собой так, чтобы от года к году, от десятилетия к десятилетию, своей собственной волей контролировать своё развитие, опять же, систематически, - не только произвольно или, подражая обычной, более или менее бессознательной жизни, а систематически, полностью сознательно упражняться в самодисциплине и самовоспитании. Так, чтобы то, что иначе развивается в нашем человеке безвольно, ставилось под контроль собственной воли. Благодаря этому приобретается другой опыт. Приобретается опыт, который, опять же, очень отдалён от сегодняшнего сознания. Надо развеять один научный предрассудок, который сегодня полностью доминирует в одной определенной научной области и оттуда перетянут в общественное сознание. Это научное воззрение - я хотел бы упомянуть об этом по той причине, что то, о чём сейчас идёт речь, возможно, лучше всего можно понять, исходя из этого, - которого сегодня придерживается материалистическая наука, заключается в том, что у человека будто бы есть два типа нервов: так называемые сенсорные и моторные нервы. Сенсорные нервы идут от наших органов восприятия, - так считается, - или от поверхности кожи, к нервному центру, и как телеграфные провода доставляют туда то, что воспринято органами чувств. Затем от этого нервного центра идут, в свою очередь, так называемые, моторные нервы, волевые нервы. Как бы, посредством демонической сущности, - которую современная наука, конечно же, отказывается признавать, и которая сидит в центральной нервной системе, - то, что было передано по телеграфным проводам-нервам от органов чувств в центральную нервную систему, превращается в волю через моторные, через волевые, нервы. Были разработаны очень изящные теории, некоторые даже необычайно остроумные, особенно та, что вытекает из ужасной болезни табеса⁴⁸, для объяснения этой теории двух типов нервов. Но всё же эта теория о существовании двух типов нервов является не чем иным, как следствием незнания сверхчувственного человека. Нет никакой разницы - я не могу это здесь объяснить, поскольку это увело бы нас слишком далеко, но это подтверждает, как раз, болезнь табеса, если это правильно рассмотреть - между сенсорными и моторными нервами. Так называемые, моторные нервы существуют только для того, чтобы подобно, так называемым, сенсорным нервам, которые передают внешние восприятия, точно так же передавать внутренние

⁴⁸ Tabes dorsalis, - спинная сухотка (туберкулез спинного мозга) - редкое позднее осложнение нелеченного сифилиса, возникающее через 10–30 лет после заражения. Она является результатом хронического воспаления и повреждения (демиелинизации) задних столбов спинного мозга, что приводит к атаксии (неустойчивой походке), сильной боли, потере рефлексов, дисфункции мочевого пузыря и характерному зрачку Аргайла-Робертсона (фиксированный зрачок при свете). (ИИ-формулировка, прим. пер.)

восприятия, когда мы ходим или двигаем рукой. Моторные нервы также являются сенсорными нервами; они позволяют нам воспринимать собственные движения. А то, что моторные нервы являются носителями воли, проистекает исключительно из непонимания собственно носителя воли. С последним человек знакомится, только когда действительно упражняется в той волевой самодисциплине, о которой я говорил. Когда он также проявляет активность в самовоспитании. Когда, благодаря такому воспитанию, человек становится независимым от того, что с ним делает само тело. Тогда он учится понимать, что волю порождают не моторные нервы, они лишь воспринимают движения, которые становятся возможными, благодаря воле, а это третий член человеческого существа, сверхчувственный член, то, что можно назвать собственно душевным существом. В своих трудах, хотя это выражение современности ещё не нравится, я называл его астральным телом. Знакомство с этим сверхчувственным членом человеческого существа происходит, в свою очередь, через непосредственное видение, которое приобретает посредством самодисциплины воли; с этим душевным телом, если можно так выразиться, мы знакомимся как с тем, что духовно-душевно лежит в основе всех движений воли, всех движений тела. Нервы существуют лишь для того, чтобы опосредовать восприятие движения.

Однако, если продолжать следовать упомянутой мною дисциплине воли, необходимо подняться от просто имагинативного познания, о котором я только что говорил, к инспирированному и интуитивному познанию, как я описал в моей вышеупомянутой книге. Тогда человек приходит к тому, чтобы познакомиться с ещё более высоким членом, нежели эфирное тело или тело образующих сил человека, в этом душевном члене человеческой природы. И он учится познавать этот душевный член как то, что нельзя пережить в себе, что можно пережить, только находясь во внешней активности, что можно пережить, благодаря тому, что ему становятся несколько более сознательны импульсы воли. Когда удаётся обнаружить в себе этот собственно душевный член души, эту вторую часть сверхчувственного человека, тогда воля усиливается всё больше и больше, и проявляется то, чем является наше чувственное тело. То, что приводит наше тело к силе, когда оно использует свои конечности и то, что с ними связано, - это оказывается совершенно иного рода организацией, нежели головная организация. Природа конечностей человека оказывается такой организацией, которая - в противоположность голове, которая, как я показывал, находится в состоянии постоянного частичного умирания, - находится в процессе постоянного духовного рождения, постоянного повышения и развития жизни. Таким образом, с одной стороны, через головную организацию мы переживаем непрерывное умирание; с другой стороны, в волевой природе, во втором сверхчувственном члене человеческого существа, происходит непрерывное продолжение рождения. И из этого продолжения рождения, из этого повышения жизни, которое должно исходить от всего нашего человека, к нам назад излучается тогда истинная, теперь уже высшая сверхчувственная природа Я, пронизывая нам то, что мы запечатлели в теле. Наше Я всегда поднимается заново, словно из могилы частично умирающей головы. Это то, что можно в себе пережить посредством соответствующего обучения душевной жизни: это непрерывное действие умирания и рождения. И человек учится познавать, что мы рождаемся не только в начале своей жизни и умираем в конце, а что в процессе умирания и рождения выражаются силы, которые проходят через всю нашу жизнь с нашей организацией.

Поскольку, только когда человек через интуицию и инспирацию поднимается к пониманию сверхчувственного человека, он становится в состоянии действительно познакомиться с самим развитием человечества. Поскольку, развивая таким образом такое видение, у него пробуждаются силы, которые стекаются вместе из головной природы и прочей телесной природы, чтобы проследить историческую жизнь человечества, историческое развитие человечества, в соответствии с его внутренними силами. Как же это историческое развитие человечества, собственно, всегда наблюдается обыденным сознанием настоящего? Если отвлечься от того, во что верили на стихийном этапе развития человечества, исходя из первоначального взгляда человечества, - то, что сегодня считается

ребячеством, а именно, что историей управляет дух, - если от этого отвлечься, то можно сказать, что сегодня человек всё же рассматривает историю, то есть развитие человечества, лишь как сумму фактов, которые он собирает из документов в архивах, из традиций, которые он затем, в лучшем случае, пронизывает обычным комбинаторным мышлением. К этим историческим фактам, которые он, как духовный исследователь, ведь, должен взять из внешней истории, после того как будет признана сверхчувственная человеческая природа так, как я только что объяснил, добавляется способность заглядывать в духовные процессы высших сверхчувственных существ, которые проходят через историческое развитие.

Человек знакомится с тем, на что иначе в этом развитии человечества он смотрит лишь внешне, внутренним образом. И, чтобы не болтать в общем абстрактно, я хочу сказать об одном особенном факте, чтобы представить вам это развитие человеческой истории, так сказать, симптоматически. То, что внешне представляется как история, сегодня - именно потому, что человеческое восприятие ограничено только материальным - является, ведь, некой *Fable convenue*, то есть, всего лишь описанием внешнего. Тот, кто способен взглянуть внутренне на то, что объединяет факты, обратившись сначала к прошлому историческому развитию, примерно в середине 15-го столетия странным образом придёт к поворотному моменту в развитии новейшего человечества. Эта середина 15-го столетия показывает нам в различных областях, что там в развитии человечества происходит нечто вроде скачка. Мы, ведь, знаем, что такое скачкообразное развитие происходят также и в природе. Если мы понаблюдаем за развивающимся растением, за тем, как оно развивает зелёный лист, как развивается чашечка, как она переходит в окрашенный лепесток цветка, то увидим скачкообразное, хотя и непрерывное, развитие от зелёного листа к окрашенному лепестку цветка. Такой скачок в развитии, который остается незамеченным при поверхностном изучении исторических фактов, такой скачок в развитии человечества произошел в середине 15-го столетия. Тогда в этом развитии человечества проявилось то, что поднимает душу человека на совершенно другую ступень развития, по сравнению с предыдущими временами. Конечно, и более ранние периоды, более ранние эпохи развития человечества, в свою очередь, содержали в себе то, что в определённые времена приводили их к высотам, но в отношении внутренней душевной конституции человека они отличались от того, что эти человеческие души проделали, начиная с середины 15-го столетия.

И с этой серединой 15-го столетия внутренне-исторически завершается эпоха развития человечества, которая для духовно-научного наблюдателя истории начинается, собственно, в восьмом дохристианском столетии, приблизительно с основания римского рейха. Тот, кто рассматривает историю духовно-научным образом, обнаруживает, что с восьмого столетия до возникновения христианства до середины 15-го столетия после его возникновения через столетия проходит непрерывное душевное развитие. И тот, кто внутренне рассматривает, скажем, античность, римскую империю, найдёт то, что говорится духовно-научно, вполне обоснованным. То, что развивается в эту эпоху, - это человеческая душевная конституция, которая в человеке приводит к развитию душевный склад (*Gemüt*)⁴⁹ и понимание. Это, ведь, самое удивительное при внутреннем развитии истории: Если вернуться во время до восьмого дохристианского столетия, то там в человеческой душе ещё не действует то, что мы сегодня называем силами ума (*Gemütskräfte*), понимающей человеческой природой, там ещё человек всей своей душой обращён к внешнему миру, там он ещё не отделён от него и мыслит о вещах с пониманием, там он со своими умственными силами (*Gemütskräfte*) ещё является частью природы. Только в восьмом столетии он отделяется и самостоятельно развивает свои внутренние силы понимания и чувствования (*Gemütskräfte*). И, по сути, всё это историческое развитие от восьмого дохристианского столетия до 14-го постхристианского столетия, - это

⁴⁹ Немецкое слово «*Gemüt*» является понятием широким. В душе сознательной развивается Я. Под душой рассудочной в средние века понималось отражение внешних мировых закономерностей. Благодаря сознанию, добавляется активный элемент чувствования. «*Muot*» = «*Mut*»** - это работающее в душе, активное. «*Gemüot*» - это *Gemüt*, часть души, состоящая из души рассудочной, души сознательной, там, куда проникает импульс воли (Р. Штайнер «Проблема Люцифера», Берлин, 26.10.1908, прим. пер.)

разворачивание тех сил, которые в человечестве в отношении душевного развития постепенно формируются из внутренних глубин человека, как это предполагает развитие понимания и осознанного чувствования (Gemütsbildung). Но это формирование понимания и чувствования для всей этой эпохи имеет нечто инстинктивное. Понимание и чувствование действуют тогда ещё полностью инстинктивным образом. А с середины 15-го столетия то, что раньше в разуме и чувствовании действовало скорее инстинктивно, приняло сознательный, полностью сознательный характер, так, что с тех пор человек чувствует себя одиноким по отношению к внешней природе ещё сильнее, чем раньше, так, что он должен был, как бы, отделяться от внешней природы, когда хотел сознательно что-то обдумать; когда хотел сознательно пережить свои силы чувствования (Gemütskräfte), то, что инстинктивно переживал как симпатию и антипатию. Всё переходит в сознательное.

Поэтому на основании духовной науки можно сказать: В то время как в прошлые эпохи формировалась инстинктивно-понимающая жизнь, инстинктивная жизнь чувств, с середины 15-го столетия в человеке формируется то, что можно назвать душой сознательной. Это развитие души сознательной является чем-то таким, что будет происходить в человеческом развитии ещё очень, очень длительное время. По сути, как человечество, мы стоим только в начале этого развития души сознательной. И то, что человек с того времени развивает свою душу сознательную, - это вызвало, как раз, огромный прогресс естественно-научного мышления.

Какими бы великими ни были Платон, Аристотель, естественно-научного мышления у них не было. Для естественно-научного мышления необходимо то сознательное отделение человеческого внутреннего от природы, которое произошло только со вступлением в развитие человечества души сознательной. Поэтому наше естественно-научное развитие вообще связано с одной из эпох развития человечества. Всё человеческое развитие, как это однажды выразил Лессинг, - можно понимать эти слова как угодно, - это, своего рода, «воспитание человечества». Воспитание человечества с середины 15-го столетия, - это воспитание души сознательной, и эта душа сознательная, собственно, и принесла естественно-научное мировоззрение. Это, если понимать внутренне, часть человеческого развития. И полностью понятно то, что приходится на эпоху с восьмого дохристианского столетия до середины 15-го столетия, только тогда, когда это рассматривается таким внутренним образом с точки зрения человеческого душевного развития. Поскольку на первую треть этой эпохи приходится основание христианства. И это основание христианства также и духовный исследователь признаёт как величайшее событие человеческого земного развития вообще. Как раз, духовный исследователь, который таким образом на протяжении столетий заглядывает внутрь человеческого душевного развития, понимает, как в первой трети той эпохи, которую я описал как развитие понимающих и чувствующих сил, ещё продолжало оказывать воздействие нечто из древних времён, в которых оно в высшей степени присутствовало, но исходило из подсознательных сил души, заставляя человека чувствовать себя частью всей природы, частью внешней природной действительности. Тогда в человеческом развитии произошло событие, которое никогда не будет понятным, если его будут стараться понять, исходя просто из материального развития исторических фактов, - произошло событие Голгофы. Тогда в человеческом развитии произошло оплодотворение этого человеческого развития неким сверхчувственным элементом, который, спустившись из мировых высот, соединил себя с развитием человечества, подготавливая человеческую природу для того, чтобы становиться всё более и более сознательной, всё более и более внутренней. Первоначально то, что произошло на Голгофе, становление Христа человеком, происходило в рамках ещё преимущественно инстинктивной понимающей и чувствующей деятельности. И на протяжении последних двух третей этой эпохи сила, исходящая от события на Голгофе, продолжала перетекать в эти более бессознательные, более инстинктивные понимающие и чувствующие силы. Затем, начиная с середины 15-го столетия, наступило сознательное развитие человеческой души, а вместе с ним и

естественно-научная эпоха, ориентирование человека на внешние события природных явлений.

Сначала была та эпоха, в которой в отношении сознательной жизни больше выступала более ранняя связанность с духом, связанность со сверхчувственным мира. Это духовное, которое раньше, в древние времена, человек имел в самих мировых явлениях как воспринятое инстинктивно, разрасталось внутри него, благодаря тому, что с человеческим развитием было связано существо Христа. Но это разрастание выпадало также и на то время человеческого развития, когда, как я это представлял, человек становился всё более и более сознательным и, благодаря этому, всё более и более внешним. И поэтому вышло так, что, как раз, в эту эпоху души сознательной, в эту эпоху сознательного развития понимания и чувствования, семя Христа, хотя и действовало в человеческих душах, но человечество поначалу, лишь поначалу, становилось всё более сознательным, как раз, в том смысле, что позволяло тому, что жило в нём духовно, сверхчувственному человеку, отступить на задний план своего сознания. Благодаря этому, вышло также так, что человек всё меньше и меньше понимал то, что сверхчувственно всё же было связано с этим развитием человечества, - событие Голгофы. И девятнадцатое столетие довело это до высшей точки. Девятнадцатое столетие довело это до того, что для большей части человечества, включая и верующих, это событие Голгофы сбросило с себя этот сверхчувственный характер. В некотором смысле, это девятнадцатое столетие вывело событие Голгофы, даже для значительной части верующих, в мир внешних фактов. Из носителя Христа, Иисус стал «простым человеком из Назарета», существом, которое представляет собой ни что иное, как немного более развитое человеческое существо. Это произошло лишь потому, что в процессе развития души сознательной человек утратил понимание сверхчувственного также и в историческом мире. Христианство материализовалось с представлением об Иисусе как о простом человеке из Назарета; и сегодня мы имеем не только материализм естественных наук, но и, в широких кругах, материализм веры.

Но в этот период человеческого развития, который начался в середине 15-го столетия, мы также подошли к необходимости снова подняться к духу. И то, что я развивал здесь сегодня и позавчера, должно стать путём новейшего человечества, чтобы снова подняться к духу, чтобы в свою очередь за чувственным миром и за внешними историческими фактами найти сверхчувственные познания и явления. И на этом пути будут также найдена сверхчувственная природа события Голгофы. Благодаря этому, событие Голгофы выступит такой отметкой в общем развитии человечества, что в таком виде оно действительно сможет перейти в знание всего человечества на Земле, в универсальное убеждение. За пределами конфессиональных границ, даже за пределами религиозных различий по всему миру, событие на Голгофе, лишённое всякой индивидуальности, с возрождением сверхчувственного знания, может стать общим достоянием по отношению к знанию всего человечества. За границами конфессионального, даже за границами религиозных различий по всей Земле, при появлении вновь сверхчувственного познания, событие Голгофы, разоблачённое тогда от всякой особенности, может стать общим достоянием в отношении познания всего человечества. Тогда в этой мистерии Голгофы будут видеть в рамках развития человечества то, что является фундаментальным фактом сверхчувственной природы во всём этом развитии человечества. Тогда человек не сможет смотреть с той узкосердечной точки зрения, с которой до сих пор смотрят на Христа некоторые конфессии и с которой нельзя разглядеть истинную тайну, поскольку сегодняшняя вера стала материализованной, - тогда он обретёт новое понимание этого величайшего, этого самого сильного импульса в развитии человеческой истории, выходящее за рамки этой точки зрения.

Это должно вам показать, что духовная наука не лишает человека того, что он хочет представить как результат «простой веры». Нет, духовная наука, в соответствии со стремлением сегодняшнего человека, который, если он хочет быть честным со своим внутренним, будет все меньше и меньше удовлетворяться простой верой, стремится представить человечеству, как раз, исходя из самых высоких познаний, самое интенсивное

событие в развитии человечества. Это необходимо было здесь отметить как нечто присущее гуманитарным наукам. Это должно быть высказано также и здесь как нечто такое, что принадлежит этой духовной науке. И должно также быть указано на то, в чём человек нуждается по всей Земле, когда оно полностью погружается в жизнь сознательного времени, где человек зависит от своей собственной личности, поставлен в положение личного одиночества. В то время, когда человечество всё больше и больше раскалывается, всё больше и больше дисгармонизируется, надо указать на то, что этому человечеству необходимо для того, чтобы, в свою очередь, объединиться: Это будет новое знание этого события центрального пункта человеческого развития.

Духовная наука ничего не отбирает у человека, а, наоборот, даёт то, в чём нуждается, как раз, его сегодняшнее сознание. И если, так называемый, здравый смысл захочет обжаловать такие взгляды антропософски ориентированной духовной науки, то этому здравому смыслу необходимо сказать, что ему надо просто стать здоровым и избавиться от иллюзий, которыми его затуманило чисто внешнее, материальное знание естествознания. Он должен опираться на самого себя, и тогда он сделает замечательное открытие именно сегодняшней человеческой душевной жизни. Он будет слышать, что, исходя из добротных и строго методических источников, ему говорит естествознание о развитии внешнего телесного. Но он, именно как здравый смысл, не поймёт, как человеческая жизнь, как она ему представляется, должна, собственно, быть исчерпанной тем, что ему может сказать это естествознание. И тогда, если, руководствуясь здравым смыслом, он здоровым образом изучит то, что говорит духовная наука, если он сравнит то, что она говорит, с жизнью, то он обнаружит, что он должен быть болен от противоречий, которые всегда возникают из иллюзий жизни, порожденных материализмом, что истинная связь с реальностью будет заново открыта только тогда, когда ему посредством духовных исследований будет открыт сверхчувственный человек и сверхчувственный мир, в котором развивается человек и человечество. И когда человек, таким образом, обретает возможность проникать в историческую жизнь с помощью такого сверхчувственного познания, и нынешняя эпоха мирового или человеческого развития предстает перед ним именно в таком свете, - сегодня не время говорить о развитии всей Земли, об этом можно прочесть в моём «Тайноведении» - тогда он достигает зрелости для того, чтобы обрести также те знания, о которых Лессинг, с его высоко ценимым здравым смыслом в рамках немецкого духовного развития, говорил в своей книге «Воспитание человечества». Тогда он достигает зрелости для того, чтобы узнать, как в рамках этого духовного развития протекает человеческая жизнь в повторяющихся земных жизнях. Тогда он способен узнать, как человек в отношении всей своей жизни производит смену между такой жизнью, которую он проживает здесь в физическом земном теле, и другой жизнью, которую он проживает между смертью и новым рождением в сверхчувственных мирах, которые связаны с нашим миром также посредством того, что пронизывает и проживает историческое развитие как дух. Тогда, полностью в смысле Лессинга, обнаруживается, что человек, снова и снова выступающий в обновлённой земной жизни, сам переносит то, что развивается, из одной эпохи в другую. Это знание о повторяющихся земных жизнях не может стать какой-то теорией в обычном смысле. Оно будет достигнуто, - но тогда уже как факт более высокого сверхчувственного человеческого существа, - только тогда, когда человек сделает себя также способным проникнуть в дух развития человечества, как я это описал.

Таким образом, в нашу духовную современную культуру хочет войти новое познание духовной жизни, - познание, которое хочет снова позволить найти для человечества дух в рамках нашего материалистического мира. Этот материалистический настрой, пронизывающий сегодня человечество, - это, ведь, во многом также тот настрой, который внутренне сделал для человека действительное видение духа таким чуждым, что он больше не имеет мужества ввергнуть себя в это духовное видение, и что он при этом успокаивает себя тем, что единственным путём в духовное может быть только простая вера, опирающаяся на внешнее букв Библии. Оба, простая вера и материализм нашего времени, тесно связаны

друг с другом. Поскольку в то время, когда ещё не было материализма, не было также и упрямого стремления к простой вере. А во времена, когда возникло христианство, учение Христа Иисуса всё же вышло из высоко развитого, но в старом стиле содержащегося духовного видения. Это старое видение не может быть видением современного человека. Современный человек должен достичь духовного видения так, как я пытался это описать. И кто познакомился с тем, что живёт в глубине души, чем люди пронизаны, но что, по сути, ещё не совсем знают, что бессознательно, иногда в виде болезни разыгрывается в их сознательной душевной жизни, так что они испытывают внутреннее беспокойство, как болезненность души, но не могут себе этого объяснить, - тот обнаружит: Это стремление к этой новой духовности. Воистину, я не собираюсь здесь нескромно предполагать или утверждать, что то, что я представляю как духовную науку, как антропософию, является единственным, что должно происходить на духовном пути в настоящее время. То, что я имею здесь в виду - это лишь слабая попытка. И, как раз, тот, кто скромно представляет такую слабую попытку, но представляет её так, что он знает, что она проистекает из наивнутреннейшей тоски времени, - тот знает также, что во всё большем и большем числе мест будут появляться те, кто будет предпринимать эту попытку встать на пути духовного видения и провозглашать возможность вновь подняться к жизни со сверхчувственным человеком в сверхчувственном мире.

Но вы также видите, - я, ведь, не могу упустить этого, говоря об антропософии, - что поначалу у него возникает чувство некоей непонятливости, чувство трудности понимания. Вы также видите, что не затуманивание ясного мышления или затуманивание воли, практически действующей в жизни, а, как раз, наоборот, повышение мышления, повышение воли вводят в эти духовные миры. Для этого многие в наше время ещё не имеют внутреннего мужества. Поэтому они рассматривают эту антропософию, говоря: Стремление, конечно, похвально, но там, ведь, исходя из этой антропософии, люди рассказывают нам всяческие вещи о человеческом развитии, и даже о космических фактах духовной природы. И тогда такие люди, рассматривающие антропософию таким внешним образом, называют её «непонятной вещью» и так далее, как недавно здесь в Штуттгарте было названо то, что антропософия как действительно сверхчувственный мир фактов, добавляет к чувственному миру фактов. Но это будет всегда оставаться бессмысленной, смутной догадкой о духовном мире, если мы посредством, я бы сказал, математически ясного мышления и наполненной светом, пронизанной самодисциплиной воли, будем создавать относительно сверхчувственного мира не просто фразы, а извлекать из этого сверхчувственного мира действительные факты. Эти факты нужны современному человечеству.

Я говорил вам об этой тоске. Ведь, исходя из этой тоски, как раз, в ходе девятнадцатого столетия развился искажённый образ сверхчувственного стремления. Люди знали только материалистические устремления, но, как раз, в рамках этих материалистических устремлений они обрели эту тоску по духу. Поэтому они отделились такому духовному поиску, который был копией материального исследования жизни; они отделились от карикатуры на духовный поиск, спиритизму, который является не чем иным, как материальным поиском того, что никогда не может быть материальным, поиском духа. То, что в спиритизме патологически выступает как карикатура на духовный поиск, это, как вы видите, то, что необходимо искать здоровым образом через антропософски ориентированную духовную науку, но только посредством ясного дальнейшего развития того, что уже присуще человеку.

Так, в лучшем смысле этого слова, антропософски ориентированная духовная наука является попыткой, - как сказано, это должно быть высказано со всей скромностью, - вставить знания о духовном мире, о сверхчувственном человеке и его развитии, во время таких выдающихся, великих, внешних естественно-научных знаний. И только тогда, когда эти научно-естественные знания станут дополненными знаниями духовного видения, современный человек прояснит знание о своём существе в соответствии со своими внутренними стремлениями. Поэтому духовная наука, в том смысле, в котором она здесь

подразумеваются, также должна отбросить все те обвинения, которые исходят из некоторых, в том числе и доброжелательных, кругов.

Тут, в заключение, я хотел бы обратить ваше внимание на следующее. Даже те, кто не хочет отвергать эту духовную науку, считают недопустимым, что сегодня перед большими толпами людей говорят о том, что они называют «духовными тайнами», и что они хотят сохранить только для узких, сектантских кругов. О, они прекрасно знают, что это выступление перед большими массами людей - священный долг нашего времени. Поэтому не следует прислушиваться к таким обвинениям, какие прозвучало недавно: Невозможно говорить о космических вопросах перед огромной городской публикой, - так гласит это обвинение, - как это делает доктор Штайнер; чего здесь не хватает, так это духовного мастера, который неустанно изгоняет из своего окружения любого, кто не умеет вовремя замолчать; чего здесь не хватает, так это учения, которое умеет отличать мирское от освященного действительно, а не только в риторике. - В ответ на это обвинение необходимо показать действительность того, что сегодня мы вступили, также и духовно, в эпоху демократии, и что пытаться провести различие между мирским и посвященным является грехом против человечества. Тот, кто по воле судьбы может проникнуть в духовные миры, обязаны в самом широком смысле обращаться к здравому смыслу, чтобы этот здравый смысл вновь смог снова найти путь в эти духовные миры. Если эта обязанность времени вообще, обязанность по отношению ко всему земному человечеству, то это ещё и особая обязанность в пределах той области, в которой мы сейчас живём, - в пределах центрально европейской области. Кто, как тот, кто говорит с вами сегодня, на протяжении многих десятилетий углублялся в то, что немецкая духовная жизнь - я уже упоминал об этом сегодня в отношении Лессинга - уже начала делать для нового духовного понимания в лице Лессинга, Гердера, Гёте, Шиллера, немецких философов, знает, что углубление в эту духовную жизнь, если оно осуществляется так, что силы, с помощью которых искали Гёте, Шиллер и другие, становились бы своими собственными, чтобы эта духовная жизнь напрямую вела к тому, о чём я вам говорил сегодня и позавчера. И в Центральной Европе, для того, чтобы преодолеть это ужасное материалистическое развитие последнего времени, нам не нужно ничего иного, как вспомнить о том, что изначально уже лежит в основе нашей великой немецкой эпохи. Тогда мы естественным образом придём к тому, что здесь названо антропософски ориентированной духовной наукой. Поэтому также здание, которое планировалось как высшая школа для этой духовной науки, здание в Дорнахе, как раз, в это время, когда повсюду немецкая сущность так мало ценится, названо «Гётеанумом». «Гётеанум» («Память о Гёте») как символ того, что с точки зрения духа немецкая сущность смело предстает перед всем миром как гётеанизм.

И я знаю, что ничто не будет сделано против Гёте, если, как раз, мыслительный и созерцательный настрой, о котором вам говорилось сегодня и позавчера, в связи с историческим, будет назван гётеанизмом. Сколько бы у нас ни отнимали внешне, сколько бы мир сегодня ни имел власть погрузить нас в глубочайшие трудности и страдания, он не сможет отнять у нас то, что связано с лучшими немецкими силами, если только мы сами будем готовы соединиться с этими лучшими немецкими силами. Тогда, если кто-то готов это сделать, тогда даже в эти темные и скорбные времена он обретает надежду, именно надежду на пробуждение духовной жизни человечества в новой форме, к которой мы, возможно, призваны именно в наши глубочайшие трудности и страдания. Как бы много у нас ни отнимали внешне, как бы ни погружал нас сегодня мир внешне в глубочайшие лишения и страдания, он не может отнять у нас то, что связано с лучшими немецкими силами, если только мы сами готовы соединиться с этими лучшими немецкими силами. Но тогда, если мы этого хотим, тогда даже в эти тёмные и скорбные времена мы обретаем надежду, - надежду, как раз, на пробуждение духовной жизни человечества в новой форме, к которой мы, возможно, призваны именно в нашей глубочайшей нужде и глубочайшем страдании.

Можно будет продолжать то, что внесло в новейшее развитие человечества материалистическое время, тогда мы будем всё дальше и дальше отделяться от духа, тогда мы будем всё больше и больше соединяться с материей, или можно будет сегодня настроиться на

сверхчувственного человека и развивать в себе его. Тогда то, что в материалистическом, естественно-научном воззрении достигло головокружительных высот, будет дополнено настоящим духовным видением. И это духовное видение станет тогда подобным душе внешнего, естественного мировоззрения. Оба эти пути: оставаться в материальном познании и вести человечество дальше к хаосу и страданиям, или извлекать истинную, сокровенную человеческую природу из сверхчувственного человека и сверхчувственного мира, - оба эти пути открываются сегодня для развития человечества. Один - материалистический путь, о, он проявляется в том, что он в виде волны бросает на поверхность. Тут внешняя наука видит воистину совсем неточно, следуя только внешней логике понимания, не в состоянии пробиться к внутренней логике фактов. Я хочу представить вам только один из таких фактов.

Тут в наше время, по настоящему из материалистического настроения, родился один философский взгляд, который представляют Авенариус и Мах. Этот взгляд говорит о том, что человек может внести в свой мир опыта, собственно, не более того, что он получает при обычном чувственном восприятии, в обычном сознании. Как раз, эти названные выше умы, остроумным философским образом выразили то, чем является материалистический настрой. Можно последовать тому, что они выразили, и тогда перед тем, что выработал разум этих людей, можно снять шляпу. И если оставаться в рамках обычного воззрения, то можно принять таких философов, как Авенариус и Мах, как отдельные философские явления. Если же не оставаться при этих обычных воззрениях, если познакомиться с внутренними импульсами таких мировоззрений, о, тогда видно, тогда нужно перевести взгляд от этих мировоззрений к тому, как они скрыто действуют в жизни. И тогда открывается странная связь, которая тут состоит между этими мировоззрениями и тем, что в виде губительных явлений грозит сегодняшней европейской культуре с Востока, из России, от большевизма. Тогда видно, что большевизм в практической жизни является конечным следствием такого мировоззрения. Это подтверждается ещё и тем фактом, что философия Авенариуса и Маха является государственной философией большевиков.

Видите ли, только тот, кто проникает в дух вещей, кто способен подняться над пустыми разговорами современных партийных мнений, может распознать эти связи. Ведь, сегодняшние партийные мнения обесценивают всё, что, как раз, сегодня необходимо высказать для блага человечества. Эта логика фактов, которую я вам только что представил, для современных людей важнее всей спекулятивной, софистической логики, которая, однако, никогда не выведет большевизм из Авенариуса и Маха. Это делают факты. И если вы хотите понять истоки опустошающих сегодня цивилизацию деяний в рамках цивилизованного мира, то взгляните на философии последних десятилетий, к философии второй половины 19-го столетия и начала 20-го; тогда вы найдёте еще больше подтверждений того, что сегодня перед нами два пути: один путь, продолжающий материалистический образ рассмотрения, каким бы логически утончённым он ни был, как у Авенариуса и Маха; и путь, описанный здесь, который стремится вернуться к духу. Если бы мы с этого момента всегда следовали первому пути, то мы бы излили на европейскую духовную жизнь механизацию духа, вегетаризацию души и анимализацию тела. Это, однако, тоже является тем, что сегодня угрожает человечеству. Если же люди полностью проникнутся западной механизацией духа, то эта западная механизация духа соединится с восточной анимализацией, то есть, с появлением социальных требований лишь в форме животных инстинктов и низменных влечений. Оба тесно связаны. В середине лежит вегетаризация, то есть, сонливость душевной жизни, которая отказывается пробудиться посредством становления на духовный путь. Это одна из перспектив, которые тут есть. Человечеству предстоит решить, захочет ли оно вступить в эту перспективу механизации разума, вегетаризации души и анимализации тела, или же оно захочет пойти другим путём. В нужде и бедствиях мы, вероятно, сможем выбрать другой путь. И этот другой путь, путь духа, не может быть у нас отнят, хотя власть и имеют другие.

Мы должны только хотеть на него встать. Мы должны только хотеть содержать наш дух свободным от рабства наших тел. Нам нужно будет только решиться поставить себя на себя

самих в духовно-душевном отношении, основываясь на чувствах и восприятиях, которые могут возникнуть посредством осознания сверхчувственного человека и сверхчувственного мира. Тогда другие не смогут причинить нам вред. Тогда, возможно, всё же проявится то, что я хотел бы выразить словами: В течение девятнадцатого столетия мы в Центральной Европе, к сожалению, стали подражать западным народам, даже там, где для этого не было никаких оснований в рамках западной цивилизации. Возможно, через трудности и страдания, как раз, через власть, которую они имеют над нами, мы найдём способ избежать принятия того, что, к сожалению, приняли добровольно, подражая им. Теперь, когда они посредством своей власти намерены провести нас через механизацию духа, мы найдём силу в этой старой Центральной Европе, которая может опираться на свое великое прошлое; тогда, в самом внутреннем человека, мы найдём силу для того, чтобы идти по пути духа. Тогда мы избежим материалистической механизации духа и придёт к тому, что я попытался охарактеризовать уже в начале девятых годов в своей «Философии свободы». Тогда, благодаря освобождённому духу, мы придём к действительному видению духовного мира. Тогда, как раз, через дух, мы найдём путь к равенству людей. Поскольку равенство людей никогда не может существовать только во внешнем экономическом порядке.

Но когда человек сможет постичь себя в своей сверхчувственной природе как одушевленное духовное существо, тогда он также найдёт право, которое делает его равным среди равных. Тогда он углубит свою науку; поскольку только то, что я вам сегодня рассказал, сможет служить верными источниками медицины, права и воспитания. Тогда из науки не будет вытекать то, что ведёт к механизации духа, как прежде, что ведёт к неравенству людей, как прежде, а тогда из того, что дух ищет на путях духа, возникнет полная духовная свобода человека. Тогда из того, что дух ищет на путях души, возникнет человеческое равенство одушевленных людей, и когда человек, понимающий себя как сверхчувственного Духочеловека, будет с любовью стоять перед другими людьми, тогда, поскольку люди будут сознательно взаимодействовать друг с другом как духовные существа в любви, тогда, наряду с освобожденным разумом, наряду с другой равной душой, в человеческой природе воцарится истинное, пронизанное духом, одушевленное, всеобщее человеческое братство!

XIV. История социального движения.

*Вечер изучения «основных пунктов социального вопроса»,
Штуттгарт, 30 июля 1919 года.*

Сегодня вечером я не буду предвосхищать то, что, собственно, запланировано здесь в виде учебного вечера, посвященного изучению книги «Основные пункты социального вопроса», но попытаюсь дать вам, своего рода, введение в тему. С помощью этого введения я хотел бы пробудить в вас ощущение того, с каких точек зрения была написана эта книга. Она была написана, прежде всего, исходя из непосредственной современности, из убеждения, что социальный вопрос, благодаря событиям этой современности, также приобрел новую форму, и что сегодня необходимо говорить о социальном вопросе совершенно иначе, чем это делалось до катастрофы Первой мировой войны. В этой книге предпринята попытка сделать нечто именно сейчас, на данном этапе развития человечества, когда социальный вопрос становится особенно актуальным, и когда каждый человек, сознательно, не пассивно и спящим образом, участвующий в жизни человечества, должен знать кое-что о том, что необходимо сделать в смысле того, что обычно называют социальным вопросом. Тут, возможно, будет весьма полезно немного оглянуться назад. При этом, возможно, я должен буду упомянуть вещи, - но мы представим их тогда несколько иначе, чем они были представлены ранее, - которые отчасти вам знакомы.

Вы, ведь, вероятно, знаете, что то, что приводится сегодня в отношении социального вопроса, существуют уже довольно давно. И сегодня имена Прудона, Фурье и Луи Блана упоминаются как имена первых, кто занимался социальным вопросом, вплоть до середины 19-го столетия. Вы также знаете, что, благодаря подходу к этому социальному вопросу до середины 19-го столетия, современные представители социального вопроса, или, по крайней мере, многие из них, называют это время «эпохой социальных утопий». Хорошо прояснить для себя, что, собственно, подразумевается, когда говорят: На первом этапе социальный вопрос выступил таким образом, что он жил в эту эпоху утопий. Однако, нельзя говорить об этом в абсолютном смысле; а можно говорить только с точки зрения представителей этого социального вопроса в наши дни. Они ощущают это так, как я сейчас хочу это представить. Они ощущают, что все социальные вопросы, возникшие в эпоху, которую я хочу обсудить в первую очередь, находились на стадии утопии. И что же люди понимают под этим, когда говорят, что социальный вопрос был тогда на стадии утопии? Под этим они понимают следующее: Сен-Симон, Фурье справедливо замечали, что даже после Французской революции существовало определенное социальное меньшинство, владевшее средствами производства и другими благами человеческого капитала, в то время как значительное число, фактически большинство, других людей не обладали такими благами и могли работать на средствах производства только поступая на службу к тем, кто владел этими средствами производства и землей, - людей, которые, по сути, не имели ничего, кроме самих себя и своей рабочей силы. Было отмечено, что жизнь этой большей массы человечества - это жизнь, полная трудностей, большей частью протекающая в нищете по сравнению с теми, кто находится в меньшинстве. И было обращено внимание на положение меньшинства и положение большинства.

Те, кто, подобно Сен-Симону и Фурье, а также Прудону, писали об этом социальном положении человечества, исходили из определенной предпосылки. Они исходили из предпосылки, что людям надо было указать: Смотрите, большие массы живут в нищете, в несвободе, в экономической зависимости; такое существование недостойно. Его нужно изменить. - И затем они придумывали всевозможные средства, с помощью которых можно изменить это неравенство между людьми. Но всегда была определенная предпосылка, и эта предпосылка заключалась в том, что говорили себе: Если знаешь, на чём основано это неравенство, если у тебя достаточно убедительных слов, достаточно морального сознания для того, чтобы решительно указать на то, что подавляющее большинство людей живут в экономической и правовой зависимости и являются нищими, тогда эти речи коснутся сердец, душ меньшинства, этого богатого, привилегированного меньшинства. И это произойдет потому, что это меньшинство осознает: Так продолжаться не может, необходимы перемены, должен возникнуть другой общественный порядок, должен быть установлен другой общественный порядок. - Таким образом, предпосылкой было то, что люди, руководствуясь сокровенными душевными побуждениями, должны были сделать что-то для освобождения большей части человечества. И затем они предлагали то, что надо сделать. И они верили, что если меньшинство, если эти руководящие, правящие люди признают, что то, что они хотят сделать, хорошо, то наступит общее улучшение положения человечества.

С этой стороны было сказано много исключительно умных вещей, только всё, что предпринималось в этом направлении, теперь большинство представителей социального вопроса считают утопией. То есть, больше не считают, что можно просто сказать: Мир можно было устроить вот так, - и тогда экономическое, политическое и правовое неравенство между людьми прекратилось бы. Сегодня бесполезно апеллировать к пониманию, к взглядам людей, находящихся в привилегированном положении, владеющими средствами производства и так далее. Если бы мне нужно было выразить то, что было утрачено во второй половине 19-го столетия, я бы сказал, что была утрачена вера в благоразумность людей в их добрую волю. Поэтому представители социального вопроса, как я их имею в виду, говорят себе: Можно придумать прекрасные планы по организации человеческого мира, но из этого ничего не выйдет; поскольку как бы ни проповедовались эти прекрасные планы, как бы лги ни трогали

сердца и души правящих меньшинств, ничего не произойдет. Все это - ничего не стоящие идеи, и ничего не стоящие идеи, рисующие картину будущего; если говорить простым языком, - это утопии. Поэтому говорят, что нет никакого смысла рисовать картину чего-либо, что должно произойти в будущем, поскольку не будет никого, кто откажется от своих интересов, кто будет руководствоваться совестью, моральными принципами и так далее. Вера в совесть и моральное благоразумие в широких кругах, а именно, среди представителей социального вопроса, утрачена. Говорится, что люди, ведь, действуют, исходя не из своих взглядов, касающихся социальных институтов, или когда они ведут свою социальную жизнь, а исходя из своих интересов. А имущие классы, разумеется заинтересованы в сохранении своего богатства. Социально привилегированные заинтересованы в сохранении своих социальных привилегий. Поэтому это иллюзия, рассчитывать на то, что достаточно лишь сказать делать то или иное. Они этого не сделают, поскольку они действуют, исходя из своих интересов, а не исходя из своих взглядов.

В самом охватывающем смысле смысле, - так можно сказать, - постепенно, но действительно лишь постепенно, эту точку зрения принял Карл Маркс. В жизни Карла Маркса можно проследить целую череду этапов. В молодости Маркс тоже был идеалистическим мыслителем и, в том смысле, в котором я только что описал, тоже ещё верил в реализуемость утопий. Но именно он, а позже и его друг Энгельс, были теми, кто радикальнейшим образом отказались от этого расчёта на взгляды людей. И поскольку я характеризую нечто в общем, что, собственно, является большой историей, я могу сказать следующее: Карл Маркс в конечном итоге пришёл к убеждению, что мир нельзя улучшить никаким иным способом, кроме как обращаясь к тем людям, которые не заинтересованы в сохранении своего имущества, своих привилегий. На последних вообще не надо обращать внимание, на них не надо рассчитывать, поскольку их никогда не удастся убедить в чём-либо, как бы красноречиво вы им ни проповедовали. - Напротив, есть, как раз, большая масса пролетарских рабочих, и Карл Маркс, ведь, сам проникнулся этим убеждением в то время, когда то, что мы сейчас называем пролетариатом, по сути, только начинало формироваться в Центральной Европе. Он видел пролетариат только возникающим в Центральной Европе из других экономических условий. Когда он затем жил в Англии, это было иначе. Но в то время, когда Карл Маркс развивался из идеалиста в экономического материалиста, дело обстояло так, что в Центральной Европе современный пролетариат, собственно, только появлялся.

И тогда он сказал себе: У этого современного пролетариата совершенно иные интересы, нежели у правящего меньшинства, поскольку он состоит из людей, которые не владеют не чем, кроме своей рабочей силы, людей, которые не могут жить иначе, как поставив свою рабочую силу на службу имущему классу, а именно на службу владельцам средств производства. Если эти рабочие оставят свою работу, то их, - и это было особенно радикально в то время, - выбрасывают на улицу. У них нет никакой иной возможности, кроме как тянуть лямку для тех, кто владеет средствами производства. У этих людей совершенно иные интересы, чем у остальных. Их интересует прекращение существования всего прежнего общественного порядка, его трансформация. Им не надо проповедовать, чтобы были захвачены их взгляды, а лишь нужно, чтобы был захвачен их эгоизм, были захвачены их интересы. На них можно положиться. Проповедовать тем, на чьи взгляды следует полагаться, бесполезно, поскольку люди не действуют в соответствии с взглядами, они действуют, только исходя из интереса. Таким образом, нужно обращаться не к тем, к чьим взглядам надо было бы апеллировать, а нужно обращаться к тем, к чьим интересам надо было бы апеллировать. Они не могут иначе, как, исходя из внутреннего понуждения, выступить за новое время. Это тот эгоизм, к которому развился Карл Маркс. Поэтому он больше не верил, что продвижение человечества к новым социальным состояниям может быть результатом какого-либо другого человеческого дела, кроме дела самого пролетариата. По мнению Карла Маркса, пролетариат может стремиться к обновлению социальных условий жизни, только исходя из интереса, из отдельного эгоистического интереса. И этим, - но не из благожелательности, а из интереса, - пролетариат освободит и остальное человечество, потому что не может дать ничего иного,

кроме того, что создают люди, не привязанные к старым благам, которым нечего терять из старых благ при какой-то трансформации.

Таким образом, говорят себе: Тут с одной стороны правящие, ведущие круги, обладающие определёнными правами, которые были предоставлены им в прежние времена, или которые они завоевали в прежние времена, которые они получили по наследству в своих семьях, и за которые они держатся. Эти правящие, ведущие круги владеют тем или иным, что, в свою очередь, передают внутри своих кругов, своих семей и так далее. Эти круги как правящие, ведущие круги, при какой-то трансформации имеют что потерять. Поскольку само собой разумеется, что если они ничего не потеряют, то не будет и никакой трансформации. Речь идёт о том, что те, у кого ничего нет, должны что-то получить, а те, у кого что-то есть, могут поэтому это только потерять. Таким образом, апеллировать ко взглядам можно было бы только в том случае, если бы эти взгляды правящих, ведущих классов дали бы импульс к тому, что они хотят что-то потерять. Но на это они не пойдут. - Таково было воззрение Карла Маркса. То есть, апеллировать надо к тем, кому нечего терять. Поэтому Коммунистический Манифест 1848-го года и заканчивается словами: Пролетарию нечего терять, кроме своих цепей, но они должны обрести всё. Пролетарии всех стран, объединяйтесь!

Теперь, видите ли, после публикации «Коммунистического манифеста» это стало в некотором смысле убеждением, и сегодня, когда определенные настроения, уже сформированные под влиянием этой точки зрения, присутствуют у большинства пролетариата, почти невозможно представить, какие огромные преобразования в социалистической мысли произошли примерно в середине 19-го столетия. Но было бы неплохо, если бы вы пролистали, например, «Евангелие бедного грешника» Вейтлинга⁵⁰, ученика портного, написанное незадолго до «Коммунистического манифеста», и сравнили его со всем, что было написано после публикации Коммунистического манифеста! В этом написанном действительно, исходя из пролетарского настроения, «Евангелии бедного грешника» царит язык, который, можно сказать, в некотором смысле даже поэтичен и пылок, но, безусловно, язык, стремящийся апеллировать к доброй воле и взглядам людей. Это убеждение Вейтлинга в том, что чего-то можно достичь с помощью доброй воли людей. И это убеждение исчезло только к середине 19-го столетия. А причиной его исчезновения стала именно публикация Коммунистического манифеста. И с того времени, с 1848-го года, мы, собственно, можем проследить истоки того, что мы называем сегодня социальным вопросом. Ведь, если бы мы сегодня хотели говорить, как Сен-Симон, как Фурье, как Вейтлинг, - да, мы бы сегодня действительно проповедовали глухим. Поскольку до определённой степени вполне верно то, что в социальном вопросе ничего нельзя достичь, апеллируя к взглядам правящих, ведущих кругов, которые чем-то обладают. Это верно. Правящие, ведущие круги никогда этого не признавали и вряд ли признают сегодня; они даже не знают, что делают это, поскольку бессознательные силы в человеческой душе играют в этом чрезвычайно большую роль.

Видите ли, ведь, наша духовная культура в ходе 19-го столетия почти полностью стала фразой. Это всё же гораздо более важный социальный факт, что в отношении духовной культуры мы живём во фразе, - гораздо более важный социальный факт, чем принято считать. И поэтому, естественно, представители правящих, ведущих кругов говорят о социальном вопросе всякие красивые вещи и сами часто убеждены, что имеют добрую волю. Но в действительности они лишь верят в это; это всего лишь их иллюзия. Как только дело касается чего-то реального, сразу же выясняется, что это иллюзия. Об этом мы ещё поговорим позже. Но, как было сказано, сегодня мы больше не можем говорить так, как во времена утопий. В этом и заключается подлинное достижение Карла Маркса: он показал, насколько человечество сегодня погрязло в иллюзионизме, что абсурдно рассчитывать на

⁵⁰ Wilhelm Weitling (Вильгельм Вейтлинг), Магдебург, 1808–1871, Нью-Йорк, путешествовал по Европе в качестве подмастерья-портного с 1828 года, добрался до Парижа в 1836 году, а позже отправился в Америку. Его жизнь и труды оказали значительное влияние на социалистическое движение. Его книга «Евангелие бедного грешника» была опубликована в Берне в 1845 году.

что-либо, кроме эгоизма. Это необходимо учитывать. Поэтому ничего нельзя достичь, если пытаться полагаться на бескорыстие, добрую волю или моральные принципы людей, - я всегда говорю: в отношении социального вопроса. И этот перелом, который привёл к тому, что сегодня мы должны говорить о социальном вопросе совсем иначе, чем, например, ещё в первой половине 19-го столетия, этот перелом произошёл с Коммунистическим манифестом. Но всё произошло не сразу; ведь, всегда было возможным и то, что даже после Коммунистического манифеста, вплоть до шестидесятых годов, как вы все знаете, - некоторые молодые социалисты уже забыли об этом времени, - сердца и души захватывало совершенно иное социальное мышление, например, в духе Фердинанда Лассалья⁵¹. И также после смерти Лассалья в 1864-ом году продолжало существовать то, что составляло социализм Лассалья. Лассаль, безусловно, принадлежал к тем людям, которые, не смотря на появление уже других способов мышления, по-прежнему опирался на силу идей. Лассаль по-прежнему стремился затрагивать людей как таковых, в их взглядах и, прежде всего, в их социальной воле. Но всё больше и больше эта лассаллевская окраска угасала, и на смену ей приходила другая, марксистская окраска, которая хотела рассчитывать только на интересы той части человеческого населения, которая обладала только собой и своим трудом. Однако, этот процесс был не таким уж быстрым. Такой образ мышления развивается в человечестве лишь постепенно.

В шестидесятые, семидесятые и даже восьмидесятые годы было ещё так, что люди, если они принадлежали к пролетариату, или также к тем, кто был политически или социально зависим, хотя и не был пролетарием, оценивали свою зависимость, как бы, с моральной точки зрения и морально осуждали независимые слои населения. По их мнению, это была злая воля правящих, ведущих кругов человеческого населения, что они позволяли большей массе пролетариата быть в зависимости, что они им мало платили и так далее. Если мне будет позволено выразиться тривиально, то я могу сказать так, что в шестидесятые, семидесятые годы и вплоть до восьмидесятых годов было сфабриковано огромное социальное возмущение, и много говорилось с точки зрения этого социального возмущения. Затем, только в середине восьмидесятых годов, собственно, по-настоящему начался этот странный переворот. Ведущие личности социального движения тогда в восьмидесятых годах полностью перестали говорить о социальном вопросе, исходя из этого морального возмущения. Ведь, это было время, когда были великими и ещё более или менее пылали юношеским энтузиазмом: Адлер (Adler), Пернерсторфер (Pernerstorfer), Вильгельм Либкнехт (Wilhelm Liebknecht), Ауэр (Auer), Бебель (Bebel), Зингер (Singer) и так далее. В восьмидесятых годах эти более старшие вожди всё чаще прекращали проповедовать этот социализм, основанный на возмущении. И теперь я хотел бы выразить это для вас так, как если бы эти вожди социализма говорили о своих самых сокровенных убеждениях, когда они в то время переходили от старого социализма, основанного на возмущении, к своему новому социалистическому мировоззрению. Вы обнаружите, что то, что я сейчас вам скажу, не стоит ни в одной книге по истории социализма. Но тот, кто жил в то время и участвовал в этом, знает, что люди, будучи предоставленные самим себе, говорили именно так.

То есть, предположим, что в восьмидесятых годах встретились для дискуссии с другими те ведущие деятели социализма, которые ещё были буржуа по своим убеждениям, и предположим, что там присутствовал ещё третий тип: буржуа, которые были идеалистами, которые желали всем людям добра и которые были бы согласны с тем, чтобы всех людей сделать счастливыми. Тогда вполне могло бы случиться так, что буржуа заявили бы, что всегда должны быть такие, кто беден, и такие, кто богат, и так далее, поскольку только это смогло бы поддерживать человеческое общество. Затем, возможно, раздался бы голос одного из этих идеалистов, возмущенного тем, что так много людей вынуждены жить в нищете и зависимости. Такой человек мог бы сказать: Да, необходимо ясно дать понять этим имущим,

⁵¹ Ferdinand Lassalle, (Бреслау, 1825–1864, Женева) основал Всеобщее рабочее объединение в Лейпциге в 1863 году. Собрание его речей и сочинений было отредактировано Эдуардом Бернштейном в 1919–1920 годах.

предпринимателям, капиталистам, что они должны отказаться от своего имущества, что они должны создать институты, благодаря которым широкие массы окажутся в ином положении, и так далее. - И произносились бы прекрасные речи в том же тоне. Затем поднялся бы один из тех, кто только начал знакомиться с социализмом и его развитием, который сказал бы: «О чём вы говорите? Вы же как дети! Всё это ребячество, сплошная чепуха. Капиталисты, предприниматели - все они жалкие неудачники, которые не знают ничего, кроме того, что им вдалбливали поколениями. Даже если бы они услышали, что нужно поступать иначе, они бы не смогли, потому что не смогли бы понять, как это сделать. Сама мысль о том, что можно поступить по-другому, просто не входит в их череп. Этих людей не нужно винить, их не нужно осуждать морально, их совершенно нельзя осуждать морально; эти парни выросли в это, эти бедные неудачники, во всю эту среду, и та вдохновляет их на те идеи, которые у них есть. Морально осуждать их, значит ничего не понимать в законах человеческого развития, значит предаваться иллюзиям. Эти люди никогда не смогут захотеть, чтобы мир принял другую форму. Говорить о них с негодованием - это чистое ребячество. Всё это произошло так посредством необходимости, и измениться это может, в свою очередь, также только посредством необходимости. Смотрите, с такими инфантильными парнями, которые думают, что могут проповедовать имущим классам, капиталистам о необходимости установления нового мирового порядка, - с такими инфантильными парнями ничего нельзя сделать. С их помощью новый мировой порядок не установить. Они лишь отдаются вере, что можно пожаловаться на этих бедных неудачников из капиталистов, что они должны создать другой мир.

Я должен высказать эту вещь достаточно ясно, поэтому многое сказано довольно резко, но всё же таким образом, чтобы вы могли слышать речи, о которых я говорю, повсюду. Когда они были записаны, тогда, конечно, они были немного отредактированы, записаны чуть иначе, но это лежало в их основе.

Затем они говорят дальше: С теми парнями, которые являются идеалистами, и которые представляют себе мир в смысле какой-то идеологии, - с ними ничего начать нельзя. Мы должны полагаться на тех, у кого ничего нет, и которые поэтому, исходя из своих интересов, хотят что-то другое, нежели те, кто связан с капиталистическими интересами. И они будут стремиться к изменению своих условий не на основе каких-либо моральных принципов, а исключительно из желания иметь больше, чем они имеют, иметь независимое бытие. - Этот образ мышления распространялся всё больше и больше в восьмидесятых годах, когда развитие человечества рассматривалось уже не в том смысле, что отдельный человек как-то особенно ответственен за то, что он делает, а то, что он должен делать, он делает, исходя из экономического положения. Капиталист, предприниматель, эксплуатирует других с абсолютной невинностью. Пролетарий же будет революционировать не из моральных принципов, а во всей невинности из человеческой необходимости, и отберёт средства производства, капитал, у тех, кто им владеет. Это должно разыграться как историческая необходимость. - Таков стал образ мышления.

Теперь, видите ли, только в 1891-ом году, собственно, на Эрфуртском партийном съезде весь лассаллианизм, всё же ещё основанный на взглядах людей, уступил место вере в, так называемую, «Эрфуртскую программу», которая должна была сделать марксизм официальной идеологией пролетариата. Прочитайте программы Готского и Айзенахского партийных съездов; там вы найдёте два требования как подлинно пролетарские требования, и всё же связанные с лассаллианизмом. Первым требованием была отмена отношений, связанных с заработной платой, вторым - политическое равенство всех людей, отмена всех политических привилегий. Все пролетарские требования вплоть до девяностых годов, вплоть до Эрфуртского партийного съезда, ставшего поворотным моментом, основывались на этих двух требованиях. Внимательно взгляните на эти два требования и сравните их с основными требованиями Эрфуртского партийного съезда.

Каковы же теперь основные требованиями Эрфуртского партийного съезда? Это: перевод приватной собственности на средства производства в общественную собственность.

Управление всем производством товаров, всей промышленностью посредством, своего рода, большого товарищества, в который должно трансформироваться существующее государство. Если вы сравните прежнюю программу, которая была пролетарской программой восьмидесятых годов, с тем, что вышло из Эрфуртской партийной программы и существует с девяностых годов, то вы скажете, что старые программы Готы и Айзенаха ещё содержат чисто человеческие требования, требования социализма: политическое равенство всех людей, отмена недостойных отношений, связанных с заработной платой. В начале девяностых годов уже действовало то, что я характеризовал вам как настрой, формировавшийся в ходе восьмидесятых годов. Тогда то, что было ещё больше человеческими требованиями, трансформировалось в чисто экономические требования. Там вы больше ничего не читаете об идеале, об отмене отношений, связанных с заработной платой; там вы читаете только об экономических требованиях.

Теперь, видите ли, эти вещи связаны тогда с постепенным развитием идеи о создании лучших социальных условий для человечества внешними средствами. Можно было также часто слышать от людей, у которых ещё были идеалы: Какой вред от того, что всё будет разнесено вдребезги, надо же установить другой порядок, - поэтому необходима революция. Всё должно быть разрушено, должен наступить великий хаос, потому что только из него может возникнуть лучший общественный порядок, - так говорили в восьмидесятые некоторые люди, которые были хорошими, идеалистичными социалистами. Им отвечали другие, те, кто был на вершине времени, те, кто стал вождями, те, кто сейчас, как я уже сказал, похоронен, отвечали: Всё это бессмысленно, такие внезапные революции бессмысленны. Единственное, что имеет смысл, это то, что мы предоставим капитализм самому себе. Мы, ведь, видим, что раньше существовали лишь мелкие капиталисты, затем они стали крупными, объединились с другими и образовали капиталистические группы. Капитал всё больше концентрировался. Мы находимся внутри того процесса, что капитал всё больше и больше концентрируется. Затем настанет время, когда, собственно, останется лишь несколько крупных капиталистических трестов и консорциумов. Тогда будет ещё только необходимым, чтобы пролетариат, как класс без имущества, одним прекрасным днём совершенно мирно, парламентскими путями, передал капиталистическую собственность и средства производства в общую собственность. Это может быть прекрасно сделано, но надо подождать. Вещи должны до этого развиваться. Капитализм, который является невинным ребёнком, не виноват в том, что он эксплуатирует, - это следствие исторической необходимости. Но он также работает на передовой, он концентрирует капитал. Как только весь капитал будет собран, его останется только передать обществу. Никакой быстрой революции, только медленное развитие!

Видите ли, секрет этого воззрения, официальный секрет этого воззрения, который лежит в основе всего этого, в девяностые годы уже был прекрасно объяснен Энгельсом. Он сказал: Зачем быстрые революции? То, что медленно происходит в процессе развития новейшего капитализма, это сосредоточение капитала, эта концентрация капитала, - ведь, всё это работает на нас. Нам не нужно сначала создавать какую-то общность; капиталисты это уже делают. Нам нужно лишь передать её в собственность пролетариата. Поэтому, говорит Энгельс, роли, собственно, поменялись местами. Мы, представляющие пролетариат, ведь, совсем не имеем права жаловаться на это развитие; право жаловаться имеют другие. Поскольку те, кто сейчас состоит в кругах имущего класса, должны говорить себе: Мы накапливаем капитал, но мы накапливаем его для других. Послушайте, этим ребятам действительно стоит беспокоиться о потере своего капитала. У них впадают щёки, они усыхают от переживаний о том, что произойдет. Мы же как социалисты, напротив, процветаем в этом развитии. У нас, говорит Энгельс, накачанные мышцы и полные щёки, и мы выглядим как воплощение вечной жизни. Энгельс говорит об этом во введении, написанном им в девяностых годах, в котором он охарактеризовал происходящее как совершенно верное и отметил, что нужно лишь дождаться развития, которое осуществляется, собственно, самим капитализмом, что затем приводит к тому, что я вам описал: к передаче

того, что капитализм сконцентрировал, в общую собственность тех, кто до этого ничего не имел. Таков, собственно, был и настрой ведущих кругов пролетариата в двадцатом столетии. И так же думали, особенно после того, как марксизм перестал восприниматься так, как это было в девяностых годах, когда он, как говорили, подвергся ревизии, когда появились ревизионисты, как те, кто ещё жив, но уже являются пожилыми людьми, как, например, Бернштейн. Тогда и появились ревизионисты. Они говорили, что всё это развитие можно в какой-то степени ускорить, поскольку если рабочие будут просто работать до тех пор, пока капиталисты всё соберут, то они до этого будут страдать, у них ничего не будет в старости. Тогда ввели страховки и так далее. Ну, хорошо, но прежде всего следили за тем, чтобы то, что было у ведущих классов в политической жизни как институты, было также принято. Вы знаете, что, благодаря этому, возникла в частности профсоюзная жизнь. А в рамках социалистической партии было два сильно расходящихся направления: исключительно профсоюзная партия и, как тогда говорили, политическая партия. Политическая партия стояла на том основании, что внезапная революция была бы бесполезна, что развитие должно происходить так, как я только что описал. Поэтому речь идёт о том, чтобы подготовить всё к моменту, когда капитализм будет достаточно сконцентрирован, и пролетариат получит большинство в парламенте. Всё должно продвигаться по пути парламентаризма, обретения большинства, чтобы к тому моменту, когда средства производства будут переведены в общественную собственность, для этого перевода имелось бы большинство. В этой группе людей, особенно поддерживавших политическую партию, профсоюзное движение в конце девятнадцатого столетия не пользовалось большим уважением. Это профсоюзное движение в то время выступало за установление, своего рода, подчиненной конкурентной борьбы между собой и работодателями, чтобы время от времени добиваться от работодателей повышения заработной платы и подобных вещей. Короче говоря, они переняли систему взаимных переговоров, существовавшую в самих ведущих кругах, распространив её на отношения между этими кругами и пролетариатом. Вы, ведь, знаете, что представителями собственно политической социалистической системы особенно обвинялись те, кто затем стал наиболее буржуазным в среде профсоюзного движения. И в конце девяностых годов, начале 20-го столетия, повсюду среди тех, кто был более ориентирован на политическую систему, можно было наблюдать сильное презрение к тем, кто полностью погрузился в профсоюзную жизнь, например, к печатникам, которые, в свою очередь, сформировали совершенно иную систему, основанную на профсоюзной жизни, доведя её до крайности.

Это были два совершенно разных направления в социальной жизни: профсоюзные деятели и те, кто, как говорили, больше склонялся к политической партии. И внутри профсоюзов, печатники из Союза печатников были, ведь, как раз, образцовыми учениками; теми образцовыми учениками, которые также заслужили полное признание буржуазных кругов. И я думаю, что, как существовал определённый страх, определённое беспокойство относительно политической социалистической партии, точно так же постепенно с большим удовлетворением можно было видеть и таких бравых людей из Союза печатников. Люди говорили себе: Они становятся всё более буржуазными; с ними всегда можно договориться, с ними дело обстоит хорошо. Если они повысят свои требования по заработной плате, то мы повысим цены. Это работает. И, не правда ли, для последующих нескольких лет это тоже работало, а что будет дальше, люди не думали. Поэтому тогда были очень довольны этим образцовым формированием профсоюзного развития. Если опустить некоторые более тонкие аспекты, то можно сказать, что тогда более или менее развились эти два направления до того момента, когда люди были застигнуты врасплох катастрофой Первой мировой войны. Но тогда люди, к сожалению, не извлекли из этой катастрофы всего, чему, собственно, должны были научиться, в том числе и в отношении социального вопроса.

Если учесть ситуацию в Восточной Европе, в Центральной Европе, не принимая во внимание собственно англо-американский мир, а также частично романский мир, то есть, если ограничиться Центральной и Восточной Европой, то можно сказать, что с историей, которая всегда формулировалась следующим образом: капиталы концентрируются, затем в

парламенте достигается большинство, затем капиталы переходят в собственность общества, и так далее, - ничего существенного не вышло. - О том, что сегодня нельзя ожидать столь гладкого развития событий, позаботилась катастрофа Первой мировой войны. Ведь, тех, кто ожидал какой-либо революции, часто изображали как инфантильных людей. Но, по сути, что же произошло за последние четыре-пять лет? Давайте совершенно ясно и чётко удержим пере глазами то, что произошло. Не правда ли, вы, ведь, сами часто это слышали: в июле 1914-го года правительства немного сошли с ума, а может быть и сильно сошли с ума, и ввергли народы в Первую мировую войну. Тогда люди верили, что идёт мировая война, что происходят сражения, хотя с появлением современного оружия и техники ситуация кардинально отличалась от предыдущих войн. Ведь, не было никакой возможности, чтобы появился какой-нибудь особенно знаменитый военачальник, поскольку в конечном итоге имело значение лишь то, обладала ли одна сторона большим количеством боеприпасов и другими средствами ведения войны, производила ли она более совершенное механическое оружие, открыла ли она газ или что-то иное, чего не было у других. Сначала побеждала одна сторона, затем что-то открывала другая, затем снова побеждала первая сторона; всё это было ужасным механизированным ведением войны. И всё, что говорили о происходящем различные группы людей, было сказано под влиянием пустых фраз; всё это были лишь пустые фразы. И постепенно современное человечество, даже в Центральной Европе, поймет всё то, что содержалось там как пустые фразы, когда того или иного, кто, собственно, был ни кем иным, как несколько выведенным из себя среднестатистическим солдатом, делали великим военачальником в Центральной Европе. Всё это стало возможным только под влиянием пустых фраз.

Но что произошло в действительности? Это люди за внешними событиями не заметили: В действительности, в то время, когда люди думали, что происходит мировая война, - что было, собственно, лишь маской, - в действительности происходила революция. В действительности в эти четыре-пять лет происходила революция. Этого люди пока не знают, на это они пока не обращают внимания, что в действительности произошла революция. Война - это внешнее проявление, маска; правда состоит в том, что произошла революция. И поскольку произошла революция, общество Центральной и Восточной Европы сейчас находится в совершенно другом состоянии, и с тем, что люди думали в отношении прежнего положения, ничего нельзя сделать. Сегодня необходимо полностью переосмыслить все прежние представления, взглянуть на вещи совершенно по-новому. И это и пытается сделать книга «Основные пункты социального вопроса»: правильно оценить ситуацию, в которой мы оказались в результате недавних событий. Поэтому неудивительно, что люди, которые в социалистических партиях не успевают за развитием событий, встречают её с полным непониманием. Если бы люди позволили себе хотя бы немного проверить свои собственные мысли, проверить то, о чём они говорят, что они этого хотят, то они бы увидели, что живут под влиянием идей, сформированных ими до 1914-го года. Это старая привычка.

Эти идеи, которые они имели до 1914-го года, так ввелись в окружение людей, что их невозможно оттуда изъять. И каковы последствия? Последствия таковы, что, хотя сегодня необходимы новые действия, хотя в Восточной и Центральной Европе произошла революция, хотя теперь нам нужно осуществлять строительство не по старым, а по новым принципам, - люди по-прежнему проповедуют старые идеи. А что сегодня представляют собой партии, включая социалистические? Социалистические партии - это также и те партии, которые продолжают проповедовать то или иное социалистическое евангелие так же, как и до июля 1914-го года; ведь, между программами этих партий и более ранними нет никакой разницы, за исключением, возможно, разницы, приходящей извне. Для того, кто знаком с делом, - для него в отдельных партийных группировках сказано ужасно мало нового, даже вообще ничего нового. Сегодня хватаются за старые хранилища мыслей. Правда, очень малое различие есть: Если у вас есть медный котёл и вы по нему стучите, то он звучит; если же таким же образом стучать по деревянной бочке, то звук будет иной. Но сам стук может быть точно таким же. Всё зависит от того, по чему вы стучите. То же самое происходит и с тем,

что люди сегодня извлекают из своих партийных программ; то, что содержится в этих старых партийных программах, - это, собственно, те же самые старые партийные хранилища, и только потому, что социальные условия изменились, они теперь звучат немного по-другому, как медный котёл по сравнению с деревянной бочкой. Когда говорят Независимая социалистическая партия, Социалистическое большинство или коммунисты, они просто повторяют старые партийные фразы, но это звучит по-другому, поскольку есть медный котёл и деревянная бочка. В действительности, многие стороны так ничему и не научились. Но важно, как раз, то, чтобы мы чему-то научились, чтобы эта ужасная мировая война, как её называют, которая, собственно, является мировой революцией, что-то значила для нас.

И тут можно уже действительно сказать, что самые широкие массы готовы услышать что-то новое. Но с этими широкими массами дело обстоит так: они слушают то, что говорят их вожди. В широких необразованных массах есть хорошее понимание, здравый смысл, и, собственно, всегда можно рассчитывать на понимание, если ей дать что-то соответствующее времени, что-то действительно, в лучшем смысле этого слова, соответствующее времени. Отчасти это объясняется тем, что массы необразованны. Но как только люди подвергаются какому-то обучению, которое можно получить в последние три-четыре столетия, это полное божественности качество необразованности исчезает. Если взглянуть на то, что представляет собой буржуазное образование сегодня, от начальной школы до университета, - и оно станет ещё более раздражающим, когда будет создана социалистическая единая система образования, поскольку там всё, что было порождено буржуазной начальной школой, будет присутствовать в наибольшей степени, - то там то, чему учат в этих школах, только отяжеляет головы, отчуждает от жизни. И надо из всего этого выйти, надо по-настоящему встать в духовной жизни на собственные ноги, если мы хотим выйти из этого отчуждения. Однако, видите ли, благодаря этому порочному образованию, появились большие и малые пролетарские вожди. Они должны были усвоить то, благодаря чему они ими стали, посредством этого образования; это образование внедрено в наши школы, в популярные тексты, оно внедрено повсюду. И тогда человек получает высохший мозг, становится больше недоступным для фактов. Он остаётся при партийных программах и мнениях, которые вбиты в его голову. Тогда, наступай хоть мировая революция, - всё равно высвистываются старые программы.

Видите ли, эту судьбу, по сути, испытало то, чего во многих направлениях хотелось достичь этой книгой «Основные пункты социального вопроса» и лекциями. Там действительно рассчитывалось на то, что сегодня пролетариату непременно надо, что ему необходимо, исходя из актуальных условий. Это было сначала понято, но потом этого не поняли вожди пролетариата в различных партийных группировках. То есть, я, ведь, не хочу слишком ошибаться, и я не хочу впрессовывать истину; я не хочу утверждать, что, например, эти вожди не поняли эту книгу; поскольку я не могу предположить, что они её прочли, что они её знают. Я не был бы прав, если бы сказал, что они не могут понять эту книгу. Но они вообще не могут решиться на то, чтобы понять, что необходимо нечто другое, нежели то, что они думали десятилетиями. Для этого их мозг стал слишком иссохшим, слишком негибким. И потому они остаются при том, что они думали уже долгое время, и находят, что то, что является противоположностью любой утопии, является утопией. Поскольку, видите ли, эта книга полностью считается с тем, что сегодня уже нельзя двигаться в утопиях в духе Сен-Симона, Фурье, Прудона и так далее; но считается и с тем, что больше нельзя занимать ту позицию, что развитие будет происходить само собой. Поскольку то, что видели Маркс и Энгельс, что развивалось, из чего они делали свои выводы, - из этого сегодня уже нельзя делать выводы, поскольку мировая война в своём истинном облике смела это, этого уже нет. Тот, кто говорит сегодня то же, что Маркс и Энгельс, говорит то, чего Маркс никогда бы не сказал, поскольку он чувствовал бы страх и стеснённость, как раз, со стороны своих приверженцев: что касается меня, то я не марксист. - И сегодня он бы сказал: Тогда факты были иные; тогда я делал свои выводы, исходя из фактов, которые ещё не были так модифицированы и изменены, как это сделала мировая война.

Но смотрите, те люди, которые ничему не могут научиться, исходя из событий, которые сегодня имеют такой же настрой, какой старые католики проявляли к своим епископам и папам, - они просто не могут представить, что нечто должно развиваться в смысле фактов так, как это происходит с марксизмом. Поэтому факты происходят сами по себе, а люди по-прежнему насвистывают и твердят то же самое, что и до мировой войны. Так поступает буржуазия, но и социалисты тоже. Это происходит в самых широких кругах. Буржуа, конечно, делают это очень сонно, с совершенно заспанной душой; другие же делают это так, что, хотя они и находятся в самом центре событий и видят крах, но не хотят считаться с фактами, которые при этом открываются. Сегодня нам нужно, чтобы среди людей возникло что-то новое. И поэтому необходимо понимать нечто такое, что является не утопией, а, как раз, считается с фактами. Если с этой стороны то, что считается с фактами, называют деятельностью, пересекающей линию (Quertreiberei), то можно было бы быть, собственно, удовлетворенным. Поскольку если люди, то, что они продвигают по прямой линии, называют прямой линией, то для того, чтобы сделать что-то разумное, надо пересечь эту линию, чтобы этому разумному придать другое направление.

Но, видите ли, тем, кто всё же ещё понимает, что разумно, должны углубиться в то, что здесь даётся. И, ведь, для этого могут быть эти вечера.

Не правда ли, то, что тут извлекается из фактов, уже давно пытались внести в практику, и поэтому мы собирались здесь в течение нескольких недель, - мне не нужно повторять все эти вещи, ведь, после этой лекции вы можете задать вопросы или обсудить плюсы и минусы, - чтобы поставить на ноги то, что мы называем институтом производственных советов. Мы попытались создать этот институт производственных советов, исходя из необходимых в настоящее время фактов, создать его действительно таким образом, чтобы он возник только из экономической жизни, чтобы он не возник из того, что не может служить основой экономической жизни, - из политической жизни. Поскольку, если взглянуть сегодня фактам в глаза, то мы должны твёрдо стоять на представляемой здесь основе, - основе трёхчленности социального организма. И тот, кто сегодня отвергает эту трёхчленность, действует против исторической необходимости человеческого развития. Сегодня это должно быть так, как я неоднократно объяснял: чтобы духовная жизнь была поставлена на саму себя, чтобы экономическая жизнь была поставлена на саму себя, чтобы правовая или политическая жизнь управлялась демократически. И в экономической жизни первый шаг к подлинно социальной структуре должен быть сделан производственными советами. Но посредством чего это может произойти? Только посредством того, что сначала будет поставлен вопрос: Ну, да, есть импульс трёхчленного социального организма, который является чем-то новым по сравнению со всеми предыдущими партийными мумиями; есть ли что-нибудь ещё? Глупцы утверждают сегодня, что идеи только витают в воздухе. Если послушать дискуссии, то они приносят всевозможное негативное, но не приносят ничего, что отодвинуло бы в сторону трёхчленность социального организма. Это все расплывчатая чепуха со стороны социалистов, что идеи только висят в воздухе, как это было сказано в недавно основанном журнале в одном из обсуждений трёхчленности. Речь идёт о том, чтобы, во-первых, поднять этот вопрос и прояснить себе ситуацию относительно того: есть ли что-нибудь еще? Тогда надо держаться сначала трёхчленности социального организма до тех пор, пока её нельзя будет объективно опровергнуть, пока нельзя будет поставить рядом с ней что-то объективно равноценное.

Обсуждать старые партийные программы больше нет смысла; мировая война уже позаботилась об этом. Тот, кто имеет действительное понимание, знает, что эти старые партийные мумии были низвергнуты катастрофой мировой войны. Но тогда, если на этот вопрос нельзя ответить, просто сравни это с чем-то другим, если хочется пойти дальше, можно честно сказать себе: Таким образом, мы работаем в смысле трёхчленности социального организма. Скажем себе честно: старые партийные отношения утратили своё значение. Необходимо работать в смысле трёхчленности. Когда я позавчера говорил в Маннхайме, в конце вышел один господин и сказал: То, что сейчас сказал Штайнер, это

хорошо, но это не то, чего мы хотим. Мы не хотим ко всем старым партиям добавлять ещё и новые. Люди, которые хотят чего-то подобного, должны вступать в старые партии и работать там. - На это мне оставалось лишь сказать: «Я внимательно следил за политической жизнью задолго до того, как родился господин, который это сказал. И хотя я познакомился со всем, что как-то функционирует как социальная сила, на протяжении всей своей жизни я всё же никогда не мог действовать в рамках какой-то партии или находиться в ней, и мне даже не приходит в голову, сейчас, в конце моего шестого десятилетия, стать партийным человеком. Я не хотел бы иметь ничего общего ни с какой-либо другой партией, ни с той, которую основал сам. То есть, также и с той, которую создал сам. Никому не стоит бояться, что я создам новую партию, поскольку то, что любая партия со временем естественным образом глупеет, я усвоил, как раз, благодаря тому, что никогда не был связан ни с одной партией. И мне жаль тех, кто этого не понимает. Поэтому никому не стоит бояться, что к старым партиям добавится ещё и какая-нибудь новая. Поэтому также основана не новая партия, а Союз для трёхчленности социального организма, чтобы представлять идеи трёхчленного организма, чей не утопический, а действительный характер всё же понимается некоторым количеством людей. Люди, которые это понимают, должны, однако, также честно и искренне признавать это.

Поскольку не должно происходить также следующего: Есть одна театральная пьеса, в которой по утрам кукарекает петух, и каждый раз, когда петух кукарекает, восходит солнце. Ну, петух не может ухватить эту связь, поэтому он верит, что когда он кукарекает, солнце следует за его криком, что оно восходит, потому что он прокукарекал, что это он заставил солнце взойти. В конце концов, если кто-то в несоциальной жизни, как этот петух, который кукарекает на навозной куче и хочет заставить взойти солнце, предается подобному заблуждению, то ничего страшного. Но если при каких-то обстоятельствах произошло бы то, что на почве трёхчленности здесь действительно развились бы идеи экономических производственных советов, а те люди, которые о них заботятся, поскольку толчком этих идей был импульс трёхчленного организма, отрицали бы её происхождение и считали бы, что производственные советы возникли просто потому, что кто-то прокукарекал, то это было бы таким же заблуждением, а именно, очень серьёзным заблуждением. Но этого произойти не должно. То, что в этом направлении происходит, что здесь начато, непозволительно отделять от импульса трёхчленности, оно должно оставаться в связи с правильно понятым импульсом трёхчленности социального организма.

Те, кто в смысле этого импульса стремятся внедрить институт производственных советов, никогда не смогут согласиться с тем, чтобы производственные советы просто основывались односторонним образом и при этом кукарекали «производственные советы, производственные советы». Этого недостаточно. Это имеет смысл только в том случае, если одновременно стремиться ко всему тому, к чему должен стремиться импульс трёхчленного социального организма. Это то, что здесь важно. Поскольку, если вы действительно хотите понять то, что стоит в этой книге, вы должны встать на точку зрения, которую можно извлечь из фактов, представленных за последние четыре-пять лет. Тот, кто видит эти факты, на того они действуют так, будто он прожил столетия и на него оказывали влияние программы так, будто их носители столетиями спали. Сегодня это надо понимать ясно и безоговорочно.

То, что я сейчас вам рассказал, конечно, с таким же успехом можно было бы написать в качестве предисловия к этой книге. Только, мы, ведь, видели в последние месяцы, насколько негибкие и бесплодные сегодняшние партийные программы. Но всё же было бы, полезно, если бы, как раз, это было стояло в предисловии к этой книге. Я рассказал вам сегодня, многое из того, чего нет в этой книге, поскольку, как мне кажется, вы решили собраться здесь для того, чтобы, опираясь на эту книгу, должным образом изучить серьёзные социальные вопросы нашего времени. Но прежде чем приступить к этому, необходимо осознать, что нельзя продолжать двигаться вперед в старом стиле партийных программ и партийных шаблонов, а надо решиться на то, чтобы оценивать сегодняшние факты в соответствии с действительностью и подвести черту под всем, что не учитывает эти новые факты. Только

так вы правильным образом поймёте то, что должно быть достигнуто этим импульсом трёхчленности социального организма. И вы поймёте это правильным образом, если вы обнаружите, что каждое предложение написано для того, чтобы иметь возможность стать делом, иметь возможность превратиться в непосредственную действительность. И большинству тех, кто говорит, что не понимает этого, или считает, что всё это утопия и тому подобное, просто не хватает мужества, куража, мыслить сегодня настолько активно, чтобы их мысли могли повлиять на реальность. Те, кто постоянно кукарекает: «Диктатура пролетариата, завоевание власти, социализм», обычно при этом мыслят мало. Поэтому этими пустыми словесными шаблонами нельзя повлиять на действительность. Но потом они приходят и говорят, что тут предлагается только что-то утопическое. Утопией это становится только в головах людей, которые ничего в этом не понимают. Поэтому этим людям в несколько изменённой форме надо объяснить то, что в отношении немного другого однажды сказал Гёте, когда смеялся над физиологом Халлером⁵², закостенелым естествоиспытателем.

Халлер написал:

Ins Innere der Natur
Dringt kein erschaffner Geist.
Glückselig, wem sie nur
Die äußere Schale weist!

Во внутрь природы
Не проникает ни один созданный дух.
Блажен тот, кому она
Покажет хоть внешнюю оболочку!

Против этого восстал Гёте, он сказал:

Ins Innere der Natur -
O, du Philister! -
Dringt kein erschaffner Geist.

Во внутрь природы -
О, ты, филистер! -
Не проникнет ни один созданный дух.

Glückselig, wem sie nur
Die äußere Schale weist! -
Das hör' ich sechzig Jahre wiederholen;
Ich fluche drauf, aber verstohlen,

Блажен тот, кому она
Покажет хоть внешнюю оболочку! -
Я слышу это уже шестьдесят лет;
Я проклинаяю это, но украдкой.

Natur hat weder Kern
Noch Schale,
Alles ist sie mit einem Male.
Dich prüfe du nur allermeist
Ob du Kern oder Schale seist!

У природы нет ни ядра,
Ни оболочки,
Она одновременно и то, и другое,
Проверь лучше себя,
Ядро ты или оболочка!

Тем же, кто говорит о трёхчленности социального организма как об утопии, я хотел бы также сказать: Проверь лучше себя, является ли само то, что проносится в виде привидений в твоём мозгу, утопией или действительностью. Тогда обнаружится, что все эти кукарекальщики имеют там в основном утопии, и потому действительность в их головах также становится утопией или идеологией, или как бы вы это ни называли. Поэтому сегодня так тяжело проникнуться действительностью, поскольку люди замуровали себе доступ к этой действительности.

Но мы должны сказать себе, что нам нужно серьёзно работать, иначе мы не сможем воплотить свою волю в действие. И это самое главное: чтобы мы воплотили свою волю в

⁵² Albrecht von Haller (Альбрехт фон Халлер), 1708–1777, бернский врач и естествоиспытатель. На строки: «Ins Innere der Natur dringt kein erschaffner Geist, / Zu glücklich, wann sie noch die äußere Schale weist» его поучающего стихотворения ««Die Falschheit menschlicher Tugenden» («Ложь человеческих добродетелей»), 1730, ответил Гёте в своей статье «Freundlicher Zuruf» («Дружеский ответ») в журнале «Zur Naturwissenschaft überhaupt, besonders zur Morphologie», («О естественных науках в целом, особенно о морфологии»), том I, выпуск 3, 1820; (включены в число стихотворений в 1827 года под названием «Allerdings. - Dem Physiker» («Однако. - Физику»)).

действие. И если бы нам пришлось отказаться от всего, потому что мы признаем это заблуждением, то для того, чтобы смочь воплотить свою волю в действие, нам пришлось бы обратиться к истине, которую мы хотим понять как таковую. Поскольку ничто другое не может привести нас от воли к действию, кроме прямого, активного следования истине. Это, собственно, надо было бы записать как девиз, как руководящий принцип, к этим вечерам.

Сегодня вечером я хотел сделать вам предисловие к этим учебным вечерам. Надеюсь, это предисловие не отпугнет вас от дальнейшего изучения этих вопросов, чтобы, наконец, пока не стало слишком поздно, эти мысли, содержащие семена действия, смогли плодотворно распространиться по миру. Книга «Основные пункты социального вопроса» написана особым образом в двух отношениях. Во-первых, она написана так, что фактически полностью исходит из действительности. Многие, кто читает эту книгу, не задумываются над этим. Я также понимаю, что над ней сегодня не задумываются в полной мере. Уже раньше в этом кругу, - хотя не все, кто был тогда, присутствуют сегодня, - я говорил о том, как люди сегодня действительно думают. А именно, я указывал на пример профессора национальной экономики Луйо Brentано⁵³, который так хорошо представил это в предыдущем номере «Желтого листка». - Я кратко повторяю это, потому что хочу развить эту мысль. Этот светоч современной университетской экономики - ведь, он был в некотором смысле, первым - разработал понятие предпринимателя и, основываясь на своем просвещенном мышлении, попытался охарактеризовать признаки предпринимателя. Ну, первый и второй признак мне перечислять не нужно; в качестве третьего он указывает, что предприниматель - это тот, кто на свой страх и риск ставит свои средства производства на службу общественному порядку. Теперь у него есть это понятие предпринимателя, и теперь он его применяет. И он приходит к странному результату, что сегодняшней пролетарский рабочий, собственно, тоже является предпринимателем, поскольку подходит под понятие предпринимателя по первому, второму и третьему признаку. Поскольку рабочий имеет свою собственную рабочую силу как средство производства. В отношении неё он взаимодействует с социальным процессом на свой страх и риск. Так этот светоч экономики прекрасно включает понятие пролетарского рабочего в своё понятие предпринимателя. - Видите ли, как раз, так мыслят люди, которые создают для себя понятия, не имеющие никакого смысла, когда предполагается, что эти понятия должны быть действительно применимы к реальности. Однако, как бы мало вы, возможно, сегодня это ни принимали, можно с уверенностью сказать, что более девяноста процентов всего того, чему сегодня учат или что печатают, оперирует с такими понятиями; но когда вы пытаетесь применить их к действительности, это оказывается столь же невозможным, как и в случае с понятием предпринимателя Луйо Brentано. Так обстоит дело в науке, в социальных науках, повсюду, поэтому люди забыли, как вообще понимать то, что работает с понятиями, соответствующими действительности.

Возьмите, например, основы трёхчленности социального организма. Не правда ли, эти основы можно заложить различным образом, поскольку жизнь нуждается во многих основах. Но одна из них такова, что мы знаем: в новейшее время возникло нечто, что можно назвать импульсом демократии. Демократия должна заключаться в том, что каждый человек, достигший совершеннолетия, может прямо или косвенно определять свои правовые отношения с любым другим человеком, достигшим совершеннолетия, в демократических парламентах. Но, как раз, когда человек честно и искренне хочет установить эту демократию, он не может управлять духовными вопросами в духе демократии, поскольку тогда каждый совершеннолетний выносил бы решение о том, что он не понимает. Духовные вопросы должны регулироваться, исходя из понимания, то есть, они должны быть поставлены на самих себя. Таким образом, они вообще не могут управляться в каком-либо демократическом парламенте, они должны иметь собственное управление, которое не может быть демократическим, а должно исходить из самого предмета. Точно так же дело обстоит и в

⁵³ Lujó Brentano (Луйо Brentано), (1844–1931), профессор национальной экономики, был особенно предан профсоюзному движению и свободной торговле, «Моя жизнь в борьбе за социальное развитие Германии», 1931.

экономической жизни. Там вопросы должны решаться, исходя из экономического опыта и, исходя из нахождения внутри экономической жизни. Поэтому экономическая жизнь, с одной стороны, и духовная жизнь, с другой стороны, должны быть исключены из демократического парламента. Благодаря этому, возникает трёхчленный социальный организм.

Тут в Тюбингене, как я уже упоминал, есть профессор Хек⁵⁴, который говорил, что обычные отношения, связанные с заработной платой, когда человек получает плату за свою работу, не следует считать унижительными для пролетария, потому что Карузо тоже находится в таких отношениях, и разница при этом не принципиальна. Карузо поёт и получает свою плату, а обычный пролетарий работает и тоже получает свою плату; и он, как профессор, также получает свою плату за лекции. Единственная разница между Карузо и пролетарием заключается в том, что Карузо получает от тридцати до сорока тысяч марок за вечер, а пролетарий - несколько меньше. Но это не принципиальное различие, а различие только в сумме оплаты. Таким образом, по мнению этого остроумного профессора, не стоит испытывать ничего недостойного по поводу оплаты. Он тоже не испытывает ничего недостойного по поводу оплаты. - Это просто к слову. Но теперь этот умный профессор написал ещё и длинную статью против трёхчленности. Там он исходит из следующего: Если мы разделим на три, то мы, ведь, получим три парламента. И он показывает, что с тремя парламентами ничего не выйдет. Поскольку, как он говорит: В экономическом парламенте мелкий ремесленник не поймет точку зрения крупного промышленника и так далее. - Затем этот бравый профессор огласил свои идеи о трёхчленности, - которые я нахожу ещё более глупыми, чем их находит сам профессор Хек - и раскритиковал эти идеи, - я бы тоже раскритиковал их в пух и прах, - но он сам же их и придумал. А именно, речь идёт даже не о существовании трёх парламента, а об устранении того, что не должно быть ни в одном парламенте. Он делает три парламента и говорит: «Это невозможно». Так живут в чуждых действительности понятиях и по ним судят других.

Как раз, в национальной экономике сейчас почти исключительно преобладают абстрактные понятия. Но, видите ли, я же не могу сейчас, когда время имеет решающее значение, написать целую библиотеку, в которой будут приведены все народно-экономические понятия. Поэтому в этой книге, естественно, содержится ряд понятий, требующих подробного обсуждения. Достаточно, например, отметить только следующее:

Во времена, которые уже позади нас, возникли социальные отношения, по сути, только и единственно посредством завоеваний. Какая-нибудь территория оккупировалась одним из народов или одной из рас; другой народ вторгнулся и завоевывал эту область. Те расы или народы, которые ранее находились на этой территории, принуждались к работе. Завоеватели захватывали землю, и это создавало определённые отношения между завоевателями и покоренными. Будучи завоевателями, эти завоеватели владели землёй. Это делало их экономически сильными, в то время как завоёванные были экономически слабыми. Благодаря этому образовывалось то, что стало правовыми отношениями. Поэтому в историческом становлении почти во все более ранние эпохи имелись основанные на завоеваниях правовые отношения, то есть: привилегии и ущемление прав. Затем наступили времена, когда уже нельзя было завоевывать свободно. Вы можете изучить разницу между свободным и связанным завоеванием. Если вы посмотрите, например, на раннее Средневековье, как некоторые народы, готы, мигрировали на юг в полностью заселённые области, то увидите, что они пришли к иному социальному порядку, чем когда франки двинулись на Запад и обнаружили там не полностью занятые территории. Благодаря этому, возникли и различные права завоевателей. В новейшее время действовали затем не только права, зависящие от земли, которые возникли в результате завоеваний; к ним добавились права людей, имеющих собственность, которые могли теперь, благодаря экономической власти, приобретать средства производства. Тогда к тому, что в современном понимании является земельным правом,

⁵⁴ Philipp von Heck, 1858-1943, юрист, «Beiträge zur Geschichte der Stände im Mittelalter» («Статьи по истории сословий в средневековье»), 1900-1905; его статья против трёхчленности вышла в полумесячном журнале «Die Tribüne», Тюбинген, №1, 1-го июля 1919.

добавилась собственность на средства производства, то есть, частная собственность на капитал. Это, в свою очередь, породило правовые отношения, вытекающие из экономических условий. Вы видите, эти правовые отношения возникли исключительно из экономических отношений.

Теперь появляются люди, желающие иметь понятия об экономической власти, об экономическом значении земли, им нужны понятия о не расходуемых средствах производства (Betriebsmittel), средствах производства вообще (Produktionsmittel), капитале и так далее. Да, но им не хватает по-настоящему глубокого понимания того, как всё работает. Они берут поверхностные факты и не могут понять, что, собственно, стоит за правами на землю, за властными отношениями, касающимися средств производства. - Все эти вещи, конечно, учтены в моей книге. Там мыслится правильно. Там, когда говорится о правах, говорится, исходя из понимания того, как права развивались на протяжении веков; когда говорится о капитале, говорится, исходя из понимания того, как возник капитал. Там тщательно избегается использования понятий, которые не были полностью поняты, исходя из их возникновения. Поэтому эти понятия отличаются от тех, что встречаются в обычных сегодняшних учебниках. Но было учтено и нечто другое.

Возьмём один определённый факт. Не правда ли, когда-то зародился протестантизм. В книгах по истории часто рассказывается о том, что Тетцеля⁵⁵ путешествовал по Центральной Европе, и о том, как людей возмущала продажа индульгенций, и тому подобное. Но это было не всё; это лишь поверхностный взгляд. Главное, что стояло за этим, состояло в том, что в Генуе был банк, от имени которого, а не от имени Папы Римского, этот продавец индульгенций путешествовал по Германии, поскольку этот банк предоставлял Папе кредит на его другие нужды. Вся эта история была неким капиталистическим предприятием. На этом примере капиталистического предприятия торговли индульгенциями, где торговали даже духовным, вы можете изучить, или лучше сказать, если здесь начать изучение, можно постепенно прийти к тому, что, в конце концов, вся власть капитала восходит к преобладанию власти духовного. И так оно и есть. Если вы будете изучать то, как, собственно, капитал обрёл свою власть, вы повсюду обнаружите превосходство духовного. Не правда ли, кто умён, кто изобретателен, тот имеет большую власть, чем тот, кто не умён, кто не изобретателен. И таким образом возникает множество форм накопления капитала, как оправданных, так и неоправданных. Это необходимо учитывать при рассмотрении понятия капитала. При таких реальных исследованиях приходят к тому, что капитал базируется на разворачивании духовной власти, и что к правам на землю и правам завоевателей с другой стороны добавляется власть древнего теократического духа. Большая часть того, что впоследствии было перенесено в современный капитализм, берёт свое начало в старой Церкви. Существует скрытая связь между властью современного капитализма и властью старой Церкви. И всё это перемешалось в современном властном государстве. Внутри него вы обнаружите остатки старой теократии, остатки старых завоеваний. И наконец, к этому добавились современные завоевания, и самым современным из всех завоеваний теперь должно быть завоевание государства социализмом. Но в действительности так делать нельзя. Должно появиться нечто новое, что полностью сметёт старые понятия и импульсы. Поэтому важно, чтобы в этих исследованиях мы также занимались лежащими в их основе понятиями. Сегодня мы должны четко объяснять каждому, кто хочет говорить о социальных проблемах, что такое право, что такое власть и что такое в действительности имущество (Gut), - имущество в форме товаров и тому подобного. В этой области совершаются самые большие ошибки. Я хочу обратить ваше внимание, например, на одну; если вы не обратите на неё внимания, вы многое поймёте в моей книге неверно.

Сегодня повсюду господствует взгляд, что товар является сохранённой работой, что капитал также является сохранённой работой. - Вы можете сказать, что иметь такие понятия

⁵⁵ Johannes Tetzel (Йоханнес Тетцель), 1465–1519, доминиканский монах; его весьма ориентированные на финансовое воздействие проповеди об индульгенциях, стали одним из катализаторов реформаторской деятельности Лютера. См. Н. Паулус, «История индульгенций в Средневековье», 1923.

безвредно. Но это не безвредно, поскольку такие понятия отравляют всё социальное мышление. - Как же, собственно, обстоит дело с этой работой, - работой как применением рабочей силы? Да, дело обстоит так, что существует большая разница в том, использую я, например, свою мышечную силу, для занятий спортом, или для рубки дров. Когда я занимаюсь спортом, я использую свою мышечную силу, и я могу так же быстро уставать и испытывать необходимость восстановить свою мышечную силу, как и тот, кто рубит дрова. Я могу использовать одинаковый объём работы как для занятий спортом, так и для рубки дров. Различие не в том, что рабочую силу необходимо восстановить; рабочая сила, конечно же, должна быть заменена, а различие в том, что одна форма труда применяется только для меня самого, в эгоистическом смысле, тогда как другая применяется в социальном смысле, для общества. Эти вещи различаются по своей социальной функции. Если я сейчас скажу, что что-то — это накопленный труд, я не учту, что труд фактически перестает существовать в том моменте, когда он перестает быть задействован. Я не могу сказать: Капитал — это накопленный труд, — но я должен сказать: Труд существует только до тех пор, пока он выполняется. Эти вещи различаются своими социальными функциями. Если я теперь говорю, что что-то является сохранённой работой, то я не учитываю, что эта работа, собственно, прекращает быть внутри какой-то вещи в тот момент, когда прекращается работа. Я не могу сказать: Капитал является сохранённой работой, - а я должен сказать: Работа присутствует лишь до тех пор, пока она совершается.

Но в нашем сегодняшнем социальном порядке капитал сохраняет власть, в любой момент снова призвать рабочую силу. Ошибка заключается не в том, что имел в виду Маркс, что капитал - это сохранённая работа, а в том факте, что капитал даёт власть снова и снова ставить себе на службу не сохранённую работу, а именно новую работу. От этого зависит многое. И многое будет зависеть от того, что люди будут объяснять себе эти вещи в понятиях, извлекаемых из действительности. И из таких понятий, которые теперь прочно укоренились в действительности, исходит эта моя книга. Она не рассчитывает на понятия, которые были весьма полезны для воспитания пролетариата. Сегодня, когда цель состоит в том, чтобы что-то построить, эти понятия уже не имеют никакого смысла. Видите ли, когда я говорю: Капитал есть сохранённая работа, - тогда это хорошо для воспитания пролетариата. Тогда он испытывает чувства, которые он должен испытывать. Воспитывать можно и с полностью неверными понятиями. Но нечто строить можно только с правильными понятиями. Поэтому во всех областях экономики нам нужны правильные понятия, мы не можем продолжать работать с фальшивыми понятиями. Я говорю это не из легкомыслия, что можно обучать, используя и ошибочные понятия, а исходя из общих принципов воспитания. Когда вы рассказываете детям сказки, вы же не собираетесь из вещей, которые вы там развиваете, что-то строить. При воспитании в рассмотрение входит нечто другое, нежели при строительстве в физической действительности. Тут надо работать с действительными понятиями. Нечто вроде «Капитал является накопленным трудом» - это не понятие. Капитал - это власть, и он даёт власть в любое время ставить себе на службу вновь созданный труд. Это действительное понятие с логикой фактов. В этих областях надо работать с истинными понятиями. Это я и пытаюсь донести. Поэтому я считаю, что многое из того, что здесь не стоит в виде определений понятий, в виде характеристик понятий, должно быть выработано. И тот, кто сможет внести свой вклад в то, чтобы это было выработано, что необходимо для понимания образа мысли, фундамента этой книги, внесёт ценный вклад в эти учебные вечера.

Таким образом, особенно важно, чтобы то, - конечно, чтобы прояснить все понятия, пришлось бы написать словарь, - но то, чем является «капитал», этого можно было достичь за такой учебный вечер. Поскольку без четкого понимания того, что, собственно, такое капитал? Что такое товар? Что такое труд? Что такое право? - Без этих понятий невозможно двигаться вперед. А эти понятия совершенно не ясны в самых широких кругах; их надо правильно понимать прежде всего.

Призыв «К немецкому народу и культурному миру!»

Листовка марта 1919 года

Немецкий народ верил, что его возведённое полвека назад строение Рейха, надёжно установлено на неограниченный срок. В августе 1914 года он считал, что военная катастрофа, в начале которой он оказался, докажет непобедимость этого строения. Сегодня он может смотреть лишь на его руины. Такой опыт должен послужить поводом для размышления над собой. Поскольку этот опыт доказал, что мнение половины столетия, особенно господствующие мысли военных лет, оказались трагически действующей ошибкой. В чем причины этой роковой ошибки? Этот вопрос должен побудить души членов немецкого народа к размышлению над собой. От того, есть ли сейчас сила для такого размышления над собой, зависит способность выживаемости немецкого народа. Его будущее зависит от того, сможет ли он серьёзным образом поставить себе вопрос: Как я впал в эту ошибку? Если он сегодня задаст себе этот вопрос, ему станет понятно, что полвека назад он основал рейх, но не поставил перед этим рейхом задачу, вытекающую из содержания сущности немецкого народа. - Рейх был основан. В первые времена его существования были предприняты усилия по приведению его внутренних жизненных возможностей в порядок в соответствии с требованиями, которые из года в год проявлялись посредством старых традиций и новых потребностей. Позже перешли к укреплению и увеличению внешней силовой позиции, основанной на материальных силах. Это сочеталось с мерами, связанными с социальными требованиями, рожденными новым временем, которые, хотя и принимали в расчёт многие необходимые тогда вещи, но которым всё же не хватало великой цели, которая должна была возникнуть в результате познания сил развития, к которым должно обратиться новое человечество. Таким образом, Рейх был вставлен в мировые связи без какого-либо существенного, оправдывающего его существование целеполагания. Ход военной катастрофы печальным образом это проявил. До начала этой катастрофы мир за пределами Германии не мог увидеть в поведении Рейха ничего такого, что могло бы пробудить мнение, что правители этого Рейха выполняют какую-то всемирно-историческую миссию, которую нельзя отбросить. Неспособность этих управителей найти такую миссию с необходимостью создала в мире за пределами Германии мнение, которое для действительно проницательных людей является более глубокой причиной краха Германии.

Теперь неизмеримо многое для немецкого народа зависит от его непредвзятой оценки этой ситуации. В несчастье должно было бы проявиться понимание, которое не хотело показываться в последние пятьдесят лет. Вместо мелочных размышлений о самых насущных требованиях настоящего теперь должен был бы произойти крупный шаг в воззрении на жизнь, который стремится признать силы развития нового человечества сильными мыслями, и который посвящает им себя с мужественным волеием. Должно было бы прекратиться мелочное стремление, которое делает всех, кто направляет свой взгляд на эти силы развития, непрактичными идеалистами. Должны были бы прекратиться самонадеянность и высокомерие тех, кто мнит себя практичным, но кто всё же навлёк несчастье своим маскирующимся под практику узким умом. Необходимо было бы принять во внимание, что говорили о потребностях развития нового времени те, кого поносили как идеалистов, но кто на самом деле является истинным практиком.

Конечно, «практики» всех направлений уже давно увидели появление совершенно новых требований людей. Но они хотели удовлетворить эти требования в рамках традиционных мыслительных привычек и институтов. Экономическая жизнь нового времени выдвинула эти требования. Их удовлетворение путём частной инициативы казалось невозможным. Перевод частной работы в общественную с необходимостью выдвигал в отдельных областях один класс людей; и он был осуществлён там, где этому классу людей, согласно их воззрению на

жизнь, это казалось выгодным. Радикальный перевод всей индивидуальной работы⁵⁶ в общественную стало целью другого класса, который, благодаря развитию новой экономической жизни не был заинтересован в сохранении унаследованных частных целей.

В основе всех устремлений, которые до сих пор выступали в связи с новыми требованиями людей, лежит нечто общее. Они настаивают на обобществлении частного и при этом рассчитывают на то, что последнее возьмёт на себя общественное (государство, муниципалитет), что восходит к предпосылкам, которые не имеют ничего общего с этими новыми требованиями. Или также рассчитывают на новые общества (например, товарищества), которые возникли не полностью в смысле этих новых требований, а были созданы по образцу старых форм, исходя из унаследованных привычек мышления.

Истина состоит в том, что ни одно сообщество, сформированное в соответствии с этими старыми привычками мышления, не может принять в себя то, что мы от него хотим. Силы времени стремятся к познанию социальной структуры человечества, которая обращает внимание на совершенно другие вещи, нежели те, на которые общество обращает внимание сегодня. До сих пор социальные общества большей частью формировались, исходя из социальных инстинктов человечества. Их силы пронизать полным сознанием, - это будет задачей времени.

Социальный организм структурирован, как нечто природное. И как природный организм должен осуществлять мышление посредством головы, а не посредством лёгких, так и социальному организму необходимо членение на системы, ни одна из которых не может взять на себя задачу другой, но каждая из которых должна работать вместе с другими, сохраняя при этом свою самостоятельность.

Экономическая жизнь может процветать только в том случае, если она развивается как самостоятельный член социального организма согласно своим собственным силам и законам, и если она не вносит хаос в свою структуру, позволяя поглотить себя другому члену социального организма, действующему политически. Этот политически действующий член должен быть, наряду с экономическим, полностью самостоятельным, как в природном организме система дыхания существует наряду с головной системой. Их здоровое взаимодействие не может быть достигнуто тем, что оба члена будут обеспечиваться одним единственным законодательным и управляющим органом, а только тем, что каждый из них будет иметь своё собственное живо взаимодействующее законодательство и управление. Поскольку политическая система должна разрушить экономику, если хочет включить её в себя; а экономическая система теряет свои жизненные силы, когда хочет стать политической.

К обоим этим членам социального организма должен быть добавлен третий, - полностью самостоятельный и формирующийся, исходя из своих собственных условий жизни: это член духовного производства, включающий в себя также и духовную долю обеих других областей, которую должен передавать им этот обеспеченный собственным законным регулированием и управлением третий член, которым, однако, не могут управлять и на которое не могут влиять два других; он должен взаимодействовать с ними так, как взаимодействуют друг с другом организмы-члены целостного природного организма.

Уже сегодня всё сказанное здесь о потребностях социального организма может быть во всех деталях полностью научно обосновано и развито. Здесь могут быть даны лишь руководящие принципы для всех тех, кто хочет заняться этими потребностями.

Основание Германского Рейха выпало на время, когда эти потребности подступили к новейшему человечеству. Его правление не поняло важности постановки какой-то задачи в связи с видением этих потребностей. Это видение не только обеспечило бы Рейху необходимую внутреннюю структуру, но и придал бы его внешней политике оправданное направление. При такой политике немецкий народ мог бы жить в гармонии с другими народами.

⁵⁶ Einzelarbeit, индивидуальная работа, относится к структурам работы, в которых работа объединяется на одном рабочем месте до полного выполнения задачи. Ее следует отличать от групповой работы (прим. пер.)

Теперь из этого несчастья должно было бы вырасти понимание. Было бы необходимо развить волю к созданию жизнеспособного социального организма. Не Германия, которой больше не существует, должна была бы предстать внешнему миру, а духовная, политическая и экономическая система со своими собственными администрациями должна была бы работать над тем, чтобы снова наладить возможные отношения с теми, кто победил Германию, которая не сумела понять, что, в отличие от других национальных организаций, она первой обязана обрести свою силу, благодаря трёхчленности социального организма.

В сознании уже слышатся голоса практиков, которые рассуждают о сложности здесь сказанного, которые находят неудобным даже думать о совместном действии тройственного органа, поскольку не хотят ничего знать о действительных требованиях жизни, а вместо этого хотят формировать все в соответствии с удобными требованиями собственного мышления. Им должно стать ясно: либо они будут стараться приспособить своё мышление к требованиям действительности, либо они ничему не научатся из несчастий, и вместо этого будут безмерно умножать уже причиненные ими несчастья посредством создания новых.

Автор этого Призыва: RUDOLF STEINER

Комитет:

Профессор Доктор W. V. BLUME, Торговый Совет: E. MOLT, Доктор Инженер C. UNGER
СОЮЗ ДЛЯ ТРЁХЧЛЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ОРГАНИЗМА
Geschäftsstelle Stuttgart, Champignystraße 17